

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2(3) 2010

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (3) 2010

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief

A. V. Dybo

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yu. V. Normanskaya

Executive Editor

V. Yu. Gusev

Editorial Board

G. F. Blagova, P. P. Dambueva, A. I. Kuznecova, O. A. Mudrak, S. A. Myznikov, I. Nikolaeva (U.K.), F. Sh. Nurieva,
G. Ts. Pürbeev, M. Robbeets (Belgium / Germany), I. Ya. Selyutina, R. A. Tadinova, Z. N. Ekba

Advisory Board

V. M. Alpatov, A. E. Anikin, R. H. Ahmet'yanov, M. Bakró-Nagy (Hungary), V. Blažek (Czech Republic), N. I. Egorov,
M. Erdal (Germany), T. M. Garipov, F. H. Hisamitdinova, L. Honti (Hungary), I. V. Kormushin, I. L. Kyzlasov, J. Laakso (Austria),
K. M. Musaev, D. M. Nasilov, I. A. Nevskaya (Germany), T. Riese (Austria), K. Schönig (Germany), N. N. Shirobokova,
E. K. Skribnik (Germany), P. A. Slepcev, M. Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2010

Урало-алтайские исследования

Научный журнал

№ 2 (3) 2010

Основан в 2009 г.
Выходит два раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Ответственный секретарь
В. Ю. Гусев

Редакционная коллегия
Г. Ф. Благова, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия / Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Эмба

Редакционный совет
В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шёниг (Германия), Н. Н. Широкова, М. Эрдал (Германия)

Москва

CONTENTS

№ 2 (3) 2010

Napil Bazylkhan. Ancient Turkic written monuments in Mongolia: Problems of scientific cataloguing and museology	7
V. M. Lemskaya. Verbal systems in Chulym Turkic dialects: temporal forms	19
S. A. Maksimov. Expressing the concept for 'skull, brainpan' in the dialects of the Udmurt language.....	36
E. M. Napoľnova. Cyclic natural phenomena in the Turkish linguistic worldview.....	47
E. L. Rudnitskaya, Hwang Seo-Kyoung. Classifier and approximative constructions in Korean: grammatical properties and semantic characteristics	53
Merja Salo. Mordvin <i>t</i> -derivatives — the semantic equivalent for the impersonal	72
V. Yu. Suzukei. Special features of the musical language in Tyva instrumental art	88
N. I. Shutova. Polyangular space (<i>serego-serego</i>) in Udmurt language and culture	99

ETYMOLOGICAL NOTES

I. G. Dobrodomov. On the vocabulary of the Volga-Kama <i>Sprachbund</i>	105
O. V. Mishchenko. Towards the etymology of the Russian dialectal <i>xuyc</i>	111

DISCUSSIONS

Ante Aikio. A note on the paper "Saami loanwords in Finnish language" by Lucie Hofirková.....	128
A discussion note by the editorial board on the article by Ante Aikio «A note on the paper "Saami loanwords in Finnish language" by Lucie Hofirková»	132

REVIEWS

P. P. Dambueva. Rev. of: <i>Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов.</i> Бурятско-русский словарь [= Буряад-ород толи]. В 2 томах. 60000 слов. / Редкол.: Б. В. Базаров [и др.]. Улан-Удэ [= Улаан-Үдэ]. Т. 1: А–Н. 2006. 636 с. Т. 2: О–Я. 2008. 708 с. [<i>L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov.</i> Buryat-Russian Dictionary. In 2 volumes. 60000 entries / Red.: B. V. Bazarov [& al.]. Ulan-Ude [Ulaan-Üde], V. 1: A–N. 2006. 636 p. V. 2: O–Я. 2008. 708 p.]	134
Z. N. Ekba. Proverbs and sayings forever alive. Rev. of: <i>М. Х. Әхтәмов.</i> Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө, 2008 [<i>М. Х. Äxtämov.</i> Dictionary of Bashkir folk proverbs and sayings. Ufa, 2008. 776 p.]	139

PERSONALIA

On the anniversary of Anna Angadykovna Darbeevea (by P. P. Dambueva).....	142
Anastasia Grigorievna Mitroshkina (by A. V. Superanskaya)	147
Lubsan Dorzhievich Shagdarov's 80th anniversary (by G. Ts. Pürbeev)	149
Style sheet	152
Sample lists of references.....	154
How to subscribe	155

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (3) 2010

Напил Базылхан. Древнетюркские письменные памятники в Монголии: проблемы научной каталогизации и музеефикации	7
В. М. Лемская. Глагольные системы чулымско-тюркских диалектов: временные формы	19
С. А. Максимов. Выражение понятия 'череп, черепная коробка' в диалектах удмуртского языка.....	36
Е. М. Напольнова. Циклические природные явления в турецкой языковой картине мира.....	47
Е. Л. Рудницкая, Хван Со-Гён. Конструкции с классификатором и аппроксимативные конструкции в корейском языке: грамматические свойства и семантические характеристики.....	53
Мерья Сало. Мордовские <i>m</i> -деривативы — семантический эквивалент имперсонала	72
В. Ю. Сузукей. О специфике музыкального языка инструментального искусства тувинцев	88
Н. И. Шутова. Многоугольное пространство (<i>сэрего-сэрего</i>) в удмуртском языке и культуре	99

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

И. Г. Добродомов. Из лексики Волго-Камского языкового союза	105
О. В. Мищенко. К этимологии русского диалектного <i>хиус</i>	111

ДИСКУССИИ

Анте Айкио. Замечание к статье Луции Гофирковой «Саамские заимствования в финском языке»	128
Дискуссионная заметка редколлегии к статье Анте Айкио «Замечание к статье Луции Гофирковой «Саамские заимствования в финском языке»»	132

РЕЦЕНЗИИ

П. П. Дамбуева. Рец. на: <i>Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов.</i> Бурятско-русский словарь [= Буряад-оруд толи]. В 2 томах. 60000 слов. / Редкол.: Б. В. Базаров [и др.]. Улан-Удэ [= Улаан-Үдэ]. Т. 1: А–Н. 2006. 636 с. Т. 2: О–Я. 2008. 708 с.	134
З. Н. Экба. Вечно живущие пословицы и поговорки. Рец. на: <i>М. Х. Эхтэмов.</i> Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө, 2008. 776 б. [<i>М. Х. Ахтямов.</i> Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа, 2008. 776 с.].....	139

PERSONALIA

К юбилею Анны Ангадыковны Дарбеевой. (П. П. Дамбуева)	142
Анастасия Григорьевна Митрошкина. (А. В. Суперанская)	147
Лубсану Доржиевичу Шагдарову — 80 лет. (Г. Ц. Пюрбеев)	149
Требования к оформлению статей	152
Примеры оформления библиографии	154
Как подписаться	155

Редакторы
М. К. Амелина, С. Г. Болотов, Н. Л. Шибасова

Переводчик
Е. Ю. Лысова

Компьютерная верстка
С. Г. Болотов, В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, комн. 44

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editorial staff
Maria Amelina, Serge Bolotov, Natalia Shibasova

Translations
Ekaterina Lysova

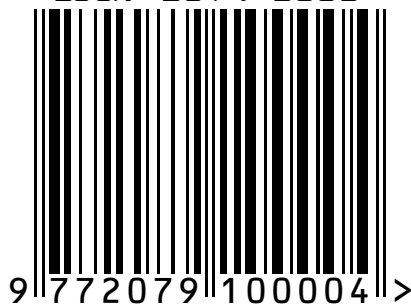
Computer typesetting
Serge Bolotov, Valentin Gusev

Editors' address
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, off. 44

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

Древнетюркские письменные памятники в Монголии: проблемы научной каталогизации и музеефикации

Проблемы научной каталогизации. Древнетюркские письменные памятники в Монголии были найдены в горах Алтая, Хангая, в Саянах, Хэнтэе, в пустыне Гоби и вдоль рек Орхон, Селенга, Тул, Онгин, Керулен, Онон, Хануй, Хунуй, Тэс, Кобдо и озер Хупсугул, Кыргыз (Хяргас), Карасу (Хар Ус), Убсу и др. местах.

В 1889 году возглавляемая Н. М. Ядринцевым [Ядринцев 1892] экспедиция Восточно-Сибирского отделения Географического общества Российской империи исследовала местности вдоль реки Орхон, где были найдены комплексы памятников Кюль-тегину, Бильге-кагану, развалины городов Каракорум, Карабалгасун (Орду-Балык). Таким образом, наряду с ранее обнаруженными енисейскими памятниками письменности, была найдена богатая коллекция древнетюркских письменных памятников в Монголии. Экспедиции, под руководством в 1890 году — А. Хейкеля, в 1891 году — выдающегося тюрколога Русской императорской академии наук В. В. Радлова, исследовали древнетюркские письменные памятники вдоль рек Орхон, Тул, Селенга. Они произвели пробные раскопки некоторых памятников, сделали эстампажи, фотоснимки.

Первые списки древнетюркских письменных памятников в Монголии были опубликованы в знаменитых атласах В. В. Радлова [Радлов ТОЭ 1: 1–10; табл. I–LXX]; [Радлов ТОЭ 2: 1–16; табл. VI, XXVII, XXXVI, LIII, LXI, LXXI–LXXXII]; [Радлов ТОЭ 3: 1–5; табл. LXXXIII–CIV]; [Радлов ТОЭ 4: 1–9; табл. CV–CXVIII] и А. О. Хейкеля [Inscriptions de l'Orkhon 1892].

В 1891 году Н. М. Ядринцев открыл Онгинский памятник, в 1897 году Е. Н. Клеменц — поминальный комплекс Тоньюкука. В исследования орхонских письменных памятников внесли огромный вклад экспедиции Финно-Угорского научного общества, организованные в 1909 году под руководством Г. И. Рамstedта и С. Пелси. Они первыми составили план-схему памятника Тарималын хошуу, также они открыли Суджинский памятник. В 1912 году В. Л. Котвич нашел поминальный комплекс Кули-Чура.

В 1956 году монгольский археолог Ц. Дорджурэн нашел Бугутский поминальный комплекс Татпаркагану и Тэрхинскую стелу. В 1962 году участник совместной Монголо-Польской экспедиции Э. Трыарский нашел три обломка Онгинского памятника.

С 1960-х годов монгольские ученые начали заниматься самостоятельными исследованиями [Лувсанбалдан 1962; Базылхан 1964; Сэр-Оджав 1968] и приступили к учету древнетюркских письменных памятников на территории современной Монголии.

Первую статью, посвященную проблеме учета памятников, опубликовал в 1968 г. монгольский археолог Х. Пэрлээ [Пэрлээ 1968]; в ней были перечислены: 15 надписей на надгробных стелах, 7 надписей на скалах, 5 надписей на отдельных вещах (в том числе, фальшивая надпись на камне — по счету Х. Пэрлээ № 24) — всего 27 памятников. В 1968 г. академик Б. Ринчэн [Rintchen 1968] в своем труде опубликовал некачественные (для использования в научных целях) прорисовки и фотографии 23 памятников (включая фальшивую надпись на камне, под названием «Turkish inscription on the stone tag on the cord the wrapping of a book in the Public Library of the M.P.R.» на стр. 43-й и неправильное название «Байбалаг» — надпись на балбале в комплексе Бильге-кагана на стр. 69).

В 1963 году монгольский тюрколог Б. Базылхан совместно с советскими учеными Е. И. Убрятовой (см. [Убрятова, Базылхан 1963]) и В. В. Волковым изучал памятники Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, Моюн-чура. А также в 1969 году он принимал участие в Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (в составе эпиграфической группы: С. Г. Кляшторный, Х. Лувсанбалдан, М. Шинэхуу), провел свой учет письменных памятников древнетюркского периода и дал свой вариант прочтения надписей 22 памятников; эти исследования до сих пор не опубликованы полностью [Базылхан 1965].

В 1976–1980 годах М. Шинэхуу [Шинэхүү 1980] провел учет памятников общим числом 36. Д. Д. Васильев в 1976 и 1983 годах перечислил 33 памятника Монголии [Васильев 1976; 1983]. О. Ф. Серткая в 1982, 1984, 1995 гг. публиковал обзор результатов археологического и филологического изучения древнетюркских памятников в Монголии [Sertkaya 1982; 1984; 1995]. В 1986 и 1990 гг. Л. Болд опубликовал список 40 памятников (включая фальшивую надпись на камне: № 18 на стр. 73–74) [Болд 1986; 1990].

В 1998 году нами был составлен общий реестр 37 древнетюркских памятников и карта с их расположением [Базылхан 1998]. В 1999 году был издан атлас-альбом «Историко-культурные памятники на территории Монголии», в который вошли 39 памятников древнетюркской письменности и карта их расположения [МНТСД 1999].

В 2003 г. Дж. Алылмаз составил подробный список более 79 памятников. В этом же году М. Жолдасбеков и К. Сарткожа перечислили 52 письменных памятника, включая постаменты без стел в поминальных комплексах [Жолдасбеков, Сарткожа 2003].

Базылхан Напил (Базылхан Нәпіл): Центральный государственный музей Республики Казахстан (Қазақстан Республикасының Мемлекеттік Орталық музейі [= ҚР МӨМ]), Алматы, napilbaz@gmail.com.

Ц. Баттулга в 2005 г. опубликовал отдельную монографию, посвященную 11 малым надписям в Монголии, а также им был составлен реестр новонайденных надписей и 47 памятников (включая неизученных — 9, исчезнувших — 6 памятников) [Баттулга 2003; 2005; 2009].

В 2006 г. О. Ф. Серткая сделал список и инвентаризацию 79 памятников [Sertkaya 2006]. В 2007 г. Дж. Алылмаш составил и опубликовал данные глобального позиционирования (GPS) мест расположения 40 письменных памятников в Монголии [Alyilmaz 2003; 2007].

В 1999–2009 гг. нами были изучены *in situ* и прочитаны 25 письменных памятников в Монголии, был подготовлен реестр 50 единиц памятников [Базылхан 2005].

Также мы с помощью программистов и компьютерных специалистов К. Искакова, Г. Сержан [Садыков, Искаков, Сержан, Базылхан 2008] и др. подготовили в 2007 г. по государственному заказу Комитета по языкам Министерства культуры и информации Республики Казахстан web-сайт «Турик битик» [Түрік бітік 2008] (<http://www.iq.kaznu.kz>), в который включили 50 единиц Орхонских памятников (в него также вошли: енисейские [106 единиц], таласские [15 единиц], алтайские [78 единиц], турфанские [38 единиц], ферганские [13 единиц] и казахстанские [5 единиц] памятники) [Базылхан 2008].

В последнее время активно продолжается работа по выявлению новых надписей, и в результате были обнаружены письменные памятники и проведено повторное обследование известных ранее памятников в Монголии [Баттулга, Төрбат, Баярхүү, Идэрхангай 2006; Баттулга 2006; Аззая 2007; Гэрэлмаа, Баттулга 2007; Баттулга 2008; Баярхүү 2009; и др.].

Таково краткое общее перечисление попыток составления полного реестра древнетюркских письменных памятников в Монголии за последние 108 лет (1892–2010 гг.). При этом необходимо отметить, что до настоящего времени не было осуществлено полной регистрации всех древнетюркских письменных памятников на территории Монголии.

В приложение к данной статье мы попытались представить полный каталог всех известных и недавно обнаруженных письменных памятников по данным на 2009 год с кратким описанием их состояния, сохранности, а также карту расположения памятников в Монголии. Мы не приводим данные по GPS, которые у нас зафиксированы и накоплены за время экспедиций в последние годы по каждому из памятников, в связи с распространившимся культурным вандализмом и тому подобными проявлениями.

Проблемы сохранности, консервации и музификации историко-культурных памятников. Эти проблемы всегда были острыми и актуальными во все периоды всемирной истории и на всех континентах. В рамках этих проблем одним из самых острых остается вопрос сохранения историко-культурных памятников в Монголии в настоящее время.

К сожалению, приходится констатировать факт: в Монголии ни один памятник на месте расположения не подвергся консервации. Только с 2001 г. по правительственному соглашению между Турцией и Монголией, подписанному Министерством образования, культуры и науки Монголии и Агентством по международному сотрудничеству Турции (ТІКА), была начата совместная работа по проекту «Сохранение, реставрация и исследование некоторых древнетюркских памятников в Монголии». Целью этого проекта является: изучение и реставрация на территории центральной Монголии культово-поминальных комплексов VIII века, посвященных древнетюркским каганам и аристократии — Бильге-кагану, Кюль-тегину, Тоньюкуку; создание музейных экспозиций в туристических целях. В 2001 г. в поминальном комплексе Бильге-кагана были произведены археологические раскопки с участием монгольских и турецких ученых (руководители Д. Баяр, Хасан Бахар), в результате которых были найдены драгоценные изделия, в том числе золотая корона. В настоящее время уже действует музей «Орхон» в Кошо-Цайдаме в 45 км. от Каракорума. К большому сожалению, консервация стел Бильге-кагана и Кюль-тегина была произведена некорректно, и в результате этого была повреждена колоритность мраморных памятников, сохранявших до этого в течение 1300 лет свой цвет и своеобразные оттенки.

В настоящее время известно свыше 2-х тысяч поминальных комплексов, расположенных на территории Монголии, около 600 единиц каменных изваяний и др. историко-культурных ценностей только древнетюркского периода, свыше 200 древних городов, поселений, крепостей, укреплений, ставок и т. д.

В целях сохранения этого культурного наследия необходимо продолжить создание музейных экспозиций в тюркских государствах. Однако первостепенной задачей, на наш взгляд, является организация музеев под открытым небом в местах наибольшей концентрации памятников.

До недавнего времени в Монголии эти памятники почти не подвергались разрушению и порче со стороны населения. Но в последние годы, в условиях формирования рыночных отношений, часть памятников уже начинает исчезать, идет процесс растаскивания элементов комплексов по разным музеям Монголии и даже за пределы этой страны.

Сама Монголия имеет ограниченные возможности для реализации сложных и долговременных мероприятий по спасению и сохранению памятников древнетюркской культуры. Так, в 2006 г. по поводу краж историко-культурных ценностей и проведения незаконных раскопок поминальных памятников было воз-

буждено не менее 66 уголовных дел в Монголии. За последнее время было утеряно свыше 5 тысяч предметов музейного значения и т. д.

Ныне Музей археологии Института археологии Академии наук Монголии в плачевном состоянии, вода протекает в фондохранилища, которые, вопреки всем музейным инструкциям, размещены в подвалах жилого строения. Во время одного из пребываний мы были свидетелями аварии, в результате которой произошел прорыв канализационных труб и вследствие этого — затопление и порча предметов исторической ценности, также мы были свидетелями незаконных археологических раскопок и последующей реализации исторических артефактов.

В плачевном состоянии находятся все краеведческие музеи Монголии, существует угроза исчезновения историко-культурного наследия кочевников под воздействием техногенных и антропогенных факторов, в результате чего возникают острые проблемы сохранения исторических связей в обществе.

В таких условиях необходимо принять срочные меры как по сохранению, так и по музейфикации ценных памятников в Монголии.

Поэтому необходимо общими усилиями создавать музеи под открытым небом, проводить мероприятия по консервации и реставрации всех известных поминальных комплексов, организовывать международные выставки, симпозиумы и конференции, фиксировать в виде точного эстампажного копирования тексты памятников, издавать полноцветные альбомы, каталоги и т. д. В общем, необходимо проведение обширных комплексных мер по сохранению культурного наследия усилиями не только Монголии, но и тюркоязычных народов и стран, в особенности Казахстана, одного из крупнейших государств Центральной Азии.

Полный каталог древнетюркских письменных памятников на территории Монголии (реестр по данным на 2009 год)

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
Стелы в поминальных комплексах						
1.	Татпар-каган («Бугутская стела»)	Согд.: 29 (брахми: ?)	Бугат, Их-Тамир сомон, Архангайский аймак	Краеведческий музей г. Цэцэрлэг	1956, Ц. Доржсүрэн	1 обломок склеен, необходима консервация!
2.	Кюль-тегин	40+15+14 (69)	Кошо-Цайдам, Архангайский аймак	8 обломков стелы в музее «Орхон», Кошо-Цайдам; 2 обломка стелы в фондах Института археологии МАН, г. Улан-Батор	1889, Н. М. Ядринцев	
3.	Бильге-каган	41+15+15+2+7 (80)	Кошо-Цайдам, Архангайский аймак	4 обломка стелы в музее «Орхон», в Кошо-Цайдаме	1889, Н. М. Ядринцев	
4.	1-я стела Ел етмиш ябгу («Онгинский»)	8+4+(1?) (13)	Мааньтын Бурд, р. Онгин, Уянга сомон, Убур-Хангайский аймак	1 большая и 2 маленькие части хранятся в краеведческом музее г. Арвайхэр Убур-Хангайского аймака.	1889, Н. М. Ядринцев	Необходима консервация!
5.	2-я стела Ел етмиш ябгу («Онгинский»)	?	—	Неизвестно	1889, Н. М. Ядринцев	
6.	1-я стела Тоньюкука	1–35 (35)	Гора Баян-Цогт, Эрдэнэ сомон, Центральный аймак (близ г. Налайх)	На месте	1897, Н. М. Клеменц	
7.	2-я стела Тоньюкука	36–62 (27)	Гора Баян-Цогт, Эрдэнэ сомон, Центральный аймак (близ г. Налайх)	На месте	1897, Н. М. Клеменц	
8.	1-я стела Ел етмиш Бильге-кагана («Моюн-чур»)	12+12+12+13? (49+?)	Могойн шинэ ус, Хайрхан сомон, Архангайский аймак, Сайхан сомон, Булганский аймак	2 обломка стелы на месте	1912, Г. И. Рамstedт	Необходима консервация!

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
9.	2-я стела Ел етмиш Бильге-кагана («Тэрхинская»)	9+6+9+6 (30)	Река Тэрхин, Тарят сомон, Архангайский аймак	3 обломка стелы в Музее археологии Института археологии МАН	1956, Ц. Доржсүрэн	Необходима консервация!
10.	«Сэврэй» (билингва)	Тюрк.: 7, Согд.: 7 (14)	Сэбрэй сомон, Южно-Гобийский аймак	На месте	1948, Палеонтологическая экспедиция (И. А. Ефремов) ?	Необходима консервация!
11.	Карабалгасун-1 (трилингва)	Тюрк.: 5+? Согд.: 12+? Китай.: 6+? (23+?)	Городище Карабалгасун, Хотонт сомон, Архангайский аймак	14 обломков, из них: 9 обломков на месте, 5 больших обломков неизвестно	1889, Н. М. Ядринцев	Необходимы реставрация и консервация!
12.	Карабалгасун-2	12	Река Джирмэнтэй, Хотонт сомон, Архангайский аймак	Музей археологии ИА МАН г. Улан-Батор	1975, СМИКЭ	Необходима консервация!
13.	Кули-чур	13+4+ 12+1 (30)	«Их-Хошот», Дэлгэр-Хан сомон, Центральный аймак	На месте	1912, Л. Котвич, А. Н. Самойлович	Необходимы реставрация и консервация!
14.	«Суджинская стела»	9+2 (11)	Суджинский перевал, гора Намнан, Хутак-Ундэр сомон, Булганский аймак	Неизвестно	1912, Г. И. Рамstedт	
15.	«Ачит нуур-1»	2	Шанаган хэв, Бух-Мурэн сомон, Убсунурский аймак	Краеведческий музей г. Улэгэй	1979, Н. Сэр-Оджав, Д. Дорж	Необходимы реставрация и консервация!
16.	«Ачит нуур-2»	1	Шанаган хэв, Бух-Мурэн сомон, Убсунурский аймак	На месте	1979, Н. Сэр-Оджав, Д. Дорж	Необходимы реставрация и консервация!
17.	«Ачит нуур-3»	1	Шанаган хэв, Бух-Мурэн сомон, Убсунурский аймак	На месте	1979, Н. Сэр-Оджав, Д. Дорж	Необходимы реставрация и консервация!
18.	«Тэсинская стела»	4+6+5+6 (21)	Хөх толгой, Цаган-Ула сомон, Хубсугульский аймак	Музей археологии ИА МАН г. Улан-Батор	1976, СМИКЭ	Необходимы реставрация и консервация!
19.	«Долоодой-1»	4	Долоогодой, Хар ус, Тургэн сомон, Убсунурский аймак	Краеведческий музей г. Улан-Гом	1955, Ц. Доржсүрэн	Необходимы реставрация и консервация!
20.	«Бөмбөгөр»	4+1 (5)	Шивээт, Тайн нуруу, Бумбугур сомон, Баян-Хонгорский аймак	На месте	2004, Монгольская экспедиция Института Археологии МАН, рук. Д. Цэвээндорж	Необходима консервация!
21.	Стела с тамгами «Шивээт улаан»	70 тамга- знак	«Шивээт улаан», Баян-Агт сомон, Булганский аймак	Монастырь Хайрхан сомона	1912, Г. И. Рамstedт	Необходимы реставрация и консервация!
22.	«Хүйс толгой-1»	11 + (?) Неизвестное письмо	«Хүйс толгой», Могод сомон, Булганский аймак	Музей археологии ИА МАН г. Улан-Батор	1975, Д. Наваан	Необходимы реставрация и консервация!
23.	«Хүйс толгой-2»	5 + (?) Неизвестное письмо	«Хүйс толгой», Могод сомон, Булганский аймак	Музей археологии ИА МАН г. Улан-Батор	1975, Д. Наваан	Необходимы реставрация и консервация!

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
24.	Стела «Бороо»	16 Китайский, надпись не прочитана	«Бороо», Мандал сомон, Дарханский (Селенгинский) аймак	Фонды Национального исторического музея Монголии, г. Улан-Батор	1976, Г. Мэнэс	Необходимы реставрация и консервация!
Надписи на частях поминального комплекса						
25.	Постамент стелы Кюль-тегина	7	Кошо-Цайдам, Архангайский аймак	Музей «Орхон» в Кошо-Цайдаме	1969, Б. Ринчен	
26.	Балбал поминального комплекса Ел етмиш ябгу («Онгинский»)	1	Неизвестно	Неизвестно	1889, Н. М. Ядринцев	
27.	Обломок кирпича поминального комплекса Тоньюкука	1+1+1+1 (4)	Неизвестно	4 обломка в фондах ИА МАН, г. Улан-Батор	1957, Н. Сэр-Оджав	
28.	Постамент-черепаша, 2-я стела Ел етмиш Бильге-кагана	1	Река Тэрхин, Тарят сомон, Архангайский аймак	Музей археологии Института археологии МАН	1956, Ц. Доржсүрэн	Необходимы реставрация и консервация!
29.	Каменный барык-1, Алтын тамган тархан	2+6 (8)	«Их-Асгат» на северо-востоке горы Тулээ ула, Могод сомон, Булганский аймак	На месте	1893, П. П. Левин, В. В. Радлов	Необходимы реставрация и консервация!
30.	Каменный барык-2, Алтын тамган тархан	4	—	На месте	—	Необходимы реставрация и консервация!
31.	Каменный барык-1, «Их хануй нуур»	2	Их хануй нуур, Эрдэни-Мандал сомон, Архангайский аймак	На месте	1891, Д. А. Клеменц	Необходимы реставрация и консервация!
32.	Каменный барык, «Олон нуурын хөндий»	3+1	«Олон нуурын хөндий», Галут сомон, Баян-Хонгорский аймак	На месте	2008, Д. Баяр	Необходимы реставрация и консервация!
33.	Каменное изваяние (бедиз), «Чойр»	6	В кургане на горе Сансар в 15 км от железнодорожной станции «Чойр», Восточно-Гобийский аймак	Фонды Национального исторического музея Монголии, г. Улан-Батор	1929, Д. Цэвээн С. Малов	Необходимы реставрация и консервация!
34.	Кирпич из поминального комплекса «Аноним-2»	2	Кошо-Цайдам, Архангайский аймак	—	2007, Монгольская экспедиция Института археологии МАН, рук. Б. Гүнчинсүрэн	Необходимы реставрация и консервация!
35.	Кирпич из поминального комплекса «Идэр» («Цэцүүх»)	1	«Цэцүүх», Идэр сомон, Дзабханский аймак	—	1999, Монгольско-японская экспедиция	
Надписи на скалах						
36.	«Тайхар чулуу»	№ 1–21 № 22–33 (33?+?) свыше 50 строк	Тайхар чулуу, Их-Тамир сомон, Архангайский аймак	На месте	1891, Д. А. Клеменц	Необходимы реставрация и консервация!

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
37.	«Бигэр»	7	Хар аараг, Бигэр сомон, Гоби-Алтайский аймак	На месте	1969, СМИКЭ	Необходимы реставрация и консервация!
38.	«Шаахар толгой»	1	Шаахар толгой, Чандмани сомон, Гоби-Алтайский аймак	На месте	2000, МТССЛ	Необходимо реставрация и консервация!
39.	Күл тархан («Арханан»)	3	Ар Ханан уул, Хишик-Ундэр сомон, Булганский аймак	На месте	1964, Э. Трыарский	Необходимы реставрация и консервация!
40.	«Гурвалжин уул»	1	Гурвалжин, Гурбан Булак сомон, Булганский аймак	На месте	1929, М. Гомбожав	Необходимы реставрация и консервация!
41.	«Хангидай хад»	1	Хангидай хад, Дашинчилэн сомон, Булганский аймак	На месте	1966, О. Намнандорж	Необходимы реставрация и консервация!
42.	«Төмөр цорго»	1	Төмөр цорго, Сагил сомон, Убсунурский аймак	На месте	1984, Д. Цэвээндорж	Необходимы реставрация и консервация!
43.	«Дарви»	5	Жүргэрийн цагаан толгой, Дарби сомон, Кобдоский аймак	На месте	1959, Х. Пэрлээ	Необходимы реставрация и консервация!
44.	«Өвөр дөрөлж»	5	Өвөр дөрөлж, Кобдо сомон, Кобдоский аймак	На месте	1928, Э. Хейниш, Б. Ринчен	Необходимы реставрация и консервация!
45.	«Бага Ойгор-1»	1	Бага ойгор, Улан-Хус сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1994, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
46.	«Бага Ойгор-2»	5	Бага ойгор, Улан-Хус сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1995 Монголо-американо-русская экспедиция	?
47.	«Зүүн оройн өвөлжөө»	1	Бага ойгор, Улан-Хус сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1995, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
48.	«Зүрх уул»	1	Ногон-Нур сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1989, Д. Баяр, Д. Эрдэнэбаатар	Необходимы реставрация и консервация!
49.	На камне «Олон нуур»	1	Хөх хөтөл, Баян-Нур сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1991, Д. Эрдэнэбаатар	Необходимы реставрация и консервация!
50.	«Өргөн булак»	1	Өргөн булак, Улан-Хус сомон, Баян-Улэгэйский аймак	Не месте	1999, Н. Базылхан	Необходимы реставрация и консервация!
51.	«Тэхтийн гол»	1	Река Тэхтин, Алтан-Цукц сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	2005, Ц. Торбат, Н. Баярхүү, Т. Идэрхангай, Х. Едилхан	Необходимы реставрация и консервация!
52.	«Хар магнай»	1	Хар магнай, Цаган-Нур сомон, Селенгинский аймак	На месте	1994, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
53.	«Шивээт хайрхан-1»	2	Шивээт хайрхан, Цэнгэл сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1996, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
54.	«Шивээт хайрхан-2»	3	Шивээт хайрхан, Цэнгэл сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1996, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
55.	«Шивээт хайрхан-3»	1	Шивээт хайрхан, Цэнгэл сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1996, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
56.	«Зүрийн овоо» («Тэс»)	1	Зүрийн овоо, Баян-Тэс сомон, Дзэбханский аймак	На месте	1915, В. Я. Владимирцов	Необходимы реставрация и консервация!
57.	«Хутаг уул»	1	Хутаг уул, Барун-Баян-Улан сомон, Убур-Хангайский аймак	На месте	1972, Геологи ГДР (Германия)	Необходимы реставрация и консервация!
58.	«Цэнхэр мандал»	2	Бургастайн бичигт цохио, Цэнхэр-Мандал сомон, Хэнтэйский аймак	На месте	1895, Д. А. Клеменц	Необходимы реставрация и консервация!
59.	«Рашаан хад»	2	Рашаан хад, Биндэр сомон, Хэнтэйский аймак	На месте	1974, Х. Пэрлээ	Необходимы реставрация и консервация!
60.	«Гурван мандал»	6	Гурван мандал, Бу-Цаган сомон, Баян-Хонгорский аймак	На месте	1987, С. Дашцэвэл, Р. Бямбаа	Необходимы реставрация и консервация!
61.	«Их бичигт-1»	2	Их бичигт, Аарагийн хад, Гоби-Угтал сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1997, Ц. Баттулга	Необходимы реставрация и консервация!
62.	«Их бичигт-2»	1	Их бичигт, Аарагийн хад, Гоби-Угтал сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1997, Ц. Баттулга	Необходимы реставрация и консервация!
63.	«Дэл уул-1»	2	Дэл уул, Ульдзит сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1987, Д. Хүүхэнбаатар, Т. Санжмятав	Необходимы реставрация и консервация!
64.	На скале «Дэл уул-2»	4	Дэл уул, Ульдзит сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1987, Д. Хүүхэнбаатар, Т. Санжмятав	Необходимы реставрация и консервация!
65.	«Дэл уул-3»	1	Дэл уул, Ульдзит сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1998, Ц. Баттулга	Необходимы реставрация и консервация!
66.	«Дэл уул-4»	4	Дэл уул, Ульдзит сомон, Средне-Гобийский аймак	На месте	1998, Ц. Баттулга	Необходимы реставрация и консервация!
67.	«Ханан бууц»	1	Ханан бууц, Бага газар, Адаацаг, Дэлгэр-Цогт сомон, Средне-Гобийский аймак		2003, Монголо-американо-русская экспедиция	Необходимы реставрация и консервация!
68.	«Ханан хад»	6	Ханан хад, Ямаан усны хавцал, Алтай сомон, Кобдоский аймак	На месте	1973, СМИКЭ	Необходимы реставрация и консервация!
69.	«Орюк хад»	3	Орюк хад, Ринчинлхумбэ сомон, Хубсугульский аймак	Неизвестно?	1986, Л. Болд	?

№	Название памятника	Строки надписи	Место обнаружения	Места расположения основного памятника и/или его частей	Дата обнаружения, кем обнаружен	Состояние памятника, рекомендации по его сохранению
Надписи на предметах						
70.	На монете	1	Сухэ-Баторский аймак	неизвестно	1968, Н. Сэр-Оджав	
71.	На бронзовой печати	1	Восточный аймак	неизвестно	1961, Н. Сэр-оджав	
72.	На камне «Тэвш»	2	Тэвш, Богдо сомон, Убур-Хангайский аймак	Институт археологии ИА МАН г. Улан-Батор	1949, Экспедиция под рук. А. Н. Окладникова	Необходимы реставрация и консервация!
73.	На камне «Өвөрхангай»	1	? Мааньтын Бүрд, Убур-Хангайский аймак	Краеведческий музей г. Арвай хээр	1978	
74.	На оленном камне «Дэлүүн сум»	1	Дэлюн сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1989, Д. Баяр, Д. Эрдэнэбаатар	
75.	На оленном камне «Эрээн харганат» («Кара-кату»)	1	Эрээн харганат, Бугат сомон, Баян-Улэгэйский аймак	На месте	1990, Д. Эрдэнбаатар	Необходимы реставрация и консервация!
76.	Стела «Долоодой-2»	4	Долооодой, Хар ус, Тургэн сомон, Убсунурский аймак	Краеведческий музей г. Улан-Гом	1956, Ц. Доржсүрэн	Необходимы реставрация и консервация!
77.	На музыкальном инструменте		Жаргалант хайрхан, Манхан сомон, Кобдоский аймак	Институт археологии МАН, г. Улан-Батор.	2008, Н. Дандар 2008, Монгольская экспедиция, рук. Ц. Төрбат	

Л и т е р а т у р а

- Аззая 2007 — *Аззая А.* Тайхар чулууны руни бичээс // *Acta Historica Mongolica*. Монгол улсын болвсролын их сургууль. Tomus VIII. Fasciculus 1–23. Улаанбаатар, 2007. Тал. 68–75 {*Azzajaa 2007 — Azzajaa A. Taihar çuluuny runi biçeeş*} // *Acta Historica Mongolica*. {*Mongol ulsyn bolvsrolyn iñ surguul'*}. Tomus VIII. Fasciculus 1–23. {*Ulaanbaatar, 2007. Tal. 68–75*}.
- Базылхан 1964 — *Базылхан Б.* Эртний түрэг бичээстэй мутрын тэмдэг // ШУА-н мэдээ. Улаанбаатар, 1964, 1. Тал. 74–75 {*Bazylhan 1964 — Bazylhan B. Èrtnii türeğ biçeeştei mutryn tēmdēg*} // ШУА-н мөдөѳ. Улаанбаатар, 1964, 1. Тал. 74–75}.
- Базылхан 1965 — *Базылхан Б.* Монгол нутаг дахь эртний түрэг бичээсүүдийн бүртгэл. Гар бичмэл. Улаанбаатар, 1969 {*Bazylhan 1965 — Bazylhan B. Mongol nutag dañ' èrtnii türeğ biçeeşüüdiin бүртгэл. Gar biçmēl. Ulaanbaatar, 1969*}.
- Базылхан 1998 — *Базылхан Н.* Орхон-түрик битик жазулары // «Парасат» журналы. Алматы, 1998, 4. Б. 12–13 {*Bazylhan 1998 — Bazylhan N. Orñon-türik bitik žazuwlary*} // «Parasat» žurnaly. Almaty, 1998, 4. B. 12–13}.
- Базылхан 2005 — *Базылхан Н.* Көне түрик битиктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Серия «Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері». 2 том. Алматы, 2005 {*Bazylhan 2005 — Bazylhan N. Kōne türik bitiktastary men eskertkişteri* (Orñon, Jenisei, Talas). Serija “Қазақстан tarihy turaly türkii derektemeleri”. 2 tom. Almaty, 2005}.
- Базылхан 2008 — *Базылхан Н.* Древнетюркские письменные памятники Казахстана // Түркология. 5–6 (37–38). Түркістан, 2008. С. 117–122 {*Bazylhan 2008 — Bazylhan N. Drevnetjurkskije pis'mennyje pamjatniki Kazahstana*} // *Türkologija*. 5–6 (37–38). Türkistan, 2008. S. 117–122}.
- Баттулга 2003 — *Баттулга Ц.* Алтай нутаг дахи руни бичгийн судалгааны товч тойм // *Acta Mongolica*. Centre for Mongol studies. National University of Mongolia. Tom. 2 (208). Улаанбаатар, 2003. X. 85–90 {*Battulga 2003 — Battulga C. Altaï nutag dañi runi biçgiin sudal-gaany товч тойм*} // *Acta Mongolica*. Centre for Mongol studies. National University of Mongolia. Tom. 2 (208). {*Ulaanbaatar, 2003. X. 85–90*}.
- Баттулга 2005 — *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Corpus Scriptorium. Tomus I. Монгол улсын их сургууль. Монгол хэл соёлын сургууль. Түрэг судлалын төв. Улаанбаатар, 2005 {*Battulga 2005 — Battulga C. Mongolyn runi biçgiin бага dursgaluud. Tērgüün devter*} Corpus Scriptorium. Tomus I. {*Mongol ulsyn iñ surguul'. Mongol hēl sojolyn surguul'. Türeğ sudlalyn töv. Ulaanbaatar, 2005*}.

- Баттулга 2006 — *Баттулга Ц.* Хангидай хадны бичээсийг дахин нягтлах нь // Acta Historica Mongolica. Монгол улсын Боловсролын их сургууль. Tomus VII. Fasciculus 1. Улаанбаатар. 2006. Тал. 10–15 {Battulga 2006 — *Battulga C.* Hangidaï hadny bičešeiig dahin njagtlah n'} // Acta Historica Mongolica. {Mongol ulsyn Bolovsrolын ih surguul'}. Tomus VII. Fasciculus 1. {Ulaanbaatar. 2006. Tal. 10–15}.
- Баттулга 2008 — *Баттулга Ц.* Бигэрийн эртний бичээсүүд // Хэл зохиол судлал. Linguistics and Literature. Institute of Language and Literature. Mongolian Academy of Science. Tom. 1 (33). Fasc. 8. Улаанбаатар. 2008. Тал. 71–82 {Battulga 2008 — *Battulga C.* Bigeriin еrtнii bičešeišüüd // Нэл зохиол судлал.} Linguistics and Literature. Institute of Language and Literature. Mongolian Academy of Science. Tom. 1 (33). Fasc. 8. {Ulaanbaatar. 2008. Tal. 71 — 82}.
- Баттулга 2009 — *Баттулга Ц.* Монголын түрэг судлалын тойм (Баян-Өлгий аймгийн жишээн дээр) // Eastern Mongolia and Northern Culture. Institute of Northern Cultures. Seoul–Ulaanbaatar, 2009. P. 110–141 {Battulga 2009 — *Battulga C.* Mongolын түрэг судлалын тойм (Bajan-Ölgiü аймгийн жишээн дээр)} // Eastern Mongolia and Northern Culture. Institute of Northern Cultures. Seoul–Ulaanbaatar, 2009. P. 110–141.
- Баттулга, Төрбат, Баярхүү, Идэрхангай 2006 — *Баттулга Ц., Төрбат Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т.* Тэхтийн голын руни бичээс // Acta Historica Mongolica. Монгол улсын Боловсролын их сургууль. Tomus VII. Fasciculus 1. Улаанбаатар. 2006. Тал. 5–9 {Battulga, Törbat, Bajarhüü, Iderhangai 2006 — *Battulga C., Törbat C., Bajarhüü N., Iderhangai T.* Tehtiin голын runi bičešeiš } // Acta Historica Mongolica. {Mongol ulsyn Bolovsrolын ih surguul'}. Tomus VII. Fasciculus 1. {Ulaanbaatar. 2006. Tal. 5–9}.
- Баярхүү 2009 — *Баярхүү Н.* Ямаан усны хавцлын Ханан хаднаас шинээр илрүүлсэн бичээсүүд // Оюуны хэлхээ. Эрдэм шинжилгээний бичиг. Боть II (04). Антоон Мостаэрт Монгол судлалын төв. Улаанбаатар. 2009. Тал. 40–49 {Bajarhüü 2009 — *Bajarhüü N.* Jamaan usny havcлын Hanan hadnaas шинээр илрүүлсэн биčešeišüüd // Оюуны хөлхөө. Ердем шинжилгээний биçig. Bot' II (04). Antoon Mostaert Mongol судлалын төв. Ulaanbaatar. 2009. Tal. 40–49}.
- Болд 1986 — *Болд Л.* БНМАУ-д эртний түрэг бичгийн дурсгалыг судалсан байдал // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. Улаанбаатар. 1986, 3. X. 65–87 {Bold 1986 — *Bold L.* BNMAU-d еrtнii түрэг биçgiin дурсгалыг судалсан байдал // Шинжлэх ухааны академиин мөдөө. Ulaanbaatar. 1986, 3. X. 65–87}.
- Болд 1990 — *Болд Л.* БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал). Улаанбаатар, 1990 {Bold 1990 — *Bold L.* BNMAU-ын nutag dah' hadny bičešeiš (Tүрэг биçgiin дурсгал). Ulaanbaatar, 1990}.
- Васильев 1976 — *Васильев Д. Д.* Памятники тюркской рунической письменности Азиатского ареала // Советская тюркология. Москва. 1976, 1. С. 71–81. (III. Памятники Монголии. С. 75–77) {Vasil'jev 1976 — *Vasil'jev D. D.* Pamjatniki tюрkскоi runičesкоi pis'mennosti Aziatsкого areala // Sovetskaja tюрkologija. Moskva. 1976, 1. S. 71–81. (III. Pamjatniki Mongolii. S. 75–77)}.
- Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). Москва, 1983. (III. Памятники Монголии. С. 32–34) {Vasil'jev 1983 — *Vasil'jev D. D.* Grafičeskii fond pamjatnikov tюрkскоi runičesкоi pis'mennosti Aziatsкого areala (opyt sistemizacii). Moskva, 1983. (III. Pamjatniki Mongolii. S. 32–34)}.
- Гэрэлмаа, Баттулга 2007 — *Гэрэлмаа Н., Баттулга Ц.* Рашаан хадны түрэг бичээсийн тухай дахин өгүүлэх нь // Acta Historica Mongolica. Монгол улсын боловсролын их сургууль. Tomus VIII. Fasciculus 1–23. Улаанбаатар. 2007. Тал. 65–67 {Gereľmaa, Battulga 2007 — *Gereľmaa N., Battulga C.* Rašaан hadny түрэг биçešeišiin туһай дахин өгүүлэх нь } // Acta Historica Mongolica. {Mongol ulsyn bolovsrolын ih surguul'}. Tomus VIII. Fasciculus 1–23. {Ulaanbaatar. 2007. Tal. 65–67}.
- Жолдасбеков, Сарткожа 2003 — *Жолдасбеков М., Сарткожа К.* Орхон ескерткіштерінің толық атласы. Астана, 2003 {Žoldasbekov, Sartkoža 2003 — *Žoldasbekov M., Sartkoža K.* Orhon eskertkišteriniñ tolyқ atlasы. Astana, 2003}.
- Лувсанбалдан 1962 — *Лувсанбалдан Х.* Өчүүхэн түрэг бичээс // ШУА-н мэдээ. Улаанбаатар. 1962, 2 {Luvsanbalдан 1962 — *Luvsanbalдан Х.* Öçüühөн түрэг биçešeiš // ШУА-н мөдөө. Ulaanbaatar. 1962, 2}.
- МНТСД 1999 — Монгол нутаг дахь түүх соёлын дурсгал. Сэдэвчилсэн лавлах. Улаанбаатар, 1999. X. 201–244 {MNTSD 1999 — Mongol nutag dah' tүүх соjолын дурсгал. Сөдөвчилсөн лавлах. Ulaanbaatar, 1999. X. 201–244}.
- Пэрлээ 1968 — *Пэрлээ Х.* Карта рунических письмен на территории МНР // Studia Museologica. Tomus I. Fasciculus 2. Улаанбаатар, 1968. X. 10–12 {Perleš 1968 — *Perleš Х.* Karta runičeskiñ pis'men na territorii MNR} // Studia Museologica. Tomus I. Fasciculus 2. {Ulaanbaatar. 1968. X. 10–12}.
- Радлов ТОЭ 1 — Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии. Изданъ по поручению Императорской Академии Наукъ В. В. Радловымъ. Санктпетербургъ, 1892 {Radlov TOE 1 — Trudy Orhonskoï ekspedicii. Atlas' drevnostei Mongolii. Izdan' po poručeniju Imperatorskoï Akademii nauk' V. V. Radlovym'. Sanktpeterburg', 1892}.
- Радлов ТОЭ 2 — Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии. Изданъ по поручению Императорской Академии Наукъ В. В. Радловымъ. Выпускъ второй. Съ двумя маршрутами Орхонской экспедиции. Санктпетербургъ, 1893 {Radlov TOE 2 — Trudy Orhonskoï ekspedicii. Atlas' drevnostei Mongolii. Izdan' po poručeniju Imperatorskoï Akademii nauk' V. V. Radlovym'. Vypusk' vtoroi. S' dvumja maršrutami Orhonskoï ekspedicii. Sanktpeterburg', 1893}.
- Радлов ТОЭ 3 — Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии. Изданъ по поручению Императорской Академии Наукъ В. В. Радловымъ. Выпускъ третий. Санктпетербургъ, 1893 {Radlov TOE 3 — Trudy Orhonskoï ekspedicii. Atlas' drevnostei Mongolii. Izdan' po poručeniju Imperatorskoï Akademii nauk' V. V. Radlovym'. Vypusk' tretii. Sanktpeterburg', 1893}.

- Радлов ТОЭ 4 — Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии. Изданъ по поручению Императорской Академии наукъ В. В. Радловымъ. Выпускъ четвертый. Санктпетербургъ, 1893 {Radlov TOЭ 4 — Trudy Orhonskoj ėkspedicii. Atlas" drevnostej Mongolii. Izdan" po poručeniju Imperatorskoj Akademii nauk" V. V. Radlovym". Vypusk" četvortyj. Sanktpeterburg", 1893}.
- Садыков, Искаков, Сержан, Базылхан 2008 — *Садыков Т. С., Искаков К. Т., Сержан Г., Базылхан Н.* Историко-культурный фонд казахского языка по письменным и этнокультурным источникам // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам [Текст]: материалы междунар. науч. конф. (Казань, 26–30 августа 2008 г.) / отв. ред. В. Д. Соловьев, В. А. Баранова. Казань, 2008. С. 245–246 {Sadykov, Isakov, Seržan, Bazylhan 2008 — *Sadykov T. S., Isakov K. T., Seržan G., Bazylhan N.* Istoriko-kul'turnyj fond kazahskogo jazyka po pis'mennym i ėtnokul'turnym istočnikam // Sovremennye informacionnye tehnologii i pis'mennoje nasledije: ot drevnih tekstov k ėlektronnym bibliotekam [Tekst]: materialy mezhdunar. nauč. konf. (Kazan', 26–30 avgusta 2008) / отв. red. Solov'jev V. D., Baranova V. A. Kazan', 2008. S. 245–246}.
- Сэр-Оджав 1968 — *Сэр-Оджав Н.* БНМАУ-д түрэг бичгийн дурсгалыг судлаж байгаа нь. Изучение древнетюркской письменности в МНР // Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. Tomus 16. Fasciculus 1. Монгол нутаг дахь хадны бичээс, гэрэлт хөшөөний зүйл. Ринчэн эмхэтгэв. Улаанбаатар. 1968. IX–XIII {Ser-Odzav 1968 — *Ser-Odzav N.* BNMAU-d түрэг бичгийн дурсгалыг судлаж байгаа н'. Izučeniye drevnetjurkskoj pis'menosti v MNR // Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. Tomus 16. Fasciculus 1. {Mongol nutag dah' hadny bičeeš, geṙelt hōšөөni zүйл. Rinčen emhētgeṽ. Ulaanbaatar. 1968. IX–XIII}.
- Түрик бітік 2008 — Түрик бітік. Жазба және этноархеологиялық деректемелер тарихи-мәдени ақпараттық көздері. Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі. Тіл комитеті. Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті {Türk bitik 2008 — Türk bitik. Žazba žāne ėtnoarheologijalyk derektemeler tarihi-mādeni aқparattyk kōzderi. Қазақстан Respublikasy Mādenijet žāne aқparat ministrliḡi. Til komiteti. Abai atyndaḡy Қазақ Ұлттық pedagogikalyk universiteti}. 2008 // <http://www.iq.kaznpu.kz>, <http://www.til.gov.kz>.
- Убрятова, Базылхан 1963 — *Убрятова Е. И., Базылхан Б.* Эртний тюрк бичээийг судалсан дүнгээс // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. Улаанбаатар. 1963, 4. X. 71–74 {Ubrjatova, Bazylhan 1963 — *Ubrjatova Je. I., Bazylhan B.* Ғртний тюрк бичеѳийг судалсан дүнгееš // Šinžleḡ uḡaany akademiin meḡeḡ. Ulaanbaatar. 1963, 4. X. 71–74}.
- Шинэхүү 1980 — *Шинэхүү М.* Гар бичмэл. ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан // *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005. X. 94–95 {Šineḡүү 1980 — *Šineḡүү М.* Gar bičmeḡ. ŠUA-iin Түүhiin хүрөөлэнгийн гар биčmeḡliin san // *Battulga C.* Mongolyn runi bičgiin бага dursгалууд. Тeḡгүүн deṽteṽ. Ulaanbaatar, 2005. X. 94–95}.
- Ядринцев 1892 — *Ядринцев Н. М.* Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по р. Толѣ, Орхону и въ Южномъ Хангаѣ // Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиции. I. Предварительный отчетъ о результатахъ снаряженной съ высочайшаго соизволения Императорской академіи наукъ экспедиціи для археологическаго изслѣдованія бассейна рѣки Орхонъ В. В. Радлова. Съ приложениями. Санктпетербургъ, 1892. С. 27–40 {Jadrincev 1892 — *Jadrincev" N. M.* Predvaritel'nyj očet" ob" izslėdovanijaḡ po r. Tolė, Orhonu i v" Južnom" ḡangajė // Sbornik" trudov" Orhonskoj ėkspedicii. I. Predvaritel'nyj očet" o rezul'tataḡ" snarjažennoj s" vysočaišago soizvoleniya Imperatorskoj akademii nauk" ėkspedicii dlja arheologičeskago izslėdovaniya basseina rėki Orhon" V. V. Radlova. S" priloženijami. Sanktpeterburg", 1892. S. 27–40}.
- Alyılmaz 2003 — *Alyılmaz C.* Moḡolistanda eski Türk kültür ve medeniyetine ait bazı eserler ve bulundukları yerler // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi Sayı 21. Erzurum, 2003. S. 181–199.
- Alyılmaz 2007 — *Alyılmaz C.* (Kök) Türk harfli yazıtların izinde. Ankara, 2007 (S. 160–164).
- Inscriptions de l'Orkhon 1892 — Inscriptions de l'Orkhon Recueillies par L'Expedition Finnoise 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, Imprimerie de la Société de Littérature Finnoise, 1892. I–XLIX. P. 1–47, Tab. 1–66.
- Rintchen 1968 — *Rintchen B.* Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. Tomus 16. Fasciculus 1. Монгол нутаг дахь хадны бичээс, гэрэлт хөшөөний зүйл. Ринчэн эмхэтгэв. Улаанбаатар, 1968 {Mongol nutag dah' hadny bičeeš, geṙelt hōšөөni zүйл. Rinčen emhētgeṽ. Ulaanbaatar. 1968}.
- Sertkaya 1982 — *Sertkaya O. F.* Köl-Tigin kitabesinin dikilmesinin 1250. yıl dönümü dolayısı ile Moḡolistan Halk Cumhuriyeti'ndeki Köktürk harfli metinler üzerinde yapılan arkeolojik ve filolojik çalışmalara toplu bir bakış // Türk Kültürü. Cilt XXI/234. Ankara, 1982. S. 747 (17)–756 (32).
- Sertkaya 1984 — *Sertkaya O. F.* Köl-Tigin'in ölümünün 1250. yıl dönümü dolayısı ile Moḡolistan Halk Cumhuriyeti'ndeki Köktürk harfli metinler üzerinde yapılan arkeolojik ve filolojik çalışmalara toplu bir bakış // Belleten. Türk Tarih Kurumu. Cilt XLVII. Sayı 185 (Ocak 1983)-den ayrıbasım. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1984. S. 67–85.
- Sertkaya 1995 — *Sertkaya O. F.* Göktürk tarihinin meseleleri. Probleme der köktürkischen Geschichte. Some problems of Köktürk history. Türk Kültürü Araştırmaları Enstitüsü Yayınları: 131. Seri IV. Sayı A.40. Ankara: Ankara üniversitesi basımevi, 1995 (S. 313–334).

Sertkaya 2006 — *Sertkaya O. F. Göktürk (runik) harfli yazitlarin envanter, alfabe ve bibliografya problemeleri üzerine // Ancient Turkic monuments. Paleography, Textology / Textual Criticism, History of Writing. 9–10 October 2006, Astana–İstanbul, 2006. S. 1–20.*

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье мы попытались представить полный список всех известных и обнаруженных к настоящему времени древнетюркских эпиграфических памятников с кратким описанием их состояния, сохранности и карты расположения памятников в Монголии. По данным на 2009 г. их насчитывается 77.

Следует осознать, какой объем усилий необходим для создания музея под открытым небом, для проведения действий по сохранению и реставрации всех известных погребальных комплексов, организации международных выставок, симпозиумов и конференций, публикации полноцветных альбомов и т. п.

Учитывая это, необходимо принять срочные меры по сохранению памятников Монголии и помещению их в музеи.

SUMMARY

In this article we have tried to present a full catalogue of all known and recently found written monuments with a brief description of their condition, preservation, and also a map of locations of monuments in Mongolia. There are 77 monuments in total, as of 2009.

It is necessary to comprehend the amount of effort needed to create an open-air museum, carry out actions on preservation and restoration of all known funeral complexes, organize international exhibitions, symposiums and conferences, publish full-color albums, catalogues, etc.

In such conditions it is necessary to take urgent measures to preserve valuable monuments in Mongolia and place them in museums.

Карта расположения древнетюркских памятников в Монголии

(см. след. стр.)

- 53. Надпись на монете
- 54. На бронзовой печати
- 55. На камне «Тэвш»
- 56. На камне «Фювхангай»
- 57. На оленном камне «Дэлүүн сум»
- 58. На оленном камне «Эрэн харганат» («Кара-кагу»)
- 59. Стела «Долоодой-2»
- 60. На музыкальном инструменте

- 1. Стела с тамгами «Шивэт улаан»
- 2. Стела Таттар казан («Бугат»)»
- 3. Стела Коолегина, надпись на постаменте стелы
- 4. Стела Бильде кагана
- 5. 1-я и 2-я стелы Ел егмиш юбу («Онгилский»), надпись на балбале
- 6. 1-я и 2-я стелы Тоньюкука, надпись на обломке кирпича с поминального комплекса
- 7. 1-я стела Ел егмиш Бильде кагана («Молон-чур»)»
- 8. 2-я стела Ел егмиш Бильде кагана («Таргат/Тэрх»), надпись на постаменте-черепици
- 9. Стела Карабалгасун-1 (трилингво)
- 10. Стела Карабалгасун-2
- 11. Стела Кули-чура
- 12. Стела «Сүүжэйи»
- 13. Стела «Сэрэзи» (билингво)
- 14. Стела «Тэв»
- 15. Стела «Долоодой-1»
- 16. Стела «Фомбогер»
- 17. Стела «Ачит нуур-1», «Ачит нуур-2», «Ачит нуур-3»
- 18. Стела «Хүйе толгой-1», «Хүйе толгой-2»
- 19. Стела «Фороо»

- 26. Надпись на скале «Гайхар чулуу»
- 27. На скале «Бигэр»
- 28. На скале «Шаахар толгой»
- 29. На скале Күл тархан («Арханал»)»
- 30. На скале «Урвалжин уул»
- 31. На скале «Хангидай хад»
- 32. На скале «Төмөр цорго»
- 33. На скале «Дарви»
- 34. На скале «Фөвөр дөрөлж»
- 35. На скале «Бага Ойгор-1», «Бага Ойгор-2»
- 36. На скале «Зүүн оройн өвөлжөө»
- 37. На скале «Зүрх уул»
- 38. На скале «Олон нуур»
- 39. На скале «Өртөн булак»
- 40. На скале «Тэжгийн гол»

- 20. Надпись на каменном барьяке-1, 2 поминального комплекса «Алтын тамган тархан»
- 21. На каменном барьяке «Их хануй нуур»
- 22. На каменном барьяке «Олон нуурын хөндий»
- 23. На каменном гзаванин (белзе) «Чойр»
- 24. На кирпиче поминального комплекса «Аноним-2»
- 25. На кирпиче поминального комплекса «Илэр» («Цэцүүх»)»

- 41. На скале «Хар магтай»
- 42. На скале «Шивэт хайрхан-1», «Шивэт хайрхан-2», «Шивэт хайрхан-3»
- 43. На скале «Зүрийн овоон» («Тэв»)»
- 44. На скале «Хутаг Уул»
- 45. На скале «Цэнхэр мандал»
- 46. На скале «Рашан хад»
- 47. На скале «Урван мандал»
- 48. На скале «Их бичигт-1», «Их бичигт-2»
- 49. На скале «Дэл уул-1», «Дэл уул-2», «Дэл уул-3», «Дэл уул-4»
- 50. На скале «Ханан буур»
- 51. На скале «Ханан хад»
- 52. На скале «Орюк хад»

Глагольные системы чулымско-тюркских диалектов: временные формы

В представленном ниже описании мы рассмотрим систему временных форм чулымско-тюркских говоров. В первой части статьи мы проанализируем уже имеющиеся публикации А. П. Дульзона, Р. М. Бирюкович, Г. Д. С. Андерсона и К. Д. Харрисона по данной теме, а также Й.-С. Ли и др. Далее мы уделим внимание анализу служебных компонентов, выражающих аспектуально-темпоральные характеристики в чулымско-тюркских говорах, на основе полевого и архивного материала. В заключительной части статьи мы обозначим направление дальнейшей работы — более подробное изучение глаголов, принимающих участие в образовании аспектуально-акциональных форм.

Чулымско-тюркский язык — язык тюрков среднего и нижнего течения р. Чулым (чулымцев), проживающих в Томской области и на пограничных территориях Красноярского края [Бирюкович 1981: 3]. Основными населенными пунктами, где в настоящее время проживают чулымцы, являются районный центр Тегульдетского района Томской области — с. Тегульдет, а также д. Пасечное Тухтетского района Красноярского края [Львова и др. 1991: 3–4; Лемская, Миндиярова 2007: 22].

Лингвистически чулымско-тюркский язык неоднороден и представляет собой совокупность двух диалектных массивов — нижнечулымского и среднечулымского [Дульзон 1973а: 16]. В свою очередь каждый диалект ранее включал в себя ряд говоров, названия которых восходили к самоидентификации населения исторических инородческих волостей. Так, говорами нижнечулымского диалекта являлись: 1) кюэрикский (по Радлову, *Küärik*) [Радлов 1868; Радлов 1893] — по названию населения Кюрюковской волости *küärik jon* (данное и последующие коренные названия даются по [Дульзон 1973а: 17]); 2) кецикский — Курчикова волость, коренное название не известно; 3) ежинский — Байгульская волость (*je:ži jon*); 4) ячинский — Ячинская волость (*jatsi jon*); 5) чибинский — Кызыльдеева волость (*tš'iby d'on*).

Во время экспедиций А. П. Дульзона носителей нижнечулымского диалекта (ежинский говор) насчитывалось около 250 человек [Дульзон 1952: 82], чибинским говором владел только один информант, а три другие являлись уже исчезнувшими [Дульзон 1973а: 21–22]. Нам известен только один носитель ежинского говора 1921 г. р.

Среднечулымский диалект подразделяется на тутальский говор в Томской области (Тутальская волость, *tutal tš'onu*) и мелетский говор в Красноярском крае (Мелетская волость, *pilet tš'onu*) [Дульзон 1973а: 17]; также см. [Львова и др. 1991].

По данным переписи 1996 г., проведенной по инициативе ассоциации «Чулымец», в Томской области проживало 742 чулымских тюрка (чулымца) [Чулымцы 2001: 196]; в Красноярском крае в 2006 г. было 157 чулымцев [по самоопределению; Лемская 2007]. Согласно Всероссийской переписи 2002 г., всего чулымцев насчитывалось 656 человек [Всероссийская перепись 2002].

Однако статистические данные вовсе не отражают реального количества носителей чулымско-тюркского языка. Согласно Г. Д. С. Андерсону и К. Д. Харрисону, всего около 30 чулымских тюрков (т. е. носителей среднечулымского диалекта) знают язык очень хорошо («fluent speakers»), и еще 20–30 человек — средне («semi-speakers») [Anderson, Harrison 2006: 47]. Наши полевые данные, в целом, подтверждают эти наблюдения. По данным самих чулымцев Красноярского края, носителей только мелетского говора насчитывается около 40 человек, из них около 10 знают язык в совершенстве [Лемская 2007].

В различных лингвистических классификациях оба диалекта чулымско-тюркского языка, как правило, относят к одной (под-)группе: например, к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнохуннской ветви тюркских языков [Баскаков 1960: 227]; к южно-сибирским тюркским языкам [Schönig 1997: 125]. С другой стороны, иногда делается уточнение, что они принадлежат разным типам тюркских диалектов: нижнечулымский является так называемым «у-языком» («*ayaq diyalekti*»), а среднечулымский — «z-языком» («*azak diyalekti*») [Tekin, Ölmez 2003: 80–81]. Отечественными учеными также отмечено, что на разных языковых уровнях оба диалекта демонстрируют весьма существенные расхождения [Дульзон 1960: 145; Дульзон 1966: 465–466; Бирюкович 1975]. При этом по ряду своих особенностей нижнечулымский диалект сближается с языком барабинских татар, а среднечулымский — с кызыльским диалектом хакасского языка [Дульзон 1966: 466].

Различия диалектов весьма четко прослеживаются и в глагольной системе языка: наблюдаются расхождения в степени грамматикализации форм, служащих для выражения видо-временной семантики глагола и восходящих к поливербальным конструкциям. Под грамматикализацией мы понимаем тенденцию развития грамматических морфем из лексических морфем или комбинаций [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 4]. Система таких форм в чулымско-тюркском языке описана и изучена недостаточно. Рассмотрим основные подходы к этой проблеме.

Первой статьей, посвященной этой тематике, явилась работа А. П. Дульзона о лично-временных формах чулымско-тюркского глагола [Дульзон 1960], в которой для обоих диалектов автор выделил: 1) формы

изъявительного наклонения (5 форм настоящего времени, 8 форм прошедшего времени, 5 форм будущего времени); 2) формы других наклонений (условного, сослагательного, желательного); 3) 2 модальные формы; а также 6 вспомогательных глаголов. В другой статье [Дульзон 1966] он указал всего 24 глагольных формы чулымско-тюркского языка [Таблица 1].

Для наглядности материал из этого и других цитируемых источников представлен в Таблицах 1, 2, 3, 4, составленных автором настоящей статьи; глоссирование примеров и выделение архиморфем интересующих форм по данным источников также выполнено автором. Некоторые примеры указаны без контекста; вслед за примерами в оригинальном написании в квадратных скобках указывается номер страницы по изданию, вынесенному в заголовок таблицы. В фигурных скобках в поле архиморфемы указаны гласные, которые могут принадлежать как самому (видо-)временному показателю, так и аффиксу лица.

Таблица 1. Утвердительные глагольные формы чулымско-тюркского языка по А. П. Дульзону [Дульзон 1960]

Накло- нение	Время	Диалект	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы
IND	PRS	н.-чул.	-ди	PRS обычное	ада.дим 'я умею стрелять' [104]	<i>ad-aadi-m</i> 'стрелять-PRS-1SG'	-AdI < *-A tur-
		ср.-чул.	-ды, -ди		барадым 'я иду' [105]	<i>bar-adi-m</i> 'уходить-PRS-1SG'	-AdI < *-A tur-
	PRS	н.-чул.	(-n) тур-	начавшееся действие; намерение осуществить действие; ср.-чул. обычное действие	тö:к-түр-үм 'начинаю выли- вать' [106]	<i>töök-tür-üm</i> 'лить-PRS-1SG'	-(Ip)tIr
		ср.-чул.			мэн эртэн туртурбум 'я рано встаю' [106]	<i>män ärtän tur-tur-bum</i> 'я рано вставать-PRS-1SG'	
	PRS	н.-чул.	-йат	PRS данного момента	мэн па:рйэдим 'я иду и иду' [107]	<i>män paar-jäd-im</i> 'я уходить-PRS-1SG'	-(Ip)jAt-
		ср.-чул.	-чат		мэн чичатъм 'я лежу' [108]	<i>män çi-ĉat-əm</i> 'я лежать-PRS-1SG'	-(Ip)ĉat-
	PRS	н.-чул.	-от'	PRS данного момента, медленное действие	мэн па:рвот'им 'я иду помалень- ку' [110]	<i>män paar-vot'im</i> 'я уходить-PRS-1SG'	-Pot'i} < *-(Ip) otur-
		ср.-чул.	-бъл, -бил, -бул, -бүл	PRS данного момента	мэн о:лурублум 'я сижу' [111]	<i>män oolur-ublu-m</i> 'я сидеть-PRS-1SG'	-(I)b(I)l{I} < *-(Ip) olur-
	PST	н.-чул.	-ты, -ти, -ды, -ди	PST опреде- ленное	мэн пардым 'я ушел' [112]	<i>män par-dī-m</i> 'я уходить-PST-1SG'	-DI
	PST	н.-чул.	-ган, -ген, -кан, -кен	PST неопре- деленное	мэн паргам 'я ушел' [112]; йөрэн 'ходил' [113]	<i>män par-ya-m</i> 'я уходить-PST-1SG'; <i>jör-eeen</i> 'ходить-PST-3SG'	-(G)A(n)
		ср.-чул.			тутка:бъс 'поймали' [Дуль- зон 1977: 154]; мэн чөрө:м 'я ходил' [114]	<i>tut-kaa-bəs</i> 'держат-PST-1PL'; <i>män çör-ee-m</i> 'я ходить-PST-1SG'	
	PST	н.-чул.	-п-ий-ган	PST совер- шенное	мэн көрнүвгэм 'я показался' [115]	<i>män körnü-v-gä-m</i> 'я показаться-CVB-PST- 1SG'	-(I)vGA(n) < *-(Ip) is-GAn
		ср.-чул.	-п-ыс-кан		ол ба:рьскан '(он) ушел' [114]	<i>ol baar-askan</i> 'он уходить-PST'	-(Ip)IskAn < *-(Ip) is-GAn
	PST	?	-диган, -дигэн	PST обычное	мэн парад'игам 'я уходил' [116]	<i>män par-adiya-m</i> 'я уходить-PST-1SG'	-(A)dIGA(n)
PST	? н.-чул.	-п йат- кан	PST данного момента	тур йаткан 'стоял' [119]	<i>tur jat-kan</i> 'стоять AUX:лежать-PST'	-(Ip)jat-GAn	

Накло- нение	Время	Диалект	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы
IND	PST	?	- <i>m'u</i> , - <i>mi</i>	PST (миратив)	<i>мэн пар'т'им</i> 'я-то ушел, ока- зывается' [119]	<i>män paar-t'i-m</i> 'я уходить-PST-1SG'	- <i>t'i</i> < *- <i>Ip tur-</i>
	PST	н.-чул.	- <i>э(к)алак</i> , - <i>э(к)елек</i> , - <i>алак</i> , - <i>э:лек</i>	PST несовер- шенного действия	<i>ай цыккалак</i> 'луна еще не взошла' [121]	<i>aj tsik-kalak</i> 'луна выходить- PST.IPFV'	-(<i>G</i>) <i>AlAK</i>
		ср.-чул.			<i>мен узалак'м</i> 'я еще не спал' [121]	<i>män uza-(a)lak-əm</i> 'я спать-PST.IPFV-1SG'	
	PST	ср.-чул.	- <i>чанг</i> , - <i>ченг</i>	особая фор- ма PST	<i>сэр барчангнар</i> 'вы уходили' [122]	<i>sär bar-čaŋ-nar</i> 'вы уходить-PST-1SG'	- <i>čAŋ</i>
	FUT	н.-чул.	- <i>ар</i> , - <i>эр</i> , - <i>и</i> ., - <i>ы</i> .	FUT неопре- деленное	<i>ол укльй</i> 'он спать будет' [124]	<i>ol ukl-ij</i> 'он спать-FUT'	- <i>X(r/j)</i>
		ср.-чул.			<i>ол чурти</i> : 'он жить будет' [124]	<i>ol čurt-ii</i> 'он жить-FUT'	
	FUT	н.-чул.	- <i>л(м/р/с/</i> <i>н/ш/н/</i> <i>й/ц)у(й)к</i>	FUT опреде- ленное	<i>суррук</i> 'спросит' [128]	<i>sur-ruk</i> 'спрашивать-FUT'	- <i>LIK</i>
		ср.-чул.	- <i>лык</i>		<i>ол барлык</i> 'он пойдет' [129]	<i>ol bar-lik</i> 'он уходить-FUT'	
	FUT	н.-чул.	- <i>гок</i> , - <i>кок</i> , - <i>ок</i> , - <i>гök</i> , - <i>кök</i> , - <i>ök</i>	FUT опреде- ленное	<i>пис паргөквус</i> 'мы пойдем' [130]	<i>pis par-γok-vus</i> 'мы уходить-FUT-1PL'	-(<i>G</i>) <i>OK</i>
		ср.-чул.	- <i>зук</i>		<i>мэн тынгни:кум</i> 'я буду слушать' [131]	<i>män tijnii-k-um</i> 'я слушать-FUT-1SG'	-(<i>X</i>) <i>k</i>
FUT	? н.-чул.	- <i>н йат-</i> <i>ар-</i>	FUT данного момента	<i>мэн пар йадарым</i> 'я (в это время) поеду' [132]	<i>män paar jad-ar-īm</i> 'я уходить AUX:лежать-FUT-1SG'	-(<i>Ip</i>) <i>jat-Ar-</i>	
FUT	ср.-чул.	- <i>н ыс-</i> <i>лык-</i>	FUT совер- шенное	<i>ол апыстык</i> 'он возьмет' [133]	<i>ol aa-p-īs-tik</i> 'он брать-CVB- AUX:посылать-FUT'	-(<i>Ip</i>) <i>īs-LIK</i>	
COND	PRS	?	- <i>са</i> , - <i>сэ</i> , - <i>за</i> , - <i>зэ</i>	COND.PRS/FUT	<i>мэн пар:зам</i> 'если я пойду' [133]	<i>män paar-za-m</i> 'я уходить-COND-1SG'	- <i>SA</i>
	PST	?	- <i>ган пол-</i> <i>за-</i>	COND.PST	<i>мэн парган бозам</i> '(если) я бы ушел (в прошлом)' [134]	<i>män par-γan bo-za-m</i> 'я уходить-PTCP AUX:быть-COND-1SG'	-(<i>GAn</i>) <i>pol-SA-</i>
SBJV	PRS, FUT, PST	?	- <i>ый/-эр</i> <i>еди-</i>	SBJV	<i>мэн парый едим</i> 'я пошел бы' [134]	<i>män par-ij e-di-m</i> 'я уходить-PTCP AUX:быть-?PST-1SG'	-(<i>Ar/-Aj</i>) <i>e-DI-</i>
OPT	PRS/ PST	? н.-чул.	- <i>гай</i> , - <i>кай</i> , - <i>гэй</i> , - <i>ай</i> , - <i>эй</i>	OPT.PRS/FUT	<i>унуткайм</i> 'забыть хочу' [135]	<i>unut-kaj-m</i> 'забывать- OPT-1SG'	-(<i>G</i>) <i>Aj</i>
Модальные формы							
	PRS/ FUT	ср.-чул.	- <i>INF ал-</i> <i>тур-</i>	намеренное действие	<i>баргалдырм'н</i> 'я пойти хочу' [136]	<i>bar-γ-al-dir-män</i> 'уходить-INF- AUX:брать-PRS-1SG'	-(<i>G</i>) <i>aldir-</i>
	PRS/ FUT; PST	н.-чул.	(- <i>n</i>) <i>ал-</i> (NEG)	невозмо- жность со- вершения действия	<i>мэн паралво:м</i> 'я не смогу уйти' [137]	<i>män par-al-vo-o-m</i> 'я уходить-AUX:брать- NEG-?FUT-1SG'	-(<i>Ip</i>) <i>al-BA-</i> (<i>L</i>) <i>Xk-</i>
		ср.-чул.			<i>ол паралбук</i> 'он не может пойти' [138]	<i>ol par-aal-b-uk</i> 'он уходить- AUX:брать-NEG-FUT'	

Вспомогательные глаголы (? диалект)					
Глагол согласно оригиналу	Лексическое значение	Значение при функции AUX	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемая архиморфема формы
<i>кел-</i>	‘приходить’	указание на приближение	<i>äkelgän</i> ‘он принес’ [138]	<i>ä-kel-gän</i> ‘братъ-AUX:приходить-PST’	<i>(-Ip)käl-</i>
<i>пар-</i>	‘уходить’	удаление от предмета/лица; развитие действия от данного момента к будущему	<i>kar e:p pargan</i> ‘снег растаял’ [139]	<i>kar eer par-yan</i> ‘снег таять AUX:уходить-PST’	<i>(-Ip)par-</i>
<i>сал-</i>	‘положить’	отенок завершения	<i>na:p salıvğan</i> ‘он ушел’ [139]	<i>paar sal-ıvyan</i> ‘уходить AUX:класть-PST’	<i>(-Ip)sal-</i>
<i>кал-</i>	‘оставаться’	законченность действия	<i>pilvin ıat kalga:vıs</i> ‘не заметили’ [139]	<i>pil-vi-n jat kal-ıaa-vıs</i> ‘знать-NEG-PTCP AUX:лежать AUX:оставаться-PST-IPL’	<i>(-Ip)kal-</i>
<i>е-</i>	‘быть’	недостаточный глагол; употребляется в качестве связки	<i>sän uklaп ıatkan эди</i> ‘ты спал’ [139]	<i>sän ukla-p jat-kan e-di</i> ‘ты спать-CVB AUX:лежать-PTCP AUX:быть-? PST’	<i>(-GAn) e-</i>
<i>пер-</i>	‘дать’	начало или продолжение действия	<i>para:верим</i> ‘схожу-ка я’ [139]	<i>par-aa-ver-im</i> ‘уходить-CVB-AUX:давать-1SG’	<i>(-A)pär-</i>
<i>пол-</i>	‘быть’	глагол-связка; намерение, обещание; желание; долженствование; давно-прошедшее действие	<i>ke:llük polgam</i> ‘я намеревался прийти’ [142]	<i>keel-lük pol-ıa-m</i> ‘приходить-PTCP AUX:быть-PST-1SG’	<i>(-PTCP/-INF)pol-</i>

По всей видимости, А. П. Дульзон не проводил четкого разграничения чулымско-тюркских глагольных форм на предмет выражения ими видо-временной или аспектуально-акциональной семантики. В представленной классификации смешиваются формы разного порядка и отсутствует указание на степень их распространения в чулымско-тюркских диалектах.

Попытка переосмысления форм чулымско-тюркского глагола была предпринята Р. М. Бирюкович [Бирюкович 1980; Бирюкович 1981]. Согласно этим работам, в чулымско-тюркском языке имеются утвердительные формы: 1) изъявительного наклонения (5 форм настоящего времени, 2 формы прошедшего времени, 2 формы будущего времени); 2) формы других наклонений (повелительного, желательного, условного, сослагательного); 3) 6 форм выражения способов глагольного действия [Таблица 2]. Номера страниц в Таблице 2 даются по [Бирюкович 1980].

Таблица 2. Утвердительные глагольные формы чулымско-тюркского языка по Р. М. Бирюкович [Бирюкович 1980]

Наклонение	Время	Диалект	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы
IND	PRS	?	<i>-ады</i>	нейтральная; действие в момент речи; повторяющееся действие	<i>olar қынады ıчäрге</i> ‘они любят пить’ [205]	<i>olar kın-adı ıç-äрге</i> ‘они любить-PRS пить-INF’	<i>-AdI- < *-A tur-</i>
	PRS	?	<i>-n тур-</i>	действие в момент речи; повторяющееся действие; интенсивность	<i>Валя нөнä е:ттер</i> ‘Валя что делает?’ [209]	<i>valä nönä eet-tır</i> ‘Валя что делать-PRS’	<i>(-Ip)Ir-</i>
	PRS	?	<i>-ыл, -ыл</i>	действие в момент речи; малая степень интенсивности	<i>парыбыл</i> ‘идет (потихоньку)’ [212]	<i>par-ıbil</i> ‘уходить-PRS’	<i>-(I)b(I)l{I} < *-I)p olur-</i>

Наклонение	Время	Диалект	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы	
IND	PRS	ср.-чул.	-чат	PRS данного момента с <i>нар-</i> 'уходить', <i>кәл-</i> 'приходить' и глаголами состояния ¹ ; миратив с другими глаголами	<i>узуп ча:ды</i> 'он спит' [215]; <i>сықтап ча:ды</i> 'плачет' [217]	<i>uzu-p čaadi</i> 'спать-CVB AUX:лежать PRS 3SG'; <i>sikta-p čaadi</i> 'плакать-CVB AUX:лежать PRS'	- <i>(Ip)čad{i}</i> - (<i>< *čat-Xr</i>)	
	PRS	ср.-чул.	-ы(ь)л + -чат	PRS продолженное	<i>тартабала чадың</i> 'ты куришь (без остановки)' [218]	<i>tart-ab-al-a čad-iŋ</i> 'курить-CVB-AUX:братъ-CVB AUX:лежать PRS-2SG'	- <i>Ip al-A čad{i}</i> - (<i>< *čat-Xr</i>)	
	FUT	н.-чул.	-ар, -әр, -ы:, -и:	постпозиция действия по отношению к моменту речи	<i>нәрәймән</i> 'дам' [222]	<i>pär-äj-män</i> 'давать-PTCP-1SG'	-Ar, -I	
		ср.-чул. (редко)	-ар, -әр, -и:, -ай				-Ar, -ii, -Aj	
	FUT			-лық	обязательность совершения действия в будущем	<i>аллықмән</i> 'я возьму' [223]	<i>al-lik-män</i> 'братъ-FUT-1SG'	-LIK
	PST			-ған	действие в прошлом; действие, развивавшееся в процессе	<i>ол ур әткән</i> 'он долго делал' [232]	<i>ol ür ät-kän</i> 'он долго делать-PST'	-(G)A(n)
	PST			-ғалақ	действие, несовершенное к моменту речи / другому действию	<i>ныжырғалақмән</i> '(я) еще не сварила' [234]	<i>pizir-yalak-män</i> 'готовить-PST.IPFV-1SG'	-(G)ALAK
IMP		?		IMP	<i>алым</i> 'возьму-ка я'; <i>ал</i> 'возьми' [236]	<i>al-im</i> 'братъ-1SG'; <i>al</i> 'братъ IMP.2SG'	-(I)m -(A)k/-IBIs (-Gil) -(I)š -SIn -SIn(LAr)	
OPT		н.-чул.	-ғай, -қай	модальность: желание; ближайшее FUT	<i>мән пағла:чым</i> 'я хочу (буду) вязать' [245]	<i>män paŋla-ač-iŋ</i> 'я вязать-OPT-1SG'	-GAj	
		ср.-чул.	-ғач, -қач				-GAč	
OPT		?	-ғалдыр	модальность: желание; футуральность	<i>мән тыңналдыр-мән</i> 'я хочу послушать' [247]	<i>män tiŋna-ldir-män</i> 'я слушать-OPT-1SG'	-(GA)ldIr	
COND	PRS	?	-са, -сә, -за, -зә	условие; время	<i>әртән турзам</i> 'когда утром встаю' [252]	<i>ärtän tur-za-m</i> 'утро вставать-COND-1SG'	-SA	
	PST	н.-чул.	-ған пол-	COND.PST	<i>нарған болзам</i> 'я бы ушел (PST)' [253]	<i>par-ŋan bol-za-m</i> 'уходить-PTCP AUX:быть-COND-1SG'	-(G)An Pol-SA-	
		ср.-чул.	-ған (лицо) пол-за-		<i>мән пағам полза</i> 'если бы я шел' [253]	<i>män pa-ŋa-am pol-za</i> 'я уходить-PST-1SG AUX:быть-COND'	-(G)An(-SG/PL) Pol-SA-	
SBJV			-ар/-лык е-ди-	предполагаемое, желаемое, (не)возможное действие	<i>ағаңа кабаитық е:диң</i> 'помог бы отцу' [258]	<i>aŋa-ŋ-a kabaš-tik e-edi-ŋ</i> 'отец-2SG-DAT помогать-PTCP AUX:быть-?PRS-2SG'	-X(r/j)/-LIK e-DI-	

Наклонение	Время	Диалект	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в оригинальном написании	Пример в латинской транскрипции с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы
Формы выражения способов глагольного действия							
	?		<i>-n par-</i> (‘уходить’)	(не)произвольное изменение признака, качества	<i>äp койеп парган</i> (‘дом сгорел’ [191])	<i>äp koj-ep par-yan</i> (‘дом гореть-CVB AUX:уходить-PST’)	<i>(-Ip)par-</i>
	?		<i>-n sal-</i> (‘класть’)	действие, завершённое в результате однократного действия	<i>чи:n салгам</i> (‘я съел’ [192])	<i>çii-p sal-ya-m</i> (‘есть-CVB AUX: класть-PST-1SG’)	<i>(-Ip)sal-</i>
	?		<i>-n ыс-</i> (‘посылать’)	ингессивное действие	<i>кыныпысхан</i> (‘он полюбил’ [195])	<i>kün-öp-iis-xan</i> (‘любить-CVB-AUX: посылать-PST’)	<i>(-IP)iis-</i>
	н.-чул.		<i>-n йат-</i> (‘лежать’)	длительное действие	<i>па:рйади</i> (‘он идет’ [199])	<i>paar-ja-di</i> (‘уходить-AUX:лежать-PRS’)	<i>(-Ip)ja(t)-</i>
	ср.-чул.		<i>-n чат-</i> (‘лежать’)		<i>узуп ча:ды</i> (‘он спит’ [199])	<i>uzi-p ča-adī</i> (‘спать-CVB AUX:лежать-PRS’)	<i>(-Ip)ča(t)-</i>
	?		<i>-n ас-</i> (‘превышать’)	интенсивность, полнота действия (процесса)	<i>тустан асхан</i> (‘он пересолил’ [197])	<i>tusta-p as-xan</i> (‘солить-CVB AUX:превышать-PST’)	<i>(-Ip) as-</i>
	н.-чул.		<i>-n от-</i> (‘сидеть’)	медленно выполняемое действие	<i>па:рвот’им</i> (‘я иду (потихоньку)’ [198])	<i>paar-v-oŋ-im</i> (‘уходить-1SG-AUX:сидеть-1SG’)	<i>-(I)Poŋ{i} < *-(I)p otur-</i>

¹ В своей работе Р. М. Бирюкович анализирует примеры *пар:дым* ‘я иду’ и *кале:дим* ‘я подхожу’ [Бирюкович 1980: 215] как состоящие из глаголов *пар-* ‘уходить’ и *кал-* ‘приходить’ и стяженной формы на *-чат* (< *çat ‘лежать’), с помощью которой образуется настоящее время. Нам представляется возможной и другая интерпретация: в указанных примерах присутствуют (видо-)временные формы на *-Adl*, а не глагол *çat-*. По этой причине мы не приводим в таблице примеры с этими глаголами.

Как и в трудах А. П. Дульзона, так и в работах Р. М. Бирюкович материал представлен весьма смешанно: по большей части отсутствует обозначение диалектных источников в примерах, не приводятся частотные характеристики той или иной формы, редко указывается языковая и ареальная дистрибуция форм. Вследствие этого весьма сложной оказывается задача адекватного разграничения видо-временных и аспектуально-акциональных форм в диалектах чулымско-тюркского языка.

Существуют и другие точки зрения на глагольную систему чулымско-тюркского языка. Они представлены прежде всего в работах по среднечулымскому диалекту Г. Д. С. Андерсона и К. Д. Харрисона [Anderson, Harrison 2003; Anderson, Harrison 2004; Anderson, Harrison 2006], а также Й.-С. Ли и др. [Li et al. 2008].

Американские ученые не дают четкой характеристики чулымско-тюркской глагольной системы, мы выделяем ее на основе глоссированных текстов в их публикациях [Таблица 3]. Й.-С. Ли и др. [Li et al. 2008] предпринимают попытку систематически описать глагольную систему идиолекта их единственного информанта [Таблица 4]; для удобства чтения в этих таблицах дан перевод глосс на русский язык. В обоих случаях исследователи приходят к определенным выводам исключительно на основе полевого материала, собранного в течение последних нескольких лет (без учета результатов работы А. П. Дульзона и Р. М. Бирюкович, выводы которых, однако, также базируются на итогах полевой работы в 1940-е–1970-е гг.).

Таблица 3. Утвердительные глагольные формы среднечулымского диалекта по Г. Д. С. Андерсону и К. Д. Харрисону [Anderson, Harrison 2003; 2004; 2006]

Наклонение	Время	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в транскрипции оригинала с глоссированием	Вычленяемый категориальный элемент в форме архиморфемы
IND	PRS	<i>-ubul, -ibil, -ubiul, -buul, -abuul, -buul, -ybyl, -ubal, -ebil</i>	PRS	<i>po moyalak tur-ubul</i> (‘этот медведь стоять-PRS’; ‘этот медведь (там) стоит’ [2003: 249])	<i>-XbXl</i>

Накло- нение	Время	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в транскрипции оригинала с глоссированием	Вычленимый кате- гориальный элемент в форме архиморфемы
IND	PRS	<i>-e(j)di, -adi, -eydi, -udu, -du</i>	PRS, «also in narrative past»	<i>kajnaar bar-eydi-η</i> ‘куда идти-PRS-2SG’; ‘куда ты идешь?’ [2003: 250]	<i>-X(j)dI</i>
	?	<i>-iptir, -tir, -tur, -tir, -ptuur</i>	«progressive, also non- progressive»; ? EVID	<i>kajdin kee-ptir sän</i> ‘откуда приходиться-PRS ты’; ‘ты откуда?’ [2003: 250]	<i>-(Ip)tIr</i>
	PRS	<i>-tʃi, -tʃadi</i>	PRS	<i>tuη-le-di-p-tʃa-p al-ya-m men</i> ‘рочотать-VSF-CAUS-CVB-AUX-CVB SBEN-PST-1SG я’; ‘затем выстрелил я’ [2003: 254]	<i>-čX(dI)</i>
	PRS	<i>-ibila tʃadi</i>	«compound» PRS	<i>a juditʃ sedlo-zun dɨne-bil-ı tʃadi</i> ‘а Юдич седло-3SG.POSS.ACC держать- PRS-CVB AUX’; ‘а Юдич крепко держится за свое седло’ [2003: 250]	<i>-IbIIA čAdI-</i>
	PRS	<i>-ip</i>	PRS.EVID	<i>qajduy ɔs-yη bil-ıp-sıη</i> ‘какой сам-2SG знать-PRS.EVID-2SG’; ‘какой сам знаешь’ [2006: 65]	<i>-(I)p</i>
	FUT	<i>-lik; -nik, -ik, -uq, -ik, -uq, -raq</i>	FUT	<i>män al-lik-im palik</i> ‘я взять-FUT-1SG’; ‘я возьму рыбу’ [2003: 249]	<i>-LXK</i>
	FUT	<i>-ir</i>	«self- benefactive / subject version»	<i>sän a:p al-ir-di-η</i> ‘ты брать-CVB брать-FUT-ASSRTV.PST-2SG’; ‘ты (уже) возьмешь’ [2003: 251]	<i>-(I)r</i>
	PRS / FUT	<i>-ar, -or</i>	PRS.FUT	<i>æmde ʃij-ar tʃoy-um</i> ‘сейчас писать-PRS/FUT NEG-1SG’; ‘сейчас не пишу’ [2006: 59]	<i>-(X)r</i>
	PST	<i>-ya, -xan, -yan, -ke, -ge, -a, -ga, -gan, -qan, -qa, -an</i>	PST	<i>...tʃan pa-ya-m</i> ‘возвращаться AUX:идти-PST-1SG’; ‘(я) вернулся домой’ [2003: 250]	<i>-(G)A(n)</i>
IMP	<i>-yıl, -qul</i>	IMP	<i>idza-m ma tarun-be-yıl</i> ‘мать-1SG я.DAT сердиться-NEG-IMP’; ‘мать, не сердись на меня’ [2006: 63]	<i>-GIł</i>	
COND	<i>-za</i>	COND	<i>mæn ærtæn jesli bar-za-m aalif-ti-ige</i> ‘я утро если.RUS уходить-COND-1SG лось-VSF-INF’; ‘утром я ходил на лося’ [2006: 58]	<i>-SA</i>	
Другие формы					
	<i>-ej</i>	ASP	<i>tajya-da sree tsør-ej-m</i> ‘тайга-LOC всегда ходить-ASP-1SG’; ‘я всегда бродил в тайге’ [2006: 58]	<i>-Aj</i>	
	<i>-yps, -ys, -ups</i>	PFV	<i>mæn multıy-ıw a-p tʃerd-yps-ke-m köl-ge</i> ‘я ружье-3SG.POSS.ACC брать-CVB идти-PFV-PST-1SG озеро-DAT’; ‘я взял ружье и пошел к озеру’ [2003: 254]	<i>-(I)p(I)s</i>	
	<i>-t</i>	HAB	<i>ʃija-t-ıw nɔ-nu æt-ke-m</i> ‘писать-HAB-1SG что-ACC делать-PST-1SG’; ‘(я) писал, что делал’ [2006: 58]	<i>-t</i>	

В своей интерпретации данных ученые выделяют также ряд вспомогательных глаголов, но не указывают их особенностей, например: *ʃi-j bol-ya-m* ‘писать-CVB AUX-PST-1SG’; ‘(я) писал’ [Anderson, Harrison 2006: 58].

Таблица 4. Утвердительные глагольные формы среднечулымского диалекта по И.-С. Ли и др. [Li et al. 2008]

Наклонение	Время	Форма согласно оригиналу	Семантика формы	Пример в транскрипции оригинала с глоссированием
IND	PRS I	-AdI	PRS.HAB	<i>män par-ēdim tögäldät-ke</i> 'я уходить-PRS-1SG Тегульдет-DAT'; 'я еду в Тегульдет' [72]
	PRS II	-(I)ptIr	PRS прогрессив («progressive»)	<i>pis či-ptir-bis itpäk</i> 'мы есть-PRS-IPL хлеб'; 'мы едим хлеб' [74]
	*PRS	-(I)psInnAr	PRS.EVID для 2PL	<i>silär pil-ip-siñär qayda moɣalaq</i> 'вы знать-PRS-2PL где медведь'; 'вы знаете, где сейчас медведь?' [74–75]
	PRS III	-(I)bil	PRS прогрессив («progressive»)	<i>qaydïy çurta-bil-zin</i> 'как жить-PRS-2SG'; 'как живете?' [76]
	PST I	-GAn	PST простое и перфект («simple past and perfect»)	<i>pis käl-gē-bis çilyi-bila</i> 'мы приходить-PST-IPL лошадь-INSTR'; 'мы приехали на лошади' [78]
	PST II	-GAlAK	несовершенное действие	<i>paza käl-gelek</i> 'еще приходить-PST'; 'он еще не пришел' [78]
	PST III	-(I)ptIryan	PST прогрессив («progressive»)	<i>käje suɣ çēptüryan (< çap-iptir-yan)</i> 'вчера вода дождить-PRS-PST'; 'вчера шел дождь' [78]
	FUT I	-IK	FUT	<i>qaçan ol käl-lik</i> 'когда он приходить-FUT'; 'когда он придет?' [79]
	FUT II	-GAç	действие в ближайшем будущем	<i>män uzāçim (< uzu-yaç-im)</i> 'я спать-FUT-1SG'; 'я буду/собираюсь спать' [80]
OPT / IMP		1SG -∅ 1PL -(A)K(tAr) 2SG -∅ 2PL -(I)š(tAr) -Gil 3SG -Sin 3PL -SInnAr	OPT/IMP	<i>par-ax-tar pirgä mēñ-le</i> 'уходить-OPT.IPL-PL вместе я-COM'; 'поедем-те со мной!' [81]
Другие формы				
		лексема <i>käräk</i> 'надо' / <i>nāda</i> 'надо.RUS'	долженствование («necessitative»)	<i>mā par-ayya käräk</i> 'я.DAT уходить-INF надо'; 'мне надо уходить' [82]
		лексема <i>paydïy</i> 'возможно'	предположение («guess»)	<i>paydïy suɣ çay-yaç</i> 'возможно вода дождить-FUT'; 'возможно, пойдет дождь' [83]

Весьма неубедительным представляется включение в глагольную парадигму не полностью грамматизированных форм (например, с лексемами *käräk* 'надо', *nāda* 'надо.RUS') и форм с неясной этимологией (слово *paydïy* 'возможно', по нашему мнению, может быть связано с русским *поди*, однако необходимо дальнейшее изучение этого вопроса).

В свете вышесказанного необходимо отметить, что первоочередной и весьма трудной задачей для исследователей чулымско-тюркского языка является адекватное «вычленение» и разграничение видо-временных и аспектуально-акциональных форм чулымско-тюркского глагола для обоих диалектов. Кроме того, необходимо установление всех глаголов, выступающих в поливербальных конструкциях, а также степеней грамматикализации (стяжения) таких конструкций. В этой статье сделана попытка представить анализ временных форм глагола в чулымско-тюркском языке.

Последующий анализ будет основываться на собранном корпусе данных чулымско-тюркских диалектов, включающем: 1) тексты, записанные и/или опубликованные другими исследователями (общим объемом в 5416 слов); 2) тексты, записанные автором в период лингвистических экспедиций к носителям нижнечулымского и среднечулымского диалектов в период с 2007 – 2010 гг. (объемом в 2349 слов); 3) предложения, переведенные с русского языка, записанные и опубликованные А. П. Дульзоном (объемом в 2477 слов) [Дульзон 1973б; Дульзон 1977]; 4) предложения, переведенные с русского языка во время

экспедиций автора (объемом в 3407 слов); 5) записанные автором списки слов, переведенных с русского языка, с примерами их употребления (объемом в 3646 слов).

В рамках временной системы маркером **прошедшего** времени в обоих диалектах является аффикс $-(G)A(n)$: он употребляется как в простых, так и в аналитических (сложных, составных) конструкциях; наши полевые данные это подтверждают.

- (1) *Ol al-yan interwü.*
он брать-PST интервью
'Он взял интервью' [Лемская 2007–2008: 31].
- (2) *Men par-sal-ya-m üy-e jayur as-par-yan.*
я уходить-AUX:класть-PST-1SG дом-DAT дождь ?проходить-AUX:уходить-PST
'Я пошел домой (, потому что) пошел дождь' [Лемская 2007–2008: 32].
- (3) *A čoš'xo-zu-na ajt-kan...*
a.RUS свинья-3SG.POSS-DAT говорить-PST
'А свинье сказал... ' [Лемская 2007].
- (4) *Tasxar-in-da ir po-pi-yün.*
улица-3SG.POSS-LOC вечер быть-AUX:уходить-PST
'На улице настал вечер' [Лемская 2007].

Формы прошедшего времени на $-DI$, выделенные А. П. Дульзоном для нижнечулымского диалекта, прослеживаются в единичных примерах и являются заимствованиями из татарских диалектов [Дульзон 1960: 112; Бирюкович 1981: 62].

Мы считаем, что для тутальского говора среднечулымского диалекта необходимо выделение еще одной формы прошедшего времени — так называемого «прошедшего недостоверного» на $-(Ip)tlr$ (ср. аналогичную форму в хакасском, алтайском и др. тюркских языках южной Сибири, именуемую также миративом); в мелетском говоре аффикс $-(Ip)tlr$ передает семантику только настоящего времени.

- (5) *Kara kan ak kan per tura-da čurta-ptür-lar.*
черный хан белый хан один город-LOC жить-PST.EVID-PL
'Черный хан, белый хан в одном городе жили' [Бирюкович 1984: 77].

Такие формы встречаются в повествовательных текстах (сказках, легендах) [Бирюкович 1984: 77–86; Абдрахманов 1970: 60–69]. В нашей выборке мы насчитываем 200 таких примеров, в основном в текстах, собранных другими исследователями [Абдрахманов 1970; Бирюкович 1980 Приложение: 53–62; Бирюкович 1984: 77–86]. В подавляющем большинстве случаев их перевод на русский язык сделан в поле настоящего времени, что, однако, противоречит семантике текстов. К формам прошедшего недостоверного времени мы также отнесли примеры из архивных текстов, повествующих о прошлой жизни информантов или традициях их общества [Бони 1973: 268–270], необходимо, однако, уточнение семантики глаголов на $-(Ip)tlr$ в этих текстах. В нижнечулымском диалекте форм на $-(Ip)tlr$ с грамматикализованным значением недостоверности нами замечено не было.

Формы **будущего** времени в среднечулымском диалекте довольно регулярны: в подавляющем большинстве случаев в обоих говорах этого диалекта употребляется форма на $-LXK$.

- (6) *Män tögöldet-ke par-lik-üm.*
я Тегульдэт-DAT уходить-FUT-1SG
'Я поеду в Тегульдэт' [Лемская 2007].

В архивных материалах отмечено также использование причастия на $-X(r/j)$ в тутальском говоре для обозначения будущего времени.

- (7) *Tuduñ-ni bar-aj-män (< pär- 'давать').*
одежда-ACC давать-PTCP-1SG
'Одежду отдам' [Абдрахманов 1970: 61].

В собранных нами материалах по нижнечулымскому диалекту зафиксировано всего 6 примеров с семантикой будущего времени.

- (8) *Pis' taymalə kör-üs-köy-us.*
мы ?завтра смотреть-COM-FUT-1PL
'Мы завтра повидаемся' [Лемская 2007–2008: 20].
- (9) *Men sayün-tür-üm köpär-yox.*
я думать-PRS-1SG ?опухать-?FUT
'Я думаю, может опухнуть' [Лемская 2007–2008: 27].
- (10) *Sen (< señ 'ты.GEN') ajay-ün köpär-yox.*
ты.GEN нога-2SG.POSS ?опухать-?FUT
'Твоя нога опухнет' [Лемская 2007–2008: 27].
- (11) *Sen ivan kajni par-yaaj-zin püün?*
ты Иван ?куда уходить-FUT.OPT-2SG сегодня
'Ты, Иван, куда сегодня пойдешь?' [Лемская 2007–2008: 19].

(12) *Män bar-ya-m* (< *bar-ya-j-m) *pizen tsaw-arya.*
я уходить-FUT.OPT-1SG сено ?косить-INF
'Я пойду косить сено' [Лемская 2007–2008: 19].

(13) *Jaxši kün pol-gaj.*
хороший день быть-FUT.OPT
'Будет хороший день' [Лемская 2007–2008: 20].

Формы на *-GAj* интерпретировались учеными как показатели опатива [см. Таблицу 1 и Таблицу 2], а формы на *-goq* (видимо, *-yox* в наших примерах) — как алломорфы аффикса *-LXK* [Бирюкович 1980: 244] (ср. критику в этой работе позиции А. П. Дульзона [Дульзон 1960: 129 versus 130 – 131], дифференцировавшего эти аффиксы). Также существует точка зрения, что формы на *-GAč* в среднечулымском диалекте (аналогичные по фонетическим чередованиям формам на *-GAj* в нижнечулымском) обозначают действие, которое совершится в ближайшем будущем [Li et al. 2008: 80]. Нам представляется (ср. [Дульзон 1960: 135] и [Бирюкович 1980: 245] об ослаблении опативного значения и развитии значения ближайшего будущего), что значение формы на *-GAj/-GAč* объединяет в себе обе этих семы: опатива и ближайшего будущего. К настоящему времени проверить существование и функционирование формы будущего времени на *-X(r/j)* в нижнечулымском диалекте нам не удалось.

Формы **настоящего** времени в обоих диалектах чулымско-тюркского языка представляют весьма серьезные трудности для интерпретации. Нами замечено, что в нижнечулымском диалекте для отнесения сообщаемой ситуации к настоящему времени используются формы на *-Adl* (< **-A tur-* 'стоять'), *-(Ip)jA(T)* (< **-(Ip) jat-* 'лежать') и *-(Ip)tlr* (< **-(Ip) tur-* 'стоять'), а также в единичных случаях для этой цели употребляется аорист на *-(X)r*. В среднечулымском диалекте показателями презенса являются элементы *-Adl*, *-(I)B(I)l(X)* (< **-(Ip) olur-* 'сидеть') и *-(Ip)tlr*. Необходимо уточнение семантических и функциональных различий между этими формантами.

По А. П. Дульзону, форма на *-Adl* (которая встречается в ряде кыпчакских языков и, по-видимому, восходит к конструкции на **-A tur-ur* 'CVB стоять-PTCP' [Schönig 2007: 184; Johanson 1991: 108]) выражает в нижнечулымском диалекте значение настоящего обычного времени [см. Таблицу 1], форма на *-(Ip)jA(T)* указывает на презенс данного момента, а форма на *-(Ip)tlr*, напротив, несет в себе определенное модальное значение.

В нашем корпусе нижнечулымских данных мы установили 15 примеров со значением настоящего времени на *-(Ip)tlr*, 70 примеров — на *-Adl*, 39 примеров — на *-(Ip)jääd*i и 48 примеров — на *-(Ip)jä*. Последние две формы, очевидно, восходят к глаголу *jat-*, но имеют различное парадигматическое выражение. Кроме того, неясно, являются ли они показателями нейтрального презенса, либо все еще несут на себе акциональные семы.

Формы на *-(Ip)jääd*i представлены в анализируемом материале во всех лицах и числах (кроме 2PL).

(14) *ÿri-pjädi-m* (всего 2 примера в форме 1SG).
болеть-?PRS-1SG
'Болею' [Лемская 2007–2008: 27].

(15) *Kanileze jurta-pjädi-ŋ* (всего 3 примера в форме 2SG).
?как жить-?PRS-2SG
'Как поживаешь?' [Лемская 2007–2008: 27].

(16) *Seen oyl-ini emzek soos-jädi wə?* (всего 20 примеров в форме 3SG).
ты.GEN ребенок-2SG.POSS сосок ?сосать-?PRS Q
'Твой ребенок сосет грудь?' [Лемская 2007–2008: 27].

(17) *Jokala kiži uuten-jä:d'u-wuc ö:z-ÿvÿc-kä* (всего 2 примера в форме 1PL).
Jokala kiži iſten-jääd'i-wis ööz-ÿwÿs-kä.
все человек работать-?PRS-1PL сам-1PL-DAT
'Мы все работаем на себя' [Дульзон 1973б: 204].

(18) *Pal'yk-my tut-jä:d'u-lär aÿry-da* (всего 12 примеров в форме 3PL).
Paalik-ti tut-jääd'i-lär ajri-da.
рыба-ACC ловить-?PRS-PL река-DAT
'Рыбу ловят в реке' [Дульзон 1973б: 193].

В нашем корпусе формы на *-(Ip)jä* распределены следующим образом.

(19) *Jurti-pjä-m jaxši* (всего 4 примера в форме 1SG).
жить-?PRS-1SG хорошо
'Живу хорошо' [Лемская 2007–2008: 29].

(20) *Sen ajt-ÿpjä-n aan'-ə emes.*
ты говорить-?PRS-2SG это-ACC NEG
'Ты говоришь не так' [Лемская 2007–2008: 29].

(21) *Gazeta sani-pjä* (всего 37 примеров в форме 3SG, 25 из которых из наших полевых записей).
газета читать-?PRS
'Газеты читает' [Лемская 2007–2008: 29].

- (22) *Joka:лары* *укла-ñjä-lär* (всего 6 примеров в форме 3PL).
Jokaalari *ukla-pjä-lär*.
 ?все.PL спать-?PRS-PL
 'Все спят' [Дульзон 1977: 173].

Форм 1PL и 2PL на *-(Ip)jä* не зафиксировано.

Как видно из примеров, формы на *-(Ip)jä* особого отличия от форм на *-(Ip)jäädi* не обнаруживают; это позволяет предположить, что обе формы восходят к одной конструкции и представляют собой разные степени ее стяжения. Примеры указывают на наличие семы длительности процесса в конструкциях с этими формами, что является признаком акциональности. Кроме того, имеется достаточное количество примеров, где вспомогательный глагол *jat-* стоит в форме прошедшего времени, например:

- (23) *kaadzen* *män* *jör-jat-ka-m* *tajya-da*
 когда я ходить-AUX:лежать-PST-1SG тайга-DAT
 'когда я ходил в тайге' [Дульзон 1977: 159].

Следовательно, *-(Ip)jä* и *-(Ip)jäädi*, скорее всего, являются вариантами грамматикализованной конструкции со вспомогательным глаголом *jat-*, с аффиксом аориста на *-(X)r*, согласный которого был в нижнечулымском диалекте утрачен, и гласным корня глагола *jat-*, который в форме *-(Ip)jäädi* приобрел вторичное удлинение.

Что касается формы на *-(Ip)tlr*, говорить о ее полной грамматикализации и вхождении в видо-временную систему нижнечулымского диалекта сложно ввиду недостаточного количества данных. Имеющиеся примеры весьма разнородны по своему семантическому наполнению, однако отдельные случаи обнаруживают некоторую степень модальности.

- (24) *Men saa* *aj-tir-im* *ayir-wil*.
 я ты.DAT говорить-?PRS-1SG болеть-2SG.IMP.NEG
 'Я тебе говорю, не болей' [Лемская 2007–2008: 20].

Кроме того, в нижнечулымском диалекте нами зафиксировано два примера с формой на *-Ar*, которые обладают семантикой настоящего времени.

- (25) *Pil-er-im* *familija-ji* *pol-yon*.
 знать-PRS-1SG фамилия.RUS быть-PST.3SG
 'Знаю, фамилия была' [Лемская 2010: 48].

Специфику и распространение этой формы еще предстоит установить.

Рассмотрим формы презенса в среднечулымском диалекте. В нашем корпусе данных по среднечулымскому диалекту насчитывается 61 форма на *-AdI*, 261 форма на *-(I)B(I)l(X)* и 398 форм на *-(Ip)tlr*; из последних 198 форм мы относим к настоящему времени, а 200 — к прошедшему недостоверному. Здесь необходимо отметить, что в архивных текстах прослеживается 65 случаев употребления слова *didə* (*dide*, *dide* < **tä-* 'говорить'), которое некоторые исследователи считают иллюстрацией архаизма в чулымско-тюркском языке, а именно выражением прошедшего времени на *-DI* [Anderson, Harrison 2006: 55].

- (26) *Moɣalak* *paar* *käl'* *dide*
 медведь уходить.2SG.IMP AUX:приходить.2SG.IMP ?сказал
 'Медведь сказал: «Сходи»' [Бирюкович 1971: 627].

Мы считаем, что эту форму глагола *tä-* можно в равной степени интерпретировать как обладающую показателем настоящего времени на *-AdI*. Наше предположение подтверждается эмпирически: носитель мелетского говора среднечулымского диалекта подчеркнул, что слово *tiidi* 'говорит' переводится именно формой настоящего времени, а значит, имеет структуру *tä-AdI* [Лемская 2010: 38]. С другой стороны, нельзя исключать возможность проникновения этого слова в среднечулымский диалект с семантикой прошедшего времени в результате ареальных контактов.

Р. М. Бирюкович считает, что *-AdI* передает значение действия, совершающегося в момент речи или регулярно повторяющегося [Таблица 2]. Полевые материалы автора настоящей статьи показывают неполное соответствие объяснения этой формы Р. М. Бирюкович реальному смыслу содержащих ее предложений. Приведем несколько примеров.

- (27) *Pis* *kör-pa-ya-w's* *pis'-ke* *kämä-näñ* *kizi* *öz-üp* *käl-eedi*.
 мы видеть-AUX:уходить-PST-1PL мы-DAT обласок-INSTR человек грести-CVB приходить-PRS
 'Мы увидели, что к нам на обласке плывет человек' [Лемская 2007].

- (28) *Ol* *äträ* *köp* *us-š'a-adi*.
 он очень много спать-AUX:лежать-PRS
 'Он уже долго спит' [Лемская 2007].

В мелетском говоре этот аффикс действительно передает значение регулярности, причем промежутки между повторяющимися действиями могут быть весьма длительными и не ограниченными определенными временными рамками:

- (29) *ajli-idi*
кричать-PRS
'иногда (он) кричит' [Лемская 2010: 15].

Кроме того, элемент *-AdI* передает значение возможности совершения действия, а также неуверенности:

- (30) *už-odu*
летать-PRS
'может летать' [Лемская 2010: 20];

- (31) *kün-odu-m*
любить-PRS-1SG
'люблю (неуверенно)' [Лемская 2010: 27].

Элемент *-(Ip)tlr*, по Р. М. Бирюкович, также имеет значение действия в момент речи, но несет в себе акциональную сему степени интенсивности [Бирюкович 1980: 183–200]. В полевых материалах по мелетскому говору этот аффикс употребляется в предложениях с семантикой настоящего времени для нейтрального описания действий, происходящих в момент речи, а также описания быстрых действий:

- (32) *už-uptur*
лететь-PRS.3SG
'быстро летит' [Лемская 2010: 3].

Спектр употребления форм настоящего времени на *-(Ip)tlr* в среднечулымском диалекте довольно широк:

- (33) *čün-tur*
мыть-PRS
'моет';
- (34) *čüre-ım ar-tür*
сердце-1SG болеть-PRS
'мое сердце болит';
- (35) *su şa-ptür*
вода дождить-PRS
'дождь идет' [Лемская 2007].

Следует отметить, что описываемый элемент может присоединяться к глаголу как в полной (*-Iptlr*), так и в усеченной форме (*-tlr*). При этом в большинстве случаев различий в семантике этих двух форм не наблюдается, но при употреблении с глаголами движения полная и усеченная форма обнаруживают акциональные различия:

- (36) *par-tür*
уходить-PRS.3SG
'продолжает идти (нормально)' [Лемская 2010: 39];
- (37) *par-iptür*
уходить-PRS.3SG
'продолжает идти (неуверенно, медленно)' [Лемская 2010: 39].

Сосуществование в мелетском говоре аффиксов, восходящих к одной конструкции, но имеющих разные степени стяжения и позиционные отличия в семантике, говорит, скорее, о двух отдельных формах, развивавшихся параллельно. В результате процессов грамматикализации различия между этими элементами постепенно стерлись, в результате чего сами аффиксы стали взаимозаменяемыми.

По мнению Р. М. Бирюкович, форма настоящего времени среднечулымского диалекта на *-(I)B(I)l(X)* (< **-Ip olur* - 'сидеть') обладает меньшей степенью интенсивности, чем предыдущая [Бирюкович 1980: 183–200]. Действительно, значение этой формы включает в себя сему медлительности, недостаточности:

- (38) *kuşay-ı kün-dä už-üwli*
птица-POSS.3SG небо-LOC лететь-PRS.3SG
'птица в небе парит (медленно)' [Лемская 2010: 20];

- (39) *a-awli*
брат-PRS.3SG
'мало / медленно берет' [Лемская 2010: 17].

Среднечулымские формы глагола на *-(I)B(I)l(X)* ограничений в плане лексической сочетаемости не обнаруживают.

- (40) *Kör-üwli-m, ol kör-üwli.*
видеть-PRS-1SG он видеть-PRS
'Я вижу, он видит'.
- (41) *Ot-u şar-üwli.*
огонь-POSS.3SG сиять-PRS
'Свет светит'.

- (42) *Iyi taуа uluу olur-uwlu.*
 два лягушка большой сидеть-PRS
 'Сидят две большие лягушки' [Лемская 2007].

Такие формы встречаются также в повествовательных текстах (наряду с формами прошедшего недостоверного на *-(p)tlr*), однако, по-видимому, сохраняют свою семантику настоящего времени:

- (43) *Kam kamna-ptir, ämdä kam-niң çuуun ät tur-ubul.*
 шаман камлать-PST.EVID, теперь шаман-GEN чугу́н мясо стоять-PRS
 'Шаман шаманит, рядом с шаманом чугу́н мяса стоит' [Бирюкович 1971: 625].

Указанные характеристики форм настоящего времени нуждаются в дополнительной проверке. Так, не совсем ясно употребление обеих форм настоящего времени в рамках одного предложения.

- (44) *Ol olur-uwlu eet-tir tramniig-än.*
 он сидеть-PRS делать-PRS полоз-3SG.POSS.ACC
 'Он сидит, делая полоз' [Лемская 2007].

- (45) *Män şör-üwli-m irla-ptir-im.*
 я идти-PRS-1SG петть-PRS-1SG
 'Я иду и пою' [Лемская 2007].

На данный момент сложно установить наиболее нейтральную форму настоящего времени среднечувлымского диалекта. Уточнение специфики форм настоящего времени планируется провести в ходе ближайшей полевой работы с носителями среднечувлымского диалекта (прежде всего с носителями тутальского говора).

Итак, как и в соседних тюркских языках, временная система чувлымско-тюркских диалектов базируется на так называемых грамматикализованных поливербальных конструкциях с глаголами *tur-*, *jat-*, *olur-*. Кроме того, общей тенденцией является процесс, при котором упомянутые глаголы теряют основное лексическое значение, приобретая значение грамматическое. Такая «потеря» лексического значения (делексикализация) происходит по «типологически универсальному сценарию» [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994], подразумевающему возрастающую абстрактность и без того общего значения движения/положения/состояния и приобретение определенной семантической зависимости, включенности в качестве грамматического значения в семантику сложного глагольного предиката на базе лексического значения другого (основного) глагола (грамматикализация). Семантическая специфика такого нового зависимого грамматического компонента может быть часто трудно вычленима из общей семантики пропозиции, но в большинстве рассмотренных примеров ее можно отнести к аспектуально-акциональным или модальным значениям.

Среди примеров использования глаголов для образования сложных глагольных предикатов и аналитических глагольных конструкций в чувлымско-тюркском языке следует, в частности, упомянуть аспектуально-акциональные формы. Семантические и функциональные особенности некоторых из них были рассмотрены в диссертации Р. М. Бирюкович [Бирюкович 1980] и отчасти в статье В. М. Лемской [Лемская 2008]. Эти глагольные формы в нижнечувлымском диалекте заслуживают более детального анализа в рамках отдельной публикации, поэтому в настоящей работе мы ограничимся их тезисным обзором, отмечая их общую тенденцию к функционированию в качестве служебного (грамматического) компонента сложного глагольного предиката.

Al- 'брат' (8 употреблений):

- (46) *je:-v-a:-n ukla-n-par-n*
je-ev-a-ap ukla-p-par-n
 есть-CVB-AUX:брать-CVB спать-CVB-AUX:идти-PST
 'поев, уснул' [Дульзон 1977: 160].

Kal- 'оставаться' (5 употреблений):

- (47) *Pis'-tin әl-da jat-kal-yan-nar jәу-dә bol-yan*
 мы-GEN деревня-LOC находится-AUX:оставаться-PTCP-PL война-LOC быть-PTCP
kiži-ler peş kiži
 человек-PL пять человек
 'В нашей деревне осталось из бывших на войне пять человек' [Лемская 2007–2008: 29].

Kel- 'приходить' (26 употреблений):

- (48) *Je:mklä:d'u jamzur.*
Jeet-kl-ääd'i jamуur.
 ?достигать-AUX:приходить-PRS дождь
 'Надвигается дождь' [Дульзон 1977: 168].

Par- 'уходить' (100 употреблений):

- (49) *aaş-par-yan*
 падать-AUX:уходить-PST
 '(она) упала' [Лемская 2007–2008: 30].

Pär- 'давать' (60 употреблений):

- (50) *ä:n-ä* *айд-ын* *пар* *сал-вӱр-ген*
ään-ä *ajd-ïp* *par* *sal-wär-gen*
 это-ACC сказать-CVB уходить AUX:класть-AUX:давать-PST
 'так сказав, ушел' [Дульзон 1977: 158].

Pol- 'быть' (10 употреблений, всегда с неличной формой другого глагола: INF, PTCP):

- (51) *Ол* *айдыл-ган* *бол-ган* *ол* *огнӱ-в-ан.*
Ol *ajdil-γan* *bol-γan* *ol* *oγnӱ-w-an.*
 он рассказывать.PASS AUX:быть-PST он ?понимать-NEG-PST
 'Хотя дело было ясно как день, он не мог понять' [Дульзон 1977: 167].

Sal- 'класть' (45 употреблений):

- (52) *Men* *par-sal-γa-m* *йү-е* *jamγur aš-par-γan.*
 я уходить-AUX:класть-PST-1SG дом-DAT дождь падать-AUX:уходить-PST
 'Я пошел домой (, потому что) пошел дождь' [Лемская 2007–2008: 32].

Tsik- 'выходить' (5 употреблений):

- (53) *Палыклымкан* *кижи* *апцыкелгән* *кърга*¹
Paalik-li-t-kan *kizi* *a-p-tsik-[k]el-gän* *kir-γa*
 рыба-?VSF-?VSF-PTCP человек брат-CVB-AUX:выходить-AUX:приходить-PST берег-DAT
улуг *палыкты.*
улуγ *paalik-ti.*
 большой рыба-ACC
 'Рыбак вытащил огромную рыбу на берег' [Дульзон 1977: 176].

Имеющийся материал позволяет предположить функционирование и других глаголов в качестве вспомогательных. Так, А. П. Дульзоном, например, выделяются формы на *ot'i-* 'сидеть' в ряду глагольных форм настоящего времени и *ij-* 'посылать' — прошедшего времени, а также вспомогательный глагол *ee-* 'быть' (встречается только в собственных материалах исследователя); причем глагол *ij-* реконструируется по аналогии со среднечулымскими конструкциями с глаголом *is-* 'посылать'.

В нашем корпусе выявлены следующие служебные глаголы среднечулымского диалекта.

Al- 'брат' (3 употребления):

- (54) *ol* *uzu-w-al-a-ša-adī*
 он спать-CVB-AUX:брат-?CVB-AUX:лежать-PRS
 'Он бесконечно спит' [Лемская 2007].

Čat- 'лежать' (22 употребления, 18 из них на *-čaaDī*):

- (55) *Šer-in-dä* *š'on* *ürük* *aš'* *š'i-ča-adī.*
 земля-3SG.POSS-LOC большой трухлявый дерево лежать-AUX:лежать-PRS
 'На земле лежит толстое дуплистое (трухлявое) дерево' [Лемская 2007].

Čik- (*šik-*) 'выходить' (9 употреблений):

- (56) *pol-up* *šik-pa-γan*
 быть-CVB AUX:выходить-NEG-PST
 'ничего не вышло' [Абдрахманов 1970: 62].

İs- 'посылать' (213 употреблений):

- (57) *aj-ə* *šad-ïw-s-kan* (< *šad-ïw-ïs-kan)
 месяц (луна)-3SG.POSS лежать-CVB-AUX:посылать-PST
 'месяц ложится' [Лемская 2007].

Kel- 'приходить' (36 употреблений):

- (58) *par-käl*
 уходить-AUX:приходить.2SG.IMP
 'сходи' [Лемская 2007].

Par- 'уходить' (110 употреблений):

- (59) *Adoj-u* *panko-zu-nuγ* *išti-ne* *paz-i-niγ*
 собака-3SG.POSS банка.RUS-3SG.POSS-GEN внутренность-POSS.DAT голова-3SG.POSS-INSTR
kir-pa-γan.
 заходить-AUX:уходить-PST
 'Собака головой в банку залезла' [Лемская 2007].

¹ А. П. Дульзон использует в фонетической записи чулымской речи символ ь для обозначения редукции гласного заднего ряда *y* (обычно в предупредительной позиции).

Pol- 'быть' (23 употребления):

- (60) *Män bi sayalak iš'-tik po-ya-m süd-ün i*
 я бы.RUS сейчас пить-FUT AUX:быть-PST-1SG молоко-3SG.POSS.ACC и.RUS
uz-ik po-ya-m!
 спать-FUT AUX:быть-PST-1SG

'Я бы сейчас попил молока и поспал!' [Лемская 2007].

Sal- 'класть' (93 употребления):

- (61) *Män öz-üm äw-in et-sal-ik-üm.*
 я сам-1SG дом-3SG.POSS.ACC делать-AUX:класть-FUT-1SG

'Я могу построить дом' [Лемская 2007].

В материалах по среднечулымскому языку встречаются и другие интересные случаи, интерпретация которых требует рассмотрения вопроса о наличии других глаголов, выполняющих диапазон служебных функций. Например, Р. М. Бирюкович выделяет глагол *as-* 'превышать':

- (62) *uzu-n as-xan (uzu-p as-xan)*
 спать-CVB ?превышать-PST

'он (глубоко) заснул' [Бирюкович 1980: 197].

Кроме того, прослеживаются глагольные конструкции, имеющие два служебных компонента, которые необходимо разграничить или, наоборот, соотнести с выделяемым Р. М. Бирюкович «настоящим продолженным временем на *-ы(ь)л + -чат*» (что на самом деле является, вероятно, конструкцией *-(I)p + al-A + -ĉat-* 'CVB-AUX:брат-CVB-AUX:лежать'):

- (63) *ol uzu-w-al-a-ša-adī*
 он спать-CVB-AUX:брат-CVB-AUX:лежать-PRS

'он бесконечно спит' [Лемская 2007].

В заключение следует отметить, что наши выводы носят промежуточный характер и должны быть проверены в ходе работы с носителями чулымско-тюркского языка, а также в контексте явлений других тюркских языков южной Сибири.

Сокращения

н.-чул. — нижнечулымский диалект	GEN — генитив	PST — прошедшее время
ср.-чул. — среднечулымский диалект	HAB — хабишуалис	PST.EVID — прошедшее недостоверное время
ACC — аккузатив	IMP — повелительное наклонение	PTCP — причастие
ASP — аспект	IND — изъявительное наклонение	Q — вопрос
ASSRTV — утвердительная форма	INF — инфинитив	RUS — заимствование из русского языка
AUX — вспомогательный глагол	INSTR — инструменталис	SBEN — значение рефлексивного бенефактива
CAUS — каузатив	IPFV — несовершенное действие	SBJV — сослагательное наклонение
COM — комитатив,	LOC — локатив	SG — форма единственного числа
совместность действия	NEG — отрицательная форма	VSF — глаголообразующий аффикс
COND — условное наклонение	OPT — желательное наклонение	
CVB — деепричастие	PASS — форма пассива	
DAT — датив	PFV — перфективность	1 — форма первого лица
EVID — эвиденциалис	PRS — настоящее время	2 — форма второго лица
FUT — будущее время	PL — множественное число	3 — форма третьего лица
	POSS — форма принадлежности	

Литература

- Абдрахманов 1970 — Абдрахманов М. А. Тексты чулымско-тюркского языка (средне-чулымский диалект) // Языки и топонимия Сибири. Т. II. Томск, 1970. С. 58–69 {Abdrahmanov 1970 — Abdrahmanov M. A. Teksty čulymsko-tjurkskogo jazyka (sredne-čulymskij dialekt) // Jazyki i toponimija Sibiri. T. II. Tomsk, 1970. S. 58–69}.
- Баскаков 1960 — Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960 {Baskakov 1960 — Baskakov N. A. Tjurkskije jazyki. M., 1960}.
- Бирюкович 1971 — Бирюкович Р. М. Материалы по языку чулымских татар (полевые записи). Том III. Тегульдэт, 1971 {Birjukovič 1971 — Birjukovič R. M. Materialy po jazyku čulymskij tatar (polevyje zapisi). Tom III. Tegul'det, 1971}.
- Бирюкович 1975 — Бирюкович Р. М. О некоторых исторических чередованиях в чулымско-тюркском языке // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975. С. 274–279 {Birjukovič 1975 — Birjukovič R. M. O nekotoryh istoričeskij čeredovanijaх v čulymsko-tjurkskom jazyke // Problemy altaistiki i mongolovedenija. Vyp. 2. Serija lingvistiki. M., 1975. S. 274–279}.
- Бирюкович 1980 — Бирюкович Р. М. Строй чулымско-тюркского языка. Дисс. ... доктора филологических наук. М., 1980 {Birjukovič 1980 — Birjukovič R. M. Stroj čulymsko-tjurkskogo jazyka. Diss. ... doktora filologičeskij nauk. M., 1980}.

- Бирюкович 1980 Приложение — *Бирюкович Р. М.* Строй чулымско-тюркского языка. Приложение к дисс. ... доктора филологических наук. М., 1980 {*Birjukovič 1980 Priloženije — Birjukovič R. M. Stroī čulymsko-tjurkского jazyka. Priloženije k diss. ... doktora filologičeskikh nauk. M., 1980*}.
- Бирюкович 1981 — *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка. Часть II. Саратов, 1981 {*Birjukovič 1981 — Birjukovič R. M. Morfologija čulymsko-tjurkского jazyka. Čast' II. Saratov, 1981*}.
- Бирюкович 1984 — *Бирюкович Р. М.* Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу. Саратов, 1984 {*Birjukovič 1984 — Birjukovič R. M. Leksika čulymsko-tjurkского jazyka. Posobije k speckursu. Saratov, 1984*}.
- Бони 1973 — *Бони Р. А.* Материалы по чулымско-тюркскому языку (полевые записи). Том IV. Тегульдэт, 1973 {*Boni 1973 — Boni R. A. Materialy po čulymsko-tjurkскому jazyku (polevyje zapisi). Tom IV. Tegul'det, 1973*}.
- Всероссийская перепись 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство» (Федеральная служба государственной статистики) {*Vserossiiskaja perepis' 2002 — Vserossiiskaja perepis' naselenija 2002 goda. Tom 4 "Nacional'nyj sostav i vladenije jazykami, graždanstvo" (Federal'naja služba gosudarstvennoj statistiki)*} // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>, 2010.
- Дульзон 1952 — *Дульзон А. П.* Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Т. IX. Томск, 1952. С. 76–211 {*Dul'zon 1952 — Dul'zon A. P. Čulymskije tatory i ih jazyk // Uč. zap. Tomskogo gos. ped. in-ta. T. IX. Tomsk, 1952. S. 76–211*}.
- Дульзон 1960 — *Дульзон А. П.* Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан, 1960. С. 101–145 {*Dul'zon 1960 — Dul'zon A. P. Lično-vremennye formy čulymsko-tjurkского glagola // Uč. zap. Ĥakasskogo NIJaLI. Вып. VIII. Abakan, 1960. S. 101–145*}.
- Дульзон 1966 — *Дульзон А. П.* Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966. С. 446–466 {*Dul'zon 1966 — Dul'zon A. P. Čulymsko-tjurkskij jazyk // Jazyki narodov SSSR. T. II. Tjurkskije jazyki. M., 1966. S. 446–466*}.
- Дульзон 1973а — *Дульзон А. П.* Диалекты и говоры тюрков Чулыма // СТ. 1973, 2. С. 16–29 {*Dul'zon 1973a — Dul'zon A. P. Dialekty i govory tjurkov Čulyma // ST. 1973, 2. S. 16–29*}.
- Дульзон 1973б — *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XVIII. Абакан, 1973. С. 187–207 {*Dul'zon 1973b — Dul'zon A. P. Materialy po dialektologii tjurkskikh narečij Zapadnoj Sibiri // Uč. zap. Ĥakasskogo NIJaLI. Вып. XVIII. Abakan, 1973. S. 187–207*}.
- Дульзон 1977 — *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 150–178 {*Dul'zon 1977 — Dul'zon A. P. Materialy po dialektologii tjurkskikh narečij Zapadnoj Sibiri // Voprosy Ĥakasskoj filologii. Abakan, 1977. S. 150–178*}.
- Лемская 2007 — *Лемская В. М.* Полевые материалы по среднечулымскому диалекту лингвистической экспедиции 2007 г.: информант Кондияков А. Ф. (1952 г. р., мелетский говор среднечулымского диалекта). Электронный ресурс {*Lemskaja 2007 — Lemskaja V. M. Polevyje materialy po srednečulymskomu dialektu lingvističeskoj ěkspedicii 2007: informant Kondijakov A. F. (1952 g. r., meletskij govor srednečulymskogo dialekta). Ėlektronnyj resurs*}.
- Лемская 2007–2008 — *Лемская В. М.* Полевые материалы по нижнечулымскому диалекту лингвистических экспедиций 2007–2008 гг.: информант Мамонтов Д. Г. (1921 г. р., ежинский говор нижнечулымского диалекта). Тетрадь № 1. 32 с. {*Lemskaja 2007–2008 — Lemskaja V. M. Polevyje materialy po nižnečulymskomu dialektu lingvističeskikh ěkspedicij 2007–2008: informant Mamontov D. G. (1921 g. r., ježinskij govor nižnečulymskogo dialekta). Tetrad' № 1. 32 s.*}.
- Лемская, Миндиярова 2007 — *Лемская В. М., Миндиярова Э. Р.* Результаты лингвистических экспедиций 2007 г. к восточным хантам и чулымским тюркам // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Иностранные языки и межкультурная коммуникация в развивающемся образовательном пространстве: теоретические и прикладные аспекты». Томск, 2007. С. 17–24 {*Lemskaja, Mindijarova 2007 — Lemskaja V. M., Mindijarova Ė. R. Rezul'taty lingvističeskikh ěkspedicij 2007 k vostočnym ĥantam i čulymskim tjurkam // Materialy II Vserossiiskoj naučno-praktičeskoj konferencii "Inostrannye jazyki i mežkul'turnaja kommunikacija v razvivajušemsja obrazovatel'nom prostranstve: teoretičeskije i prikladnyje aspekty". Tomsk, 2007. S. 17–24*}.
- Лемская 2008 — *Лемская В. М.* Акциональные формы глагола в чулымско-тюркском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк, 2008. С. 85–90 {*Lemskaja 2008 — Lemskaja V. M. Akcional'nyje formy glagola v čulymsko-tjurkском jazyke // Istoriko-kul'turnoje vzaimodejstvije narodov Sibiri: Materialy Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii. Novokuzneck, 2008. S. 85–90*}.
- Лемская 2010 — *Лемская В. М.* Полевые материалы по среднечулымскому и нижнечулымскому диалекту лингвистической экспедиции 2010 г.: информанты Кондияков А. Ф. (1952 г. р., мелетский говор среднечулымского диалекта) и Мамонтов Д. Г. (1921 г. р., ежинский говор нижнечулымского диалекта). Тетрадь № 1. 52 с. {*Lemskaja 2010 — Lemskaja V. M. Polevyje materialy po srednečulymskomu i nižnečulymskomu dialektu lingvističeskoj ěkspedicii 2010: informanty Kondijakov A. F. (1952 g. r., meletskij govor srednečulymskogo dialekta) i Mamontov D. G. (1921 g. r., ježinskij govor nižnečulymskogo dialekta). Tetrad' № 1. 52 s.*}.
- Львова и др. 1991 — Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / *Львова Э. Л., Дремов В. А., Аксянова Г. А.* и др. Томск, 1991 {*L'vova i dr. 1991 — Tjurki taježnogo Pričulym'ja. Populjacija i etnos / L'vova Ė. L., Dremov V. A., Akšjanova G. A. i dr. Tomsk, 1991*}.
- Радлов 1868 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть II. Поднарѣчія Абаканскія (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулым-

- ское (*кюэрикь*). Санктпетербургъ, 1868 {Radlov 1868 — *Radlov" V. V. Obrazcy narodnoï literatury tjurkskiĥ" plemen", živuŝiĥ" v" Južnoï Sibiri i Dzungarskoï stepi. Čast' II. Podnarėčĭja Abakanskĭja (sagaïskoje, koibal'skoje, kačinskoje), kuzyl'skoje i čulymskoje (kjuęrik)*. Sanktpeterburg", 1868}.
- Радлов 1893 — *Радловъ В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Томъ первый. Гласные* {Radlov 1893 — *Radlov" V. V. Opyt" slovarja tjurkskiĥ" narėčĭi. Tom" pervyi. Glasnyje*} ~ *Radloff W. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Erster Band. Die Vocale. Санктпетербургъ* {Sanktpeterburg"}, 1893.
- Чулымцы 2001 — Чулымцы // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001 {Čulymcy 2001 — Čulymcy // Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ja: Materialy k ěnciklopedii Tomskoï oblasti. Tomsk, 2001}.
- Anderson, Harrison 2003 — *Anderson G. D. S., Harrison K. D. Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state* // *Turkic Languages*. 2003. Vol. 7 (2). P. 245–256.
- Anderson, Harrison 2004 — *Anderson G. D. S., Harrison K. D. Shaman and Bear. Siberian prehistory in two Middle Chulym texts* // *Languages and Prehistory of Central Siberia* / Ed. *Vajda, Edward J.* Amsterdam, 2004. P. 179–197.
- Anderson, Harrison 2006 — *Anderson G. D. S., Harrison K. D. Ös tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects* // *Turkic Languages*. 2006. Vol. 10 (1). P. 47–72.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality* / *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* Chicago and London, 1994.
- Johanson 1991 — *Johanson L. Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türkssprachen* // *Linguistische Beiträge zur Gesamturkologie*. Budapest, 1991. S. 99–115.
- Li et al. 2008 — *A Study of the Middle Chulym Dialect of the Chulym Language* / *Li Y.-S., Lee H.-Y., Choi H.-W., Kim G. S., Lee D. E., Ölmez M.* Seoul, 2008.
- Schönig 1997 — *Schönig C. A new attempt to classify the Turkic languages (1)* // *Turkic Languages*. 1997. Vol. 1. P. 117–133.
- Schönig 2007 — *Schönig C. Some notes on Modern Kipchak Turkic (Part 1)* // *UAlb. N. F.* 2007, 21. P. 170–202.
- Tekin, Ölmez 2003 — *Tekin T., Ölmez M. Türk dilleri. Giriş. İstanbul*, 2003.

РЕЗЮМЕ

В первой части статьи проанализированы уже имеющиеся публикации, в которых описывается временная система чулымско-тюркских диалектов: работы А. П. Дульзона, Р. М. Бирюкович, Г. Д. С. Андерсона и К. Д. Харрисона, а также И.-С. Ли и др. Далее, с опорой на полевой и архивный материал рассматриваются служебные компоненты, выражающие аспектуально-темпоральные значения в чулымско-тюркских говорах.

На основе анализа примеров с так называемыми простыми и сложными глагольными предикатами автор статьи приходит к выводу, что в нижнечулымском и среднечулымском диалектах существуют различия в системе как простых, так и аналитических временных форм. В ежинском говоре нижнечулымского диалекта встречаются формы прошедшего времени на $-(G)A(n)$, будущего времени – на $-LXK$, будущего-оптатива – на $-GAj$, настоящего времени – на $-Adl$, $-(lp)jA(T)$, $-Ar$. В тутальском говоре среднечулымского диалекта встречаются формы прошедшего времени на $-(G)A(n)$, прошедшего (миратива) – на $-(lp)tlr$, будущего времени – на $-LXK$, будущего-оптатива – на $-GAč$, настоящего времени – на $-Adl$, $-(l)B(l)l(X)$, $-(lp)tlr$. В мелетском говоре среднечулымского диалекта выделяются формы прошедшего времени на $-(G)A(n)$, будущего времени – на $-LXK$, будущего-оптатива – на $-GAč$, настоящего времени – на $-Adl$, $-(l)B(l)l(X)$, $-(lp)tlr$.

В завершение обозначается направление дальнейшей работы — более подробное изучение глаголов, принимающих участие в образовании аспектуально-акциональных форм.

SUMMARY

The first part of the article surveys the existing publications on the TAM system of the Chulym Turkic dialects by A. P. Dulzon, R. M. Biryukovich, G. D. S. Anderson and K. D. Harrison, and Y.-S. Li et al. Then, based on the field and archive materials, it considers auxiliary elements expressing TAM characteristics in the Chulym Turkic sub-dialects.

The author analyzes the examples with the so-called simple and compound verbal predicates and concludes that there are differences in the systems of the simple and analytical tense forms in the Lower Chulym and the Middle Chulym dialects. In the Yezhi sub-dialect of the Lower Chulym dialect there are forms of the past tense on $-(G)A(n)$, the future tense on $-LXK$, future optative on $-GAj$, the present tense on $-Adl$, $-(lp)jA(T)$, $-Ar$. In the Tatal sub-dialect of the Middle Chulym dialect there are forms of the past tense on $-(G)A(n)$, past indirective on $-(lp)tlr$, the future tense on $-LXK$, future optative on $-GAč$, the present tense on $-Adl$, $-(l)B(l)l(X)$, $-(lp)tlr$. In the Melet sub-dialect of the Middle Chulym dialect there are forms of the past tense on $-(G)A(n)$, the future tense on $-LXK$, future optative on $-GAč$, and the present tense on $-Adl$, $-(l)B(l)l(X)$, $-(lp)tlr$.

In conclusion the author states perspectives for further research, i.e. a more profound investigation of verbs that form aspect and aktionsart constructions.

Выражение понятия «череп, черепная коробка» в диалектах удмуртского языка¹

Настоящая работа написана по результатам обобщения и анализа полевых языковых материалов, собранных сотрудниками Лаборатории лингвистического картографирования Удмуртского государственного университета (Ижевск) для составления «Диалектологического атласа удмуртского языка», первый выпуск которого увидел свет в прошлом году [ДАУЯ 2009].

Понятию «череп» в русском языке дается следующее толкование: «У позвоночных животных и человека: кости, образующие твердую основу головы» [Ожегов 1993: 913]. В удмуртских народных говорах это понятие передается следующими словами: *чэрэп*, *йырчэрэп*, *йырчаши*, *йырчашка*, *йырбашка*, *йырлы*, *йырчанга*, *йырковы*. Некоторые из них имеют несколько вариантов, чаще всего обусловленных фонетическими особенностями говоров.

1. Чэрэп; йырчэрэп

1.1. *Территориальное распространение и варианты слова.* Слово *чэрэп* встречается отдельными вкраплениями преимущественно в бассейне Чепцы (6, 8, 10, 11, 29, 41, 43; см. с. 43 наст. статьи, карту «Опорные пункты»), записано также в д. Ягул (92) Завьяловского района и в красноуфимском говоре (175). В большинстве случаев зафиксировано с ударением на первом слоге — *чэ́рэп*, хотя имеются случаи постановки ударения на последний слог. Вариант *йырчэрэп*, осложненный определительным компонентом *йыр* ‘голова; головной’, употребляется в косинском говоре (6, 9), а его модификации *йырчэл’эп* и *йырчал’эп* наряду с другими названиями бытуют в слободском говоре нижнечепецкого диалекта (Светозарево, 2). Последние формы возникли в результате диссимилирующего влияния звука *p* первого компонента на интервокальный *p* второго компонента. В названии *чэрэп*, употребляющемся параллельно с указанными формами, звук *p* остался без изменения. Схожий фонетический процесс наблюдается в следующих диалектных словах: *кал’идор* < *коридор*, *л’экрут*, *н’экрут* < *рекрут*. Возникновение модификации *йырчал’эп*, на наш взгляд, объясняется народноэтимологическим сближением второго компонента формы *йырчэл’эп* с удмуртским словом *чалеп* ‘осколок, осколки битой посуды’.

1.2. *Значение.* В северном наречии слово *чэрэп* используется также как строительный термин, зачастую в сочетании со словом *кор* ‘бревно’ — *чэрэп кор*. Данным словосочетанием обозначается бревно, на которое накладываются доски потолка. В названной функции слово (словосочетание) *чэрэп (кор)* распространено шире, чем анатомический термин. В южном наречии названному строительному термину соответствует сочетание *пэл’ кор* ‘ухо + бревно’.

1.3. *В письменных источниках* нигде не зафиксировано из-за позднего проникновения и узкого территориального распространения.

1.4. *Происхождение.* Слово *чэрэп*, безусловно, заимствовано из русского языка, в котором оно имеет исконное индоевропейское происхождение. В общеславянском праязыке имело значение ‘черепок’, ‘обломок глиняной посуды’ [Черных 1994 II: 382—383].

2. Йырчаши

2.1. *Территориальное распространение и варианты слова.* Данное наименование распространено преимущественно в северной диалектной зоне, хотя оно, как правило, употребляется параллельно с другими названиями черепа, а в Глазовском и Дебёссском районах отмечено лишь в единичных населенных пунктах (28, 64). В ареале срединных говоров исследуемое название в основном встречается в Увинском (85, 86, 87б, 89) и Завьяловском районах (94—98), записано также в д. Заречный Вишур (79) Шарканского района.

Фонетический вариант *йырчаши* распространен в средне- и верхнечепецком диалектах северного наречия, хотя ранее его ареал мог быть значительно шире. Допускаем, что исследуемое наименование в боль-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 09-06-00304А, а также европейской корпорации Erasmus (Erasmus Mundus European Cooperation Windows, Triple III), проект № 77107.

шинстве диалектов первоначально было усвоено с глухой непалатализованной аффрикатой *č*, которая могла функционировать в контактирующих русских говорах. Но более вероятно, что появление этого звука связано с особенностями фонотактики удмуртского языка, в основных диалектах которого употребление палатализованных аффрикат *ч*, *č* и смычных *т'*, *д'* невозможно при дистантно следующих за ними щелевых *ш* и *ж*, ср.: *кочыш* < рус. (Вятск.) *котяш* 'кошка', диал. *чаж* (*гозы*) < рус. *тяжи*, сч. *чиш* < рус. *тишь*.

Вариант *йьрт'аша*, находящийся в свободном варьировании с вариантом *йьрчаша*, характерен для бесермянского наречия (36, 45, 46, 49). Его возникновение обусловлено особенностями консонантизма названного наречия: во-первых, отсутствием непалатализованных аффрикат, во-вторых, диссимилиацией аффрикат *ч*, *č* дистантно следующими за ними щелевыми *ш* и *ж*.

Варианты *йьрчашка* и *йьрчашка* употребляются в слободском говоре (1—3) северного наречия и в среднеижском диалекте (94—97) (срединные говоры). В слободском говоре оба варианта бытуют параллельно, при этом более ранняя форма с непалатализованным *č* постепенно вытесняется вариантом *йьрчашка*, возникшим под влиянием литературного русского языка или проникшего из речи местных русских слова *чашка* с палатальным (палатализованным) *ч* в более поздний период. В среднеижском говоре в правобережье Ижа (94, 97) употребляется форма *йьрчашка*, а в левобережье (95, 96), для которого характерна диссимилиация *č* с последующим дистантно расположенным *ш*, — вариант *йьрчашка*.

2.2. *Значение.* Исследуемое наименование как сложное слово функционирует только в качестве анатомического термина. Но базовый компонент *чаша* (*чаша*) в большинстве удмуртских диалектов, за исключением периферийно-южного диалекта, употребляется как название чайной чашки. В некоторых диалектах северного наречия данное слово используется для обозначения изоляторов на столбах электропередачи: *высоковол'тный* (*высоковол'тной*) *чаша* 'изолятор высоковольтной линии', *т'эл'эфон чаша* 'изолятор телефонной линии'. Кроме того, данный компонент принимает участие в образовании терминов для обозначения коленной чашечки: *пыччаша*, *пыччаша*, *пыд'эсчаш(к)а*, *пыд'эсчаш(к)а*, — широко распространенных во многих удмуртских говорах. Первые компоненты приведенных слов восходят к слову *пыд* 'нога' или *пыд'эс* 'колени'.

2.3. *Наличие слова в письменных источниках:* *jir-tšaša* 'череп', *tšaška* 'чашка (чайная)' (1880) [Wied.: 540]. В словаре Б. Мункачи слово *jir-tšaša* позаимствовано из материалов Ф. Видеманна [Munkácsi 1990: 288].

2.4. *Происхождение.* Основной компонент исследуемого наименования заимствован из русского языка, в котором он является рефлексом общеславянского слова, по-видимому, заимствованным из какого-то иранского языка [Черных 1994 II: 376]. Хотя, по мнению М. Фасмера [Фасмер IV, 320], нет основания для постулирования в славянских языках иранского заимствования. Он сближает это слово с др.-прусс. *kiosi* 'кубок' из балт. **kīōsē* или **kīāsē*. Вариант *чашка* (*чашка*) восходит непосредственно к аналогичной форме в русском языке. Анатомический термин в удмуртском языке, скорее всего, также возник под влиянием русского языка, поскольку слово *чаша* в значении 'черепная коробка', в частности, зафиксировано в пермских говорах [СПГ 2002: 552]. Первый компонент композита, *йьр*, значит 'голова' и имеет финнопермское происхождение (ПФП **jure*, [КЭС: 163; УЕВ: 254])

3. *Йьрбашка*

3.1. *Территориальное распространение.* Наименование *йьрбашка* зафиксировано в д. Сизово (3) Слободского района Кировской области.

3.2. *Происхождение.* Компонент *чашка* (*чашка*), который в первую очередь относится к семантическому полюсу наименований посуды, был заменен русским просторечным словом *башка*. Такая замена, на наш взгляд, произошла по следующим причинам: в сознании говорящих слово *башка* в составе наименования черепа представляется более мотивированным, чем название посуды; фонетически оно близко слову *чашка*. Возможно, дополнительным фактором, стимулировавшим описанный процесс, явилось влияние татарского языка. Деревня Сизово расположена вблизи большого татарского села Карино и связана с последним административными и хозяйственными связями, а ее жители неплохо владеют татарским или понимают его. Следовательно, возникновению нового термина могло способствовать татарское слово *баш* 'голова'. Отметим, что русское слово также заимствовано из тюркских языков [Черных 1994 I: 79—80].

4. *Йьрлы*

4.1. *Территориальное распространение.* Слово *йьрлы* зафиксировано в д. Сектыр (57) Игринского района наряду с двумя другими названиями черепа — *йьрчаша* и *йьрковы*.

4.2. *Наличие слова в письменных источниках.* Интересно, что в конце XIX в. венгерский исследователь Б. Мункачи данное слово (*jír-li*) записал от информанта из южной части Сарапульского уезда [Munkácsi 1990: 274] (по современному административному делению — Малопургинский р-н, южная Удмуртия).

4.3. *Происхождение.* Слово, скорее всего, возникло окказионально, и ему можно бы было не уделять особого внимания. Но нам представляется, что данный термин интересен, поскольку он имеет прозрачную внутреннюю форму: *йыр* + *лы* букв. ‘голова + кость’, т. е. ‘кость головы’. Оба компонента этого слова в отличие от всех других наименований черепа имеют исконное происхождение: первый из них восходит к финно-пермской (возможно, только к общепермской) эпохе, а второй — к уральской [КЭСК: 163, 335; UEW: 254, 639]. В связи с этим можно предположить, что подобное наименование вполне могло существовать в древнеудмуртском и в более ранних языковых состояниях.

5. Йырчанга

5.1. *Территориальное распространение.* Данное название функционирует в северном наречии: в косинском (6, 6а, 9, 9а), ярском (4, 19, 20, 21б, 22, 23), глазовском (5, 24—26, 28—31, 35, 50), бализинском (27, 32—34, 37) говорах, записано также в д. Старая Гыя (38) Кезского района, а также в бесермянском селе Юнда (36).

5.2. *Варианты слова.* Форма *йырзанга* употребляется в южной части Ярского района (21б, 22, 23). Озвончение первоначально глухой аффрикаты в непонятном для носителей языка компоненте *-занга* предположительно произошло под влиянием изобразительно-звукоподражательного слова *зан*, используемого при описании удара обычно о полый предмет, например ведро, бак и др., и гулкового звона, издаваемого предметом при ударе. Удар головой обо что-либо, например о стену, также можно изобразить словом *зан* или *зон*. В этой связи компонент *-занга* приобретает определенную мотивированность в названии черепа по сравнению с темным словом *-чанга*.

В бесермянском варианте *йырчага* произношение язычкового *η* вместо зубного *n* перед заднеязычным *g* является закономерным. В удмуртско-венгерский словарь И. Козмача исследуемое слово включено в облике *йырзэнга* [Kozmács 2002: 157].

5.3. *Происхождение* исследуемого слова довольно загадочное. Мы полагаем, что основной компонент может восходить к чувашскому языку, ср. чув. *самка*, диал. *санка* ‘лоб’ [ЧРС 1961: 347; 1982: 396; ЭСЧЯ II: 83]. Данное слово (*самка*, *санка* ‘лоб; фронтон; склон (горы)’) имеет соответствия в других тюркских языках, например, аз. *эмкэк* ‘темя; макушка’ [ЭСЧЯ II: 83; СИГТЯ 2001: 201—202]. Эта гипотеза выглядит надежной с точки зрения семантики, поскольку есть ряд других примеров аналогичного соотношения значений. Например, в древнерусском языке значение ‘череп’ выражалось словом *льбъ* ‘лоб’, а значение ‘лоб’ словом *чело* [Черных 1994 II: 382]; саам. *gal'lo* ‘лоб, кожа со лба оленя’ через финское посредство восходит к скандинавскому *skalle* со значением ‘череп’ [SSA I: 288].

Предположительно, к северным удмуртам данное слово проникло из языка чувашей, некогда обитавших на Чепце, но впоследствии смешавшихся с бесермянами и удмуртами (см. об этом подробнее [ДАУЯ 2009: 107—109]). Менее вероятно проникновение исследуемого слова на Чепцу через бесермян, поскольку ныне оно в бесермянском наречии зафиксировано только в с. Юнда, говор которого испытывает сильное влияние со стороны северно-удмуртских диалектов. К тому же слово *йырчага* в этом говоре сейчас обычно произносят только в угрозах типа *йырчагадэ наз'го* ‘разобью твой череп’. У основной массы бесермян, а также у удмуртов Юкаменского района, подверженных бесермянскому влиянию, данное слово тоже не зафиксировано. Если подобное слово все же существовало в бесермянском наречии, то оно проникло в него достаточно поздно в бассейне Чепцы и не успело найти свою нишу в системе языка, в результате чего легко было вытеснено словом *йьрт'аша* (*йьрчаша*), вторая часть которого была заимствована из русского языка. Наряду с этим более древнее слово *йьркобъ* (подробнее см. ниже) до сих пор сохранилось в отдельных населенных пунктах Юкаменского района — как удмуртских, так и бесермянских.

6. Йьркобы

6.1. *Территориальное распространение.* Данное наименование употребляется в удмуртских диалектах повсеместно, за исключением нижнечепецкого диалекта (1—3, 6, 8, 9), а в красноуфимском говоре (175) оно сохранилось в форме *д^{йь}ьркобъ* только в некоторых выражениях, например: *д^{йь}ьркобъдэши уччаши вэтлис'кодъ* ‘ходите и ищите [только] где выпить’. В с. Люм (26) Глазовского района под формой *йьркобъ* часто подразумевается макушка головы, которая повсеместно выражается термином *йьртыш*.

6.2. *Варианты слова.* Варианты данного слова, представленные в диалектах, являются закономерными и возникли как результат двух фонетических процессов:

1) Варьирования произносительных норм *ы* по диалектам: заднерядные варианты *ы* — *ь*, *ы̆* употребляются в юкаменском и глазовском говорах среднечепецкого диалекта северного наречия, бесермянском наречии, некоторых говорах центрально-южного диалекта, а также в говорах арского типа периферийно-южного диалекта, кроме шошминского. Приведем варианты слова, употребляемые в пределах Удмуртии: *й̆ыркобы* (24), *й̆ыркобы̆* (24, 31, 119, 128, 132), *й̆ыркобы* (35, 50), *й̆ыркобы̆* (25, 26, 28, 29, 30, 45, 48, 50, 128, 130, 135, 137, 148—150).

2) Замены начального *й* палатализованным *д'* или звонкой палатализованной аффрикатой: различные варианты деканья характерны для периферийно-южного диалекта, при этом в одних говорах — шошминском, кукморском, шагиртско-гондырском, а также кульминско-сальинском (12, 13, средне-западный диалект) в основном употребляется «чистый» зубной палатализованный: *д'ыркобы* (12, 13, 15, 17, 138—141, 153, 155), *д'ыркобы̆* (142—144, 145а, 146), в других (бавлинском) он может выступать в несколько аффрицированном варианте: *д'ыркобы̆* ~ *д^βыркобы̆* (151, 152, 174), в третьих — в большинстве говоров Закамья, в красноуфимском говоре (175), а также некоторых населенных пунктах кукморского говора (145) функционирует аффриката, варьирующая между *д'* и *з*: *д^βыркобы* (156—159), *д^βыркобы̆* (159), *д^βыркобы̆* (145, 154, 170, 175), *зыркобы̆* ~ *д^βыркобы̆* (162, 166, 168, 171), *зыркобы̆* ~ *д^βыркобы̆* (173), *зыркобы̆* ~ *д^βыркобы̆* (163—165), *зыркобы̆* ~ *д^βыркобы̆* (160, 161, 167, 169, 172).

6.3. *Наличие слова в письменных источниках:* *jer-koby* ‘череп’ (1880) [Wied., 487]; *jir-kobi* ‘id.’ (1896) [Munkácsi 1990: 186].

6.4. *Происхождение.* Основной компонент *кобы*, при самостоятельном употреблении имеет значение ‘ковш’. И. В. Тараканов [Тараканов 1993: 83], вслед за М. Рясänenом [Räsänen 1969: 281], относит это слово к тюркским заимствованиям. Данное слово имеет общеудмуртское употребление. Татарских заимствований, распространенных во всех или в абсолютном большинстве удмуртских диалектов, относительно немного, но все же таковые имеются. Возможно, данное слово является одним из ранних татарских заимствований, ср. миш. *кору* ‘черпак, ковш, разливательная ложка’ [Räsänen 1969: 281]. Слова типа туркм. *қов^оа*, тур. *қова*, осм. чاغ. *қона* и др., обозначающие какой-либо вид сосуда, имеются во многих тюркских языках и происходят от названия кожи с первоначальной семантикой ‘сосуд из кожи’ [ЭСТЯ 2000: 10—11]. Однако нельзя исключить гипотезу о финно-угорском происхождении этого слова (подробнее см. ниже, в Заключение).

7. В д. Удмурт-Ташлы (151) (бавлинский говор) наряду с названием черепа *д'ыркобы̆* записано также слово *д'ыркабак* (~ *д^βыркабак*). Данный термин не совсем обычен с точки зрения номинации, поскольку элемент *-кабак* является компонентом общеудмуртского слова *синкабак* ‘веко, веки’, где *син* означает ‘глаз’, а *-кабак* возводят к аналогичному татарскому слову со значением ‘веко’ [Тараканов 1982: 62]. Возможно, данный термин возник окказионально благодаря созвучию описываемого компонента с элементом *кобы̆* в названии черепа *д'ыркобы̆*. В любом случае вопрос реального употребления рассматриваемого слова требует дополнительной проверки.

8. В отдельных населенных пунктах Закамья в качестве наименования черепа записана форма *зырбэкчэ*, буквальный перевод которой — ‘голова + бочка’. На самом деле названным словом именуют темя, более обычное название которого в диалектах Закамья *зырвэкчи* букв. ‘голова + тонкий; тонкое место’. Изменившись первоначально под влиянием близкого в фонетическом отношении слова, его внутренняя форма («вид сосуда») начала влиять на семантику, и в сознании носителей слово начало восприниматься как название черепной коробки, ср. *йыркобы̆* ‘голова + ковш’, *йырчаша* ‘голова + чаша’. Слово *йырбекче* с пометой «диалектное» и отсылкой к *йыркобы̆* нашло место и в удмуртско-русском словаре [УРС 1983: 177].

9. Финским исследователем Ю. Вихманном [WW: 79] в конце XIX в. в уфимском диалекте (точнее в д. Бол. Качак (159)) в качестве названия черепа записано *д'jr-tuštj* (< *йыр тус'ты*), в котором второй компонент имеет значение ‘чашка, миска’ и является иранским заимствованием [КЭСК: 278]. Венгерский ученый Б. Мункачи аналогичное слово *jir-tuštj* зафиксировал от представителя сарапульского диалекта (современные срединные говоры) [Munkácsi 1990: 272]. Возможно, данное наименование является рефлексом одного из праудмуртских названий черепа.

10. В удмуртско-венгерском словаре И. Козмача имеется слово *йырэгес* со значением ‘череп’, которое помечено как диалектное [Kozmács 2002: 160]. В литературном языке данное слово имеет семантику ‘венчик из цветов (на голове)’. Имеются источники, в которых оно (*jir-ägäs*) дается со значением ‘венчик

(на голову)» [Munkácsi 1990: 272]. Компонент *эгес* как самостоятельное слово означает «обруч (например, бочки), обод (колеса)».

Заключение

Исследовав названия черепа в удмуртском языке, следует сказать, что практически все они являются сложными словами, первым компонентом которых является слово *йыр* «голова», а вторым — разные слова, преимущественно заимствованные из других языков и обозначающие вид сосуда или анатомический орган: голову, лоб, кость.

Вначале рассмотрим термины, возникшие сравнительно недавно: наименование черепа *йырчанга* проникло в средне- и нижнечепецкие диалекты из языка некогда обитавших на Чепце чувашей. Это могло произойти в XVI—XVII вв.

Термин *йырчаи(к)а* появился позднее — после заимствования из русского языка названия посуды *чаша, чашка*. Является ли данный анатомический термин собственно удмуртским образованием или заимствованием — на данный вопрос дать однозначный ответ не совсем просто. По доступным источникам мы установили, что слово *чаша* в значении «черепная коробка» зафиксировано только в пермских говорах русского языка [СПГ 2002: 552], хотя отмечается такое значение у польского слова *czaszka* [Черных 1994 II: 376]. С другой стороны, название посуды *чаи(к)а* распространено в большинстве удмуртских диалектов, за исключением периферийно-южного диалекта, но термин *йырчаи(к)а* функционирует преимущественно в северной диалектной зоне, при этом более раннее название *йыркобы* вытеснено как раз в тех говорах, которые испытывают сильное влияние русского языка. Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что слово *йырчаи(к)а* в удмуртских диалектах возникло под влиянием соответствующего анатомического термина контактирующих русских говоров.

Слова *чэрэп, йырчэрэп* появились относительно недавно в некоторых сильно русифицированных говорах.

Чтобы проследить историю развития более древних терминов, обратимся к названиям черепа в других языках, в первую очередь к родственным уральским языкам, а также к тюркским, индоевропейским, тунгусо-маньчжурским языкам.

В коми-пермяцком языке для наименования черепной коробки используются составные термины *юр кóска* и *юр чáшка* [КПРС 1985: 590]. В первом из них компонент *кóска* восходит к русскому *кость*, которое вытеснило исконное слово *лы* не только в указанном композите, но и полностью из лексической системы языка. Определительный компонент *юр* означает «голова» и родственен удмуртскому *йыр*. В коми-зырянском языке функционируют следующие названия черепа: *юр лы* (букв. «голова + кость»), *юр чашка*, в диалектах также — *юр чатша, юр чась* (букв. «голова + чаша»), *юр чарка* [PKC 2003: 1056; ССКЗД: 452].

У марийцев также есть два способа номинации черепной коробки: 1) с помощью сочетания *вуй корка́*, определительный компонент которого имеет значение «голова», а определяемый имеет значение «чаша, ковш» и восходит к чувашскому источнику (ср. чув. *корка, курка* «ковш»), имеющему соответствия в других тюркских, а также тунгусо-маньчжурских языках [PMS 1966: 822; MPC 1991: 129; ЭС-ЧЯ I: 312—313]; 2) с помощью сочетания *вуй лу* «голова + кость».

В мордовских языках также зафиксированы два рассматриваемых типа номинации черепа. В эрзянском языке исследуемое понятие передается терминами: *р'á-lovaža* «голова + кость» [PЭС 1948: 401; ЭРС 1993: 347, 450], *колган* «череп; ковш без ручки» (< рус. *колган*) [Paasonen: 827], в мокшанском: *р'á-рака́* «череп» (букв. «голова + кость») и *р'á-копа́шка*² «череп».

В обско-угорских языках тоже представлены две возможные стратегии номинации черепа: хант. VT, Ahl *оҳ-лу* «череп» (букв. «голова + кость») [DEWOS: 31] и Sav *хөрә* «череп» [DEWOS: 530]; манс. K *р'á-лоёл* «череп» (букв. «голова + кость»), L *р'á-к-кор*, P *роңк-хор*, N *руңк-х'áри* «череп» [Munkácsi 1986: 480a], T *рөң-с'áк'á, рөң-с'áк'á* «череп» [ук. соч.: 480b].

В финском языке используется лишь одна³ стратегия номинации черепа: *pääkorpa* «голова + корзина», где компонент *pää* имеет значение «голова», а элемент *korpa* как самостоятельное слово используется для обозначения корзины, лукошка, тuesка.

² Здесь и в некоторых случаях далее при разборе стратегии номинации черепа «голова + вместилище» не приводится буквальное толкование, потому что второй элемент встречается только в таком сочетании. Однако разбор этимологии этих слов (подробнее см. ниже), как нам кажется, позволяет сделать выводы о том, что это слово является обозначением вместилища.

³ Помимо этого зафиксированы названия черепа *kallo, pääkallo*, в которых компонент *kallo* восходит к скандинавскому источнику с семантикой собственно «череп» [SSA I: 288].

В саамских языках стратегия номинации черепа варьируется, ср. Т *višne-kippe*, *-kiøppe*, Not *uejv-kuehp* ‘череп’ (букв. ‘голова + корзина’), а в Инари ‘череп’ обозначается *oajvikállu*, букв. ‘голова + череп’ (< герм.) [Itkonen: 261].

Венгерское слово *koronua* ‘череп’, согласно письменным источникам (1287 г.), ранее имело значение ‘ковш, черпак’ [EWU: 793]⁴.

В самодийских языках для номинации черепа используется стратегия — ‘голова + кость’⁵: ненец. *нэв лы* ‘череп’ (букв. ‘голова + кость’) [Терещенко 1965: 415]; энец. *aburi ly* ‘череп’ (букв. ‘голова + кость’) [Helimski 2007]; сельк. *олага* ‘череп’ (букв. ‘голова + кость’) [Быконя 2005: 167]; кам. *ulu lezenđy* ‘череп’ (букв. ‘голова + кость’) [Donner 1944: 80].

Таким образом, видно, что в ряде уральских языков представлена одна из стратегий номинации черепа: ‘голова + кость’ или ‘(голова)⁶ + вместилище: корзина / ковш / чашка’, а в других языках одновременно сосуществуют две стратегии. Представим полученные результаты по наличию указанных стратегий в современных уральских языках в виде таблицы.

	‘Голова + кость’	‘(Голова) + вместилище: корзина / ковш / чашка’
Финский	отсутствует	+
Саамские	отсутствует	+
Мордовские	+	+
Марийский	+	+
Коми	+	+
Удмуртский	+	+
Хантыйский	+	+
Мансийский	+	+
Венгерский	отсутствует	+
Ненецкий	+	отсутствует
Энецкий	+	отсутствует
Селькупский	+	отсутствует
Камасинский	+	отсутствует

Можно ли говорить в такой ситуации, что стратегия номинации черепа ‘голова + кость’ должна восстанавливаться для прауральского языка, а стратегия ‘(голова) + вместилище’ появляется позднее, в прафинно-угорском языке?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к этимологии слов, используемых при реализации соответствующих стратегий номинации в современных уральских языках.

Стратегия ‘голова + кость’

Обращает на себя внимание то, что названия головы, используемые в уральских языках, не восходят к единому слову. Но названия кости, наоборот, во всех рассматриваемых языках являются рефлексами ПУ **luwe* ‘кость’ [UEW: 254].

Стратегия ‘(голова) + вместилище’

Мы считаем, что при этой стратегии ‘вместилище’ практически во всех рассмотренных финно-угорских языках (за исключением марийского и коми) может⁷ выражаться с помощью рефлексов ФУ **korpa* ‘углубление, полость’ [UEW: 181]. Традиционно (см. [UEW]) рефлексами этого слова считались лишь фин. *korpa* ‘корзина, лукошко, туесок’, саам. Т *višne-kippe*, *-kiøppe*, Not *uejv-kuehp* ‘череп’,

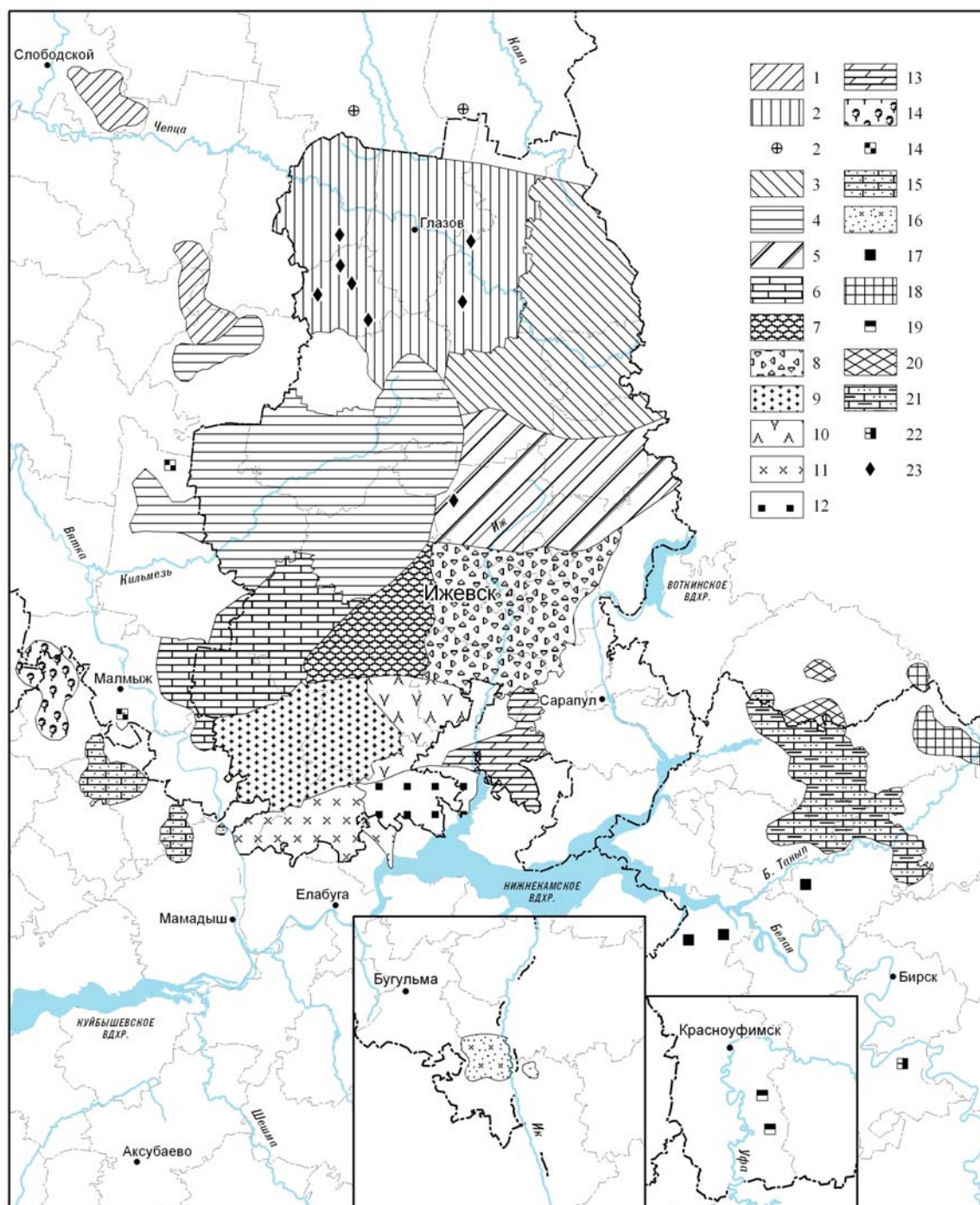
⁴ В венгерском также есть производное название черепа — *agy* [UEW: 5].

⁵ Помимо этого в самодийских языках представлены и производные названия черепа, но они не сводятся в единую праформу и далее в настоящем разделе, посвященном в первую очередь двум типам номинации, не рассматриваются.

⁶ В случае второй стратегии слово, обозначающее голову, может опускаться.

⁷ Важно отметить, что именно «может». Выше было показано, что в ряде языков, в частности в удмуртском, эта стратегия может реализовываться и с помощью других, в основном заимствованных, обозначений вместилища.

Распространение диалектов удмуртского языка

I. Северное наречие: 1 — нижнечепецкий диалект, 2 — среднечепецкий диалект, 3 — верхнечепецкий диалект (в т.ч. тыловайский говор).

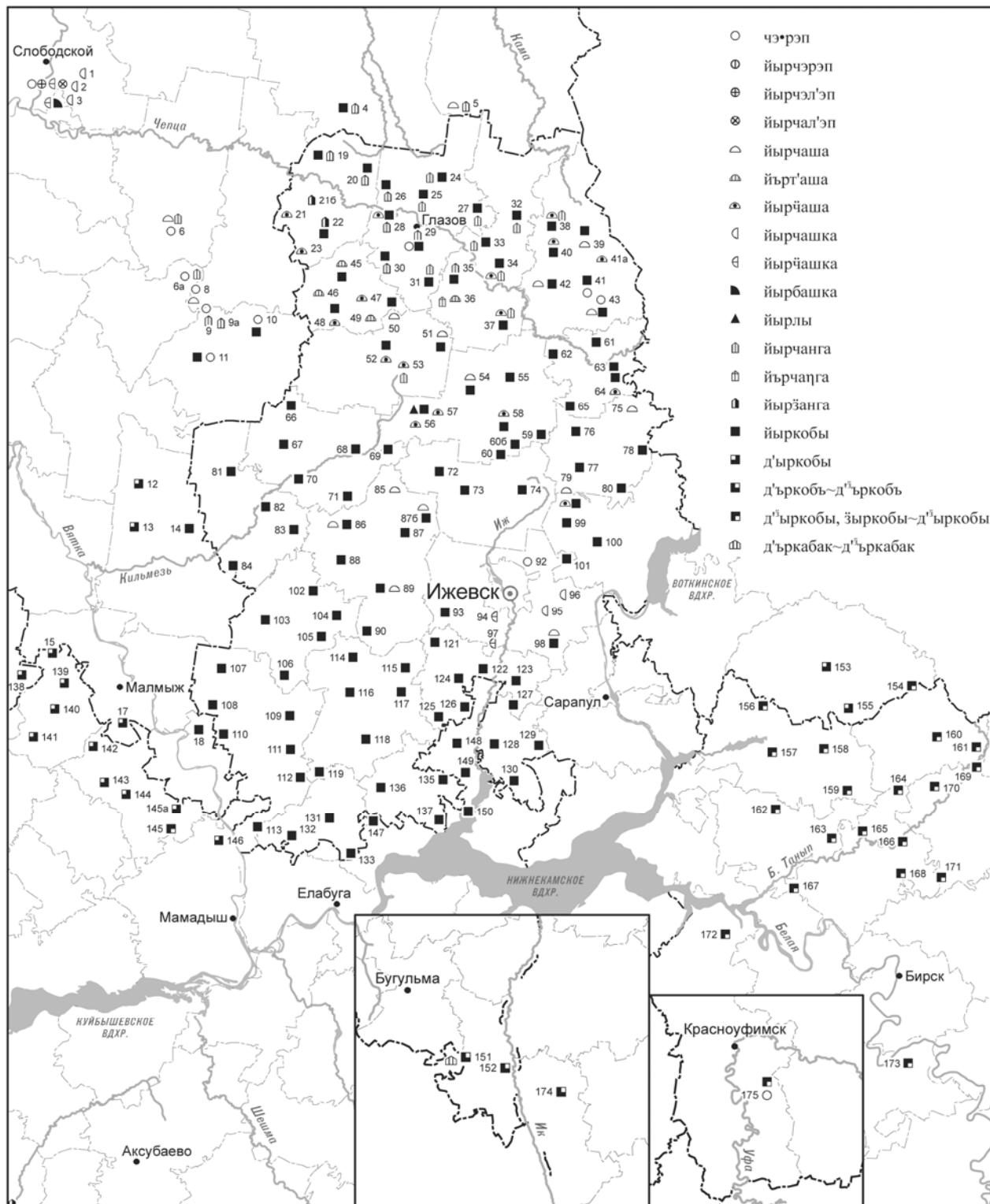
II. Срединные говоры: 4 — средне-западный диалект (в т.ч. прикильмезские говоры), 5 — средне-восточный диалект, 6 — водзимоньинско-омгинский диалект, 7 — нылгинский говор, 8 — среднеижский диалект.

III. Южное наречие: а) центрально-южный (собственно южный) диалект: 9 — кизнерско-можгинский говор, 10 — средне-южный говор, 11 — граховский говор, 12 — алнашский говор, 13 — кырькмасский говор; б) периферийно-южный диалект: 14 — шошминский говор, 15 — кукморский говор, 16 — бавлинский говор, 17 — ташкичинский говор, 18 — татышлинский говор, 19 — красноуфимский говор, 20 — шагиртско-гондырский говор, 21 — буйско-таньпский говор, 22 — канлинский говор.

IV. 23 — бесермянское наречие.

Опорные пункты

морд. *přä-kopaška* ‘череп’, хант. *Sav xõrä* ‘череп’, манс. *L pãñk-kop*, *P poñk-xop*, *N puñk-xãpi* ‘череп’. Нам кажется, что нельзя исключить возможность добавления в эту этимологию удм. *кобы* ‘ковш’ и венг. *koronya* ‘череп, ковш’⁸, которые считаются заимствованиями из тюркских и славянских языков соответственно. Но гипотезы о заимствовании не вполне надежны (ср. [EWU: 793]).

Таким образом, поскольку компонент ‘кость’, используемый при стратегии ‘голова + кость’, имеет надежную уральскую этимологию, а компонент ‘вместилище’, используемый при стратегии ‘(голова) + вместилище’, — финно-угорскую этимологию, предполагается, что, действительно, эти стратегии могут быть реконструированы для прауральского и прафинно-угорского уровней соответственно. Таким образом, в прауральском языке ‘череп’ обозначался как ‘голова + кость’, а в прафинно-угорском языке наряду с сохранением прежней стратегии появляется новая — ‘(голова) + вместилище’. С чем могло быть связано появление новой стратегии?

Для ответа на этот вопрос обратимся к обозначениям черепа в контактных тюркских, индоевропейских и тунгусо-маньчжурских языках.

У соседствующих с финно-уграми татар череп называется *баш сәяге*, букв. ‘кость головы’ [РТС 1984: 697]. Аналогично по внутренней структуре одно из наименований черепа у другого тюркского народа — чувашей — *пуç шăмми*, хотя имеется и такое название, как *пуç купташки*, второй компонент которого означает ‘чурбан, обрубок дерева, плаха’ [РЧС 1971: 858; ЧРС 1982: 609]. В тунгусо-маньчжурских языках, по данным словаря [ССТМЯ], представлена лишь одна из рассматриваемых стратегий: ‘голова + кость’: эвенк. П-Т *гиранди* букв. ‘кость + голова’ [ССТМЯ I: 154].

Зато в индоевропейских языках, носители которых контактировали с финно-уграми, — балтийских, германских, индоиранских — широко представлена другая стратегия обозначения черепа — ‘(голова) + вместилище’: ср. англ. *brain-pan* ‘череп’, где *pan* — ‘сковорода’, диал. ‘череп’, лит. *makaĩlė* ‘череп’ образовано от *mãkas* ‘сосуд, вместилище’ [Fraenkel: 399], и, вероятно, наиболее интересный и важный для истории названия черепа в финно-угорских языках пример: скр. *kapãla* ‘череп’, пехл. *kaparak* ‘сосуд’ [Maughofer 1996 I: 300]. Обращает на себя внимание явное как семантическое, так и фонетическое сходство индоиранского и финно-угорского названий черепа, сосуда, вместилища. Нельзя исключать, что ФУ **korpa* ‘полость, вместилище, череп’ было заимствовано из ИИ **kapa-* ‘сосуд, череп’. С заимствованным словом в финно-угорские языки пришла новая, свойственная индоевропейским языкам стратегия номинации черепа как ‘(голова) + вместилище’, которая в большинстве финно-угорских языков Сибири и Восточной Европы, имеющих тесные контакты с тюркскими языками⁹, и сейчас сосуществует с исконной стратегией ‘голова + кость’. Обращает на себя внимание, что в наиболее западно расположенных финно-угорских языках: финском, саамском, венгерском, — возможно, под дальнейшим влиянием индоевропейских языков прежняя стратегия номинации черепа — ‘голова + кость’ оказалась полностью вытесненной.

Сокращения

аз. — азербайджанский язык	N — северномансийский диалект
англ. — английский язык	P — пельымский диалект
балт. — балтийские языки	T — тавдинские диалекты
венг. — венгерский язык	миш. — мишарский диалект татарского языка
Вятск. — вятские говоры	морд. — мордовские языки
герм. — германские языки	ненец. — ненецкий язык
диал. — диалектная форма	осм. — османский язык
др.-прусс. — древнепрусский язык	пехл. — пехлеви
ИИ — индоиранский праязык	рус. — русский язык
кам. — камасинский язык	саам. — саамские языки
лат. — латинский язык	Not — Нотозеро диалект
лит. — литовский язык	T — Тер диалект
манс. — мансийский язык	сельк. — селькупский
K — кондинские диалекты	скр. — санскрит
L — лозьвинские диалекты	сч. — среднечепецкий диалект

⁸ В венгерском *-nya* — стандартный именной суффикс.

⁹ Как было показано выше, в контактных тюркских языках представлена стратегия номинации черепа ‘голова + кость’.

тур. — турецкий язык	Sav — диалект с. Заводный
туркм. — туркменский язык	чаг. — чагатайский язык
удм. — удмуртский язык	чув. — чувашский язык
ФУ — финно-угорский праязык	эвенк. — эвенкийский язык
хант. — хантыйский язык	П-Т — подкаменно-тунгусские говоры южного наречия
Ahl — диалект Березово, записанный А. Алквистом	эвенкийского языка
VT — ваховский диалект в записях Терешкина	энец. — энецкий язык

Литература

- Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. *Быконя В. В.* Томск, 2005 {*Bykonja 2005 — Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar' / Red. Bykonja V. V. Tomsk, 2005*}.
- ДАУЯ 2009 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Ижевск, 2009 {*DAUJa 2009 — Nasibullin R. Š., Maksimov S. A., Semenov V. G., Otstavnova G. V. Dialektologičeskii atlas udmurtskogo jazyka: Karty i kommentarii. Vyp. I. Iževsk, 2009*}.
- КПРС 1985 — Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* М., 1985 {*KPRS 1985 — Komi-permjacko-russkii slovar' / Sost. Batalova R. M., Krivošekova-Gantman A. S. M., 1985*}.
- КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 {*KĚSK — Lytkin V. I., Guljajev E. S. Kratkii ėtimologičeskii slovar' komi jazyka. Syktyvkar, 1999*}.
- МРС 1991 — *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учайев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991 {*MRS 1991 — Vasil'jev V. M., Savatkova A. A., Učajev Z. V. Mariisko-russkii slovar'. Joškar-Ola, 1991*}.
- Ожегов 1993 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993 {*Ožegov 1993 — Ožegov S. I., Švedova N. Ju. Tolkovyi slovar' russkogo jazyka. M., 1993*}.
- РКС 2003 — *Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И.* Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003 {*RKS 2003 — Beznosikova L. M., Zabojeva N. K., Kosnyreva R. I. Russko-komi slovar'. Syktyvkar, 2003*}.
- РМС 1966 — Русско-марийский словарь / Гл. ред. *Галкин И. С.* М., 1966 {*RMS 1966 — Russko-mariiskii slovar' / Gl. red. Galkin I. S. M., 1966*}.
- РТС 1984 — Русско-татарский словарь / Ред. *Ганиев Ф. А.* М., 1984 {*RTS 1984 — Russko-tatarskii slovar' / Red. Ganijev F. A. M., 1984*}.
- РЧС 1971 — Русско-чувашский словарь / Ред. *Андреев Н. А., Петров Н. П.* М., 1971 {*RČS 1971 — Russko-čuvaškii slovar' / Red. Andrejev N. A., Petrov N. P. M., 1971*}.
- РЭС 1948 — Русско-эзянский словарь / Ред. *Коляденкова М. И., Цыганов Н. Ф.* М., 1948 {*REŠ 1948 — Russko-erzjanskii slovar' / Red. Koljadenkova M. I., Cyganov N. F. M., 1948*}.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительная грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2001. {*SIGTJa 2001 — Sravnitel'naja grammatika tjurkskiih jazykov: Leksika. M., 2001*}.
- СПГ 2002 — Словарь пермских говоров / Ред. *Борисова А. Н., Прокошева К. Н.* Вып. 2 (О—Я). Пермь, 2002 {*SPG 2002 — Slovar' permskiih govorov / Red. Borisova A. N., Prokoševa K. N. Vyp. 2 (O—Ja). Perm', 2002*}.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Ред. *Сорвачёва В. А.* Сыктывкар, 1961 {*SSKZD — Sravnitel'nyi slovar' komi-zyrjanskiih dialektov / Red. Sorvačeva V. A. Syktyvkar, 1961*}.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Т. I—II. Л., 1975—1977 {*SSTMJa — Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'čžurskiih jazykov / Otv. red. Cincius V. I. T. I—II. L., 1975—1977*}.
- Тараканов 1982 — *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1982 {*Tarakanov 1982 — Tarakanov I. V. Zaimstvovannaja leksika v udmurtskom jazyke: Udmurtsko-tjurkskije jazykovyje kontakty. Iževsk, 1982*}.
- Тараканов 1993 — *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск, 1993 {*Tarakanov 1993 — Tarakanov I. V. Udmurtsko-tjurkskije jazykovyje vzaimosvjazi: Teorija i slovar'. Iževsk, 1993*}.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965 {*Terešenko 1965 — Tereženko N. M. Nenecko-russkii slovar'. M., 1965*}.
- УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь / Ред. *Вахрушев В. М.* М., 1983 {*URS 1983 — Udmurtsko-russkii slovar' / Red. Vaħrušev V. M. M., 1983*}.
- Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994 {*Černyiĥ 1994 — Černyiĥ P. Ja. Istoriko-ėtimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo jazyka. M., 1994*}.
- ЧРС 1961 — Чувашско-русский словарь / Ред. *Сироткин М. Я.* М., 1961 {*ČRS 1961 — Čuvaško-russkii slovar' / Red. Sirotkin M. Ja. M., 1961*}.

- ЧРС 1982 — Чувашско-русский словарь / Ред. *Скворцов М. И. М.*, 1982 {ČRS 1982 — Čuvaško-russkii slovar' / Red. *Skvorcov M. I. M.*, 1982}.
- ЭРС 1993 — Эрзянско-русский словарь / Ред. *Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. М.*, 1993 {ERS 1993 — Erzjansko-russkii slovar' / Red. *Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M.*, 1993}.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. М.*, 2000 {ESTJa 2000 — Etimologičeskii slovar' tjurkskii jazykov: Obšetjurkskije i mežtjurkskije leksičeskije osnovy na bukvu «Қ» / Avt. sl. statei *Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. M.*, 2000}.
- ЭСЧЯ — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996 {ESČJa — *Fedotov M. R.* Etimologičeskii slovar' čuvaškogo jazyka. Čeboksary, 1996}.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1992. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).
- Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.
- EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. von *Benkő L.* Budapest, 1993.
- Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg, 1965.
- Helimski 2007 — Энецкие словарные материалы на сайте www.helimski.com {Helimski 2007 — Eneckije slovarnyje materialy na saite www.helimski.com}.
- Itkonen — *Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1986—1991.
- Kozmács 2002 — *Kozmács I.* Udmurt-magyar szótár (= Удмурт-венгер кыллюкам). Szombathey, 2002. {Udmurt-venger kylljukam}.
- Mayrhofer 1996 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1996.
- Munkácsi 1986 — *Munkácsi B.* Wogulisches Woerterbuch. Budapest, 1986.
- Munkácsi 1990 — *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára. Pécs, 1990.
- Passonen — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1990—1996.
- Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. I—III. Helsinki, 1992.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.
- Wied. — *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem votjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880.
- WW — Votjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von *Wichmann Y.* Bearbeitet von *Uotila T. E.* und *Korhonen M.* Helsinki, 1987.

РЕЗЮМЕ

В ряде уральских языков представлена одна из стратегий номинации 'череп': 'голова + кость' или '(голова) + вместилище: корзина / ковш / чашка', а в других языках одновременно сосуществуют две стратегии. Оказывается, что стратегия номинации 'череп' 'голова + кость' должна восстанавливаться для прауральского языка, а стратегия '(голова) + вместилище' появляется позднее в прафинно-угорском языке.

SUMMARY

In a number of Uralic languages one of the two strategies for naming skull is used: head + bone or head + container: basket, bucket, cup. In other languages, however, both strategies coexist. It appears that the strategy head + bone should be reconstructed for proto-Uralic, and the strategy (head) + container emerges later, in the proto-Finno-Ugric.

Циклические природные явления в турецкой языковой картине мира

На связь языка, культуры и образа мышления одним из первых обратил внимание В. фон Гумбольдт, идеи которого привлекли внимание многих ученых в мире. В России концепцию творческого характера языка развивал А. А. Потебня. В Америке исследования, основанные на идеях, близких к идеям В. Гумбольдта, проводили Э. Сепир и Б. Уорф. Позже схожими вопросами на материале разных языков начали заниматься многие лингвисты — А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, Б. А. Серебренников, Ю. Д. Апресян, Е. В. Урысон, Анна А. Зализняк, Т. В. Цивьян, Е. С. Яковлева и др. Большинство исследований такого рода выполнены на материале русского и других индоевропейских языков. Среди последних исследований, посвященных другим национальным языковым картинам мира, привлекает внимание монография Тань Аошуан «Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность» [Тань Аошуан 2004], в которой содержится систематическое описание зафиксированных в языке особенностей модели мира, модели времени, семантики размеров, ментальности, локализации органов чувств и др., демонстрирующих существенные отличия от европейских. Важным для нас в теоретическом отношении исследованием стала монография О. А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [Корнилов 2003], в которой оценивается соотношение таких понятий, как «картина мира», «языковая картина мира», «научная картина мира». Обратив внимание на особенности отражения циклических природных явлений в турецком языке нас заставил раздел указанной монографии, посвященный концептам времени суток в русском, китайском и испанском языках. На материале тюркских языков систематического исследования моделей мира не проводилось.

Из циклических явлений в окружающем мире наиболее очевидным и имеющим зримую, хотя и неправильно трактуемую в донаучный период причину является смена дня и ночи. В языковом сознании тюрков концепты «день» как освещенная часть суток и «солнце» неразрывно связаны между собой, так как эти два значения исторически сочетались в одной лексеме *kün* 'солнце; день' [ДТС]. Таким образом, из сенсорно воспринимаемых особенностей солнца тюрки, как и некоторые другие народы, зафиксировали в языке периодичность появления светила на небе, а не его круглую форму, яркость, исходящие от него свет и тепло, совершение видимого вращения вокруг Земли [Серебренников 1987: 101]. Хотя в современном турецком языке в значении 'солнце' используется не *gün*, а производное от него *güneş*, устаревшее значение *gün* продолжает жить в языке и сознании носителей: *Gün doğdu* 'Солнце взошло' (букв. 'Солнце родилось' или 'День родился'), *gün batımında* 'на закате' (букв. 'день утопание+его+на' или 'солнце утопание+его+на').

В современном турецком суткоделении нашли отражение исторические изменения в категоризации концептов частей суток. Судя по данным тюркских рунических памятников, для древних тюрков первоначально было характерно разделение суток на две части. Для обозначения светлой части суток использовалась вышеназванная лексема *kün*, а в отношении темной части — *tün* 'ночь': *kün jemä tün jemä jelü bardimiz* 'мы мчались днем и ночью' [ДТС]. Детализация вербализованных представлений об окружающем мире нашла выражение в использовании новых лексем — *keçä* 'ночь, поздний вечер', *ertä* 'рано, утром' [ДТС], зафиксированных в памятниках начиная с XI в. (Словарь Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг» и др.).

Несмотря на последующие изменения в системе суткоделения, лексема *gün* по-прежнему соотносится со всей освещенной частью суток и входит лишь в оппозицию «освещенная часть суток — неосвещенная часть суток», а не противопоставляется отдельным частям суток. Носители турецкого языка (ТЯ) прямо указывают на то, что *gün* начинается с восходом солнца. Представления, касающиеся момента окончания *gün*, рассматриваются ниже.

Первичное значение *gün* определяет и более ограниченную по сравнению с названиями других частей суток лексическую и морфологическую сочетаемость, и во многих случаях *gün* заменяется *gündüz*: *gece* 'ночь' → *geceleyin* 'в ночное время, ночью, по ночам', *sabah* 'утро' → *sabahleyin* 'утром, по утрам', *akşam* 'вечер' → *akşamleyin* 'вечером, по вечерам', но *gün* → *gündüz* 'в дневное время, днем', так как невозможно **günleyin*; *gece vakti* 'в ночное время, ночью' (букв. 'ночь время+его') и т. д., но *gündüz vakti* 'в дневное время, днем' (букв. 'днем время+его'), так как невозможно **gün vakti* (букв. 'день время+его').

Что касается древнетюркской лексемы *tün*, то в современном ТЯ она разделилась на две: в форме со звонким анлаутом *dün* приобрела значение 'вчера, вчерашний день'¹, а значение 'ночь' варианта лексемы с глухим анлаутом к настоящему времени сохранилось только в профессиональном фразеологизме *gün tün eşitliği* 'равноденствие' (букв. 'день ночь равенство+их'), однако характерное для древних тюрков

¹ По одной из этимологических версий, слово со значением 'вчера' по происхождению является композитом: пратюркское **dü-gün* 'тот день' (первая часть — указательное местоимение), — и вторично связалось с **tün* 'вечер, ночь', ср. в туркменском *düyn* / *дүйн*, в тувинском *дүүн*, в сарыг-югурском *туҫүн* 'вчера', см. [Дыбо 2005: 54].

вербализованное разделение суток на две части — светлую и темную — оказалось прочно зафиксированным в языке в специфических по форме приветствиях *Gün aydın* и *Tün aydın* (от *aydın* 'светлый, освещенный'), используемых соответственно в дополуночное и послеполуночное время, причем последнее значительно менее употребительно вследствие «модернизации» представлений о частях суток.

В качестве точек отсчета при выделении частей суток в разных языках обязательно выступают такие объективные факторы, как восход и заход солнца, а в некоторых (например, английском, испанском) — достижение светилом высшей точки своей траектории — полудня [Корнилов 2003: 194]. К числу последних относится и современный ТЯ, в котором, в отличие от древнетюркского [ДТС], существует имя существительное *öğle* 'полдень' (*öğle yemeği* 'обед' (букв. 'полдень еда+его')), а также наречие времени *öğleyin* 'в полуденное время', чаще употребляемое в стяженной форме *öğlen*. Именно *öğle* было выбрано квалифицированным переводчиком — носителем ТЯ в качестве эквивалента лексемы *день* при переводе русских названий частей суток *утро* — *день* — *вечер* — *ночь*: *sabah* — *öğle* — *aşam* — *gece*.

Таким образом, произошел переход от системы суткоделения с двумя точками референциальной соотнесенности (восход и заход солнца), т. е. от разделения суток на светлую и темную части, к системе с тремя точками референциальной соотнесенности (восход, полдень и заход), при которой выделяются временные интервалы от восхода до полудня, от полудня до заката и от заката до восхода. В отличие от восхода, полудня и заката полночь, во-первых, не столь доступна для визуального наблюдения, и, во-вторых, что намного важнее, ее фиксация не имела хозяйственного значения, так как ночь не была временем активной деятельности. Поэтому полночь могла начать использоваться в качестве точки отсчета времени суток только с переходом к инструментальной системе времяизмерения.

Дальнейшая детализация системы суткоделения привела к выделению более мелких временных интервалов, при этом характерная для многих языков четырехчленная оппозиция «*утро* — *день* — *вечер* — *ночь*», т. е. «*sabah* — *öğle* — *aşam* — *gece*» в отношении ТЯ оказывается не исчерпывающей. Причина заключается в том, что между границами некоторых частей суток из четырех перечисленных помещаются «промежуточные» части суток — они хотя и несут чуть меньшую коммуникативную нагрузку, но без их учета невозможно установить почасовое деление суток.

Дело в том, что с принятием исламской культуры турки усвоили и четкую систему суткоделения, основанную на традиции пятикратного намаза и ставшую неотъемлемой частью турецкой языковой картины мира. Длительность таких интервалов зависит от продолжительности светового дня, т. е. изменяется в течение года, что заставляет провести аналогию с древним способом времяисчисления, использовавшимся в Греции во II в. до н. э.: день и ночь разделялись на одинаковое количество часов, длина которых изменялась от сезона к сезону [Михаль 1983: 65]. Естественно, что такой подход мог возникнуть только в регионах, расположенных в южных широтах, где продолжительность светового дня в течение года изменяется незначительно.

Исламская система суткоделения также строится на основе трех астрономических моментов — восхода, полудня и заката. Перед восходом, примерно в 5–7 ч. в зависимости от времени года (здесь и далее — для Анкары, без учета летнего времени), совершается первый намаз, в Турции именуемый *güneş* (букв. 'солнце') или *sabah namazı* 'утренний намаз' (букв. 'утро намаз+его') (у российских мусульман «предутренний намаз», так как он совершается до восхода солнца). С первого намаза начинается часть суток *sabah*, название которой является единственным заимствованием из арабского среди названий всех частей суток. Это любопытным образом коррелирует с другим фактом. В настоящее время в ТЯ кроме указанных выше приветствий *Gün aydın* и *Tün aydın*, восходящих к древнетюркской системе суткоделения, функционируют две группы стандартных приветствий-благопожеланий (используются также при прощании) — современная и более архаичная. В обеих задействована одна и та же синтаксическая конструкция, но первая включает в себя тюркское прилагательное *iyi* 'хороший', а вторая — прилагательное *hayırlı*, образованное от арабского заимствования *hayır* 'добро, благо'. Сфера их употребления охарактеризована в таблице:

Вся светлая часть суток	Утро	Вечер	Ночь
<i>İyi günler</i> 'Добрый день' (букв. 'хорошие дни')	∅	<i>İyi akşamlar</i> 'Добрый вечер' (букв. 'хорошие вечера')	<i>İyi geceler</i> 'Доброй ночи' (букв. 'хорошие ночи')
<i>Hayırlı günler</i> 'Добрый день' (букв. 'добрые дни')	<i>Hayırlı sabahlar</i> 'Доброе утро' (букв. 'добрые утра')	<i>Hayırlı akşamlar</i> 'Добрый вечер' (букв. 'добрые вечера')	<i>Hayırlı geceler</i> 'Доброй ночи' (букв. 'добрые ночи')

С учетом показанной в таблице лакуны, а также наличия высокочастотного и специфического по форме «дополуночного» приветствия *Gün aydın* представляется возможным говорить о сохранении в современном ТЯ ощущения чуждости для турецкой языковой картины мира интервала *sabah* 'утро', привнесенного с усвоением чужой системы суткоделения.

Приветствие *Gün aydın* используется до 10–11 часов. Именно в это время заканчивается временной отрезок, именуемый *sabah*. Границы следующего за *sabah* временного отрезка *kuşluk* (букв. ‘птичник, птичий период’, от *kuş* ‘птица’; *Vakit kuşluğu aşmış, öğleye geliyordu* (N. Cumalı)² ‘Время перевалило *kuşluk*, приближалось к полудню’) расплывчаты вследствие совмещения в нем традиционного малоазийского и мусульманского пониманий, а его выделение в качестве обособленной части суток претерпевает изменение под воздействием внеязыковых факторов. Хотя сама лексема знакома всем респондентам, ее содержание не воспринимается ими однозначно. Как показывает проведенный нами опрос носителей, в народном языке внутренних областей Малой Азии *kuşluk* связывается с ранними утренними часами — по разным оценкам, с периодом утреннего пения птиц или временем кормления домашней птицы: *İş sahibi bir kuşluk, bir de öğle yemeği veriyordu. Tarhana çorbasıyla birer baş soğan, birer çeyrek ekmekti kuşlukta yedikleri* (N. Cumalı) ‘Хозяин кормил два раза — поздним утром и в обед. Поздним утром они ели суп-тархану, по луковице и по четвертушке хлеба’ (в произведениях Неджати Джумалы (1921–2001) описывается главным образом жизнь в деревнях и городках Западной Анатолии). В представлении городских жителей главным образом старшего, реже среднего возраста временной отрезок *kuşluk* приходится на последние час-два перед полуднем: *Kuşluk vaktinin sıcakına rağmen bina loş ve serin* (R. H. Karay) ‘Несмотря на жару предполуденных часов, в здании пусто и прохладно’ (Рефик Халит Карай (1888–1965)).

Такой подход очевидно связан со спецификой городского уклада жизни, экономические условия которого не предполагают активной хозяйственной деятельности в ранние утренние часы. Эта же лексема задействована в названии необязательного намаза *kuşluk namazı*, для совершения которого выделяется период, начинающийся через 50 минут после восхода солнца и заканчивающийся за 20 минут до полуденного намаза³. Считается, что *kuşluk namazı* может совершаться вместо утреннего намаза или в дополнение к нему. Необлигаторность такого акта и возрастающее влияние европейской культуры в Турции, особенно в крупных городах, стали причиной прогрессирующей архаизации лексем и стиранию соответствующего концепта из языкового сознания носителей вплоть до того, что респонденты младшего возраста, воспитанные в светских городских семьях, как правило, даже не имеют представления о временной соотнесенности *kuşluk* или ошибочно относят его к предвечерним часам. Наличие в турецкой языковой картине мира между *sabah* и *öğlen* временного интервала *kuşluk* не вызывает сомнений, однако содержание этой лексемы варьируется под воздействием экономических, религиозных и культурных факторов.

С полуденного намаза *öğlen namazı*, совершаемого через 20 минут после полудня, начинается время суток, именуемое *öğle(n)*, на протяжении которого может использоваться постепенно переходящее в разряд архаизмов приветствие *Tün aydın*. Несовпадение времени совершения религиозного акта с полуднем явилось следствием сознательного самодистанцирования мусульман от солнцепоклонников, точно приурочивавших свои обряды к соответствующему астрономическому моменту.

Время суток *öğle(n)* продолжается до послеобеденного намаза *ikindi*, совершаемого в Турции приблизительно в 14.20–17.00 (*ikindi kahvaltısı* ‘полдник’, *Akdeniz'in, ikindi güneşiyle kamaşmış büyük mavi meydanına başımı çevirerek gözlerimi çocuklara göstermeden ağladım* (H. S. Tanrıöver) ‘Я плакал, повернувшись к синей шире Средиземного моря, блиставшей в лучах предвечернего солнца, и пряча глаза от детей’ (Хамдуллах Супхи Танрыöver, 1885–1966).

Следующим после *ikindi* временем суток является *aşam*. Оно начинается с вечернего намаза (*aşam namazı*) и охватывает период примерно с 16.30 до 22.30. Хотя *aşam* начинается до окончания освещенной части суток, т. е. *gün*, респонденты указывают на то, что к началу интервала *aşam* солнца уже не видно на небосклоне, поэтому *gün* к началу *aşam* заканчивается.

До начала *aşam* выражение *İyi akşamlar* может использоваться только при прощании в качестве благопожелания на ближайший временной интервал, а с началом *aşam* — при встрече и при прощании.

Gece ‘ночь’ наступает после последнего из ежедневных намазов — *yatsı*, совершаемого через 1,5–2 часа после захода солнца (заход — примерно 16.30–20.20). Известно, что в рамках традиционной русской языковой картины мира сутки подразделяются на части в соответствии с характером занятий в соответствующие временные интервалы: утро воспринимается как короткий временной интервал между пробуждением и началом трудовой деятельности, день — период активной деятельности, вечер — интервал между трудовым днем и ночным отдыхом, а ночь — время отдыха. Последнее обстоятельство определяет отсутствие в русском языке специального «ночного приветствия» и наличие лишь благопожелания *Спокойной ночи*. В основе турецкого суткоделения лежат иные принципы, и ночь предполагает не только отдых, но и продолжение вечерних развлечений, что обусловило наличие в турецком специального «ночного приветствия» *İyi geceler* (букв. ‘хорошие ночи’). Этот же подход определил использование в русском языке лексем *вечер, ве-*

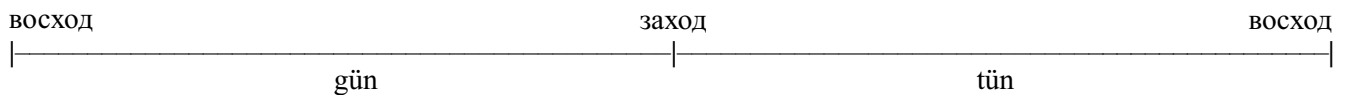
² Здесь и далее примеры из литературы цитируются по сайту <http://www.tdk.gov.tr>.

³ Выражаем признательность господину Сами Уналу за консультации по вопросам исламских традиций.

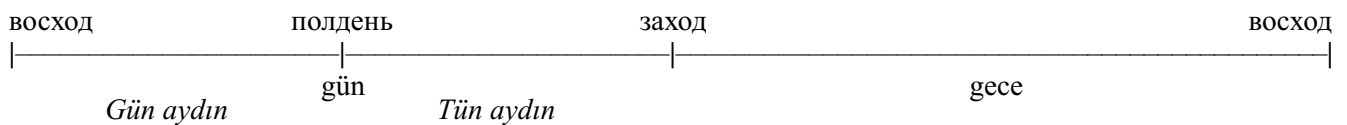
черный в отношении развлекательных мероприятий, проводимых после окончания рабочего дня. В турецком языке, как и в ряде европейских, в этом случае используется лексема со значением 'ночь' (*gece*): *kına gecesi* — название ритуала проводов невесты в предсвадебный вечер (букв. 'ночь хны'), *şiir gecesi* 'вечер поэзии' (букв. 'ночь стихов'), *gece elbisesi* 'вечерний туалет' (букв. 'ночная одежда').

Таким образом, современный ТЯ позволяет проследить исторические изменения в категоризации концептов частей суток (сам концепт «сутки» в ТЯ отсутствует, а соответствующее значение закрепилось за лексемой *gün*). В основе этих изменений лежит культурный сдвиг, в данном случае получивший на языковом уровне выражение в смене трех систем референциальной соотнесенности суткоделения: древнетюркской двухточечной, астрономической трехточечной и исламской пятиточечной, которые в схематическом виде можно изобразить следующим образом:

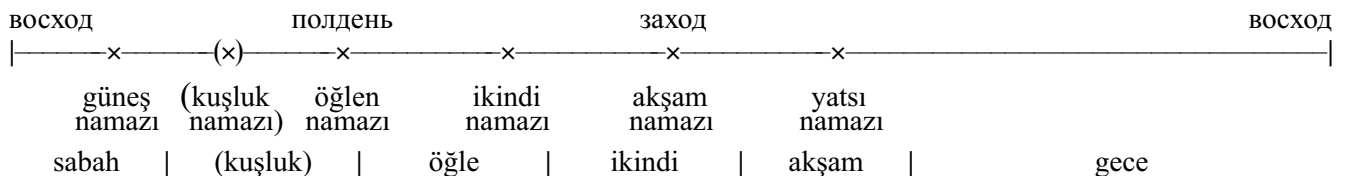
Древнетюркская двухточечная система референциальной соотнесенности суткоделения

Астрономическая трехточечная система референциальной соотнесенности суткоделения

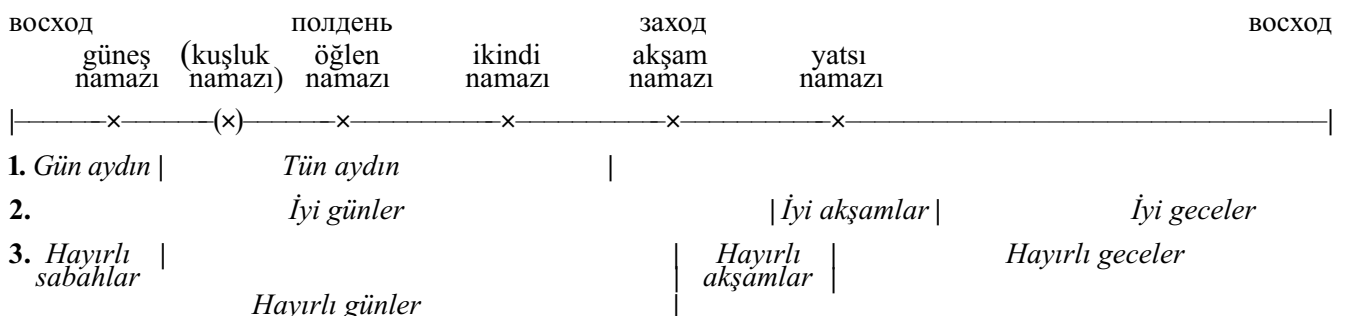

Исламская пятиточечная система референциальной соотнесенности суткоделения

Последняя из схематически изображенных систем обнаруживает некоторые особенности в сравнении с системами суткоделения в других языках. В основу деления суток на отдельные части лег фиксированный характер времени отправления религиозных обрядов, в результате чего границы между составляющими это поле концептами оказались не размытыми, как во многих других языках, а четко обозначенными, и в рамках этой системы речь идет не о наличии фокуса каждого из временных отрезков [Корнилов 2003: 194, 198], а о фиксированности их начальной точки. Исключение составляет время суток *kuşluk*, границы которого не однозначны.

Распределение современных турецких приветствий по частям суток демонстрирует наложение разных референциальных систем:

В форме специфических приветствий *Gün aydın* и *Tün aydın* сохранились рудименты первоначальной двухточечной референциальной системы суткоделения. Стандартные и наиболее высокочастотные приветствия-благопожелания по модели «прилагательное со значением 'хороший' + название части суток во множественном числе» отражают деление суток на интервалы, более мелкие, чем в исходной тюркской системе, но более крупные, чем в исламской системе, однако временные границы их употребления установились в соответствии с последней. Отсутствие специального приветствия для интервала *kuşluk* в ТЯ не является исключительным явлением, так как подобные лакуны характерны и для ряда других языков [Корнилов 2003: 199].

Ярко выраженная тенденция к европеизации турецкой культуры, наблюдаемая на протяжении последних десятилетий в образе жизни нерелигиозно настроенной части турецкого общества (проживающей главным образом в крупных городах), находит языковое выражение среди прочего и в сближении турецкой системы приветствий с европейской, что ведет к прогрессирующей архаизации поставленного нами в скобки приветствия *Tün aydın*, а также, как указывалось выше, в наблюдаемом процессе стирания из сознания носителей ТЯ отдельных элементов традиционного суткоделения (*kuşluk*).

Отметим также, что распространенное приветствие *Merhaba* 'Здравствуй(те)' используется вне зависимости от времени суток, но может быть адресовано преимущественно знакомым людям вследствие своего первоначального значения в арабском языке — 'сидите широко' [Devellioğlu 1984].

Смена культурного фона, легко прослеживаемая в истории формирования ТЯ, позволяет зафиксировать изменения в понимании концептов частей суток и выделить последовательные стадии. Наличие сменяющих друг друга культурно-концептуальных стадий можно предположить и для языкового сознания других народов, что объясняет «нечеткость и противоречивость концептов времени суток» в других языках, подробно описываемые О. А. Корниловым на примерах русского, китайского и испанского [Корнилов 2003: 194–199].

Наряду с частями суток наиболее очевидными циклическими временными интервалами в окружающем мире являются изменение фаз Луны и смена времен года. В ТЯ, как и во многих других, название естественного спутника Земли (*ay* 'месяц, луна') совпадает с названием 28–31-дневного цикла (*ay* 'календарный месяц' как по лунному, так и по солнечному календарю).

В отношении древнетюркской системы посезонного деления года существуют разные точки зрения. Судя по данным [ДТС], древние тюрки выделяли два времени года — *jaz* 'весна, лето' и *qiş* 'зима', но современные этимологические исследования показывают наличие в пратюркском четырёхсезонной системы.⁴ Как бы то ни было, коренное изменение образа жизни жизни тюрков после их переселения в Малую Азию оказалось зафиксированным в ТЯ. Суровые условия зимнего периода должны были заставлять кочевников возвращаться в более пригодную для проживания в это время года местность, что воспринималось как вынужденный перерыв в обычных делах, временный отказ от нормального образа жизни и привело к появлению существительного *qişlay* 'зимовка', глагола *qişla-* 'зимовать' [ДТС] и др. Переход к оседлости отразился в «переоценке ценностей» на лексическом уровне: указанный глагол исчез из языка, лексема *kışla* приобрела значение 'казарма', а собственное наименование получило не зимнее, т. е. обычное жилище, а летнее, т. е. временное — *yazlık* 'летний дом, дача'.

Интересно, что принцип деления года на два периода, зимний и летний, оказался не утраченным до настоящего времени. По сообщению болгарской турчанки Хабибе, 1950 года рождения, родившейся и прожившей до 30 лет в районе компактного проживания болгарских турков Кырджали, в годы ее молодости представители старшего поколения продолжали соотносить природные явления и культурные события с двумя сезонами, один из которых начинается 8 ноября, а другой — 6 мая. Дни внутри каждого из этих периодов имеют сплошную нумерацию. Например, Новый год (31 декабря) приходится на 54-й день зимы, на 60-й день пробивается подснежник, на 70–80-й расцветает колхикум, на 100-й обрезаются виноградники, на 105-й, 112-й и 119-й начинается потепление в воздухе, в воде и на земле соответственно (*cemre düşüyor* 'приходит потепление' (букв. 'жар падает', от *cemre* 'жар; горящий уголь')), на 144-й дует сильный ветер (*kırlangıç fırtınası* (букв. 'ласточка буря+ее') и т. д.

В результате детализации общей картины мира в дополнение к двум основным временам года выделились *ilkbahar* 'весна' (от *ilk* 'первый' + перс. *bahar*) и *sonbahar* 'осень' (от *son* 'последний' + *bahar*). Наличие общей корневой морфемы в составных лексемах, обозначающих два переходных времени года, и частое использование в отношении обоих только *bahar* связаны с отсутствием у двух этих сезонов ярко выраженных особенностей в условиях субтропического климата — таких, какими в северных регионах являются полное опадение листвы, формирование или исчезновение снежного и ледяного покрова, появление свежей травы (в условиях субтропиков свежая трава является приметой зимы) и др. В отношении сезонных предметов одежды также используются общие лексемы — *baharlık* и *mevsimlik* (от араб. *mevsim* 'сезон, время года', ср. русск. *демисезонный*). Словари фиксируют также и синоним *ilkbahar* — *ilkyaz* (от *ilk* 'первый' + *yaz* 'лето'), однако эта лексема к настоящему времени перешла в разряд архаичных: *Pek seyrek bana mektup gönderiyorlar ve ilkyaza kadar burada kalacağım söyleniyor* (М. Ş. Esental) 'Они очень редко посылают мне письма, и, по слухам, я пробуду здесь до весны' (Мемдух Шевкет Эсендал, 1883–1952).

⁴ Судя по содержанию раздела «Время. Сезоны» в [СИГТЯ 2000: 72–76], эволюция посезонного деления между различными алтайскими и тюркскими языковыми состояниями протекала сложно. Так, для пратюркского состояния (общетюркско-болгарского) восстанавливается четырехсезонная система: *jār 'весна', *jāj 'лето', *gūr 'осень' и *kil 'зима'. Однако, по мнению автора раздела, О. А. Мудрака, функциональная роль промежуточных сезонов в тюркском языковом сознании была невелика, что отразилось в относительно редком употреблении их в устойчивых выражениях и поговорах.

Л и т е р а т у р а

- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969 {DTS — Drevnetjurkskii slovar'. L., 1969}.
- Дыбо 2005 — Дыбо А. В. Дентальные взрывные в пратюркском // Аспекты компаративистики. М., РГГУ, 2005. С. 49–82 {Dybo 2005 — Dybo A. V. Dental'nyje vzryvnyje v praturkskom // Aspekty komparativistiki. M., 2005. S. 49–82}.
- Корнилов 2003 — Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003 {Kornilov 2003 — Kornilov O. A. Jazykovyje kartiny mira kak proizvodnyje nacional'nyĭ mentalitetov. M., 2003}.
- Михаль 1983 — Михаль С. Часы. От гномона до атомных часов / Пер. с чешского Мельцера Р. Е. М., 1983 {Miĥal' 1983 — Miĥal' S. {Časy. Ot gnomona do atomnyĭ časov / Per. s češskogo Mel'cera R. E. M., 1983} [Stanislav Michal. Hodiny (Od gnómonu k atomovým hodinám). Praha, 1980].
- Серебренников 1987 — Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1987 {Serebrennikov 1987 — Serebrennikov B. A. Rol' čelovečeskogo faktora v jazyke. Jazyk i myšlenije. M., 1987}.
- СИГТЯ 2000 — Сравнительная грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000 {Sravnitel'naja grammatika tjurkskiĭ jazykov: Leksika. M., 2000}.
- Тань Аошуан 2004 — Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004 {Tan' Aošuan 2004 — Tan' Aošuan. Kitaĭskaja kartina mira. Jazyk, kul'tura, mental'nost'. M., 2004} [譚傲霜 Tán Aoshuāng].
- Devellioğlu 1984 — Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. Ankara, 1984.
- TS — Türkçe sözlük. Ankara, 1988.
- <http://www.tdk.gov.tr> — официальный сайт Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu, TDK).

С о к р а щ е н и я

араб. — арабский

перс. — персидский

русск. — русский

ТЯ — турецкий язык

РЕЗЮМЕ

В современном турецком языке нашли отражение последовательные исторические изменения в категоризации концептов частей суток и времен года, обусловленные коренным изменением природных условий в регионе проживания носителей, хозяйственного уклада и религиозно-культурного фона. Первоначальные древнетюркские бинарные оппозиции «темная часть суток — светлая часть суток» и «холодная половина года — теплая половина года» уступили место более детализированным системам, демонстрирующим значительные отличия от европейской и русской систем суткоделения и годового цикла.

SUMMARY

The modern Turkish language reflects the history of gradual shift in categorization of the concepts for the parts of the day and of the year. This shift was triggered by the fundamental changes in natural conditions, economic practice, and cultural and religious background in the region inhabited by Turkish speakers. Primary Old Turkic binary oppositions “the dark time of the day — the light time of the day” and “the cold part of the year — the warm part of the year” have given the way for more elaborated systems, which demonstrate certain differences from European and Russian categorizations.

Конструкции с классификатором и аппроксимативные конструкции в корейском языке: грамматические свойства и семантические характеристики

1. Введение

Понятийная категория количества выражается практически на всех языковых уровнях (включая уровень коммуникативной структуры) и затрагивает многие слои лексики, семантики и синтаксиса. Помимо грамматических категорий, связанных с количественной характеристикой или оценкой (вид, число и др.), в (1) перечислены некоторые супraseгментные средства, связанные с категорией количества (в русском):

- (1) СУПРАСЕГМЕНТНО ВЫРАЖАЕМЫЕ КАТЕГОРИИ:
«точность vs. приблизительность», «тематичность vs. рематичность»

На материале корейского связь категории тематичности vs. рематичности с категорией количества демонстрируют работы [Lee 1999, 2006 и др.], в которых, в частности, рассматриваются импликатуры дискурса (conversational implicatures) в предложениях с контрастной темой (топиком). Также есть большое число исследований, посвященных количественным конструкциям с прилагательными, наречиями и другими кванторными словами на материале корейского (литературный язык Южной Кореи): [Chung 1999; Oh 2003; Lee, Chung, Nam 2000; Lee J. 2006]; по другим языкам: [de Hoop 1995] и другие статьи из этого сборника, [Татевосов 2002].

Отметим, что категория «точность vs. приблизительность» из (1) не может выражаться супraseгментно в корейском, в отличие от русского в примере (2) — см. [Hwang, Rudnitskaya 2010: 321–326]. Так, в корейском невозможны конструкции с инверсией имени и числительного и с дополнительным значением приблизительности.

- (2) *Человек пять* 'Примерно / приблизительно пять человек'

Ниже мы рассмотрим на материале языка Южной Кореи конструкции с классификаторами (п. 2) и конструкции со значением приблизительности (п. 3).

2. Конструкции с классификаторами

В данном пункте будут рассмотрены конструкции с классификаторами. Мы проиллюстрируем эти конструкции примерами и приведем их грамматические и семантические (в основном денотативные) характеристики. Некоторые источники: [Martin 1992; Мазур, Никольский 1991; Холодович 1954; 1958; Nam, Ko 1985 / 2007; SKLD 2008].

2.1. Грамматический анализ конструкций с классификаторами

Имеется достаточно большое количество работ по конструкциям с классификаторами, в том числе в корейском, например: [Tang 1990] (китайский); [Nakanishi 2004] (японский); [Lee 1989]; [Lee 2000]; [Kim 1990]; [Jung 2004]; [Jung 2005]¹. В примерах (3а, б) показаны два основных типа корейских конструкций с классификаторами:

- (3) а. *yel kwen-uy chayk(-ul)* [Kim 1990: 121]
десять КЛАСС-РОД книга(-ВИН)
б. *chayk yel kwen(-ul)*
книга десять КЛАСС(-ВИН) 'Десять книг'.

Как видно из (3а, б), или существительное (*chayk* 'книга' в (3а)), или классификатор (*kwen* 'КЛАСС' в (3б)) может быть вершиной всей группы с классификатором: к вершине присоединяется падежное окончание, указывающее на синтаксическую позицию группы. Классификатор и числительное образуют генитивный модификатор в (3а); существительное в препозиции в (3б) не может присоединять генитивный показатель, зато может дублировать падежный показатель классификатора, ср. (4). Конструкцию типа (4) многие исследователи относят к конструкциям с плавающим квантором (floating quantifier, см. ниже, (7) и (9)). Как отмечается в работе [Lee 1989: 7], более употребительна конструкция (3б)–(4), а не (3а).

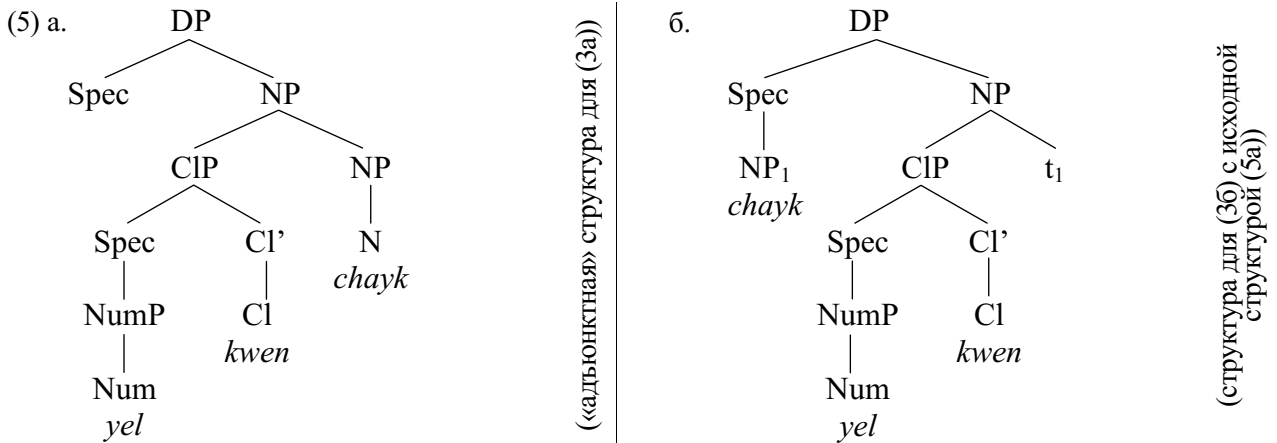
¹ Также возможна конструкция с препозицией числительного без классификатора (i); мы ее не рассматриваем подробно:

- (i) *tases haksayng* [Chang 1996: 94]
пять студент 'Пять студентов'

- (4) *Oleynsi(-lul)* / *oleynsi-uy   *twu*   *kay-lul*
 апельсин(-ВИН)   *апельсин-РОД   два   КЛАСС-ВИН
 'Два апельсина'².

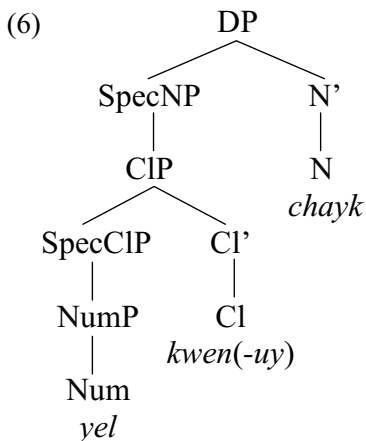
Рассмотрим то, как можно формально анализировать (3а), (3б) в рамках генеративной грамматики. Большая часть исследователей склоняется к трактовке (3а) и (3б) как одной именной составляющей. Если в одних работах оба варианта считаются одной конструкцией (то есть выводятся из одной и той же исходной составляющей), то в других эти варианты — разные конструкции: у (3а) и (3б) разная структура, эти две структуры не взаимосвязаны и не выводятся одна из другой с помощью трансформаций (передвижений).

В работе [Nakanishi 2004: 129–132] принимается первый подход: структура (3а) считается исходной, а (3б) выводится из этой структуры с помощью передвижения существительного — именной группы (N(oun)P(hrased)) в препозицию к группе классификатора (SpecDP³). Упрощенно модель Nakanishi представлена в (5):

Модель Nakanishi, хотя и правильно предсказывает порядок слов в обоих вариантах конструкции с классификатором, не учитывает (для корейского варианта) морфологического оформления компонентов составляющей. Так, группа классификатора ClassP в (3а) — генитивный модификатор; именные группы в генитиве обычно занимают в структуре составляющих позицию SpecNP, а не адьюнкта NP (по (5а)).

Если же не пытаться считать (3а), (3б) одной конструкцией, структура для (3а) — стандартная структура именной группы с генитивным модификатором:

Для (3б) трудно подобрать структуру составляющих, безоговорочно отражающую грамматические свойства этой конструкции. Это связано с тем, что:

- 1) как показано в (7) ниже, показатель именительного может присоединяться и к полнозначному существительному, и к классификатору, и к обоим одновременно;
- 2) падежный показатель в нейтральном случае (3б) присоединяется к классификатору.

Однако, как показывают [Lee 1989: 9–12] и [Jung 2004, 2005], в случае фокусирования группы «числительное + классификатор» [Num + Class] в примере (7), наличии у NP зависимого от нее именного модификатора в примере (8) или топиализации⁴ группы существительного NP в примере (9) («конструкции с

² Вариант (4) вообще без показателя *-(l)ul* (ВИН) при *oleynsi* 'апельсин' (ср. (3б)) оценивается носителями как более нейтральный, чем с ВИН. Однако если бы *oleynsi* реально подвергалось топиализации (случаи quantifier float; см. (7), (9), (12а), сноску 4), падежный показатель *-(l)ul* 'ВИН' был бы предпочтителен или даже обязателен при *oleynsi*, а не при классификаторе *kay*. Подробно см. [Kim Ch. 2005] и др. работы.

³ DP (Determiner Phrase) — группа «детерминатора», вершина которой (D) указывает на денотацию имени (см п. 2.2). D может быть указательным местоимением, артиклем, падежным или possessивным показателем. В [Nakanishi 2004] предлагается одна и та же структура для японских / корейских конструкций с классификаторами и сочетаний, выражающих меру, в европейских языках, например: [*three meters*] *high* 'высотой [три метра]'.

плавающим квантором»), падежный показатель у NP (*haksayng, oleynci, chayk*) предпочтителен (или даже обязателен)⁵. Более того, как показано в примере (9), NP при топиализации может быть отделена словом (*Chelswu-ka*) от группы [Num + Class] (*sey kwen*).

- (7) A: — *Haksayng-i sey myeng-i o-ass-ess-ni?* [Jung 2004: 581]
 студент-ИМ три КЛАСС-ИМ прийти-ПРОШ-ПРОШ-ВОПР
 ‘— Пришло ТРИ студента?’
- B: — *Anyo, (haksayng-i) twu myeng-i o-ass-ess-e-yo*
 нет (студент-ИМ) два КЛАСС-ИМ прийти-ПРОШ-ПРОШ-ИЗЪЯВ.ФАМ-ВЕЖЛ
 ‘— Нет, пришло ДВА студента’.
- (8) *Ku-nun [cip-eu nam-un] oleynci-lul twu*
 он-ТОП [дом-ЛОК остаться-ПРИЧ] апельсин-ВИН два
kay(-lul) pangkum ta mek-e pely-ess-ta
 КЛАСС(-ВИН) только_что НАР.КВАНТ есть-КОНВ ПЕРФ-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 ‘Он только что доел два оставшиеся дома апельсина’.
- (9) $\sqrt{[_{NP} Chayk-ul]}$ *Chelswu-ka* $[_{nP} t_{NP} sey kwen]$ [Lee 1989: 9]
 $[_{NP}$ книга-ВИН] Чольсу-ИМ $[_{nP} t_{NP}$ три КЛАСС]
ilk-ess-ta
 читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ ‘Чольсу прочел ТРИ сборника (из некоторых) книг’.

Как известно, классификатор — существительное, претерпевшее частичную грамматикализацию (служебное существительное), — утратившее лексическое значение слово с именной морфологией. При построении структуры составляющих пример (3б) можно представить как «многослойную» именную группу (layered NP), состоящую из двух именных групп — полнозначной (NP, вложенной) и служебной (nP, доминирующей)⁶, а также группы числительного Num(eral)P, ср. (10):

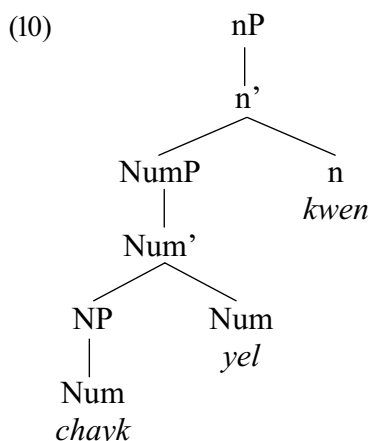

Схема (10) основана на предложении [Lee 1989: 8]. В [Lee 1989], в отличие от [Nakanishi 2004], предлагается считать классификатор вершиной Agr(ement) группы AgrP (что аналогично служебной вершине n в более современной версии генеративной грамматики). Структура (10) более адекватно, чем (5б), отражает грамматические характеристики (3б) — не только порядок слов, но и:

(а) невозможность генитивного показателя у N (*chayk*): NP в (10) стоит в позиции комплемента, а не спецификатора;

(б) возможность дублирования падежного аффикса у N и n в (4), при анализе (4) как nP, а не конструкции с плавающим квантором: падежный признак может присваиваться nP и, таким образом, распространяться на NP, вложенную в nP.

Более сложная проблема — возможность и условия топиализации NP (*haksayng, chayk*) в примерах (7), (9) и связь топиализации с изменениями в падежном маркировании полнозначного имени и классификатора (см. сноску 4). Структура (10) в принципе допускает топиализацию NP⁷, однако не объясняет механизма этой топиализации. [Jung 2004, 2005] предлагает рассматривать топиализацию как передвижение в позицию Spec

⁴ В данном случае под топиализацией подразумевается перенос NP (в примере (9)) или всей группы с классификатором nP в начальную позицию в предложении без изменения падежного маркирования (как в (12а) из п. 2.2) — а не постановка NP в группу топики TopP с маркировкой показателем топики *-(n)un*, как в (12в). В (9) и (12а) в п. 2.2. у перенесенной в начало предложения группы (NP или nP) остается показатель *-(l)ul* ‘ВИН’. Ср. (12в), в котором группа классификатора при вынесении в TopP приобретает показатель топики *-(n)un* вместо показателя *-(l)ul*. Знак $\sqrt{\quad}$ в (9), в отличие от знака * (в (4)), обозначает грамматическую правильность примера. Также, в примере (9), t_{NP} обозначает «след» (trace), или исходную позицию NP *chayk-ul* (внутри группы классификатора nP), подвергшейся топиализации: $[_{NP} Chayk-ul]$.

⁵ Необходимо заметить, что значение выбора из множества (как в переводе примера (9): ‘три сборника (из некоторых книг’)») специально не характерно ни для конструкции типа (3а) или (3б), ни для конструкции с дублированием падежа типа (4). Это значение обычно возникает при топиализации (в примере (7) или (9)). Оно может также возникать при дублировании падежа и дополнительных контекстных условиях: так, в примере (8) выбор из множества не подразумевается, а в (13б) в п. 2.2 значение выбора возникает только в контексте наречия *pelsse* ‘уже’.

⁶ Введение «многослойной» именной группы отражает представление об именной группе как о группе, по своей структуре аналогичной глагольной, ср. аналитические глагольные конструкции с vP (группой вспомогательного глагола). См. [Abney 1987; Radford 2000], на типологическом материале — [Гращенко 2006].

(спецификатор) группы топика / фокуса (TopP / FocP) в соответствии с коммуникативными признаками [+TOP] и [+FOC]⁸.

Последний вопрос следующий: можно ли вывести из (10) альтернативную по отношению к (6) структуру для (3а)? В диссертации [Muromatsu 1998] (на материале японского), используя до некоторой степени сходную с (10) структуру, дается положительный ответ на этот вопрос; в статьях [Jung 2004, 2005] — отрицательный⁹.

В настоящем пункте были рассмотрены основные типы конструкций с классификаторами и их формальный анализ с помощью структуры составляющих.

2.2. Денотативные характеристики конструкции с классификаторами

В работах по семантике и синтаксису конструкций с классификаторами ([Tang 1990; Krifka 1995; Cheng, Sybesma 1999; Nakanishi 2004; Lee 1989, 2000]¹⁰) отмечается, что эти конструкции обозначают дискретное множество. В работе [Chierchia 1998] предполагается, что имя (N) в языке без грамматической категории множественного числа и с классификаторами обозначает некантифицированный и недискретный объект (в терминах формальной семантики). Это касается и имен, обозначающих массу (рис), и имен, обозначающих отдельные объекты (книга). При такой трактовке существительное само по себе, без контекста, в котором оно употребляется, — «простое» / «голое» существительное, “bare noun” — не несет никакой информации ни о дискретности обозначаемого объекта, ни вообще о денотации этого существительного¹¹.

Исходя из таких посылок, в корейском *chayk* ‘книга’ и *ssal* ‘рис’ из (1а, б) — простые по структуре именные группы (bare NP-s); у них может быть как референтный или определенный, так и нереферентный (например, родовой) денотативный статус — см. возможные переводы (1а). Кроме того, простая NP не содержит информации о единственном или множественном числе объекта (книга / книги, рис) или о (не)дискретности этого объекта. Неисчисляемые имена в (1в), при употреблении в виде простой по структуре именной группы / bare NP, всегда обозначают недискретное множество. Употребление исчисляемых имен с родовым денотативным статусом также может представлять объект (*chayk* в (1а), перевод (А)) как недискретный.

Как мы видели в п. 2.1, схема (10), группа классификатора — не просто NP, а более сложная структура: nP, в которую вложены NumP и NP. Числительное, стоящее в позиции Num, дает количественную характеристику объекту, обозначаемому N (*chayk*, *ssal*). Согласно работе [Nakanishi 2004: 52], классификатор (*kwen* в (1б), *mal* в (1д)) имеет чисто служебное значение соотношения объекта (N) в количестве Num с квантитативной шкалой. Классификатору соответствует функция F, аргумент которой — не специфицированный по дискретности объект, а значение — уже квантифицированный и дискретный объект. Поскольку квантификации с помощью целых чисел могут подвергаться только дискретные объекты, конструкция с классификатором и исчисляемым именем в (1б) не может иметь родового референциального статуса.

Из примера (1д) видно, что существительное *ssal* ‘рис’ (недискретная масса), в конструкции с классификатором — существительным, обозначающим меру¹², обозначает дискретное множество порций риса (по 18 литров). В конструкциях с неисчисляемыми существительными классификатор выполняет до-

⁷ Однако корректно запрещает топикализацию NumP (*kwen*) отдельно от NP (*chayk*) без дополнительных технических построений — топикализация [Num + n] (*se* + *kwen*) невозможна, так как [Num + n] не образуют одну составляющую. См. пример (14б) в п. 2.2.

⁸ Мы не рассматриваем здесь схему, предложенную в [Jung 2004: 583], подробно, поскольку в работе [Jung 2004] исходной структурой при топикализации считается (5а) / (6), а не (5б) / (10). Обсуждение этого вопроса требует более подробного изложения дополнительного материала.

⁹ В работе [Lee 2000], как и в [Muromatsu 1998], предлагается для группы с классификатором, вместо (10), сенсориальная структура типа SC (Small Clause, «малая клауза»). Подлежащее SC — NP — существительное, а предикат — [Num + Class], см. (ii):

(ii) [SC [SUB NP] [PRED NumP + ClassP] SC].

Из (ii) легко выводится возможность предикативной позиции [Num + Class] — сказуемого (пример (14а) в п. 2.2) и топикализация NP-подлежащего в (7), (9), (12а). Из (ii) [Lee 2000] также предлагает выводить схему для (3а) — вместо (6). В подобной схеме генитивная группа *yel kwen-uy* в (3а) — свернутая предикация SC из (ii) с нулевым подлежащим, которая оформляется как генитивная NP, см. (iii). При всей своей привлекательности схема (iii), как кажется, носит предварительный характер и требует доработки:

(iii) [SpecNP [NP-GEN [SC [SUB Ø₁] [PRED NumP + ClassP] SC] -uy NP-GEN] [N' N_i] NP].

¹⁰ См. также работы [Шмелёв 2005: 512] и [Hwang, Rudnitskaya 2010]; ссылки в последней работе.

¹¹ См. обсуждение этого вопроса на японском и корейском материале в работе [Nemoto 2005].

¹² Согласно работе [Martin 1992: 182], такие существительные относятся к классификаторам группы 3. Существительные со значением меры считаются исследователями сходными с классификаторами по своим референциальным и синтаксическим свойствам, см., например, попытку одинаковой трактовки классификаторов и существительных меры в работе [Nakanishi 2004].

полнительную функцию разбиения недискретной массы на дискретные порции — так называемые “massifiers” в работе [Cheng, Sybesma 1999: 515], например «бутылка», «горсть», «тарелка».

- (1) а. *Chayk-un caymiiss-Ø-ta*
книга-ТОП быть_интересным-НАСТ-ИЗЪЯВ

(А) ‘Книга (вообще) интересная [вещь]’ [употребление *chayk* с факультативным аффиксом *-tul* ‘МНОЖ’ здесь невозможно];

- (Б) ‘(Эта / какая-то) книга интересная’.

- б. *Chayk(-tul) twu kwen-ul ilk-ess-ta*
книга(-МНОЖ) два КЛАСС-ВИН читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ

‘(Он) прочел две книги’ [в конструкции с классификатором аффикс *-tul* ‘МНОЖ’ не употребляется].

- в. *Ssal-ul sa-ss-ta*
рис-ВИН купить-ПРОШ-ИЗЪЯВ ‘(Он) купил рис’

- г. *Ssal twu mal* [Lee 1989: 7]
рис два КЛАСС.18_литров_злаков

‘Два 18-килограммовых пакета риса’.

- д. *Khokkili-(*han mali) -ka kulim-ul (ta) kuli-ney!*
слон-(*один КЛАСС) -ИМ картина-ВИН (НАР.УСИЛИТ) рисовать-МИРАТ

‘О, даже слон рисует!’ (примеры составлены на основе примеров (47)–(48) из работы [Lee 2000]).

Пример (1д) показывает, что при родовой интерпретации NP, навязанной контекстом (кванторное наречие-интенсификатор *ta* ‘НАР.КВАНТ/УСИЛИТ’ и показатель миратива *-ney*), NP не может употребляться в составе группы классификатора, а только в качестве простой (bare) NP. Таким образом, одна из основных функций классификатора — указание на дискретность объекта / совокупности объектов, обозначаемой полнозначным существительным, и соотношение количества объектов с квантитативной шкалой.

Вопрос о том, могут ли классификатор с числительным сами по себе указывать на референцию объекта или определять его денотативный статус, является спорным. Некоторые исследователи (например, [Kim 2001; Jung 2004, 2005]) считают, что группа классификатора с препозицией имени (3б), в отличие от (3а) с препозицией группы [Num + Class], обладает признаком [– определенность] или даже [– референтность]. Подобные идеи возникали и у исследователей китайского. Так, в работе [Tang 1990] предлагается включить в значение группы классификатора экзистенциальный оператор «∃».

Тем не менее [Kim 2001] и в особенности [Kim Ch. 2005] не ограничивают денотацию группы классификатора в (3б) неопределенными / нереферентными употреблениями, в отличие от конструкции типа (7) с плавающим квантором из п. 2.1.

По свидетельству [Kim Ch. 2005] (что подтверждается нашими примерами), конструкция типа (3б) может обозначать определенные или заданные в контексте объекты, если группа классификатора подвергается топиализации (12а) (см. сноску 4), употребляется с указательным местоимением и / или показателем топика вместо именительного падежа (12б, в).

- (12) а. $\sqrt{[nP \text{ Chayk sey kwen-ul}]_1}$ *Chelswu-ka*
[nP книга три КЛАСС-ВИН]₁ Чольсу-ИМ
[vP *pelsse t_{NP} ilk-ess-ta*]
[vP уже t_{NP} читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ]

‘ТРИ книги Чольсу уже прочел’ (при отсутствии контекстно-заданного ассоциированного / объемлющего множества).

- б. $\sqrt{Ku haksayng tases myeng}$
этот студент пять КЛАСС ‘Эти пять студентов’.

- в. $\sqrt{[TopP [nP (Ku) chayk sey kwen]-un]}$ *Chelswu-ka*
[TopP [nP (этот) книга три КЛАСС]-ТОП] Чольсу-ИМ
[vP *pelsse t_{NP} ilk-ess-ta*]
[vP уже t_{NP} читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ]

‘Три книги [заданные в контексте / те, о которых шла речь] Чольсу уже прочел’.

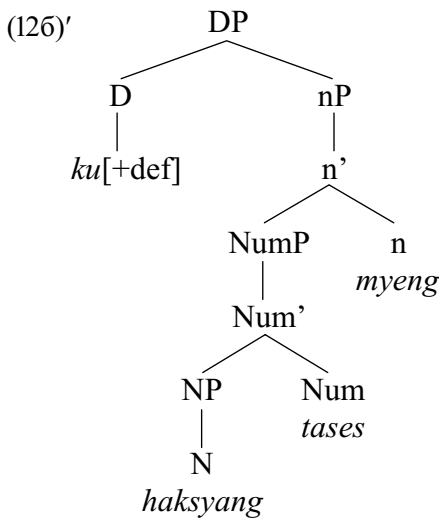
При определенном денотативном статусе группы с классификатором в (12а–в) показатель ‘ВИН’ *-ul* может стоять только при классификаторе (*kwen*): *chayk sey kwen-ul* в (12а). Тут *-ul* относится ко всей группе классификатора nP по схеме (10): $[nP \text{ chayk sey kwen}]-ul$ ¹³.

¹³ Согласно работам [Yoon 1995, 2005], ‘ВИН’ тут групповая флексия, или фразовый аффикс. Подробнее см. п. 3.2, свойства аппроксимативной частицы *-ccum*.

В случае, когда 'ВИН' присоединяется в первую очередь к имени *chayk* 'книга' (ср. *chayk-ul... sey kwen* в примере (9)), т.е. в конструкции с плавающим квантором, *chayk-ul* образует отдельную NP, которая претерпела топиализацию, передвинувшись из группы классификатора nP влево (ср. также *haksayng-i* 'студенты' в примере (7), реплика (B)). Тут ограничения на денотацию NP *chayk-ul* 'книга' более строгие, мы их не рассматриваем в настоящей статье¹⁴.

Примеры (12a–в) свидетельствуют о том, что числительное и классификатор не определяют денотацию группы с классификатором, как и в случае простой/ "bare" NP, о которой речь шла выше, примеры (11a), (11в). В случае определенного денотативного статуса в (12a) определенность всей группы связана с ее топиализацией (начальной позицией в предложении). В (12б) определенность обусловлена указательным местоимением *ku* 'этот', которое стоит в позиции D (детерминатор); nP (группа с классификатором по схеме (10)) — комплемент DP, см. (12б)' в сравнении с (10).

В (12в) группа с классификатором стоит в синтаксической позиции топики; группа, стоящая в этой позиции, обычно является упомянутой или заданной в предшествующем контексте и поэтому определенной.

Примеры (12a–в) и схема (12б)' свидетельствуют против гипотезы об экзистенциальном кванторе «∃», входящем в группу с классификатором ([Tang 1990]), — этот квантор несовместим с определенным денотативным статусом.

На то, что у группы с классификатором может быть неопределенная / нереперентная денотация, указывает возможность этой группы в экзистенциальной конструкции (см. (13a)) и возможность слова со значением неопределенного количества в позиции Num (числительного) в (13б). Важно заметить, что универсальный квантор *motun* 'весь.КВАНТ' возможен в экзистенциальной конструкции, только если относительное придаточное ограничивает область допустимых референтов — см. (13в, г). Универсальный квантор-существительное не может стоять в позиции числительного — см. (13д).

- (13) а. *pang-ey* *yeca* *sey* *myeng-i* *iss-ess-ta*
 комната-МЕСТ женщина три КЛАСС-ИМ быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'В комнате были три женщины'.
- б. *Chelswu-nun chayk(-ul)* *yele/ myechmyech* *kwen-ul*
 Чольсу-ТОП книга(-ВИН) несколько КЛАСС-ВИН
pelsse ilk-ess-ta
 уже читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'Чольсу уже прочел несколько из книг' (из тех, которые ему задали).
- в. *??pang-ey motun yeca-ka iss-ess-ta*
 комната-ЛОК весь.КВАНТ женщина-ИМ быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'В комнате были все женщины'.
- г. *√kangtang-ey [wuli tongney-ey sa-nun]*
 аудитория-ЛОК [наш село-ЛОК жить-ПРИЧ]
motun yeca-tul-i iss-ess-ta
 весь.КВАНТ женщина-МНОЖ-ИМ быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'В аудитории были все женщины, которые живут в нашем селе'.
- д. **haksayng motwu myeng*
 студент все.СУЩ КЛАСС
 'Все студенты'.

Дополнительные аргументы против способности числительного и классификатора к самостоятельной денотации: 1) возможность предикативной позиции числительного и классификатора (14a); 2) невозмож-

¹⁴ При топиализации обязательно и выдвигание NP в начало предложения, и падежный показатель у этой NP (см. пример (9)). Само дублирование падежного показателя (примеры (4), (8), (13б)) не налагает строгих ограничений на денотативный статус NP, см. сноску 5. Если падежный показатель есть только у топиализованной NP (но не у классификатора), предпочтителен определенный денотативный статус вынесенной NP, как в примере (9), и нереперентная интерпретация оставшейся части nP [Num + Class]. В примере (12a), в котором при топиализации nP показатель *-(l)ul* присоединяется только к классификатору, предпочтительна неопределенная интерпретация NP без ситуации выбора. Подробнее см. работы [Lee 2000; Kim 2001; Nakanishi 2004; S. Kim 2004; Ch. Kim 2005] и др.

ность препозиции группы [Num + Class] по отношению к NP, обозначающему квантифицируемый объект *chayk* 'книга' в (14б)). Квантифицируемая NP (примеры (7(A)) и (9)) или вся группа с классификатором может стоять в начальной позиции в предложении или быть топиком — ср. (12а), (12в). Как показано в примере (14в), числительное и классификатор (*sey myeng*) во многих контекстах могут предшествовать имени (*yeca*) только с показателем *-uy* 'РОД'. В результате получается конструкция (3а); ср. почти синонимичный пример (13а) с постпозитивной конструкцией с классификатором типа (3б).

- (14) а. *yeca-ka sey myeng-i-Ø-ta* [Lee 1989: 7]
 женщина-ИМ три КЛАСС-быть-НАСТ-ИЗЪЯВ
 'Женщин [пришло, букв. 'есть'] три человека'.
- б. * [NP [Num+Class *Sey kwen(-ul/-un)*] [NP *chayk(-ul/un)*]]
 * [NP [Num+Class три КЛАСС(-ВИН/-ТОП)] [NP книга(-ВИН/-ТОП)]]
Chelswu-ka pelsse t_{NP} ilk-ess-ta
 Чольсу-ИМ уже т_{NP} читать-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 подразумеваемый перевод: 'ТРИ книги [возможно, заданные в контексте, те, о которых шла речь] Чольсу уже прочел'.
- в. *Pang-ey sey myeng*(-uy) yeca-ka*
 комната-ЛОК три КЛАСС*(-РОД) женщина-ИМ
iss-ess-ta
 быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'В комнате были (эти) три женщины'.

Вопрос о референции группы с классификатором можно рассматривать с другой стороны — с точки зрения подхода к числительному как квантору / квантификатору в рамках формальной семантики [Jelinek 1995; de Hoop 1995: 438–439; Partee 2004]. У числительного как квантора «количественная» (cardinal) референция, которая по некоторым характеристикам близка к референции «слабых» кванторов типа *manh-ta* 'мало-ПРЕД', *sek-ta* 'много-ПРЕД'¹⁵. «Количественная» референция числительного «передается» всей группе с классификатором (nP в (10)).

«Слабые» кванторы, в отличие от «сильных», свободно употребляются в экзистенциальной конструкции: ср. (13а, б) с классификатором, (13в, г) с «сильным» квантором *motun* 'все' и (15а) со «слабым» квантором *manh-ta* 'много.ПРЕД'.

Еще один тест, различающий «сильные» кванторы с одной стороны и «слабые» кванторы и числительные — с другой — возможность употребления в предикативной позиции (тест из работы [Jelinek 1995: 519]). Пример (14а) с *sey myeng* 'три КЛАСС' в предикативной позиции возможен. *Manh-ta* 'много.ПРЕД' возможно в предикативной позиции, а *motwu* 'все.СУЩ' — нет, ср. (15б) и (15в)¹⁶.

- (15) а. *Pang-ey manh-un yeca-ka iss-ess-ta*
 комната-ЛОК много-ПРИЧ женщина-ИМ быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'В комнате было много женщин'.
- б. *Yeca-ka manh-Ø-ta* [Lee 1989: 7]
 женщина-ИМ много-НАСТ-ИЗЪЯВ
 'Женщин [пришло, букв. 'есть'] много'.
- в. *?? *Yeca-ka motwu-i-ess-ta*
 женщина-ИМ все.СУЩ-быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 *??Женщины были все'.

¹⁵ Разница между «сильными» и «слабыми» квантификаторами (weak vs. strong, см. [Partee 2004] и ссылки в этой работе) заключается в следующем. У «сильных» квантификаторов (со значением 'все', 'каждый', 'никто') число релятивное значение. Они обозначают отношение (например, включения) между двумя множествами без указания на количественную характеристику этих множеств. «Слабые» квантификаторы (со значением 'много', 'мало') несут в своем значении количественную характеристику относительно некоторой нормы. Числительные по своим квантитативным свойствам близки к «слабым» квантификаторам. Параметр «наличие / отсутствие объемлющей совокупности» из работы [Шмелёв 2005: 512] противопоставляет количественное значение релятивному и приблизительно соответствует контрасту между «сильными» и «слабыми» квантификаторами.

¹⁶ В специально заданном контексте (ожидалось, что будут мужчины; вопреки ожиданиям, были только женщины) вместо примера (15в) маргинально возможны предложения с другими квантификаторами: *ta* 'НАР.КВАНТ' и *cenpwu* 'все / всё' (вместо *motwu* 'все.СУЩ'), ср. (iv):

(iv) ?? *Yeca-ka ta-i-ess-ta / cenpwu-i-ess-ta*
 женщина-ИМ НАР.КВАНТ-быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ / все / всё-быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ

Приведенные тесты говорят о том, что группа классификатора в корейском по своим теоретико-множественным свойствам наследует «количественную» референцию входящего в нее числительного, близкую к референции «слабого» квантора.

В целом полнозначное существительное N в группе с классификатором типа nP (36) / (10) обладает лексическим значением, а числительное и классификатор (NumP по (10)) дискретным образом квантифицируют объект, обозначаемый N, с привязкой к количественной шкале. При этом вершина группы классификатора (n, служебное существительное) никак не ограничивает денотативные свойства всей группы nP. Эти свойства во многом определяются контекстом и синтаксической структурой предложения.

Приведенные тесты также позволяют сделать вывод, что в корейском можно говорить о существовании грамматических различий между «сильными» и «слабыми» кванторами.

3. Конструкции со значением приблизительности

В данном пункте будут рассмотрены конструкции со значением приблизительности, в первую очередь образованные с помощью аффиксов или частиц. Если рассматривать все элементы группы классификатора из предыдущего пункта, аппроксимативная частица (или аффикс) теоретически может или входить в группу существительного (синтаксически относиться к существительному), или относиться к числительному или к классификатору.

Интересно, что в реальности подобные аффиксы / частицы присоединяются либо к обычному количественному числительному («адноминальному числительному»), либо к классификатору, причем значение аффикса *-ye*, который присоединяется к числительному, не чисто аппроксимативное, а «аппроксимативно-избыточное» (т. е. «немногим более»). Чисто аппроксимативный аффикс *-ccum* может присоединяться к «предметной» форме числительного [Холодович 1954: 70] («числительного (существительного)», по [SKLD 2008], *seys-ccum* ‘три.ПРЕДМ-ССУМ’, см. (286) ниже) или к классификатору. Аффикс *-ye* может присоединяться, помимо числительного, только к одному типу классификаторов — существительному со значением периода времени / меры¹⁷ — ср. (16)–(17).

(16) <i>isip</i> двадцать <i>isip</i> двадцать	<i>pwun-ccum</i> / минута.КЛАСС-ССУМ / <i>pwun-ye</i> минута.КЛАСС-YE	<i>isip-ye</i> двадцать-YE	<i>pwun</i> / минута.КЛАСС /
‘Примерно двадцать минут’.			
(17) <i>oleyn-ci</i> апельсин * <i>oleyn-ci payk</i> апельсин	<i>payk</i> <i>kay-ccum</i> / сто КЛАСС-ССУМ / <i>kay-ye</i> сто КЛАСС-YE	<i>oleyn-ci</i> апельсин	<i>payk-ye</i> <i>kay</i> / сто-YE КЛАСС /
‘Примерно сто апельсинов’.			

-Ccum (с чисто аппроксимативным значением) указывает на то, что количественная характеристика объектов соотносится с отрезком количественной шкалы вокруг некоторой точки, например точки ‘двадцать’ / ‘сто’ в (16)–(17). А *-ye* характеризует число объектов как неточное и заниженное. Интересно, можно ли провести прямую аналогию между грамматическими позициями *-ccum* и *-ye*, с одной стороны, и различием в их значении — с другой. Такая параллель, будучи логически последовательной, эмпирически полностью не подтверждается (см. выводы в пп. 3.1–3.2).

3.1 Словообразовательная парадигма числительного; аппроксимативные числительные

Сначала рассмотрим аффиксы¹⁸, которые образуют от «простых» / количественных числительных другие виды числительных. В соответствии с работой [Martin 1992: 174], у количественных числительных в корейском есть несколько специальных «аппроксимативных» форм. Эти формы образуются от количественных, адноминальных и даже от порядковых числительных [Martin 1992: 179], см. таблицу.

¹⁷ О типах классификаторов см. [Lee 2000] и [Martin 1992: 182]; в соответствии с этими работами, существительные периода времени / меры относятся к классификаторам типа 3. У подобных классификаторов нестандартные, «усеченные» группы классификатора, в которых смысловое существительное отсутствует, так как тип квантифицируемого объекта выводится из значения классификатора. Например, в (16) классификатор *pwun* ‘минута’ указывает на то, что квантификации подвергается время. *-Sikan* ‘час’ может употребляться и как классификатор, и как полнозначное существительное.

¹⁸ Мы также включаем в рассмотрение наречия. Использование разных конструкций (с частицами или с наречиями) и дублирование наречий / модификаторов и частиц в одной конструкции для выражения одной и той же категории (примеры (21e) и (35)) — обычное явление с точки зрения типологии, см. [Татевосов 2002].

Виды числительных и модели их образования¹⁹

Происхождение числительных	Исконно корейские	Сино-корейские	Наречия и частицы
Морфологические типы числительных/ типы наречий			
Простые / количественные (или «предметная форма», по [Холодович 1954: 70] ²⁰)	<i>hana</i> 'один', <i>twul</i> 'два', <i>seys</i> 'три', <i>neys</i> 'четыре'... <i>sumwul</i> 'двадцать'... (только до ста, далее во всех случаях используются сино-корейские числительные)	<i>il</i> 'один', <i>i</i> / <i>yang</i> 'два', <i>sam</i> 'три'... <i>sip</i> 'десять'... <i>payk</i> 'сто'	<i>cengkak</i> 'ровно' (о времени), <i>ttak</i> 'как раз'
«Адноминальные числительные», по [Nam, Ko 1985 / 2007]	<i>han</i> 'один', <i>twu</i> 'два', <i>sey</i> / <i>sek</i> / <i>se</i> 'три'... <i>yel</i> 'десять' (для числительных от одного до четырех и для двадцати образуется от количественных усечением последнего звука (-s, -l); у остальных обе формы совпадают)	—	
Аппроксимативные	(1) <i>twue(s)</i> ²¹ 'примерно два', 'около двух', <i>nete(s)</i> 'примерно четыре-пять', 'около четырех или пяти' (непродуктивная модель, только от числительных до десяти) (2) <i>han-twu</i> 'один или два', <i>twu-sey</i> 'два или три', <i>twu-se-ne</i> 'два, или три, или четыре'... (та же модель, что у сино-корейских числительных, тоже только до десяти)	<i>il-i</i> 'один или два', <i>i-sam</i> 'два или три'	<i>yak</i> , <i>taylyak</i> , <i>han</i> 'примерно' (могут употребляться вместе с <i>-ccum</i> и <i>-cengto</i>) <i>-ccum</i> / <i>-cengto</i> 'примерно' (<i>-ccum</i> — частица; <i>-cengto</i> — служебное существительное-послелог, см. п. 3.2)
Аппроксимативно-«избыточные» (excess)	<i>ye-patun</i> 'немногим более десяти', <i>sumwunatun</i> 'немногим больше двадцати' (модель сильно лексикализована; <i>ye-patun</i> (ye-patun) употребляется активно, <i>sumwunatun</i> — крайне редко, формы от тридцати и сорока — только в северокорейских диалектах)	<i>sip-ye</i> 'десять с небольшим' / 'более десяти'; <i>payk-ye</i> 'сто с небольшим' / 'более ста' (образуются начиная с десяти, обычно от больших и круглых чисел)	<i>mwulye</i> (<i>payk</i>) 'целых сто' ('as many as', 'более, чем ожидалось'); <i>(yel myeng-namcis</i> 'немногим более десяти человек' (по значению <i>-namcis</i> сходно с <i>-ye</i> , но <i>-namcis</i> и др. слова ниже — служебные существительные-послелог) <i>-chokwa</i> / <i>-isang</i> 'больше', <i>-miman</i> / <i>-iha</i> 'меньше'
Порядковые ^{22,23}	<i>seys-ccay</i> 'третий', <i>ilkop-ccay</i> 'седьмой'	<i>sey-isip</i> 'двадцатый'	

¹⁹ На основе [Martin 1992: 174–179, 415], [Мазур, Никольский 1991], [Nam, Ko 1985 / 2007].

²⁰ Данная форма в конструкции с классификатором заменяет числительное и классификатор одновременно, ср. (19б), а также употребляется изолированно, например, в арифметических примерах [Hwang, Rudnitskaya 2010: 333–336].

²¹ Форма на *-s* (*twues*) — количественная / «предметная» аппроксимативная форма; форма без *-s* — «адноминальная».

²² Исконно корейские порядковые числительные образуются от количественной / «предметной» формы с помощью частично грамматикализованного существительного-послелога *-ccay* 'степень', а сино-корейские порядковые числительные образуются от количественных прибавлением префикса *sey-*.

²³ В работе [Martin 1992: 179] упоминаются «порядковые (аппроксимативно-)избыточные» формы: *isip* 'двадцать' → *isip-ye nyen-ccay* 'примерно 20-й год', 'более чем 20-й год'. Эти формы используются в первую очередь как обстоятельства времени, ср. (v). Интересно, что такие формы образуются по «смешанно-аналитической» модели: ЧИСЛ (сино-кор)-*ye* (сино-кор) + КЛАСС (тип 3) *-ccay* (кор) (а не на *sey-* (сино-кор) + *-ye* (сино-кор)): *sey-isip-ye 'примерно 20-й'.

(v) *Ku-nun*   *i*   *cip-eyse*   *isip(-ye) nyen-ccay*   *sal-ko*   *iss-Ø-ta*
он-ТОП   этот   дом-ЛОК   20(-YE) год-ПОР   жить-КОНВ   быть-НАСТ-ИЗЪЯВ
'Он живет в этом доме более 20 лет' (букв: 'Он живет в этом доме более чем 20-й год').

Проиллюстрируем приведенные конструкции примерами из [SKLD 2008]: (18) на исконно корейские аппроксимативные числительные, (19) — на предметные аппроксимативные числительные, (20), (21) — на сино-корейскую словообразовательную модель с *-ye*. Как мы видим при сравнении (18б) и (19б), предметное числительное совмещает функции числительного и классификатора, так что предметное числительное не сочетается с классификатором. Подробнее см. [Hwang, Rudnitskaya 2010].

- (18) а. *sakwa* *twue* *kay*
яблоко два.АППР КЛАСС
'Примерно два яблока'.
- б. *selak-san-ey-nun* *twue* *pen-ccum*
Серак-гора-НАПР-ТОР два.АППР КЛАСС-ССУМ
ka-∅ *po-ass-ta*
идти-КОНВ смотреть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
'(Она) ходила на гору Серак около двух раз'.
- (19) а. *twues* — числительное: 'число примерно два' [SKLD 1999]
- б. *Namca-eykey-nun* *anay-nun* *mwullon* *ttal-to* *iss-ko*
мужчина-ЛОК-ТОП жена-ТОП конечно дочь-ЧАСТ быть-КОНВ
sonca-to *twues* *iss-ess-ta*
внук-ЧАСТ два.АППР.ПРЕДМ быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ
'У него (т.е. у мужчины) есть, конечно, жена и дочь и примерно два внука' (говорящий точно не помнит).
- (20) а. *-ye* — суффикс, обозначающий 'более чем в каком-л. количестве' [SKLD 2008].
- б. *sip-ye*
десять-УЕ 'Более десяти'.
- в. *payk-ye kay*
сто-УЕ КЛАСС 'Более ста штук'.
- г. *sip-o* *nyen-ye-uy* *sey-wol*
десять-пять год-УЕ-РОД год-месяц 'Более пятнадцати летних сезонов'.
- д. *han* *sikan-ye-lul* *kitali-ta*
один час-УЕ-ВИН ждать-ПРЕД 'Ждать более одного часа'.

Как видно из (20г, д) (ср. (16)), *-ye* может присоединяться к существительному — названию временного периода (*nyen* 'год', *sikan* 'час'), но не к *seywol* 'время'. Слова, обозначающие временной период, относятся к классификаторам типа 3 по [Martin 1992: 182] (см. сноски 17, 23). Такое существительное-классификатор может после *-ye* присоединять падежное окончание (*sip-o nyen-ye-uy* 'пятнадцатилетний', *han sikan-ye-lul* 'в течение одного часа' в (21г, д)).

Примеры (16)–(17) (см. выше, в начале п. 3) показывают, что

— (16) — конструкция с *-ye* синонимична конструкции с исконно корейской частицей *-ccum*; также см. пример (21б);

— (16) — *-ye* может присоединяться не только к числительным, но и к обозначениям периода времени / меры сино-корейского происхождения (типа *pwun* 'минута');

— (17) — *-ye* не может присоединяться к классификаторам, которые не относятся к типу 3, например к классификатору *kay* сино-корейского происхождения. Также см. (21б) с сино-корейским классификатором *myeng*.

В примерах (21б–в) показано, что *-ye* не может образовывать аппроксимативные формы от числительных до десяти (*han* 'один', *o* 'пять'), поэтому в (21а) *-ye* присоединяется к существительному со значением периода времени (*sikan* 'час', классификатору типа 3).

Из (21г, д) видно, что *-ye* и *-ccum* могут сочетаться в одной конструкции без изменения значения. В редких случаях они могут стоять подряд в одной словоформе (ср. (21д) — *nyen* 'год', как и *pwun* 'минута.КЛАСС' в (16) — сино-корейское слово).

- (21) а. *han-ye *sikan /* [√]*han* *sikan-ye*
один-УЕ час [сино-кор] / один час [сино-кор]-УЕ
'Около часа / немногим больше часа'.
- б. *tases* *myeng-ccum /*
пять [иск.кор] КЛАСС [сино-кор]-ССУМ /
*tases *myeng-ye /* *tases-ye *myeng*
пять [иск.кор] КЛАСС[сино-кор]-УЕ / пять [иск.кор]-УЕ КЛАСС [сино-кор]
'Около пяти человек'.

в.	* <i>O-ye</i> пять [сино-кор.]-YE 'Около пяти человек'	<i>myeng/</i> КЛАСС[сино-кор] /	<i>samprayk-ye</i> триста-YE 'Около трехсот человек'	<i>myeng</i> КЛАСС [сино-кор]
г.	<i>oleynsi</i> апельсин	<i>payk-ye kay-ccum</i> сто-YE КЛАСС-ССУМ	(синонимично (17))	
д.	<i>Sip-ye</i> десять-YE 'Около десяти лет'	<i>nyen-ccum/</i> год-ССУМ/	<i>sip</i> десять	<i>nyen-ye-ccum</i> (редк.) год-YE-ССУМ

В целом *-ye* сохраняет свойства словообразовательной морфемы:

— более свободное употребление в сочетаниях, обозначающих временной промежуток, то есть ограниченная сфера употребления — ср. (16) и (17);

— в других конструкциях — употребление только при числительном (17);

— употребление **в основном** (см. (21a)) с сино-корейскими корнями;

— препозиция по отношению к падежным частицам (20г, д).

-Ye, как и *-ccum* (п. 3.2), свободно сочетается с наречиями приблизительности:

(21e)	<i>Ku-uy</i> он-РОД	<i>yencwuhoy-ey-nun</i> концерт-ЛОК-ТОП	<i>yak / taylyak / han / mwulye</i> примерно
	<i>samprayk-ye</i> триста-YE	<i>myeng-i</i> КЛАСС-ИМ	<i>moi-ess-ta</i> собираться-ПРОШ-ИЗЪЯВ

'На его концерте было около 300 человек' (в случае *mwulye* — '...целых 300 человек').

Таким образом, в корейском сосуществуют сино-корейский словообразовательный аффикс *-ye* и исконно корейская фразовая частица *-ccum* (более подробную грамматическую характеристику *-ccum* см. в п. 3.2). Сфера употребления *-ye* в целом более ограничена, чем у *-ccum*: *-ye* в первую очередь обозначает неопределенность в сфере времени. *-Ye* не полностью синонимично *-ccum* и означает 'примерно и немного более', а не просто 'примерно'. Однако *-ye* и *-ccum* — квазисинонимичны, их различие в значении может нивелироваться в некоторых случаях, когда из-за грамматического запрета употребление одного из них невозможно — (17), (21a).

Особый интерес представляет практически не употребляющаяся в Южной Корее (см. таблицу) форма с отглагольным аффиксом *-namun* (< *nam-un* < *nam-ta* 'оставаться') и с аппроксимативно-избыточным значением. Эта форма приводится в грамматике [Martin 1992: 178] как регулярно образующаяся от исконно корейских чисел, обозначающих десятки: *sumwu-namun* 'немногим более двадцати', *mahun-namun* 'немногим более сорока' и т. д.²⁴ Реально эта форма употребляется только с числительным *ye* (< *yel*) 'десять' (*yenamun*); по [SKLD 2008], *yenamun* — «адноминальное числительное», означающее 'число немного более десяти', ср.:

(22) а.	<i>Ku-nal</i> тот-день	<i>hwoyuy-ey-nun</i> собрание-ЛОК-ТОП	<i>hwoywon-i</i> член-ИМ	<i>yenamun-pakkey</i> десять.АППР.ИЗБ-кроме.ПОСЛ
	<i>moi-ci</i> собираться-КОНВ	<i>anh-ass-ta</i> ОТР-ПРОШ-ИЗЪЯВ		

'В этот день на собрание пришло только немногим более десяти членов' (букв. '... члены не собрались, кроме немногим более десяти').

б.	[<i>Yenamun</i> [десять.АППР.ИЗБ <i>po-i-nun</i>] видеть-ПАСС-ПРИЧ]	<i>sal-ccum</i> год-ССУМ <i>sanay-ai</i> становиться-КОНВ мальчик-ребенок	<i>toy-e</i> становиться-КОНВ	
----	--	---	----------------------------------	--

'Мальчик, которому на вид немного более десяти лет'.

в.	<i>Sangcem</i> магазин	<i>aph-ey</i> перед-ЛОК	[<i>ai-tul-i</i> [ребенок-МНОЖ-ИМ	
	<i>yenamun</i> 10.АППР.ИЗБ	<i>myeng</i> КЛАСС]	<i>wungsengkeli-ko</i> жужжать-КОНВ	<i>iss-ess-ta</i> быть-ПРОШ-ИЗЪЯВ

'Перед магазином шумели дети; их было чуть больше десяти' (букв. '... дети числом немногим более десяти шумели').

Можно ли говорить о грамматической категории «аппроксимативности» или «избыточности» у числительных? С типологической точки зрения аппроксимативные и особенно «аппроксимативно-избыточные» числительные — достаточно редкое явление. В языках мира, помимо количественных и порядковых форм числительных, встречаются собирательные ('трое'), дистрибутивные формы ('по три

²⁴ Конструкция с *-namun* еще продуктивна в диалекте Северной Кореи.

(каждому)' — в грузинском, романских, амхарском языках), дробные ('(одна) треть'), мультипликативные формы ('трижды'), интегративно-кумулятивные формы ('тройной')²⁵.

В грамматике японского языка [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008: 238–240] приводится «послелог приблизительности» (частица) *-kurai / -gurai*²⁶. Однако *-kurai / -gurai* по своим грамматическим свойствам похожа на частицу *-ccit*, а не на словообразовательный аффикс *-ye*: *-kurai / -gurai* присоединяется к имени, а не к числительному, и не может иметь «аппроксимативно-избыточного» значения.

Все приведенные примеры и соображения позволяют сделать вывод, что можно говорить об «ограниченно-регулярном» образовании «аппроксимативно-избыточных» форм на *-ye* (см. [Плунгян 2010: 138–139]). Кроме того, аппроксимативно-избыточные и обычные / простые формы образуют привативную, а не эквиполентную оппозицию — это, согласно работе [Плунгян 2010: 120–121], является признаком словообразовательного, а не словоизменительного значения.

Значение аппроксимативности (как и уменьшительности, малого / большого количества) обычно выражается в языках словообразовательными средствами, например, ср. русские сложные слова *околопраздничный*, *околосотенный* [Даль 1881: 665]²⁷. В корейском переводе *околопраздничный* нет прямого аналога для *около-* (пример (23)), а *около-* в *околосотенный* в (24) может переводиться аппроксимативным послелогом *-cengto*, то есть грамматической формой (группы) числительного (см. п. 3.2 и работу [Рудницкая 2009]).

(23) *Год назад, например, также происходило уменьшение общих объемов работы в около-праздничный период* [кор. *hwuyil mwulyer-ey* 'выходной_день время-ЛОК'], но никто не приостанавливал контракты [http://avitorgan.narod.ru].

(24) *Конечно, есть вероятность того, что около-сотенные* [кор. *paek (lwipul) -cengto-uy* '100 (рубль)-CENGTO[АППР]-РОД'] *нефтяные цены еще не полностью проявились в отчетности из-за эффекта временного лага* [http://www.kursiv.kz/archive/print:page,1,1195200596-ne-nado.-ne-grusti.html].

Если у русской словообразовательной модели с *около-* нет регулярного соответствия в корейском, модели с *много-* соответствует корейская модель с префиксом *ta-*:

- (25) а. *ta-wenca*
МНОГО[ПРЕФ]-атом 'Многоатомный'.
б. *ta-cong*
МНОГО[ПРЕФ]-вид 'Многообразие'.
в. *ta-cong-uy*
МНОГО[ПРЕФ]-вид-РОД 'Многообразный' [Мазур, Никольский 1991: 328–329].

В целом, согласно обсуждению в работе [Плунгян 2010: 122; 130–141], аппроксимативную избыточность следует отнести или к регулярному словообразованию, или к промежуточным случаям «квазиграммем». Дополнительный аргумент против статуса аппроксимативной избыточности как грамматической категории — богатый спектр аффиксов, частиц и послелогов, использующихся для ее выражения (см. таблицу выше и примеры в п. 2.3).

В соответствии с работой [Stump 2001: 252–255], таблицу «Виды числительных и модели их образования» можно рассматривать как словообразовательную парадигму корейских числительных. Простая / количественная форма в этой парадигме является исходной (root / basic), а остальные образуются от нее довольно регулярно. Эта парадигма также в основном укладывается в теорию «инкрементальности»²⁸ (кроме «предметных числительных») — каждому добавляемому компоненту значения соответствует морфологическая операция добавления деривационной или корневой морфемы.

Кроме того, можно говорить об относительно регулярном образовании аппроксимативных числительных по модели *il-i* 'один-два', *chil-phal* 'семь-восемь', *sam-sa-sip* 'тридцать-сорок' от *sam-sip* 'тридцать', *sa-sip* 'сорок' и т.д., то есть у этой модели есть все признаки словообразовательной категории. Ч. Ли в [Lee 1989: 11–12] называет аппроксимативные и «аппроксимативно-избыточные» числительные «неточными» (oraque).

²⁵ Сведения из Википедии: http://nov.wikipedia.org/wiki/AIL_Numeral_Suffixes;
http://en.wikipedia.org/wiki/Number_names.

²⁶ В Википедии (http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese_particles) также упоминается синонимичная частица *-koro / -goro*, присоединяющаяся к числительным и употребляющаяся в сочетаниях, обозначающих время.

²⁷ Русские примеры с *около-* встречаются также на сайтах <http://tutu.mipt.ru/help.html>,
<http://www.rusdriver.ru/doc/Mini-Cooper%20S/15181.html>, <http://vlady.blogs.eurosport.ru/archive/> и др.

²⁸ См. [Stump 2001: 2–5] и ссылки в этой работе. Теория «инкрементальности» (incremental) подтверждается в первую очередь в агглютинативных, а не флективных или полисинтетических языках, ср. [Аркадьев 2004: 143].

3.2 Именная частица *-ccum* и послелогои *-cengto*, *-namcis* со значением приближительности / предела

Частица *-ccum* рассматривается словарем [SKLD 2008] как «аффикс (при существительном или группе существительного), который прибавляет значение ‘предел’ (мера, уровень, норма...)». Переводы примеров с *-ccum* (см., например, (16)–(17) и (21б)) говорят о том, что значение *-ccum* в общем сводится к приближительности / аппроксимативности. По своим грамматическим свойствам *-ccum* — частица (particle), по [Martin 1992]; или фразовый аффикс (phrase affix) / ограничительная (делимитативная) частица в позиции (Post) / (Delim1) [Cho, Sells 1995: 137] в схеме именной словоформы (26), основанной на работах [Cho, Sells 1995; Yoon 2005]:

(26)

(Stem)	(Hon)	(Plur)	(Post)	(Post)	(Delim1)	(Delim2)	[(Cop)/(Mood/Quot)]
	<i>-nim-</i>	<i>-tul-</i>	<i>-ey-</i>	<i>-se-</i>	<i>-man-</i> / <i>-kkaci-</i> / <i>-cocha-</i>	<i>-(n)un</i> / <i>-i</i> / <i>-ka/-to...</i>	<i>[(-i)/(-ta)/(-ko)..]</i>

Проиллюстрируем грамматические свойства *-ccum*. Как показывает синтаксический анализ (27) примера (17) в сокращении, *-ccum* в конструкции с классификатором выступает как фразовый аффикс, присоединяющийся не просто к классификатору *kay*, а ко всей группе (nP по схеме (10), п. 2.1). Как показатель аппроксимативности, *-ccum* включает в свою сферу действия не только классификатор, но также числительное и квантифицируемый объект — приближительность относится прежде всего к количеству (числительное), а не к тому, какого типа квантифицируемый объект (имя/NP).

(27) [ClassP/nP *Oleyn-ci*   *payk*   *kay* ClassP/nP]-*ccum*
 [ClassP/nP апельсин   сто [сино-кор]   КЛАСС [сино-кор] ClassP/nP]-CCUM
 ‘Примерно сто апельсинов’.

-Ccum, как фразовый аффикс, не может присоединяться к числительному непосредственно (кроме предметных числительных) — ср. (27) и (28а). В примере (28б) показана возможность присоединения *-ccum* к предметной форме числительного (к этой форме также могут присоединяться падежные аффиксы, см. также (19б) в п. 3.1). Пример (28в) показывает, что *-ccum* — исконно корейская частица — свободно присоединяется к сино-корейским словам (*il* ‘день’; исконно корейское слово: *nal*). В примере (28г) из работы [Martin 1992: 632] показано, что *-ccum* может входить в группы из нескольких частиц (“multiple particle construction” по [Sohn 1999: 270]) и не только предшествовать, но и следовать за другими частицам (*-kkaci*)²⁹.

(28) а. *oleyn-ci   *payk-ccum*   *kay*
 апельсин   сто[сино-кор]-CCUM   КЛАСС[сино-кор]
 ‘Примерно сто апельсинов’.

б. *Haksayng*   *sumwul-ccum*
 студент   двадцать.ПРЕДМ-CCUM
 ‘Около двадцати (человек [букв.: штук]) студентов’.

в. *Sipi-wel*   *isip-il-ccum*   [SKLD 2008]
 12[сино-кор]-месяц[сино-кор]   двадцать[сино-кор]-день[сино-кор]-CCUM
 ‘Примерно 20 декабря’.

г. [Sey *si-**kkaci-ccum***] /   [Sey *si-**ccum-**kkaci*****]   *kitali-e*
 [три час-Delim1.до-CCUM/   [три час-CCUM-Delim1.до]   ждать-КОНВ
po-taka   *an*   *o-myen ka-l*   *they-ya*
 смотреть-КОНВ   не   прийти-УСЛ   идти-ПРИЧ.БУД МОД-УСИЛИТ
 ‘Я подожду тебя примерно до трех часов и потом, если ты не придешь, уйду’.

У фразового аффикса, в отличие от словообразовательного аффикса, более свободные ограничения на сочетаемость вплоть до транскатегориальности (аффикс *-tul* ‘МНОЖ’ по работе [Yoon 1995]). *-Ccum*, помимо конструкций с классификаторами, сочетается с различными именами, имеющими семантический компонент ‘привязка к количественной шкале или точке в пространстве’. Сюда относятся отыменные послелогои (*cen* ‘до’ в (29а)), дейктические / анафорические и другие имена, предполагающие наличие временной или количественной шкалы — примеры (29б – г) из [SKLD 2008], — местоимения, в том числе с пространственным значением (29д).

²⁹ Не все корейские носители (а также [SKLD 2008] — авторитетный источник) признают возможность следования *-ccum* после других частиц, а не непосредственно после именной основы. Так, по нашему мнению, последовательность (*si*-[N])-*kkaci-ccum* в (28г) из работы [Martin 1992: 632] грамматически неправильна.

- (29) а. *Myechil* *cen-ccum-kkaci*
 несколько_дней до.ПОСЛ-CCUM-Delim1.до
ku-nun *kenkangha-yss-ta*
 он-ТОП здоровый-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 ‘Примерно несколько дней назад он был здоров’ (а сегодня, как я слышал, неожиданно умер).
- б. *nayil-ccum*
 завтра.СУЩ-CCUM ‘Примерно завтра’.
- в. *elma-ccum*
 столько-CCUM ‘Примерно столько’.
- г. *cwungkan-ccum*
 середина-CCUM ‘Примерно с середины’.
- д. *Sicheng-i* *eti-ccum* *iss-Ø-ci-yo?* [Martin 1992: 437]
 ратуша где.СУЩ-CCUM быть-НАСТ-ПРЕДП-ЧАСТ.ВЕЖЛ
 ‘Где примерно находится ратуша?’

В примерах (30а, б) показано (ср. (28г) выше), что *-ccum* может употребляться вместе с падежными (30а) и прочими (Post / Delim1) частицами, например, *chelem* ‘такой же, как’ в (30б). При этом значение аппроксимативности (передаваемое *-ccum*) и значение второй частицы объединяются в более сложное значение по принципу композициональности (без идиоматических сдвигов). Эти факты также свидетельствуют в пользу чисто грамматической (а не деривационной) природы *-ccum*.

- (30) а. *I-ccum-eyse* *hancam* *ca-psita* [Martin 1992: 437]
 этот-CCUM-ЛОК короткий_сон спать-ПРИГЛ
 ‘Давай ляжем спать где-нибудь здесь’.
- б. 2 *nyen* *cen-ccum-chelem* [пример из Интернета³⁰]
 2 год до.ПОСЛ-CCUM-Delim1.такой_же
 ‘Так же, как примерно два года назад’.

Существительное *cengto*, согласно [SKLD 2008], определяется как существительное, которое обозначает предел количества, и также употребляется как служебное существительное / послелог со значением приблизительности после количественных сочетаний. С. Мартин в [Martin 1992: 443 – 444] определяет *cengto* как полнозначное существительное со значением ‘степень, предел, мера’. Примеры (31а – г) из работы [Martin 1992] иллюстрируют употребление *cengto* как полнозначного существительного. В таких контекстах *-ccum* не употребляется — ср. (31г).

- (31) а. *sonhay-uy* *cengto*
 ущерб-РОД мера ‘мера (причиненного) ущерба’.
- б. *enu* *cengto-kkaci*
 некоторый мера-Delim2.до ‘до некоторой степени’.
- в. *Ku* *cengto-lo* *hay* *twu-ci*
 этот мера-ИНСТР/-НАПР делать.КОНВ оставлять-ПРЕДП
 ‘Давай остановимся здесь (на этом этапе или у этого предела)’.
- г. $\sqrt{Ku}$ *cengto(-uy)* / **Ku-ccum(-uy)* *cip-ul*
 $\sqrt{\text{этот}}$ мера-(РОД) / *этот-CCUM-(РОД) дом-ВИН
sa-ko *siph-Ø-ta*
 купить-КОНВ хотеть-НАСТ-ИЗЪЯВ
 ‘Хочу купить дом вроде этого (примерно такой, как этот)’.

При послеложном употреблении *-cengto* в целом синонимично *-ccum*, например, *-cengto*, как *-ccum* и в отличие от *-ye* (п. 3.1), не обязательно употребляется в контексте круглых чисел. Из примеров (21б) и (32а, б) видно, что *-cengto* может употребляться в контексте небольших и не круглых чисел (пять, два, один). По своим грамматическим свойствам *-cengto* является свободным отыменным послелогом — см. [Рудницкая 2009]. В частности, *-cengto* свободно присоединяет падежные аффиксы — ср. (33а, б) с *-cengto*. В именной словоформе *-cengto* стоит сразу после основы перед падежными и другими частицами, в частности перед *-ccum*, — ср. (34).

- (32) а. *han* *sikan-cengto* *ka-ta* [SKLD 2008]
 [иск.кор] час[сино-кор]-CENGTO идти-ПРЕД
 ‘Идти около часа (в течение примерно часа)’.

³⁰ Мы считаем употребление последовательности (*cen[N]-ccum-chelem*) маргинальным, а обратный порядок (*cen[N]-chelem-ccum*) невозможным — ср. сноску 29.

- б. *il-cwuil-ey* *twu* *pen-cengto*
 I[сино-кор]-неделя-ЛОК два[иск.кор] КЛАСС[сино-кор]-CENGTO
o-ss-ta
 приходит-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 '(Он) приходил раза два в неделю'.
- (33) а. *han isip* *pwun-cengto(-lul)* *ttui-ess-ta*
 около двадцать минута-CENGTO(-ВИН) бегать-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 '(Он) примерно двадцать минут бегал'.
- б. *Oleynci payk kay-cengto(-ka)* *cektangha-Ø-ta*
 апельсин сто КЛАСС-CENGTO(-ИМ) подходит-НАСТ-ИЗЪЯВ
 'Примерно сто апельсинов подходит' (для покупателя).
- (34) *Na-nun Mikwuk-ey han tal-cengto-ccum / *ccum-cengto*
 я-ТОП Америка-ЛОК один месяц-CENGTO-CCUM / *-CCUM-CENGTO
temwulu-l yeceng-i-Ø-ta
 оставаться-ПРИЧ.БУД предназначение-быть-НАСТ-ИЗЪЯВ
 'Я собираюсь остаться в Америке примерно на один месяц'.

-Cengto и -ccum, как -ye (см. (21e)), могут сочетаться с наречиями со значением аппроксимативности:

- (35) *Ku-uy yencwuho-y-nun yak / taylyak / han sampayk*
 он-РОД концерт-ЛОК-ТОП примерно триста
myeng-cengto-ka / myeng-ccum-i moi-ess-ta
 КЛАСС-CENGTO-ИМ КЛАСС-CCUM-ИМ собираться-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 'На его концерте было около трехсот человек'.

Служебное существительное / отыменной послелог *-namcis* определяется в [SKLD 2008] как «служебное существительное со значением 'немногим более чем какие-либо величина, количество, объем'». *-Namcis* синонимично *-ye*, то есть это аппроксимативно-избыточный, а не просто аппроксимативный показатель. По своим грамматическим свойствам *-namcis* сходно с *-cengto* (это служебное существительное-послелог, он присоединяется к классификатору, а не к числительному).

Следующие примеры иллюстрируют употребление *-namcis*:

- (36) а. *han tal-namcis*
 один месяц-NAMCIS 'Немногим более одного месяца'.
- б. *yel myeng-namcis*
 десять человек.КЛАСС-NAMCIS 'Немногим более десяти человек'.
- в. *Kamca-lul sip killo-Ø-namcis sa-ss-ta*
 картофель-ВИН десять кило-ВИН-NAMCIS купить-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 '(Я) купил немного более десяти кило картофеля'.

В качестве неточной типологической параллели можно привести пример из цахурского языка [Сосенская 1999: 159]: при присоединении к цахурскому числительному выделительно-ограничительной частицы *-mē* 'LIM' в определенных контекстах (37б) появляется аппроксимативная интерпретация. Примеры (37а, б) показывают, что выражение значения аппроксимативности не словообразовательными аффиксами, а частицами (ср. *-ccum*) — типологически частое явление.

- (37) а. *xo=j=re-na insan a=r=i*
 пять=1=CARD-A человек.1 1=прийти.PF
- б. *xo=j=re-mē-n insan-ā-r a=b=i*
 пять=1=CARD-LIM-A человек.1-PL-NOM.PL HPL=прийти.PF
 'Пришло около пяти человек'.

Таким образом, мы рассмотрели основные грамматические средства выражения приблизительности / аппроксимативности в корейском. К таким средствам относятся словообразовательный аффикс *-ye*, частица / фразовый аффикс *-ccum* и отыменные послелог *-cengto* и *-namcis*. Были рассмотрены грамматические характеристики данных показателей и сферы их употребления в сравнении, а также их употребление в конструкциях с классификаторами.

Особый интерес с типологической точки зрения представляет сосуществование в корейском большого количества синонимичных средств и моделей для выражения одного и того же (аппроксимативного) значения, которое выражается через морфологические, а не лексические средства в небольшом числе языков мира. Эти средства и модели относятся к:

— разным по происхождению сферам лексикона и грамматических средств (сино-корейские и исконно корейские слова и морфемы), причем разные по происхождению корни и аффиксы могут сосуществовать в пределах одной модели;

— различным модулям грамматики — словообразовательный аффикс и показатели разного рода как элементы словоизменительной парадигмы (именной) словоформы.

В заключение приведем **сравнительную таблицу маркеров аппроксимативности**:

	여 (餘) YE	쯤 CCUM	정도 (程度) CENGTO	남짓 NAMCIS
Происхождение	сино-кор.	иск.кор.	сино-кор.	иск.кор.
Точное значение	АППР+ИЗБ	АППР	АППР	АППР+ИЗБ
Грамматический статус	словообразовательный аффикс	фразовый аффикс, частица	существительное, употребляющееся в особой служебной функции	служебное имя, утерявшее исходное значение
Позиция	суффикс при числительном	суффикс при имени или послелог		

Сокращения

АППР — показатель аппроксимативности

БУД — будущее время

ВОПР — вопросительное наклонение

ВЕЖЛ — частица вежливого стиля речи

ВИН — винительный падеж

ИЗБ — избыточный

ИЗЪЯВ — изъявительное наклонение

ИМ — именительный падеж

ИНСТР — инструментальный падеж

КВАНТ — кванторное слово или частица

КЛАСС — классификатор

КОНВ — конверб / деепричастие

ЛОК / МЕСТ — локатив / местно-направительный падеж

МИРАТ — показатель адмиратива

МНОЖ — множественное число

МОД — аффикс со значением модальности

НАПР — направительный падеж

НАСТ — настоящее время

НАР — наречие

ОТР — отрицательный служебный глагол

ПАСС — показатель пассива

ПЕРФ — перфектив

ПОР — порядковый

ПОСЛ — послелог

ПРЕД — предикативная (словарная, неизменяемая) форма глагола

ПРЕДМ — предметная форма числительного

ПРЕДП — предположительное наклонение

ПРЕФ — префикс

ПРИГЛ — пригласительное наклонение

ПРИЧ — причастие

ПРОШ — прошедшее время

РОД — родительный падеж

СУЩ — существительное

ТОП — показатель топика

УСИЛИТ — усилительная (частица)

УСЛ — показатель условия

ФАМ — фамильярный (стиль речи)

ЧАСТ — частица

А — атрибутив

CARD — количественный

COP — вспомогательный глагол-связка

Сор — позиция связки в удлинённой словоформе

Delim — позиция ограничительной частицы в именной словоформе

+FOC — признак фокальности (контрастивного выделения) у вершины Foc

GEN — генитив/ родительный падеж

HPL — одушевленное множественное

Hon — позиция гоноратива

LIM — выделительно-ограничительная частица

Mood — позиция показателя наклонения

NOM — именительный падеж

PF — перфект

PL — множественное число

Plur — позиция показателя множественного числа

Post — позиция показателя косвенного падежа

Quot — позиция показателя цитатива

Stem — позиция корня/ основы

t — «след» (trace), обозначающий исходную позицию NP / nP при передвижении

+TOP — признак топикальности (данного / известного) у вершины Top

букв. — буквально

иск.кор — исконно-корейский

кор. — корейский

редк. — редкий

сино-кор — сино-корейский

Обозначения составляющих и их компонентов:

Class — вершина группы классификатора

ClassP — группа классификатора

D — вершина группы детерминатора

DP — группа детерминатора

Фоc — вершина группы фокуса	Num' — промежуточный уровень группы числительного (штриховая группа)
ФоcP — группа фокуса	PRED — составляющая-предикат (малой) клаузы
N — вершина именной группы	SC — малая клауза (Small Clause)
NP — именная группа	Spec — спецификатор (любой группы)
N' — промежуточный уровень именной группы (штриховая группа)	SpecNP — спецификатор именной группы
n — вершина служебной группы именного типа	SUB — составляющая-субъект (малой) клаузы
nP — служебная группа именного типа	TOP — вершина группы топика
n' — промежуточный уровень служебной группы именного типа (штриховая группа)	TopP — группа топика
Num — вершина группы числительного	VP — глагольная группа
NumP — группа числительного	vP — служебная группа глагольного типа

Л и т е р а т у р а

- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 — *Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И.* Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008 {*Alpatov, Arkad'jev, Podlesskaja 2008 — Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaja V. I.* Teoretičeskaja grammatika japonskogo jazyka. T. 1. M., 2008}.
- Аркадьев 2004 — *Аркадьев П. М.* Рецензия на книгу {*Arkad'ev 2004 — Arkad'jev P. M.* Recenzija na knigu} *Stump G. T.* Paradigm function morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2001 // ВЯ. 2004, 6. С. 141–147 {*VJa. 2004, 6. S. 141–147*}.
- Гращенко 2006 — *Гращенко П. В.* Синтаксис и типология генитивной группы. Канд. дисс. М., 2006 {*Grašenkov 2006 — Grašenkov P. V.* Sintaksis i tipologija genitivnoј gruppy. Cand. diss. M., 2006}.
- Даль 1881 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. [Переиздание словаря 1881 г. М., 1956] {*Dal' 1881 — Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' živogo velikorusskago jazyka. T. 2.} [Reprint: M., 1956].
- Мазур, Никольский 1991 — *Мазур, Ю. Н., Никольский, Л. Б.* Русско-корейский словарь. Переиздание словаря 1988 г. Сеул, 1991 {*Mazur, Nikol'skij 1991 — Mazur Ju. N., Nikol'skij L. B.* Russko-korejskij slovar'. Pereizdanije slovarja 1988. Seul, 1991}.
- Плунгян 2010 — *Плунгян, В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2010 {*Plungjan 2010 — Plungjan V. A.* Obšaja morfologija: Vvedenije v problematiku. Izd. 3-je, ispr. i dop. M., 2010}.
- Рудницкая 2009 — *Рудницкая Е. Л.* Проблема целостности слова в корейском на примере конструкций с послелогам // Материалы VIII Международной Конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (М., 22–24 сентября 2009 г.) / Под общ. ред. *Касевича В. Б., Ландера Ю. А., Выдрина В. Ф., Шахбиевой М. Х.* М., 2009 {*Rudnickaja 2009 — Rudnickaja Je. L.* Problema celostnosti slova v korejskom na primere konstrukcij s poslelogami // Materialy VIII Meždunarodnoj konferencii po jazykam Dal'nego Vostoka, Jugo-Vostočnoј Azii i Zapadnoј Afriki (M., 22–24 sentjabrja 2009). / Pod obš. red. *Kaseviča V. B., Landera Ju. A., Vydrina V. F., Šahbijevoj M. H.* М., 2009}.
- Сосенская 1999 — *Сосенская Т. В.* Числительное // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред. *Кибрик А. Е.* М., 1999. С. 152–180 {*Sosenskaja 1999 — Sosenskaja T. V.* Čislitel'noje // Elementy caħurskogo jazyka v tipologičeskom osvešeniі / Red. *Kibrik A. Je.* М., 1999. S. 152–180}.
- Татевосов 2002 — *Татевосов С. Г.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002 {*Tatevosov 2002 — Tatevosov S. G.* Semantika sostavljajuših imennoј gruppy: kvantornyje slova. M., 2002}.
- Шмелёв 2005 — *Шмелёв А. Д.* Параметры количественной оценки в естественном языке // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Ред. *Арутюнова, Н. Д.* М., 2005. С. 511–520 {*Šmel'ov 2005 — Šmel'ov A. D.* Parametry količestvennoј ocenki v jestestvennom jazyke // Logičeskij analiz jazyka. Kvantitativnyj aspekt jazyka / Red. *Arutjunova N. D.* М., 2005. S. 511–520}.
- Холодович 1954. — *Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. М., 1954 {*Ĥolodovič 1954 — Ĥolodovič A. A.* Očerik grammatiki korejskogo jazyka. M., 1954}.
- Холодович 1958 — *Холодович А. А.* Корейско-русский словарь. М., 1958 {*Ĥolodovič 1958 — Ĥolodovič A. A.* Korejsko-russkij slovar'. M., 1958}.
- Abney 1987 — *Abney P. S.* The English noun phrase in its sentential aspect. PhD Dissertation. MIT, 1987.
- Chang 1996 — *Chang, S.-J.* Korean. Amsterdam & Philadelphia, 1996.
- Cheng, Sybesma 1999 — *Cheng L. L.-Sh., Sybesma R.* Bare and not-so-bare nouns and the structure of NP // *Linguistic Inquiry.* 1999, 60. P. 509–542.
- Chierchia 1998 — *Chierchia G.* Plurality of mass nouns and the notion of «semantic parameter» // *Events and Grammar,* / Ed. *Rothstein S.* Dordrecht, 1998. P. 53–103.
- Cho, Sells 1995 — *Cho Y.-M., Sells P.* A lexical account of inflectional suffixes in Korean // *Journal of East Asian Linguistics.* 1995, 4. P. 119–174.

- Cheng, Sybesma 1999 — *Cheng L. L.-Sh., Sybesma R.* Bare and not-so-bare nouns and the structure of NP // *LI*. 1999, 60. P. 509–542.
- Chung 1999 — *Chung I.-S.* A Semantic Study of Korean Adjective Comparative Constructions // *Studies in Modern Grammar*. 1999, 18. P. 147–166.
- de Hoop 1995 — *de Hoop H.* On the characterization of the Weak-Strong distinction // *Quantification in Natural Languages* / Eds. *Bach E., Jelinek E., Kratzer A., Partee B. H.* Dordrecht, 1995. P. 421–450.
<http://avitorgan.narod.ru>.
http://en.wikipedia.org/wiki/Number_names.
http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese_particles.
http://nov.wikipedia.org/wiki/AIL_Numeral_Suffixes.
<http://tutu.mipt.ru/help.html>.
<http://vlady.blogs.eurosport.ru/archive/>.
<http://www.kursiv.kz/archive/print:page,1,1195200596-ne-nado.-ne-grusti.html>.
<http://www.rusdriver.ru/doc/Mini-Cooper%20S/15181.html>.
- Hwang, Rudnitskaya 2010 — *Hwang S.-K., Rudnitskaya E.* Scalarity and quantitative constructions in Russian and Korean // *Approches de la Scalarité* / Eds. *Hadermann P., Inkova O., Pierrard M., Van Raemdonck D.* Recherches et Rencontres, Vol. 28, Genève, 2010. P. 313–340.
- Jelinek 1995 — *Jelinek E.* Quantification in Strait Salish // *Quantification in Natural Languages* / Eds. *Bach E., Jelinek E., Kratzer A., Partee B. H.* Dordrecht, 1995. P. 487–540.
- Jung 2004 — *Jung Y.-J.* NP-splits, word order, and multiple case mystery // *Korean journal of linguistics*. 2004, 29, 4. P. 547–587.
- Jung 2005 — *Jung Y.-J.* Partial chain pronunciation at the PF interface // *Studies in generative grammar*. 2005, 15, 4. P. 433–456.
- Kim 1990 — *Kim, A. H.-O.* Numeral Quantifier Constructions and Definiteness Restrictions in Korean // *Papers from the 7th International Conference on Korean Linguistics* / Ed. *Baek E. J. P.* 121–131.
- Kim 2001 — *Kim, A. H.-O.* Quantifier shift and specificity in Korean discourse // *Journal of Linguistic Studies*. 2001, 6. P. 17–34.
- Kim S. 2004 — *Kim S.-Y.* Constraints on distributional patterns of floating quantifiers // *Enehak*. 2004, 38.
- Kim Ch. 2005 — *Kim Ch.* Order and meaning: numeral classifiers and specificity in Korean // *Proceedings of the 24-th WCCFL* / Eds. *Alderete J., Kochetov A., Han Ch.* Somerville, 2005. P. 218–236.
- Krifka 1995 — *Krifka M.* Common nouns in Chinese and English // *The Generic Book* / Eds. *Carlson G., Pelletier F. J.* Chicago, 1995. P. 398–411.
- Lee 1989 — *Lee Ch.* (In)definites, Case Markers, Classifiers and Quantifiers in Korean // *Harvard Studies in Linguistics*. 1989.
- Lee 1999 — *Lee Ch.* Contrastive topic: a locus of the interface — Evidence from Korean and English // *The Semantics/ Pragmatics Interface from Different Points of View. Current research in semantics/ pragmatics interface*. Vol. 1. / Eds. *K. Turner et al.* Oxford, 1999.
- Lee 2000 — *Lee Ch.* Numeral classifiers, (in)definites, and incremental theme in Korean // *Korean syntax and semantics: LSA institute Workshop, Santa Cruz '91* / Eds. *Lee Ch., Whitman J.* Seoul, 2000.
- Lee 2006 — *Lee Ch.* Contrastive topic / focus and polarity in discourse // *Where semantics meets pragmatics, Current research in semantics / pragmatics interface*. Vol. 16. / Eds. *von Heusinger K., Turner K.* Oxford, 2006. P. 381–420.
- Lee, Chung D., Nam 2000 — *Lee Ch., Chung D., Nam S.* The semantics of *amwu* N-*to* / *-irato* / *-ina* in Korean // *Language and information*. 2000, 4.2.
- Lee J. 2006 — *Lee J.-H.* Korean particles: *-to* and *-(i)lato* // *Proceedings of KLA-10, 2006* / <http://www.aatk.org/html/KLA10/JLee.pdf>.
- Martin 1992 — *Martin S. E.* A Reference Grammar of Korean. A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Rutland; Tokyo, 1992.
- Muromatsu 1998 — *Muromatsu K.* On the syntax of classifiers. PhD Dissertation. Univ. of Maryland, 1998.
- Nakanishi 2004 — *Nakanishi K.* Domains of measurements: formal properties of non-split / split quantifier constructions. PhD Dissertation. Univ. of Pennsylvania, 2004.
- Nam, Ko 1985/2007 — *Nam K.-S.* [*Nam Gi-Sim*, 남기심, 南基心], *Ko Y.-K.* [*Go Yeong-Geun*, 고영근, 高永根]. 표준국어 문법론 [標準國語文法論, Pyocwunkwuke mwunpeplon, Standard Korean Grammar]. Seoul, 2007.
- Nemoto 2005 — *Nemoto N.* On mass denotations of bare nouns in Japanese and Korean // *Linguistics: an interdisciplinary journal of the language sciences*. 2005, 2 / http://findarticles.com/p/articles/mi_hb195/is_2_43/ai_n29183709/.
- Oh 2003 — *Oh K.-S.* The Meaning of the 'boda' comparatives and Gradability // *Journal of Korean Linguistics*. 2003, 41. P. 277–306.
- Partee 2004 — *Partee B.* Lecture 5. Noun phrases and generalized quantifiers; Lecture 6. NP interpretation, quantification and type-shifting. Handouts of the “Formal Semantics” course in the RSUH [= Russian State University for the Humanities (РГГУ)], 2004.
- Radford 2000 — *Radford A.* NP Shells // *Essex Research Reports in Linguistics*. 2000, 33. P. 2–20.

- SKLD 2008 — Standardized Korean Language Dictionary [표준국어대사전, 標準國語大辭典, Phycowunkwuke taysacen] // <http://124.137.201.223/main.jsp>, <http://www.korean.go.kr/eng/index.jsp>, 2008.
- Sohn 1999 — *Sohn H.-M.* The Korean Language. Cambridge (Mass.), 1999.
- Stump 2001 — *Stump G. T.* Paradigm function morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge (Mass.), 2001.
- Tang 1990 — *Tang C.-C. J.* A note on the DP analysis of the Chinese Noun Phrase // *Linguistics*. 1990, 28. P. 337–354.
- Yoon 1995 — *Yoon J. H.-S.* Nominal, Verbal and Cross-Categorial Affixation in Korean // *Journal of East Asian Linguistics*. 1995, 4. P. 325–356.
- Yoon 2005 — *Yoon J. H.-S.* Non-morphological determination of nominal particle ordering in Korean // *Clitic and Affix Combinations: Theoretical Perspectives* / Eds. *Heggie L., Ordonez F.* Philadelphia, 2005. P. 239–282.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются два типа количественных конструкций в корейском – конструкции с классификатором и конструкции со значением приблизительности/ аппроксимативности. Обсуждается синтаксический и семантический анализ конструкций с классификаторами; дается обзор грамматических средств, которые используются для образования конструкций со значением аппроксимативности. Особое внимание обращается на синонимичные грамматические средства для выражения категории аппроксимативности, а также на грамматические и семантические параметры количественных слов и конструкций, представляющие интерес с типологической точки зрения.

SUMMARY

The paper considers two types of quantitative constructions in Korean — classifier constructions and constructions with the meaning of approximation. A syntactic and semantic analysis of classifier constructions is sketched. A survey of grammatical means used in formation of approximation constructions is given (with derivational affixes, particles, adverbs). Synonymous grammatical means for approximation are discussed in more detail; also, grammatical and semantic parameters of quantitative words and constructions that are typologically relevant are highlighted.

Mordvin *t*-derivatives — semantic equivalent for impersonal

Introduction

This study reveals new dimensions for the Finnic so called unipersonal passive representing material from rare, currently almost forgotten *t*-derivatives in the Mordvin languages, Erzya and Moksha. The main passive in Mordvin is derivational, formed with the highly productive polysemantic suffix *-v-*, and *t*-derivatives appear with less meanings. In many respects these suffixes show parallel development. Contemporary speakers use these *t* verbs mostly to express unpleasant feelings and negative physiological states. The *t*-derivatives can also be used to describe weather conditions as the only constituent part of a sentence, but this is very marginal. These two groups bring the *t*-derivatives close to the impersonals in Indo-European languages.

General information on the Mordvin languages

According to the last census, in 2002, there were 843 000 Mordvins in Russia. There are two primary ethnic and linguistic subgroups of Mordvins, the Erzya and the Moksha. Due to the fact that these varieties have low mutual intelligibility, both have developed a literary language of their own, written in the Cyrillic alphabet. The literary languages came into being only after the October Revolution, although texts in different dialects, mostly religious, were published throughout the 19th century. Erzya and Moksha differ to some degree at all linguistic levels, the most pronounced differences are those found in the lexical level. The Mordvins have their own republic in central European Russia, but there they constitute only a third of the population while over 70 % of all Mordvins live scattered in the adjacent regions and even much further away.

Like their relatives in the Finnic languages of the Finno-Ugrian language group, Erzya and Moksha are typologically agglutinative languages with SVO word order. The verbal system of Mordvin is known for its abundance of derivational suffixes, of which two can be used to form the passive: the highly productive *-v-* and the very unproductive *-t-*. In modern literature *t*-derivatives are rare. They can also have a special, earlier so called reflexive meaning, describing a physiological state of a human being (pain, ache, cramp, nausea, tickle). Some of these derivatives can be interpreted as passives, but the primary actant (+ human AGENTIVE) can never be reflected as the agent in the surface structure. The *t*-derivatives can also be used to describe weather conditions as the only constituent part of a sentence, but this is very marginal. Some of the meanings are very similar to 'subjectless' constructions in different Indo-European branches (e.g. [Seefranz-Montag 1984: 524—525]). The root verbs in Mordvin can be either transitive or intransitive and their meaning is often linked with the nuance that something happens unexpectedly or under the influence of some extraneous force. The relationship between the derivatives and the root verbs is illustrated using valence roles of case grammar.

*Preceding studies of the Mordvin *t* derivatives*

All the meanings of *t*-derivatives are very insufficiently represented in any Mordvin grammar, often they have simply been omitted. The Erzya Grammar by the Erzya-Mordvin researcher Makar Evsev'ev and its revised version from about eighty years ago [Evsev'ev 1928: 192—193; 1931b: 126—127] both give examples without providing any further explanations. They do state that the *t* formant is used to form reflexive verbs from non-reflexive ones. A minor peculiarity found in the conjugation is mentioned, namely the Preterite I third person singular is formed by an exceptional *-t's* instead of the regular *-s*. In the summary of his candidate dissertation from the 1950s, V. Hallap explains that in certain paradigms the third persons singular and plural forms see a reduplication of the suffix [Hallap 1955: 12—13; 2000: 89—101]. Some sources presume the suffix to be longer *-tt-* [Smirennikova 1984: 61—62]. Actually, even triple suffixes have occasionally been attested [Hallap 2000: 95, 100]. He also tells more about the meaning of *t* derivate verbs than any of his predecessors. He has found among his comprehensive material 49 cases of these (double) derivatives with at least an infinitive. According to [Smirennikova 1984: 61] this reduplication seems to be purely an Erzya phenomenon. In my material Moksha *t*-derivatives are very rare and furthermore V. Hallap mentions only four of them.

Historical background — language relatives

Etymologically the Mordvin *t* has actually only been associated with one entity. V. Hallap sees it as being the reflex of the Finno-Ugrian *tt, whose reflexes can be attested in the passive markers known to Finnic languages, the Sami languages and Hungarian. Presumably, it was a Finnish scholar, H. Paasonen, who was the first to recognize the Mordvin *t* passive in his own published materials, when he associated it with the (causative-)passives in Sami and Hungarian and with some reservations, due to phonetic theory, with forms in the Finnic languages. He seemed to believe that the passive suffix *-tA* is older, and that the *-ttA* passives appeared later, analogically [Paasonen 1916]. He did not present any sentence examples, only infinitives. Later T. Lehtinen has quite convincingly shown that actually the situation is the other way around. The *-tA* passives in other minor Finnic languages are not relics of the past. On the contrary, they are rather young and reflect a tendency to renew the formation of the passive in these languages [Lehtinen 2005: 199—201]. The causative or — according to the Finnish grammatical tradition — curative-causative verbal derivatives also with reflexive endings have been considered a starting point for the passive in the Finnic languages. (It is the question of definition, how these sentences should be classified, as passives or as impersonals [Siewierska 1984: 93—125; Kittilä 2000].) In some terms these derivatives have a passive meaning, e.g. the Late Proto-Finnic sentence (1a) could be interpreted in such a way that the subject (the man) does not voluntarily cause himself to be killed, rather some other person not mentioned by name is responsible for the killing [Lehtinen 2005: 131]. (1b) presents its translation into contemporary Finnish and (1c) the normal passive sentence passive illustrating morphotactic ordering in the verb. In the passive, the inflectional elements are separated by the tense suffix [Helasvuo, Vilkuna 2008: 221—222].

- (1) a. **siyällä mees taḗp-etta-ksen*
 there man kill-CURAT-REFL.3SG
 b. *siellä mies tapa-tta-a itse-nsä*
 there man kill-CURAT-PRES.3SG himself-ACC.PX.3SG
 c. *siellä mies tape-t-a-an*
 there man kill-PASS-PRES-(PX.)PASS
 ‘There the man gets himself killed’.

In the early stage of its development the passive was formed with the curative-causative *-ttA* derivational suffix. When the passive began to lexicalize and its background became obscured, another causative derivation was used, namely *tA and it developed into the shorter passive formant (e.g. *saa-ta-va* present participle of the verb *saa-da* ‘to get, to receive’, *pääs-tä-än* present passive of the verb *pääs-tä* ‘to be allowed to’, *vie-dä-än* present passive of the verb *vie-dä* ‘to take (away, in, back, out)’ [Lehtinen 2007: 131—132]). The origin and the way in which both *tA* / *ttA* and the 3rd person singular reflexive ending *-ksen* (in the present tense) or *-hen* (in the imperfective tense) motivate passive forms have been a topic of much discussion in Finnish linguistics for more than a hundred years. Other solutions have also been made, mostly for its reflexive origin (more details and sources in [Lehtinen 2005]).

In order to get more information about this suffix one might look at the situation in the Sami languages, between the Finnic languages and the Mordvin languages. Sami has a group of reflexive causative derivational verbs with the suffix *-tállát* and its attributed passive meanings. These verbs are regarded as one of the two passive types of Sami derived from causatives. They require an animate subject, almost always a person, and denote something harmful or unpleasant happening to the subject. Often the mood is potential. If the agent is present, it is in the illative case as in the example (2) in Pite Sami [Ruong 1943: 41—42, 164—169; Korhonen 1981: 340]. Sometimes the agent can be in the elative case. The suffix compounds both the causative *-tit* and the frequentative *-(â)llât* originally meaning ‘for something to be done several times’ [Lehtisalo 1936: 329].

- (2) *Nḡ vazzá-tâlá-žâ-h dâ mâi dæ dḡ-n dâ-n nei’c-ui.*
 well be.cheated-PASS-POT.PRES.2SG ∅ no.doubt ∅ that.away.over.there-ACC that/this-ACC girl-ILLAT
 ‘Na, du wirst sicher von jenem Mädchen beschwindelt werden’.
 ‘Well, you are certainly going to be cheated by that girl’.
vazzatâllât ‘to be deceived, deluded, misled, cheated’ < *vazzetit* ‘to deceive, mislead, cheat’ < *vaz’zet*
 ‘to go’¹

¹ My aim is to present derivational processes in Mordvin. < means that only one derivational suffix has been added to the root verb, << means that two or more derivational suffixes have been added. Sometimes the root verb does not exist, at least not in the contemporary language. When the root verb has already been treated in the text, it has not been repeated in the interpretations of the example sentences.

Probably O. Blomstedt was the first to compare the Finnic passive and the Hungarian passive in his learned discourse in 1870 [Blomstedt 1872: 287]. The Hungarian passive *-at, -et* seems to originate from causatives, e.g. *adatik* ‘he will be given [er wird gegeben]’ < ‘he allows himself to be given [er lässt sich geben]’, cf. *adat* ‘allow to be given [geben lassen]’, *ad* ‘to give [geben]’ [Simonyi 1906: 2–3; Setälä 1915: 138; Lehtisalo 1936: 333]. This Hungarian suffix can also be reduplicated [Hallap 2000: 100].

Due to its non-productiveness, the Erzya *t* presents a problem for research. V. Hallap notes that *t* derivatives appear mainly in Erzya folk poetry and in old clerical literature [Hallap 1955: 12; 2000: 89]. In Moksha *t* derivatives appear even less frequently. In the modern, living language the *t*-derivatives are primarily found in the description of ailments and aches. A. E. Smirennikova writes that their subjects are inanimate and express a passive change into somekind of a new state [Smirennikova 1984: 62].

More often than not *t*-derivatives are automatives, and less frequently passives. The meaning of the derivatives can be associated with the beginning of an action or its unpredictability. They can also be lexicalized. The surface subjects of actual passive clauses are often either animate or perhaps something comparable (e.g. a village in (33) or the city of Kazan in some genres of folklore have animate characteristics). Sometimes the surface subject is inanimate but, when this is the case, there is contextual evidence of an external actor. The semantic subject, animate ACTOR or the AGENTIVE can never appear as the surface agent of a passive clause. This is a point at which Erzya and Finnish converge completely.

It is difficult to say whether the notions causative or curative can be attested in Mordvin *t*-derivatives but, at least in one way, they correspond to the Finnish causatives. The examples below can be compared to Finnish causative verbs for bringing about changes in physiological-psychological states: *aivastuttaa* ‘to make one feel like sneezing’, *heikottaa* ‘to make one feel hungry’, *itkettää* ‘to make one feel like crying’, *janottaa* ‘to make one feel thirsty’, *kolottaa* ‘to make one ache (bones)’, *naurattaa* ‘to make one feel like laughing’, *nukuttaa* ‘to make one feel sleepy’, *oksettaa* ‘to make one feel like vomiting; to make one nauseous’, *pakottaa* ‘to make one ache (of teeth)’, *säälittää* ‘to make one feel compassion for’, *väsyttää* ‘to make one feel tired’, *yskittää* ‘to make one feel like coughing; to have a tickle in one’s throat’ (cf. categorization in [Anderson 1971: 64–]). At the surface level these verbs have a person or body part as a partitive object with the associated semantic role of EXPERIENCER. The emotional and physiological verbs themselves generally take no subjects, i.e. they are impersonal verbs. At the surface level there can also be subjects, thus impersonalness is not a grammatical rather a pragmatic-semantic feature, cf. *minua aivastuttaa* ‘I feel like sneezing’; *heinät aivastuttavat minua* ‘[different types of] hay make me’. Traditionally the animate EXPERIENCER (*minua* ‘I-PART’) is regarded as an object [Helasvuo, Vilkuna 2008: 224]. All parallel verbs in Mordvin are physiological and they have subjects. (They could be compared purely by merits of their meanings with Finnish impersonal transitive verbs of the type: *päätäni särkee* ‘my head aches’ *suontani vetää* ‘I have a cramp’, *rintaani ahdistaa* ‘I have chest pains; I feel short of breath’, *vatsaani polttaa* ‘I have a belly ache; I have heart-burn’.)

Materials and methods

The data

For the present research, the eight volumes of “Mordwinische Volksdichtung” [MV] (1938–1981) and the two-part “Proben der mordwinischen Volkslitteratur” [PM] (1891, 1894), altogether totalling 4400 pages, have been analysed. All of this folklore material was collected by the renowned researcher of Mordvin, Heikki Paasonen (1865–1919) or his assistants, who were native speakers of Mordvin trained during Paasonen’s extensive field work a little over a century ago. The material covers all the main Erzya and Moksha dialects spoken in central European Russia and is also the basis of the extensive dictionary “H. Paasonens mordwinisches Wörterbuch” as well as its Russian and German indices [MW] (1990–1998, 2703 + 833 pages). The corpora texts are supplemented with German and to a lesser extent Russian translations. Newer material has been collected from Erzya-Russian [ERS] and Moksha-Russian [MRS] dictionaries consisting respectively of 27 000 and 41 000 words. The translations by H. Paasonen, his native assistants and later Finnish editors have been crucial in understanding the semantic nuances of the suffix *-t-*, as the context is often the determining factor. I have analysed the meanings of Erzya and Moksha *t*-derivatives in sentences collected from folklore, dictionaries and modern literary sources. Moksha material is minor in all of these. At the last stage the “Reverse Dictionary of Mordvin” [RDM] (2004) has been an indispensable complement to these studies, containing words from the two literary languages, as well as from the dialects, totalling 11 vocabulary sources. In addition the minor incomplete dictionary by M. Evsev’ev [Evsev’ev 1931a], the oldest collection of mordvin folklore texts [OMNS I; II] and some volumes of the “Ustno-poetičeskoe tvorčestvo mordovskogo naroda” [UPTMN 5; 11] have also been consulted.

Methodology

The data was examined to find the roots of verbs with the *t* formant, in order to illustrate the changes caused by it in the syntactic behaviour of the verbs. I have shown the relationship between the formant and the root verb using valence roles from case grammar. For the analysis, I have used the same roles as distinguished in [Geniušienė 1987: 39—41]. In the passive sentences I discerned three roles for the semantic subjects: AGENTIVE, EXPERIENCER and CAUSER (or FORCE). The fourth role, NEUTRAL, occurs only in automative expressions, see [Kulonen 1989: 11], NEUTRAL being approximately the same as J. Anderson's NOMINATIVE [Anderson 1971: 37], with the fifth role, ACTOR, occurring only in intentional sentences. For semantic objects, I have used two roles: GOAL / PATIENT and CONTENT.

At some points in the analysis other roles are necessary: LOCATIVE (expressing motion into / towards, or the location of the referent), SOURCE (expressing a starting point of a motion or an indicator of origin), and INSTRUMENT (inanimate agent of the action). The roles used in this paper are also used in the description of the basic sentences in Finnish [Hakulinen, Karlsson 1979: 102—104].

Data analysis

In order to find some kind of ACTANT, we must leave linguistic reality search for a solution from the period when these structures appeared, from anthropomorphy or religious notions. The Mordvin folk belief gives nature an animate character but no knowledge is really to be found on the source of disease, other than, perhaps, reference to a “tooth worm” (e.g. [PM, 2: 10; MV III: 120]). While there are plenty of Russian and Christian elements to be found in the poetry, perhaps the “loss of the soul” theme from the northern Eurasian shamanistic explanation for disease is reflected in the verb *sajet'ems* ‘to be taken’, which can be interpreted as a passive or automative, or maybe even something else. Example (3) is in Erzya as are all the other examples if not explicitly mentioned²:

- (3) *saje-t'-ečt' p'a-sto t'e od al'ine-ń p'rev-enze*
 take-PASS-PRET.3PL head-ELAT this young man(DIMIN)-GEN mind-PL.PX.3SG
 ‘Dieser junge Mann verlor den Verstand im Kopfe’ [MV V: 346].
 ‘This young fellow lost his faculty of thought’.
 < *sajems* ‘to take; to get’

According to prevalent Indo-European explanations for disease evil forces itself upon or is shot into a person from without [Kuusi 1963: 214]. Perhaps, this can be associated with the Mordvin custom of driving off illness by blowing it away. It might, however, be meaningless to look for an external cause for these verbs. In Finno-Ugrian languages the subject has not always been necessary, whereas in Indo-European regions a formal subject has been inevitable, e.g. the Finnish *sataa* ‘It is raining’ and *päättäni pakottaa* ‘My head aches / My head is throbbing’ structures are native ones in Finnish [Itkonen 1966: 302].

I. Automatives

A) Physiological verbs

In modern Erzya *t* formant verbs addressing the physical state of the body form a large group of automatives. This group is alive and well, at least in Erzya, despite the fact that the *t* formant is only fleetingly mentioned in the latest Erzya-language grammar [Cygankin 2000: 43] and not at all in the Moksha-language grammar [Aljamkin 2000], both with rather brief descriptions of verbal derivation. The stem verbs the *t* passives are derived from are nearly always transitive. If they are derived from intransitive verbs, the momentaneous nuance becomes pronounced. Since the subjects at the surface level are body parts of humans or animals, they might be considered quasi-EXPERIENCERS of sorts. As a non-written rule, the old *t*-derivatives do not have forms of objective conjugation. Even cases with any kind of object are extremely rare, as seen in footnote 3.

² In the example sentences I use simplified phonematic transcription for Erzya; this means that palatalization is only shown for dentals. Mordvin has two declensions for nouns: the definite and the unmarked basic inflection. In the morphological analysis the forms of the definite inflection have been marked by a DEF, while the forms of the normal inflection are not indicated separately, and neither are the singular and nominative. The objective conjugation has been marked in parentheses, with an OBJ and the person. Unmarked features such as singular with the nouns and indicative or subjective conjugation with the verbs are never marked in the glosses. All glosses needed for interpretation are listed under Abbreviations.

- (4) *už keŕa-t-i-t'*   *son-ze pil'ge san-onzo*
 Ø cut-AUTOM-PRES-3PL he-GEN foot / leg tendon-PL.PX.3SG
 'Hatten ihre Fußadern (Fußsehnen) sich zusammengekrümmt' [MV V: 220].
 'And her legs no longer bear her (the tendons in her legs are severed)'.
 < *keŕams* 'to cut; to cut down; to peel; to destroy; to smart, to irritate'
- (5) *ojme-m kiŕta-t-i*
 breath-PX.1SG reduce-AUTOM-PRES.3SG
 'Mir stockt der Atem, ich habe Atemnot' (z. B. wenn der Geruch des Zündhölzchens in die Nase geht oder der Geruch des Branntweins bei einem Betrunkenen Übelkeit verursacht)' "henkeäni / rintaani ahdistaa" [MW: 773].
 'I'm short of breath' (e.g. when the smell of a match gets in your nose, or the reeking smell of brandy in a drunk's breath causes nausea).
 < *kiŕtams* 'to shorten, to abbreviate' (causative < *kiŕams* 'to shrink, to shrivel up')
- (6) *moñ torva-t'ňä Pift'i-t-št'*
 I.GEN lip-DEF.PL bring.out-AUTOM-PRET.3PL
 'Meine Lippen sind aufgesprungen' [MW: 1132].
 'My lips have broken out in a rash'.
 < *Pift'ems* 'to bring out, to take out, to carry out'
 (causative, cf. *Pišeems* 'to come out, to appear; to go out' and *Pijems* 'to move' of these two one would make a good stem for semantic reasons, and the other for expedience of derivation, but there is little information on the latter.

The derivative *Pivt'et'ems* can also have the meaning 'to be(come) covered with rash, eruption, eczema' [Hallap 2000: 92].)

Sometimes a derivative can have two meanings: an original and a figurative meaning, as in two following examples (7) and (8):

- (7) *koŕa-so-nzo čer-t'ňe čent'a-t-ot'št'*
 forehead-INES-PX.3SG hair-DEF.PL burn-AUTOM-PRET.3PL
 'Волосы на лбу подпалились' [ERS: 745].
 'The hair on his forehead was burnt'.
- (8) *šimema-m sa-š, ojme-m čent'a-t-ot'š*
 thirst-PX.1SG come-PRET.3SG soul-PX.1SG burn-AUTOM-PRET.3SG
 'Пить хочу, жажда одолела меня' [ERS: 745]
 'I want to drink, my soul / heart is burning to drink'.
 < *čent'ams* 'to burn (tr.), to parch, to scorch'
- (9) *mej-š moñ peke-m pek sefid'-i,*
 why-ILLAT I.GEN stomach-PX.1SG much be.ill-PRES.3SG
mej-š moñ peke-m pek maŕa-t-i?
 why-ILLAT I.GEN stomach-PX.1SG much feel-AUTOM-PRES.3SG
 'Warum bin ich so krank am Magen,
 Warum habe ich solche Empfindungen im Magen?' [PM, 1: 88; MW: 1182].
 'Why does my belly ache so much,
 Why does my belly feel so bad?'
 < *maŕams* 'to hear; to feel, to sense; to smell (tr.)'
- (10) *lomañ-eñ vešikak škiŕa-siž i senčkad-i*
 man-GEN all[< Russ] nip-(OBJ.3SG/PL)PRET.3PL and[< Russ] turn.blue-PRES.3SG
*i san-onzo targa-t-i-t'*³.
 an tendon-PL.PX.3SG pull.out-AUTOM-PRES-3PL
 'Auch den Menschen kneifen sie durch und durch. Er wird blau, und die Sehnen krampfen sich zusammen' [MV III: 166; MW 2277].
 'With a person they pinch him all over, and he turns blue and his tendons begin to cramp'.
 < *targams* 'to pull out, to dig up, to haul'³

³ As an exception to the rule my colleague Jack Rueter, specialist in Mordvin, has found me an example in the modern belles-lettres with a *t* verb in the objective conjugation: *Kavto ked'se pondakš pŕanzo ražedež, Kečaj maŕaviksste av'iže*

- (11) *pařak čul'k-še-t'-i seř-eze rungo-zo ked'-eze piľge-ze.*
 maybe tap-FREQ-AUTOM-PRES.3SG body-PX.3SG trunk-PX.3SG hand / arm-PX.3SG foot / leg-PX.3SG
 ‘Vielleicht reißt es sie im Körper, im Arm, im Bein’ [MV III: 122; MW: 300].
 ‘Maybe her whole body aches, her trunk, her arms and legs’.
 << *čul'goms* ‘to break by tapping, to shell, to remove the seeds’
- (12) *kizna mor-i, a tel'ňa kel'-eze kunda-t-i. — kukuška-ś.*
 in.summer sing-PRES.3SG but in.winter tongue-PX.3SG take-AUTOM-PRES3SG cuckoo[< Russ]-DEF.NOM
 ‘Es singt im Sommer, aber im Winter wird es stumm. — Der Kuckuck’ [PM, 2: 36].
 ‘In summer it sings, but in winter it falls mute. — The Cuckoo’.
 < *kundams* ‘to take hold of, to catch’
- (13) *pek [kuko-ňt'] jonne-ze jom-še-t'-eć*
 very cuckoo-DEF.GEN ability.to.think-PX.3SG get.lost-FREQ-AUTOM-PRET.3SG
pek pře'v-enze maš-ňe-t'-ećt'.
 very mind-PL.PX.3SG destroy-FREQ-AUTOM-PRET.3PL
 ‘Очень она [кукушка] беспокоилась,
 очень она тревожилась’ [ERS: 184].
 ‘[The cuckoo] became very restless,
 It was really worried’.
 (Usually the second part has even stronger meaning: *maštst' pře'venze* ‘[s]he lost his / her consciousness’ or ‘to get confused, to become bewildered’ [ERS: 370].)
 << *jomams* ‘to disappear, to drown; to parish’
 << *maštoms* ‘to kill, to destroy; to disappear, to be destroyed; to come to an end’

In the most recent sentences the notion of suddenness might be more tangible than in others, this is due to the fact that at least one of the verbs is intransitive. Naturally, it could be that both of the parallel verbs are intransitive, compare example (3) above as well. Some physiological verbs are represented in my material by infinitives alone, as *šiltajeťems* ‘hicksen / to hiccup’ [MW: 2231], *nikňeťems* ‘id.’ [MW: 1401—1402] or *karmaš putkoťeme* ‘Die Haut fing an, sich mit Bläschen zu bedecken / The skin began to become covered with blisters’ [MW: 1864].

There are not so many proper examples in my Moksha material. Often my sources only provide infinitives. However there are at least three derivatives with identical meaning ‘to shiver, to tremble’, as examples from (14) to (17). Sometimes the *-t-* formant has nothing to add to the root verb, as in (15). In dictionaries two more can be found, a frequentative verb as in (15) *tărnatkšňams* ‘beben, zittern’ [MW: 2291] and *ružatšams* ‘zittern, beben’ [MW: 1910]. Occasionally more functional verbs can occur in this group, such as that found in (18). The Moksha verb *vərgätšams* ‘to attack, to rush on’ has no root verb, but an Erzya counterpart *urgatšams* ‘to attack, to rise (of storm); to swell; to be transmitted (of disease)’, which has as nominal derivative name of a disease *urgatks* ‘boil, furuncle on the chest’. The subject is NEUTRAL in (17). The reason why somebody is shivering is expressed with a facultative member in ablative in (14) and (15). Local members are sometimes present, as in (17) LOCATIVE exceptionally in ablative.

- (14) *вачка-то-мс якшам-ть эз-да*
 shiver-AUTOM-INF cold-DEF.GEN POST-ABL
 ‘дрожать от холода’ [MRS: 100].
 ‘to shiver with cold’.
 < *vačkams* ‘to stack, to pile; to beat, to hit, to strike, to lay bricks, to build; to be built’
- (15) *трна-то-мс пелькс-ть эз-да*
 shiver-AUTOM-INF fear-DEF.GEN POST-ABL
 ‘дрожать от испуга’ [MRS: 746].

kurgonzo, venšiče-targatiže rungonzo – paňšeš kadoviks udomaňt ‘Scratching his unkempt hair with both hands, Kechai gave an audible yawn, stretched and drove off what was left of his sleep’ (M. Bryžinskij, *Kirdažt*). This must be caused by the pair verb *venštšems* being clearly transitive ‘протянуть; выставить, вытянуть / to reach out, to pass; to stretch’.

The most recent Erzya-Russian dictionary gives to the verb *targatšoms* two meanings: ‘1) свести судорогой; 2) иметь желание, хотеть (перен.) / 1) to have a cramp; 2) to want (figuratively)’ with an example having an infinitive as an adverbial modifier and a verb in the subjective conjugation: *Kiňgak a targati sudozo jarsams te jamdoňt*. ‘Никто не хочет есть тот суп / Nobody wants to eat this soup’ (*lit.* ‘Anybody’s nose is not stretching to eat this soup’) (Kutorkin, *Lažnica Sura*) [ERS: 647]. This might be the beginning towards the *dynamic modality* occurring rare in Mordvin dialects with *v* derivatives mostly in examples containing negation [Salo 2006a: 182–183].

‘to tremble with fear’.

< *tərnams* ‘to shiver, to tremble; to clink, to rattle’

- (16) *сон бѣма лямбе куд-ста лис-сь кельме уш-у — соко-т-сь*
 he as.if[< Russ] warm house-ELAT come.out-PRET.3SG cold outdoors-LAT shiver-AUTOM-PRET.3SG

‘Он будто из тёплого дома вышел на холод — дрожал’ [MRS: 650].

‘As if he had come out of a warm house — he was shivering’.

? < **sokəms* (not found in dictionaries)

- (17) *al-u l'ukštät'-si, alu-da mastər-ś sokə-t-i*
 down-LAT wave-(OBJ.3SG)PRES.3SG down-ABL earth-DEF.NOM shiver-AUTOM-PRES.3SG

‘Er schwingt (sein Schwert) untenhin, die Erde unten bebt’ [MW: 2008].

‘He swings (his sword) down, the earth beneath [him] quakes’.

- (18) *šal 'kə-žä vārgüt-ś*
 nose-PX.1SG attack.AUTOM-PRET.3SG

‘Ich habe Schnupfen’ [MW: 2465].

‘I got a cold’.

B) Meteorological verbs

Verbs describing natural phenomena form a second clear-cut group of automatives. Natural phenomena are states or changes of states in the surroundings: weather, time of day or season, temperature. This group does not include very many verbs but there is the verb *puvatoms* ‘to begin to blow’, which is quite common in texts. Inchoativeness and momentaneity combine in automativeness, the semantic subjects are CAUSERS, FORCES or NEUTRALS. In example (22) the predicate *čopotems* ‘to grow dark, to become dusky’ does not necessarily require other clause constituents. As J. Molnár [Molnár 2001: 65] points out, in these sentences the formal “dummy” subjects have often been added (even afterwards), as *čize / čiš* ‘the sun, the day’. The syntactic subject is always determinate, having either the definite post article *-ś* or possessive suffix 3rd singular *-ze, -zo* in Erzya, or *-ć* in Moksha. Determinate marking with a possessive suffix seems to be no longer productive in Mordvin. The subject can be replaced by a definition of place *ušoš* ‘out, outdoors’, which can be in the definite inessive as well *ušosoñt* ‘id.’ To these formal suffixes we can add the words *škaś, škazo* ‘the time’. Possibly in Mordvin sentences there are some traces of influence of Russian absolute-impersonal verbs that never appear in any form but 3rd singular, compare e.g. examples in [Leinonen 1985: 80—81]. In her material the most common sentence pattern is an active verb with an optional locative constituent. According to her observations even if the locative expression is not explicit, we have to assume that semantically it is there. In my Mordvin material there are sometimes LOCATIVES present, sometimes other constituents.

- (19) *kepe-t'-eć mejle omboće pel'ne*
 rise-AUTOM-PRET.3SG then second cloud(DIMIN)

vergele-ś blagoj son pirgiñe
 be.lightning-PRET.3SG angry[< Russ] Ø thunder

‘Dann erhob sich eine zweite Wolke,

der grimmige Donner blitzte’ [MV I: 125].

‘After that a second little cloud towered up,

and angry thunder it crashed’.

cf. momentaneous *keped'ems* ‘to lift, to raise’

- (20) *vaj vijej varma puva-t-oć*
 Ø strong wind blow-AUTOM-PRET.3SG

‘Ein heftiger Wind begann zu blasen’ [MV I: 289; MV V: 118; MW: 1867].

‘A strong wind began to blow’.

< *puvams* ‘to blow (of the wind), to blow (sometimes tr.)’

- (21) *lazo-t-oć paz-oñ zořa-zo pojava-ś paz-oñ čiñe-ze*
 split-AUTOM-PRET.3SG god-GEN dawn[< Russ]-PX.3SG arise[< Russ]-PRET.3SG god-GEN sun(DIMIN)-PX.3SG

‘Gottes Morgenrot brach an,

Gottes Sonne kam hervor’ [MV V: 188].

‘God’s dawn cracked,

God’s sun appeared’.

< *lazoms* ‘to split, to stab’

- (22) *ejkakš-tne ez-t' faŋa-jak, koda čopot'-etš*
 child-DEF.PL not.PRET-3PL notice-SX how get.dark.AUTOM-PRET.3SG
 ‘Дети и не заметили, как стемнело’ [ERS: 756].
 ‘The children did not even notice how it had grown dark’.
 cf. *čopo, as in *čopon pelev* ‘on toward evening’, *čopoda* ‘dark; darkness’

Interestingly sentence (24) (with the root verb) is very similar to (23), except *the wind* which is now definitely present and causes the swaying. The Russian translation is the same in (25) where the verb is a causative. Approximately the same situation as in (23) is again in (26) where the verb is longer having two different suffixes, the polyfunctional *-kst-* (here momentaneous-inchoative) and the reflexive-passive-automative *-v-*.

- (23) *varma-vtomo kil'ej p'ra-t'ne nuŋa-t-i-t'*
 wind-ABES birch top-DEF.PL sway-AUTOM-PRES-3PL
 ‘Tuuleta kiiguvad kaseladvad (nagu imevael)’ [Hallap 2000: 94].
 ‘The birch tops are swaying without a wind (as if by a miracle)’.
 < *nuŋams* ‘to sway, to swing, to rock’
- (24) *lej čire-se kas-i-t' kil'ej-t'*
 river shore-INES grow-PRES-3PL birch-PL
Varma-doŋt' siŋ nuŋ-i-t'
 wind-DEF.ABL they sway-PRES-3PL
 ‘У опушки леса растут березы,
 От ветра они клонятся’ [UPTMN, 5: 185].
 ‘By the river grow birches
 Because of wind they sway’.
- (25) *val'malo-nok kas-i kil'ej,*
 window.below-PX.1PL grow-PRES.3SG birch
son-ze nuŋa-vt-i varma-š
 it-GEN sway-CAUSAT-3SG wind-DEF.SG
 ‘Под окном растет береза,
 Качается от ветра’ [UPTMN, 5: 226].
 ‘Below our window grows a birch,
 The wind sways it’.
- (26) *uš varma-vtomo pekše p'ra-t'ne nuŋa-ksto-v-št'*
 Ø wind-ABES lime.tree top-DEF.PL sway-MOM-AUTOM-PRET-3PL
pižeme-vt'eme pazo-ŋ čine-š kekše-kšne-š.
 rain-ABES god-GEN day(DIMIN)-DEF.NOM hide-FREQ-PRET.3SG
 ‘Уж без ветра вершины лип закачались,
 Без туч солнце скрылось’ [UPTMN, 11: 106—107].
 ‘The tops of lime trees were swaying without a wind,
 Without a rain the god’s day went into hiding’.
- (27) *pando p'ra-t šta-t-i-t' lovne-d'e*
 hill top-PL be.revealed-AUTOM-PRES-3PL snow(DIMIN)-ABL
 ‘Die Berghügel werden frei von Schnee’ [MV VII: 78, MW: 914].
 ‘The hill tops are growing bare of snow’.
 < (*k*)*štams* ‘to become empty, to become bare’

It could be that this verb is only known in the dialects, the literary equivalent is *štadoms* ‘to open up, to become bare; to become free (of smth)’. The small two-way dictionary by V. Ščemerova provides a fitting example: *modaš štaď lovdoŋt'* ‘the land became bare of snow’. The verb *štatoms*, however, is provided with the example *udomam štatoŋš* ‘I came wide awake’ [Ščemerova 1993: 165]. The productivity of the Mordvin inflexions is demonstrated by yet another verb *štatomoms* ‘to grow bare’.

C) Other automatives

One of the most common *t* derivative verbs is *kepeŋems* ‘to appear, to rise, to grow’ with no root verb, but comparable to *keped'ems* ‘to lift, to raise’. In addition to the natural phenomenon seen in example (19), the verb can take anything animate as its subject. The meaning of the sentence might be automative or perhaps at times

intentional, depending on the amount of control exerted by the subject and other elements in the context. On the surface level the subjects are EXPERIENCERS or NEUTRALS. Example (28) could be classified as intentional as well if we consider the bird an ACTOR. Example (30) with the NEUTRAL subject is one of the few found in Moksha dialects. Its root verb *škams* ‘to separate chaff from the grain; to crush, to grind’ is known only in Erzya, but the pair verb *škams-tráms* ‘to rear, to raise (children)’ is common in both languages, and an old word for the god in Moksha is *škaj*.

- (28) *norožolks kepe-t'-i mazi moro-ń mora-mo*
 skylark arise-AUTOM-PRES.3SG beautiful song-GEN sing-IIINF
 ‘Steigt die Lerche hoch, um ein schönes Lied zu singen’ [MV II: 26].
 ‘The skylark rises to sing beautiful songs / a beautiful song’.

- (29) *už čine jut-i mon kas-a-n*
 Ø [< Russ] day(DIMIN) pass-PRES.3SG I grow.up-PRES-1SG
vaj ije jut-i kepi-t'-a-n
 Ø year pass-PRES.3SG arise-AUTOM-PRES-1SG
 ‘Ich wachse jeden Tag heran (‘Es geht ein Tag, ich wachse heran’)
 ein Jahr verfließt, ich wachse auf’ [MV V: 278].
 ‘Just one day passes and I have grown,
 a year passes and I have risen in stature’.

- (30) *morä târva-sa ška-te-tś tvarets, lutši tońne-dä*
 sea shore-INES emerge-AUTOM-PRES.3SG palace[< Russ] better[< Russ] your-ABL
 ‘Am Meeresufer ist ein Palast entstanden, er ist besser als der deinige’ [MV IV: 861].
 ‘On the shore of the sea has a palace emerged, it is better than that of yours’.

In H. Paasonen’s dictionary there is one interesting verb belonging to this group *šest’et’ems* ‘von sich selbst zerbrennen, bersten usw. / to break spontaneously, to split (intr.), to burst’ < *šest’ems* ‘to come loose, to come off / out, to tear (intr.)’ > *šez’ems* ‘to tear (tr.), to cut, to break (tr.), to wrench’ [MW: 2146—2147]. Unfortunately, the context is not given. Some examples can be found in the comprehensive Erzya-Russian dictionary: *šuba povozo šest’et’ś* ‘у шубы оторвалась пуговица / the coat button came off’, *skaloš šest’et’ś* (or *šest’et’et’ś*) ‘корова околела / the cow died’ and *puzir’eš šest’et’et’ś* ‘пузырь лопнул / the blister burst’ [ERS: 582].

II. Intentionals

The semantic reflexivity usually associated with passive (and automative) is not expressed in Mordvin with this suffix. A small group of reflexives having the special meaning of moving in some direction have been named intentionals. The subject of these sentences is ACTOR, the role of which is often to be the only participant in situations denoted by intransitive actional verbs of activity and motion [Geniušienė 1987: 39]. The frequentative derivative of the (32) *sirkset’ems* appears also describing army movements.

- (31) *nogaj-ušma kăpi-t’-iċ*
 nogai-horde arise-INTEN-PRET.3SG
 ‘Eine Nogajerhorde ist herangerückt’ [MV VII: 406].
 ‘A Nogai-horde has been raised’.
- (32) *nogaj[-]ušma, äržän a’la, sirga-t-oċ*
 Nogai-horde Erzya young.man begin.to.move-INTEN-PRET.3SG
 ‘Eine Nogajerschar, junger Ersäne, ist herangezogen’ [MV VII: 230, MW: 1984].
 ‘A Nogai-horde, young Erzya man, has begun to move’.
 < *sirgams* ‘to go, to move; to be going to; to stand up’

III. Passives

Although the meaning of the predicates of the passive sentences indicates an external animate AGENTIVE, it can never appear as an agent at the surface level. The primary actant of deverbal *t* verbs has entirely faded from the picture. This kind of verb comprises a small set. And the passive meaning is disappearing, slowly but surely, from *t* derivative verbs. Folk poetry, however, has preserved them to some extent and from time to time even conglomerations occur, as in (37). In the following sentences the surface subject has the semantic role of GOAL / PATIENT or CONTENT.

- (33) *ísta vel'ine-ś stroja-t-oć,*
 so village(DIMIN)-DEF.SG build-PASS-PRET.3SG
ísta vel'ine-ś vačka-t-oć
 so village(DIMIN)-DEF.SG brick.up-PASS-PRET.3SG
 ‘So ward das Dörfchen erbaut,
 So ward das Dörfchen errichtet’ [PM, 1: 72].
 ‘Thus the village was built,
 Thus the village was laid’.
 (This context should show a construction with an animated constituent)
 < *s(t)rojams* ‘to build; to be built’ < Russ *stróit*
 < *vačkams* ‘to stack, to pile; to beat, to hit, to strike, to lay bricks, to build; to be built’
- (34) *kolmo vel'e-t' jovta-t-it' pek maziste*
 three village-PL tell-PASS-PRES.3PL very beautifully
 ‘Drei Dörfer, heisst es, sind sehr schön’ [MV II: 33; MW: 535].
 ‘Three villages are depicted very beautifully’.
 (The German translation is peculiar, for the last word is an adverb having a derivational suffix *-ste*
 [cf. Finnish *-sti*] expressing manner and resembling the elative case.)
 < *jovtams* ‘to say, to tell’
- (35) *ko-so solamka t'ira-t-i*
 where-INES S. feed-PASS-PRES.3SG
ko-so solamka vano-t-i?
 where-INES S. take.care.of-PASS-PRES.3SG
 ‘Wo vird Solamka genährt,
 Wo wird Solamka betreut?’ [MV I: 418; MW: 2539].
 ‘Where is Solamka being nurtured,
 Where is Solamka being looked after?’
 < *t'(i)rams* ‘to feed; to raise’
 < *vanoms* ‘to look at, to observe, to keep an eye on smth; to take care of, to look after; to protect, to guard’
 The compound meaning of the pair verb *t'(i)rams-vanoms* is ‘to bring up, to rear’.
- (36) *ko-so, ko-so tejt'er kaka ańil'a-t-i?*
 where-INES where-INES girl child cherish-PASS-PRES.3SG
ve're, ve're, ve' utom-so, nupal'-se
 high high high storehouse-INES attic-INES
 ‘Где, где, девица красавица холится
 В верхней, верхней, верхней клети, во светлице’ [OMNS I: 38—39]
 ‘Where, where a young girl is being cherished?’
 Up, up, up in the storehouse, in the attic’.
 < *ańil'ams* ‘to cherish, to take care of’
 (The rare root verb occurs in [MW: 49; PM, 2: 557], and the standardized Erzya form *ańel'ams* in [ERS: 49] also meaning ‘entertain a person to’. It is more common in Moksha, see [MRS: 36—37].)

Some *t*-derivatives are so rare that only one example circulates in the literature. Originally (36) goes back to the year 1882 in this dialectal form, from there it has been taken into the newer dictionaries. M. Evsev'ev [Evsev'ev 1931: 22] repeats it correctly, but [ERS: 49] has a vexing misprint, it claims that the girl is being cherished on moss *nupoń-se*.

- (37) *ko-so buroj t'ira-t-i?*
 where-INES brown[< Russ] feed-PASS-PRES.3SG
mež-d'e buroj andu-t-i?
 what-ABL brown feed-PASS-PRES.3SG
ška-ń viške-d'e buroj andu-t-i,
 god-GEN emmer.wheat-ABL brown feed-PASS-PRES.3SG
sveža ved'-t'e buroj šimd'e-t-i.
 fresh[< Russ] water-ABL brown let.drink-PASS-PRES.3SG
 ‘Где растится бурая?
 Чем кормится бурая?’

Бурая кормится толченой полбушкой,
 Поится бурая свежей водою' [OMNS I: 44—47].
 'Where is the brown [horse] being nurtured?
 How⁴ is the brown being fed?
 With crushed emmer wheat⁵ the brown is being fed
 The brown is given fresh water to drink'.
 < *andoms* 'to feed'
 < *šimd'ems* 'let / make drink' < *šimems* 'to drink'

- (38) *vaj a šupav-ne čija-t-oč*
 Ø not rich-DAT propose-PASS-PRET.3SG
uk a ermev-ñe jaka-t-oč
 Ø not wealthy-DAT propose-PASS-PRET.3SG
 'Man verlobte sie nicht mit einem Reichen,
 Man verlobte sie nicht mit einem Vermögenden' [MV I: 221]
 'She was not made a match for a rich [man],
 She was not walked about for one of wealth'.
 < *čijams* 'to make a match for'
 < *jakams* 'to go, to move' compound meaning the same as the first verb

- (39) *a kuvaka pingiñe-m*
 not long time(DIMIN)-PX.1SG
pš'i pejel'ñe čova-t-i
 sharp knife(DIMIN) edge-PASS-PRES.3SG
moñ kirgiñe-m keŕa-t-i
 I.GEN trout(DIMIN)-PX.1SG cut-PASS-PRES.3SG
 'Ich werde kein hohes Alter haben,
 (für mich) wird ein scharfes Messer geschliffen,
 mein Hals wird abgeschnitten' [MV V: 456]
 'My life won't be long,
 a sharp knife is being whetted,
 my throat will be cut'
 < *čovams* 'to sharpen, to whet, to touch up; to rub'
 < *keŕams* 'to chop, to cut; to strike dead; to destroy; to whip; to sting'

- (40) *vaj meže-ñ kul'a-t, ejd'a-kaj, kul'a-t-očt'*
 Ø what-GEN rumour-PL child-VOCAT hear-PASS-PRET.3PL
už meže-ñ slava-t, ejd'a-kaj, slava-t-očt'
 Ø what-GEN reputation[< Russ]-PL child-VOCAT praise[< Russ]-PASS-PRET.3PL
 'Was für Gerüchte sind gehört werden, Kind,
 was für Gerede ist laut geworden, Kind?' [MV II: 80]
 'What rumours, my child, have been spread,
 what reputations, my child, have been spread?'
 < *kul'ams* (in other sources; only in Paasonen:) *kuŕ'ems* 'to hear; to spread the news'
 < *slavams* 'to praise; to deride' < Russ *sláva, slávit'*

- (41) *koš toñ kel'ñe-t' a kort-i*
 though you.GEN tongue(DIMIN)-PX.2SG not.PRES speak-PRES.3SG
toñ vajgel'-eŕ' maŕa-t-i
 you.GEN voice-PX.2SG hear-PASS-PRES.3SG
 'Obgleich deine Zunge nicht spricht,
 kann man deine Stimme hören' [MV VI: 144].
 'Even though your tongue does not speak,
 your voice will be heard'.
 < *maŕams* 'to hear; to feel, to sense; to smell (tr.)'

⁴ Literally: 'on / with what is the brown being fed'.

⁵ *Triticum turgidum* subsp. *dicoccum*, cultivated emmer wheat (or farro, farrum wheat).

At times the *t* passives appear to have established themselves in specific action settings. The verbs *kundatoms* ‘to be stuck in one place; to become stiff, to become paralysed’ and *lotkatoms* ‘to come to a stop, to be left standing’ are used when someone goes by boat and for some reason the boat gets caught in something. What we have here, is an instance of a lexicalized structure present in variants of a fairy tale, which has been collected in many dialects; the forms are always the same.

- (42) *koda tu-kšno-ś son rav lajk-s*
 when go-FREQ-PRET.3SG he Volga POST(on)-ILLAT
rau-ń (rav-oń) kunška-s pačko-l'e-ś
 Volga-GEN the.middle-ILLAT arrive-FREQ-PRET.3SG
venč-piřa-zo lotka-t-oć
 boat-bow-PX.3SG stop-PASS-PRET.3SG

- (43) *vesla-pe-ze kunda-t-oć*
 oar[< Russ]-stern-PX.3SG take-PASS-PRET.3SG

‘Als er auf die Wolga ging,
 mitten auf die Wolga kam,
 blieb der Bug des Bootes stehen,
 blieb das Ruderende stecken’ [MV I: 17]

‘When he had gone out on the Volga,
 reached the middle of the Volga,
 the bow of his boat stopped fast,
 the stern of his boat was caught fast’.

< *lotkams* ‘to stop; to cease; to come to a stop’

(cf. *lotkavoms* ‘to come to a stand still’; a clear indication of an animate subject might be the explanation for use of the *t* passive in this connection, since I don’t have any examples for use of the *v* passive)

< *kundams* ‘tarttua, ottaa kiinni’

The following example will provide us with information as to who or what causes the boat to get stuck:

- (44) *vaj mež-d'e lotka-ś, ved' ava, vešč-em*
 Ø what-ABL stop-PRET.3SG water mother boat-PX.1SG
mež-d'e kunda-t-oć, ved' ava, vesla-m?
 what-ABL take-PASS-PRET.3SG water mother oar-PX.1SG
 ‘Warum, Wassermutter, blieb mein Boot stehen,
 Warum, Wassermutter, blieb mein Ruder stecken?’ [MV VII: 74]
 ‘Mother water, what has caused my boat to stop,
 Mother water, what has caught my rudder fast?’

IV. The Modals

satoms ‘to be enough’ and *le’ems* ‘to be obliged to, to have to’

Verbs with *t* and *v* endings might represent even more parallel development. If we consider it possible the Erzya modal verbs expressing necessity *eřavoms* ‘to have [got] to, to need’ and *savoms* ‘to must, to need’ are derived from the stem verbs *eřams* ‘to live, to dwell, to exist; to experience; to be (customarily)’ and *sams* ‘to come, to arrive; (in Moksha the latter can also be transitive) to reach, to hit’, we can assume that the verb *satoms* ‘to be enough’ is also a derivation from the same verb *sams*. Naturally, here we are speaking of a *t* derivation (not a stem verb with a *t*). Proof of this can be found in the reduplicated *t* of Preterite I 3rd person singular form *satoťś*. This *t* is a morphological peculiarity, which I mentioned earlier [see e.g. Hallap 1955: 12—13]. It is used mostly in the impersonal form *sati* ‘to be enough’, with the an infinitive as its subject, e.g. *sati kortams* ‘that is enough talk [+ > let’s do something about it]’ or ‘that is enough talk [+ > we are finished with subject]’. In the same way as the verb *eřavoms* can be conjugated for person, so too can the verb *satoms*: in the singular *mońeń końovoś sati* ‘I have enough paper’ and in the plural *satit’ jarmakt’ne? — satit’* ‘Will that be enough money? — Yes, it will’. This verb can also take a subject-patient, just like the verb *eřavoms*. In the example *jarcams kšińem moń sati* ‘I (shall) have enough bread / grain to eat [+ > I won’t go hungry]’ here the word *kšińem* is the subject and simultaneously the object of the infinitive [Bartens 1979: 35—36].

The other modal verb *le’ems* ‘to be obliged to, to have to’ is for the present without etymological connections. One modest attempt has been made to explain it: *le-* + PASS *-t’e(t’e-)* [MW: 1115]. In my opinion, *le’ems* could be a derivative relic of the Finno-Ugrian copulative verb *le-* ‘sein, werden, leben / to be, to become, to

live' which has one potential counterpart in Mordvin, Erzya *l'evks*, Moksha *l'äfks* 'child, young bird or animal' [UEW: 243—244; SSA: 68]. These two together would confirm that once in Mordvin existed another copulative verb **l'ems*, in addition to Erzya *ul'ems* and Moksha *ul'äms*. To this verb all dictionaries give very similar examples *bazaru mol'ims l'eč / l'eč'eč* 'es wurde nötig, zum Basar zu fahren / it was necessary to go to the market' [MW: 1115] or [*moñeñ*] *l'eč'eč udoms viřse* '[мне] пришлось ночевать в лесу / it was necessary [for me] to sleep in the woods; [I] was obliged to sleep in the woods' [ERS: 339].

V. Lexicalizations

"Happening" by chance, being somewhere or meeting are depicted by three *t* verbs. Apparently the meaning of the stem verb comes through, regardless of whether the *v* or *t* derivation is used. These are, indeed, different verbs than were dealt with earlier, so perhaps we can observe some kind of division in their usage. The verb *kajatoms* has quite a number of meanings: 'to get thrown (into); to spread, to get spread; to be heard, to be audible, to echo; to have to go somewhere unexpectedly'. The verb *tokatoms* is of the same class: 'to cling to; to take the responsibility; to get pregnant; to be somewhere; to be forced to go somewhere; to do something by chance'.

- (45) *ton koda, kaka-m, t'eze-j kaja-t-i-t'?*
 you how child-PX.3SG here-LAT throw-PASS-PRET-2SG
 'Wie bist du, Kind, hierher geraten?' [MV VII: 44].
 'How did you, my child, happen to come by?'
 < *kajams* 'to throw, to slap; to pour into; to lower'

- (46) *pařak toka-t'eč' kija-va juta-mo-do*
 maybe touch-PASS-PRET.3PL road-PROL go-IIINF-ABL
 'Vielleicht sind sie zufällig auf dem Wege gegangen' [MV III: 181; MW: 2304].
 'Maybe they popped in while passing by'
 < *tokams* 'to touch; to strike, to hurt; to hit'

- (47) *viř-ga jak-i očinnik*
 forest-PROL go-PRES.3SG hunter
še vačko-t'eč mui-že
 that hit-PASS-PRET.3SG find-(OBJ3SG)PRET.3SG
 'Im Walde streift ein Jäger,
 er kam zufällig heran und fand es' [MV V: 408].
 'A hunter was walking around in the woods,
 he came upon [the baby], he found it'.
 cf. momentaneous *vačkod'ems* 'to strike, to hit; to wrestle' (< *vačkams* 'to stack, to pile; to beat, to hit, to strike, to lay bricks, to build; to be built')

At least two of these verbs are clearly lexicalizations, they cannot be interpreted as instances of 'to happen to throw or strike'. The verb *tokatoms*, however, as seen in example (46) might just be an entirely transparent derivation with the meaning 'happen to hit, hit by chance; to get pregnant' < *tokams* 'to hit (a target)'.

Verbs depicting sense perception, especially *hearing* seem to gather lexicalized verbs. The meaning of verbs with the *v* passive is closer to the meaning of the stem verb than the only *t* derivation *kajatoms* 'to be heard' is. The relatively new grammar [Cygankin 1980: 338—339] has surprisingly classified this verb with the meaning 'to be borne (audible)' among the momentaneous derivations.

- (48) *kajat-i-t' ku'a-t*
 be.heard-PRES-3PL news-PL
 'Es werden Nachrichten verbreitet' [MW: 570].
 'There is hear-say spreading'.
 < *kajams* 'to throw, to slap; to pour (into); to lower; to take off (ones badge of office); to cast lots; to do sorcery, to do witchcraft'

Discussion

The Finnish unipersonal passive can be formed from verbs having personal forms in 1st and 2nd person. The passive is not possible to form from unipersonal verbs as meteorological verbs, verbs expressing physiological states of a human being or neccessive verbs or other neccessive predicates. The only condition is that the primary

actant is AGENTIVE, mostly (+human), but also internal processes in organisms, machines, forces of nature and unknown forces [Vilkuna 2004: 1261, 1263].

The Mordvin *t*-derivatives descending from a common ancient source have developed differently containing partly meanings which in Finnish are not possible in the passive. Obviously their passive use has been more extensive in the past, but still less than the use of the *v* derivatives. Also the other meanings of these suffixes are very similar. Of the seven meanings of *v* derivatives presented in [Salo 2006a] three (automative, intentional, passive) have been found here with the *t*-derivatives and even the dynamic modality and zero meaning might be involved, e.g. footnote 3), resp. examples (15) and (23). Also the modals show parallel development. Now lexicalized meanings of *t*-derivatives are quite frequent, at least in the literary language. The physiological automatives belong to active use less frequently and only in the speech of elderly people.

At present *t*-derivatives are so rare that even good native speakers do not know them very well. While I was visiting Saransk in the early nineties I heard even the leading figure of the Mordvin linguists professor Cygankin, an Erzya, claim that *t*-derivatives have nothing special in the conjugation. Presumably he or members of his school of thought have sometimes “corrected” texts of others. This kind of “language policemen” have tampered e.g. with the conjugation of entries in ERS. Amusingly often the examples however show those exceptional forms.

* * *

The preliminary analysis of *t*-derivatives as presented in this paper is a part of my forthcoming dissertation “Passive and reflexive categories in languages of the Volga region”. Two articles have already been published: “The passive in Erzya Mordvin folklore” [Salo 2006a] and “The Derivational Passive and Reflexive in Mari Grammars” [Salo 2006b].

Abbreviations

ABES	abessive-caritive	INES	inessive	PRES	present
ABL	ablative	INF	infinitive	PRET	preterite
ACC	accusative	INTEN	intentional	PROL	prolative
AUTOM	automative	intr.	intransitive	PX	possessive suffix
CAUSAT	causative	LAT	lative	REFL	reflexive
CURAT	curative	MOM	momentaneous	Russ	Russian
DAT	dative	NOM	nominative	SG	singular
DEF	definite	OBJ	objective conjugation	SX	suffix
DIMIN	diminutive	PART	partitive	tr.	transitive
ELAT	elative	PASS	passive	VOCAT	vocative
FREQ	frequentative	PL	plural	∅	zero meaning
GEN	genitive	POST	postposition		
ILLAT	illative	POT	potential		

Bibliography

- Ahlquist 1861 — *Ahlquist A.* Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis. St-Petersburg, 1861. (Forschungen auf dem Gebiete der Ural-Altäischen Sprachen von Dr. August Ahlquist I).
- Aljamkin 2000 — Mokšen' kjal'. Morfologija / Ed. *Aljamkin N. S.* Saransk, 2000.
- Anderson 1971 — *Anderson J. M.* The grammar of case. Towards a localistic theory. Cambridge, 1971. (Cambridge Studies in Linguistics. 4).
- Bartens 1979 — *Bartens R.* Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979. (MSFOu 170).
- Blomstedt 1872 — *Blomstedt O.* Suomen kielen passivista. Esitelmä Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kokouksesta 9. joulukuuta 1870 // Suomi. 1872. Vol. II, 10. P. 284—293.
- Cygankin 1980 — Grammatika mordovskiĭ jazykov. Fonetika, grafika, orfografija, morfologija / Ed. *Cygankin D. V.* Saransk, 1980.
- Cygankin 2000 — Ėrzan' kel'. Morfemika, valon' teevema dy morfologija / Ed. *Cygankin D. V.* Saransk, 2000.

- Evsev'jev 1928 — *Evsev'jev M. Je.* Osnovy mordovskoï grammatiki. Ėrzjan' grammatika. M., 1928. (= Evsev'jev 1963 — *Evsev'jev M. Je.* Osnovy mordovskoï grammatiki // Izbrannyje trudy. 4. Saransk, 1963.)
- Jevsev'jev 1931a — *Jevsev'jev M. Je.* Ėrzjan'-ruzon' valks. Mordovsko-russkii slovar'. [A—Ke / Kja.] M., 1931.
- Jevsev'jev 1931b — *Jevsev'jev M. Je.* Osnovy mordovskoï grammatiki. Ėrzjan' grammatika. 2nd ed. M., 1931.
- ERS — Ėrzjansko-russkii slovar' / Ed. *Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M.*, 1993.
- Geniušienė 1987 — *Geniušienė E.* The typology of reflexives. Berlin, 1987. (Empirical approaches to language typology. 2).
- Hakulinen, Karlsson 1979 — *Hakulinen A., Karlsson F.* Nykysuomen lauseoppia. Helsinki, 1979. (SKST. 350).
- Hallap 1955 — *Hallap V.* Suffiksy obrazovaniija glagolov v mordovskiĥ jazykaĥ (obšermordovskije suffiksy). Avtoreferat. Tallinn, 1955.
- Hallap 2000 — *Hallap V.* Verbaaltuletussuffiksid mordva keeltes. (Ühismordva keeles esinenud suffiksid.) Tallinn, 2000. (Eesti Keele Instituude Toimetised. 5).
- Helasvuo, Vilkuna 2008 — *Helasvuo M.-L., Vilkuna M.* Impersonal is personal: Finnish perspectives // Transactions of the Philological Society. 2008. Vol. 106, 2. P. 216—245.
- Itkonen 1966 — *Itkonen E.* Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966.
- Kittilä 2000 — *Kittilä S.* Passiivin prototyypistä // Näkökulmia kielitypologiaan / Ed. *Pajunen A.* Helsinki, 2000. P. 286—312. (Suomi. 186).
- Korhonen 1981 — *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. (SKST. 370).
- Kulonen 1989 — *Kulonen U.-M.* The passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989. (MSFOu. 203).
- Kuusi 1963 — *Kuusi M.* Varhaiskalevalainen runous // Suomen kirjallisuus. I / Ed. *Kuusi M.* Helsinki, 1963. P. 129—215.
- Lehtinen 1984 — *Lehtinen T.* Itämerensuomen passiivin alkuperästä. [Suomi 129.] Helsinki, 1984.
- Lehtinen 2005 — *Lehtinen T.* Grammaticalization processes in Finnic: the passive // Les langues ouraliennes aujourd'hui. Approche linguistique et cognitive / Ed. *Fernandez-Vest M. M. J.* Paris, 2005. P. 195—208.
- Lehtinen 2007 — *Lehtinen T.* Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuomeen. Helsinki, 2007. (Tietolipas. 215).
- Lehtisalo 1936 — *Lehtisalo T.* Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936. (MSFOu. 72).
- Leinonen 1985 — *Leinonen M.* Impersonal sentences in Finnish and Russian. Helsinki, 1985. (Slavica Helsingiensia. 3).
- Molnár 2001 — *Molnár J.* Avalente Verben im Erzä-Mordwinischen // Zur (Morpho-)Syntax der uralischen Sprachen / Ed. *Pusztay J.* Savariae, 2001. (Specimina Sibirica. 16).
- MRS — Mokšansko-russkii slovar' / Ed. *Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Poljakov O. Je. M.*, 1998
- MV — Mordwinische Volksdichtung I—VIII. Helsinki, 1938—1981. (MSFOu. 77, 81, 84, 91, 161, 162, 176, 178).
- MW — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. 1—6 / Ed. *Kahla M.* Helsinki, 1990—1998. (LSFU. 23: 1—6).
- OMNS I — Obrazcy mordovskoï narodnoï slovesnosti. Vypusk I. Pesni. Kazan', 1882.
- OMNS II — Obrazcy mordovskoï narodnoï slovesnosti. Vypusk II. Skazki i zagadki. Kazan', 1883.
- Paasonen 1916 — *Paasonen H.* Lisiä suomen passiivin muodon selvittämiseen // Vir. 1916. Vol. 20. P. 31—34.
- Palmer 1994 — *Palmer F. R.* Grammatical roles and relations. Cambridge, 1994.
- PM — Proben der mordwinischen Volksliteratur. 1, 2. Helsinki, 1891, 1894. (JSFOu. 9; 12, 1).
- RDM — Reverse Dictionary of Mordvin / Ed. *Luutonen J., Mosin M., Shchankina V.* Helsinki, 2004. (LSFU. 29).
- Ruong 1943 — *Ruong I.* Lappische Verbalableitung dargestellt auf Grundlage des Pitelappischen. Uppsala, 1943.
- Salo 2006a — *Salo M.* The passive in Erzya-Mordvin folklore // Passivization and typology: Form and function / Ed. *Abraham W., Leisö L.* Amsterdam/Philadelphia, 2006. P. 165—190. (Typological Studies in Language. 68).
- Salo 2006b — *Salo M.* The Derivational Passive and Reflexive in Mari Grammars // The Slavicization of the Russian North, Mechanisms and Chronology / Ed. *Nuorluoto J.* Helsinki, 2006. P. 328—340. (Slavica Helsingiensia. 27).
- Seeffranz-Montag 1984 — *Seeffranz-Montag A. von* 'Subjectless' constructions and syntactic change // Historical Syntax / Ed. *Fisiak J.* Amsterdam, 1984. P. 521—553. (Trends in Linguistics, Studies and Monographs. 23).
- Setälä 1915 — *Setälä E. N.* Suomen passivista // Vir. 1915. Vol. 19. P. 129—139.
- Siewierska 1984 — *Siewierska A.* The Passive. A Comparative Linguistic Analysis. London, 1984.
- Simonyi 1906 — *Simonyi S.* Geschichte der reflexiven Konjugation im Ungarischen // JSFOu. 1906. Vol. 23, 12. P. 1—8.
- Smirennikova 1984 — *Smirennikova A. E.* Zalogi v mordovskiĥ jazykaĥ. (Posobije dlja učitelja.) Saransk, 1984.
- Ščemerova 1993 — *Ščemerova V. S.* Ėrzjan'-ruzon' valks. Russko-mordovskiĥ slovar'. Saransk, 1993.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä; etymologinen sanakirja. 2. L—P. / Ed.-in-chief *Kulonen U.-M.* Helsinki, 1995.
- UPTMN 5 — Ustno-poėtičeskoje tvorčestvo mordovskogo naroda. 5. Častuški / Ed. *Kavtas'kin L., Samoškin A.* Saransk, 1969.
- UPTMN 11 — Ustno-poėtičeskoje tvorčestvo mordovskogo naroda. 11. Narodnyje pesni mordvy Penzenskoï oblasti / Ed. *Beljakov V. P.* Saransk, 1987.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.
- Vilkuna 2004 — *Vilkuna M.* Passiivi ja passiivimaiset rakenteet // Iso suomen kielioppi / Ed. *Hakulinen A. & al.* Helsinki, 2004. P. 1253—1281. (SKST. 950).

SUMMARY

This study reveals new data for the Finnish so called unipersonal (or impersonal) passive representing material from rare, currently almost forgotten *t*-derivatives in the Mordvin languages, Erzya and Moksha. Examples collected from the high quantity of folklore texts and dictionaries can be divided into the following groups: 1) **Automatives**: physiological verbs, meteorological verbs, other automatives; 2) **Intentionals**; 3) **Passives**; 4) **Modals** and 5) **Lexicalizations**. Contemporary speakers use these *t* verbs mostly to express unpleasant feelings and negative physiological states. The *t*-derivatives can also be used to describe weather conditions as the only constituent part of a sentence, but this is very marginal. These two types of usage bring the *t*-derivatives close to the impersonals in Indo-European languages.

РЕЗЮМЕ

Настоящее исследование дает новую информацию о так называемом прибалтийско-финском одноличном (или безличном) пассиве, представляя редкий материал о почти забытом в настоящее время в мордовских, мокшанском и эрзянском, языках словообразовательном глагольном суффиксе *-t*. Примеры, собранные из большого количества фольклорного и словарного материала делятся на следующие группы: 1) **автомативные**: физиологические, метеорологические и другие автоматические действия; 2) **преднамеренные** действия; 3) **пассивные** действия; 4) глаголы, имеющие **модальные** значения; 5) **лексикализованные** глаголы. В настоящее время глаголы со словообразовательным суффиксом *-t* используются для описания неприятных ощущений и негативных физиологических состояний. Глаголы с суффиксом могут использоваться для описания погоды в предложениях с единственной конститuentой, но довольно редко. Эти два типа употреблений сближают образования на *-t* с безличными формами индоевропейских языков.

О специфике музыкального языка инструментального искусства тувинцев

Тува — один из самых ярких и самобытных культурных центров Саяно-Алтайского региона, отличающийся многообразием музыкальных форм и жанров, их мелодическим богатством и национальным колоритом тембрового звучания. Музыкальный фольклор Тувы можно подразделить на такие четыре крупных пласта, как трудовой и обрядовый фольклор, песенное творчество, инструменты и инструментальная музыка и *хоомей* (*хөөмей*, горловое пение). Наиболее специфическим звучанием отличаются традиционные музыкальные инструменты и *хоомей*, где в полной мере раскрывается национальное своеобразие творческого проявления тувинского народа в искусстве звуков. Кардинальным свойством, отличающим инструментальную музыку и *хоомей*, является их ярко выраженная и устойчиво повторяющаяся особенность бурдонно-обертоновой организации¹. Имеется в виду использование обертонов в мелодии на фоне реально звучащего основного звука — бурдона. Вне такой структурной организации *хоомей* просто не бывает, поэтому *хоомей* в данном контексте нами также интерпретируется как инструментальное творчество, точнее, как искусство игры горлом. Именно в бурдонно-обертоновой звуковой структуре в наиболее рафинированном виде отчетливо выступает специфика этнического звукоидеала (термин Ф. Бозе) тувинцев как сложного звукового мира, отраженного в эстетике инструментального искусства.

В настоящее время одной из наименее исследованных проблем тувинской музыкальной культуры является проблема, связанная со специфичностью музыкального языка инструментального искусства тувинцев. В данной статье впервые рассматриваются *системные различия* письменного и устного типов культур, которые четко проявляются именно на примере инструментальной культуры.

Музыкальный язык этноса — такая же реальность, как и вербальный язык. Он так же своеобразен, системно организован и требует для своего освоения определенной системы передачи. Творческое проявление народов в искусстве звуков столь же разнообразно, сколь разнообразны и их языки. Музыкальный язык также имеет свою лексическую, фонетическую, морфологическую и синтаксическую структуры, имеет свои грамматические правила и нормы.

В предлагаемой работе предпринимается попытка рассмотрения некоторых базовых параметров тувинской музыкальной культуры, которые, несмотря на все социальные и политические преобразования, которые происходили в XX в., сохраняют своеобразную конфигурационную устойчивость, что само по себе является новым и актуальным, так как до настоящего времени никем не ставилась такая проблематика. Актуальность темы продиктована также и существующими концептуальными противоречиями между музыкальной практикой и теоретическим ее освоением. Причины этих расхождений были заложены культурной политикой советского государства, стремившегося к унификации культуры на всей территории супердержавы исключительно на основе европейской модели развития музыкального творчества.

В начале XXI столетия, на фоне свершившихся в 1990-е гг. событий, приведших также к глубинной перестройке социально-экономических и культурных систем всего постсоветского пространства, с особой остротой осознается необходимость переосмысления достижений и потерь, произошедших в этнических культурах национальных республик бывшего СССР. Такая же глубинная перестройка, связанная с «профессонализацией» традиционной музыкальной культуры, имела место в начале прошлого века в Тувинской Народной Республике, а затем и в Советской Туве.

Нормы европейского музыкального мышления, которые необходимо было внедрить в тувинскую культуру, сильно отличались от традиционных и, по существу, представляли собой новый музыкальный язык, который предстояло освоить не только музыкальным деятелям, но и широким массам населения. Возникшая необходимость усовершенствования традиционных инструментов диктовалась именно этим различием. Причем различие это резко начинало заявлять о себе исключительно в сфере инструментального творчества. Сфера вокального творчества оказалась не так прихотлива, чему есть свое объяснение.

Специфика музыкального мышления тувинцев имела своеобразную форму «материализации», закрепленную в конструктивных особенностях инструментов, в особенностях их настройки, исполнительских приемах и в самой инструментальной музыке, имевшей устойчивую бурдонно-обертоновую [Сузукей 1993; 2007] звуковую структуру. Процесс «усовершенствования» музыкальных инструментов, вторгаясь во все вышеперечисленные компоненты исторически устоявшейся традиции, начал вносить

¹ Бурдон — основной звук, постоянно звучащий в низком регистре. Обертоны — частичные тоны основного звука, используемые в мелодии.

необратимые для музыкального языка изменения в его структурную организацию. Результаты опыта многократных попыток модернизации инструментов наглядно свидетельствуют о том, что народный музыкальный инструмент, взятый изолированно, вне включенности его в контекст традиционной культуры, постепенно теряет не только характерный тембр и неповторимый колорит звучания, но и традиционный репертуар. Искажается не только его внешняя форма, но и стиль и манера музицирования на нем. Механическое вмешательство в традиционную конструкцию народного инструмента с целью усиления звучания и подчинения его целям исполнения произведений европейской классики в конечном счете грозит привести музыкальную культуру к потере внутренне присущих ей специфических национальных черт.

По причине несоответствия своей бурдонно-обертоновой звуковой структуры европейским нормам звуковой организации *хоомей* (горловое пение) также был «отодвинут» на задний план вплоть до 80-х гг. Если бы была возможность перестроить человеческое горло, то процесс «усовершенствования» в то время непременно коснулся бы и исполнительского аппарата *хоомейжи* (исполнителя *хоомей*).

В настоящее время все ощутимее становится неизбежное численное уменьшение и по этой причине ослабление влияния и снижение роли в культуре носителей традиционной культуры *устно-слухового* типа в связи с их естественным уходом из жизни. Современное пожилое население республики — это ровесники революционных событий начала прошлого века, с детских лет усвоившие идеалы эпохи строительства социализма. Наблюдается и заметное увеличение числа выпускников музыкальных школ, училищ, консерваторий и университетов, академий культуры и искусств, воспитанных не на традиционных ценностных ориентирах. Эта количественно увеличивающаяся масса дипломированных специалистов начинает активно внедрять академическую музыкальную терминологию и привносить в тувинскую музыкальную практику несвойственные традиционной музыке критерии оценок.

Самые болезненные последствия для традиционной культуры имел факт *дискредитации* статуса профессионального музыканта *устного* типа. Подрыв авторитета народного музыканта повлек за собой не только снижение уровня самооценки народных музыкантов, но и «вынес» за рамки культуры их мнение, опыт, знания и умение и практически привел и приводит к потере культуры традиционного инструментального исполнительства. «Народным» музыкантам были не просто противопоставлены «профессиональные» (т. е. имеющие дипломы консерваторий) музыканты, которые не были специалистами по тувинской музыке. Случилось так, что дипломированные «не специалисты» начали обучать «правильно» играть тувинцев на их же музыкальных инструментах.

Трудно представить себе ситуацию, когда специалист-лингвист по индоевропейским или тюркским языкам начал бы вдруг преподавать, например, китайский или африканские языки и при этом говорить носителям этих языков, что у них неправильное произношение. Или окулист, дантист или гинеколог вряд ли стали бы на своих рабочих местах заменять друг друга, хотя они все являются врачами. К великому сожалению, такой нонсенс, как ни странно, можно наблюдать лишь в сфере музыки. До сих пор мало кого всерьез волнует и проблема терминологической несоотносимости. Дело в том, что термины европейского музыкознания, активно используемые для описания народной музыки, не только неточно отражают специфику исследуемого материала, но порой даже привносят в исследуемый материал не свойственный данной традиции культурологический контекст.

Одним из ярких примеров являются следующие (на первый взгляд невинные) вопросы, часто задаваемые музыковедами народным мастерам: «Какой материал берете для изготовления инструмента?» или «Как и сколько времени сушите древесину?». На самом деле в этих вопросах «заложена» провокация (конечно, не преднамеренная, а по причине незнания специфики традиционной культуры). Человек, задающий эти вопросы, формулирует их на основании знания опыта работы итальянских скрипичных мастеров Страдивари и Амати. Народный мастер, интуитивно чувствуя, что должен соответствовать опыту работы итальянских мастеров, преподносимых как образец, также пытается «подогнать» свой ответ к ожидаемому от него объяснению. Поскольку в советское время все, что было связано с кочевым образом жизни, было объявлено отсталым и недостойным внимания, они во многих случаях свои ответы как бы «корректировали» согласно требованиям времени.

Некоторые из народных мастеров читали или слышали об опыте итальянских мастеров. В большинстве случаев многие знают об этом опыте по рассказам «профессиональных» музыкантов, приведивших этот опыт в качестве примера и образца для подражания и внедрения. Поэтому в качестве материалов, которые берутся для изготовления инструментов, отдельные мастера называют такие, как *бук*, *палисандр* или *красное дерево*. Современные мастера находят, конечно, возможность найти такие материалы. Но в условиях традиционной культуры эти материалы *никогда* не использовались, поскольку такие виды деревьев не растут и никогда не росли в Туве. Некорректно поставленный вопрос провоцирует отвечающего на вопрос человека дать недостоверную информацию.

Во многом это следствие культурной политики, проводившейся в советское время по созданию оркестров и вынуждавшей также и профессиональных музыкантов внедрять европейский опыт без учета собственной специфики традиционных инструментов.

На самом деле в условиях кочевого образа жизни мастера (они же и исполнители), как правило, брали любую подходящую с у х у ю древесину (с которой в условиях Тувы нет проблем) и довольно б ы с т р о «сооружали» инструмент. Такое понятие, как «специально отведенное время на сушку древесины», в кочевой культуре также отсутствует. Поэтому вопрос о том, сколько времени сушат древесину, провоцирует народного мастера выглядеть как бы более «цивилизованным». В традиционной культуре были, конечно, и свои критерии отбора древесины. Например, лучшей считалась древесина, в которую ударила молния, или кусок дерева, долго пролежавший в навозе. Если брали свежесрезанную лиственницу, то ее кипятили некоторое время, чтобы выварить смолу.

И самое главное: корпус инструмента мог получиться слегка косым, кривым или корявым, особенно по сравнению с теми идеально гладкими и ровными инструментами, деревянные части которых обработаны на современных деревообрабатывающих станках. Но для музицирования в системе бурдонно-обертонных звукосочетаний даже некоторая корявость и кривизна корпуса инструмента не являлись помехой, поскольку это не сказывалось на качестве извлекаемых натуральных звуков. Одним из необходимых условий в конструктивных особенностях народных инструментов, обеспечивающих характерный тембр и широкий спектр обертонов, является, скорее всего, наличие в о л о с я н ы х с т р у н и к о ж а н о й д е к и, которая сама по себе тоже резонирует. А размер инструмента не влиял на высотные характеристики мелодических обертонов.

В условиях равномерно-темперированной системы, где соотношение ступеней по высоте (частоте) описывается определенными математическими выражениями, малейшие отклонения в размерах и в соотношениях частей корпуса начинают сказываться на чистоте извлекаемых звуков в разных октавах. Поэтому так строги требования европейской системы звукового строя к материалам, из которых изготавливаются инструменты, и к соотношению частей корпуса и т. д., в том числе и к техническим параметрам музыкальных инструментов.

Агрессивное вторжение академических музыкально-теоретических установок, активно внедрившихся под лозунгами политики партии и правительства по « п р о ф е с с и о н а л ь з а ц и и » народной музыки (наряду с переводом к о ч е в н и к о в на оседлый образ жизни) коснулось всех без исключения сфер традиционной музыкальной культуры. Попытка «профессионализации» традиционной народной музыки была аналогична попытке перевода лексического уровня одного языка на грамматические правила и нормы другого языка, в чем, кстати, были достигнуты определенные успехи.

Многие музыкальные инструменты тувинцев, по причине того что на них невозможно было исполнять классическую европейскую музыку, были отмечены как примитивные и несовершенные атрибуты прошлого, тормозящие развитие национального «профессионального» искусства. Кроме того, имела место очень жесткая и беспощадная идеологическая борьба, проходившая под девизом искоренения остаточных и пережиточных явлений феодализма. Это было удобно, поскольку то, что не соответствовало европейским представлениям о музыке, легко отменялось как «примитивные атрибуты прошлого». Мало того, были подключены и механизмы как административного, так и правового пресечения попыток музицирования на шаманских и буддийских инструментах, рассматривавшихся как проявление контрреволюционных намерений. По отношению к остальным инструментам были предприняты многочисленные попытки по «переиначиванию и переделыванию» (адаптации) их для исполнения на них европейской, высотно и ритмически организованной классической музыки. Этот опыт, именуемый «реконструкцией», «модернизацией» или «усовершенствованием» народных инструментов, в дальнейшем был безуспешно продолжен и в советское время. Такая политика имела негативные последствия в первую очередь в области инструментальной музыки тувинцев и отразилась во многих аспектах исполнительской практики, начиная с изменения традиционных конструкций музыкальных инструментов, их звучания и переориентации исполнительской техники.

Впервые в истории культуры тувинского народа проблема «усовершенствования» (реконструкции, модернизации) народных музыкальных инструментов возникла в 1943–1944 гг., когда была поставлена задача создания в Тувинской Народной Республике собственной «профессиональной» музыки, в связи с чем были приглашены советские специалисты. Приехав в январе 1943 г. в Туву и «усовершенствовав» некоторые инструменты, Р. Г. Миронович уже к осени 1944 г. создал оркестр народных инструментов в театре. Создание оркестра явилось наиболее ощутимым первоначальным и прогрессивным для своего времени шагом в деле решения поставленной перед советскими специалистами задачи. Этим событием был обозначен момент заметных, осязаемых «сдвигов», начинавших происходить не только в традиционной музыке, но и в менталитете носителей традиционной культуры. Опыт Р. Г. Мироновича по усовершенствованию тувинских инструментов был продолжен и в советское время.

В конце концов традиционные инструменты претерпели существенные изменения. Были созданы оркестровые и г и л (двухструнный смычковый хордофон) и б ы з а н ч ы (четырёхструнный смычковый хордофон). К их шейкам приделали гриф и приблизили к ним металлические струны (заменившие волосяные) для того, чтобы во время игры их можно было прижимать к грифу. На традиционном игиле играют, погла-

живая струны, а не прижимая их к шейке. Термин «флажолет» по смыслу его использования в академической традиции также не применим к этой технике игры, называемой по-тувински *суйбап ойнаар* «играть, поглаживая». А на традиционном бызаанчы, например, пальцы исполнителя вообще находятся под струнами, и играет он, касаясь струн снизу ногтями пальцев. Между шейкой и струнами этого инструмента огромное, с точки зрения академических требований, расстояние. Оркестровый дошпулуур (двухструнный щипковый хордофон) также обрел металлические струны и ладки на шейке, что повлекло за собой академическую постановку левой руки музыканта. Традиционные смычки игила и бызаанчы заменили скрипичными, что, естественно, потребовало «переворачивания» ладони правой руки в противоположную сторону. Волос смычка традиционного бызаанчы, находившийся между струнами, был отделен от струн и т. д. Все это и имел в виду в свое время Р. Г. Миронович [Миронович 1971: 76], когда писал, что вынужден был начинать обучение студийцев профессиональным (т. е. скрипичным, виолончельным, домровым и балалаечным) навыкам игры на инструменте. Принципиально менялась постановка как левой, так и правой рук. Для того чтобы «говорить» на другом языке, необходимо освоить «произношение».

Между тем известно, например, что на звучание вербального языка сильно влияют особенности произношения, т. е. язык правильно и понятно звучит, если его правильно произносят. Когда человек говорит не на родном языке, то появляется и явно слышимый акцент, потому что человек говорит на иностранном языке на основе произносительных навыков своего родного языка. Таким же образом и на специфику звучания музыки (как вокальной, так и инструментальной) во многом влияет артикуляционно-аппликатурная основа. В сущности, кардинально менялась артикуляционно-акустическая база (ААБ — по В. М. Надеяеву [Надеяев 1986]), то есть переиначивался или перестраивался «произносительный» аппарат или артикуляционно-аппликатурный принцип исполнительской техники. Менялись качества и свойства инструментального звучания, менялся и принцип инструментального исполнительства. Для старого поколения тувинских музыкантов (а мастера почти все были и исполнителями) не были понятны термины *интервал*, *строй*, *звукоряд*, *диапазон*, *тональность* и др., которыми «сыпали» профессиональные музыканты. Причина взаимного непонимания заключалась в том, что разговор шел на двух разных музыкальных языках без перевода. Традиционная тувинская инструментальная культура не оперирует такими понятиями или их аналогами. В них нет необходимости, поскольку что в ней иные звуковые реалии.

Обратимся к примеру вербальных языков. В тувинском языке, например, нет категории рода. В английском не совсем развита система падежей, по сравнению с русским или тувинским языками. Зато в английском языке временных форм глаголов в активном и пассивном залогах больше чем, например, в русском почти в девять раз. Тем не менее это не дает права считать английский язык «профессиональным», а другие языки народов мира — «народными». В этом смысле в лингвистике все в порядке. Парадоксы можно наблюдать, пожалуй, только в музыковедении. Одни языки (возможно, и музыкальные) — агглютинативные, а другие — флективные. Одни языки — тональные, а другие — нет. Кроме того, есть и понятие групп языков: индоевропейские, тюркские и т. д. Вероятно, и в музыковедении также должна существовать какая-то, может быть, подобная лингвистической, дифференциация музыкальных языков. Это очевидно, особенно на примере «языка» тувинской инструментальной музыки. Сейчас мы имеем только такую дифференциацию: музыка «профессиональная» и «народная». (Совсем не профессионально!).

Задача теоретического обобщения эстетико-нормативных представлений тувинского народа о музыкальном звуке как о наименьшем структурном элементе музыкального языка диктует необходимость изучения природных свойств звуков, принимающих участие в становлении и развитии инструментальной музыки. Специфика этнического звукоидеала тувинцев как сложного звукового мира, отраженного в эстетике инструментального искусства, определяется, как уже отмечалось, своеобразной системой бурдонно-обертонных звуковых соотношений, за которой стоит особая логика звукового мышления.

Поскольку термин *бурдон* широко используется в музыковедении, то обычно не замечается разница в звучании терминов: бурдонно-обертонный и бурдонно-необертонный. Бурдонно-необертонное музицирование встречается во многих музыкальных культурах (например, в европейской органной и фортепианной музыке, в музыке шотландской волынки или грузинского мужского хора, где также широко используется бурдон). Однако мелодия во всех этих случаях строится из необертонных звуков, имеющих свой независимый от бурдона источник.

А обертоны в тувинской инструментальной музыке извлекаются там же, где и бурдон, т. е. у них единый с бурдоном источник звука. Обертонная мелодия не может существовать без бурдона. Если убрать бурдон, то тут же исчезает и обертоновая мелодия. Или же она должна будет обрести другое качество, то есть превратится в необертонную мелодию, для воспроизведения каждого звука которой потребуется самостоятельный, отдельный от бурдона источник звука.

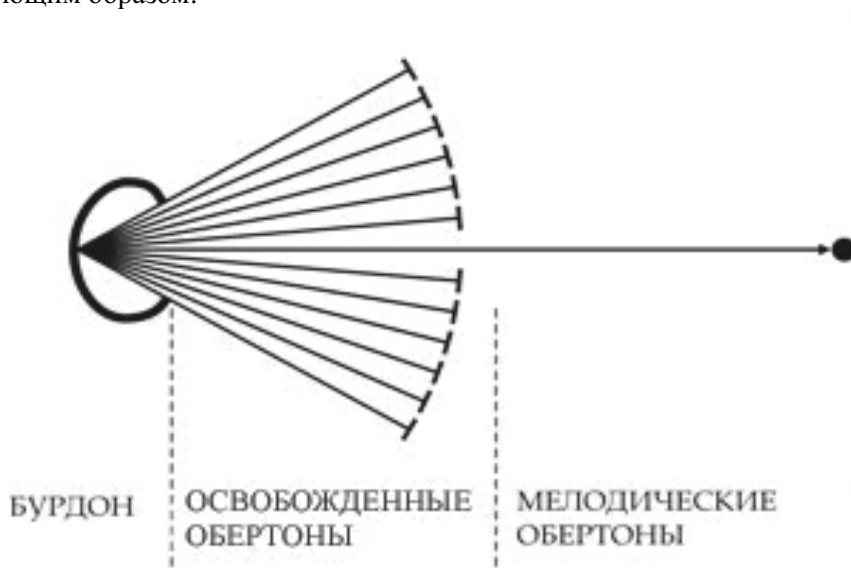
Специфический тип организации музыкального языка, основанного на устойчивой координации и субординации основного звука (бурдона) и его призвуков (обертонов), ни теоретически, ни на практике никогда не принимался во внимание как константная основа звуковой структуры языка тувинской инструментальной музыки. Между тем взаимосвязь и взаимозависимость бурдона и обертоновой мелодии в традиционной инструментальной музыке тувинцев — это системно проявляющаяся закономерность, имеющая имманентно присущий характер, обусловленный самой природой звука. В основе бурдонно-обертоновой структуры лежит природная система звуковых соотношений. В данном случае специально не используется известное словосочетание «природный (или натуральный) звуко ряд». Бурдонно-обертоновое музицирование не соотносится с «рядным» или «линейным» мышлением. Соответственно, и термин *звуко ряд*, как и термин *строй*, автоматически выпадают из употребления по отношению к определяемым свойствам тувинских инструментов. Этот момент и выступает одним из основных, причем самых трудноулачиваемых отличий специфики музыкального мышления тувинцев.

При бурдонно-обертоновой системе звуковой организации исполнителями реализуются прежде всего не дискретные звуки с точной высотой, а комплекс обертонов, извлекаемый специфическим способом звукоизвлечения. Для наглядности разницу в технике извлечения звуков в двух системах можно представить следующим образом. Если представить себе, что звук есть шарик, который возникает в пространстве и долетает до наших ушей, то извлечение звуков в академической системе можно изобразить следующим образом:

Причем в академической системе для построения мелодии каждый раз заново извлекается следующий самостоятельный звук.

А в условиях бурдонно-обертоновой системы исполнители прежде всего «расщепляют» бурдон на его частичные тона, затем уже музицируют за счет его освобожденных обертонов. Условно это можно представить следующим образом:

При этом для построения мелодического уровня ни бурдон, ни мелодические обертоны каждый раз заново не извлекаются. Для тувинских музыкальных инструментов наличие бурдона и комплекса его «освобожденных» обертонов представляет собой постоянную величину их фонической характеристики. Мелодическое чередование обертонов происходит на фоне не прерывающегося, постоянно звучащего бурдона. И понятно, что если убрать бурдон, то тут же исчезают и его обертоны.

Теоретические основы европейской классической музыки базируются на высотном соотношении звуков равномерно-темперированного строя, которые функционируют в системе гомофонно-гармонической соподчиненности. Здесь необходимо напомнить, что равномерно-темперированная звуковая система — это музыкально-акустическая система, где соотношение ступеней по высоте (частоте) представлено в конкретных математических выражениях. Эти математические выражения были получены в результате проведенной немецким музыкантом-органистом и теоретиком Андреасом Веркмейстером реформы, после чего чистая (без биений), природная квинта была заужена, вследствие чего и удалось замкнуть квинтовый круг. Наконец было получено энгармоническое равенство звуков, отсутствовавшее во всех созданных до него неравномерно-темперированных строях. Соответственно, квинта в равномерно-темперированной системе и квинта в бурдонно-обертоновой системе — это уже разные реальности. Речь пока идет лишь об отвлеченной квинте, которая еще не задействована в контексте развития музыкального произведения (а там эта разница проявляется еще осязательнее).

Извлечение на академических инструментах соотношений звуков, представленных в точных математических выражениях, также предъявляет к этим инструментам строгие, точно закрепленные требования, относящиеся к таким их параметрам, как размер, диапазон, строй, настройка, звукоряд и т. д., которые имеют неменяющиеся свойства по отношению к каждой конкретной разновидности инструмента.

Функционирование инструментов в тувинской культуре, как уже отмечалось выше, происходит в контексте бурдонно-обертоновой звуковой системы, где не имеют принципиального значения размеры инструментов, поскольку размер инструмента не соотносится с математически точными высотными характеристиками извлекаемых звуков, а музицирование ориентировано на извлечение природных звуков, которые в принципе не могут быть фальшивыми. Поэтому для традиционных инструментов изначально характерны большие колебания в размерах. Например, общая длина игла может быть равна и 70 см, и 108 см. Это крайние показатели. Причем такая большая разница (38 см! — критическая для академических инструментов) не меняет характера функционирования или сферы жанрового применения инструмента. Естественно, что такие колебания в размерах влекут за собой и трудности в определении конкретных границ строя, диапазона, тесситуры, звукоряда данного инструмента в общепринятом значении этих терминов, если пытаться определять их с точки зрения равномерно-темперированной системы. Между тем такая большая разница в размерах одного и того же класса инструментов для самих народных исполнителей не создает никаких неудобств в процессе музицирования, потому что эти инструменты функционируют в другой системе звуковых координат.

При изготовлении инструмента народный мастер отмеряет необходимый ему размер по длине своих пальцев. Поэтому размер традиционного инструмента имеет лишь пропорциональное соответствие росту конкретного исполнителя, который в большинстве случаев сам же его и изготавливает. (Одежда или обувь, например, также не бывает только одного размера на всех людей.) С этой точки зрения традиционный тувинский инструмент достаточно эргономичен. Следует постоянно помнить об исключительно *сольной* природе традиционной тувинской музыки.

Необходимость унифицирования размеров инструментов появляется только при ансамблевой или оркестровой игре, согласно логике требований оркестровой функциональности.

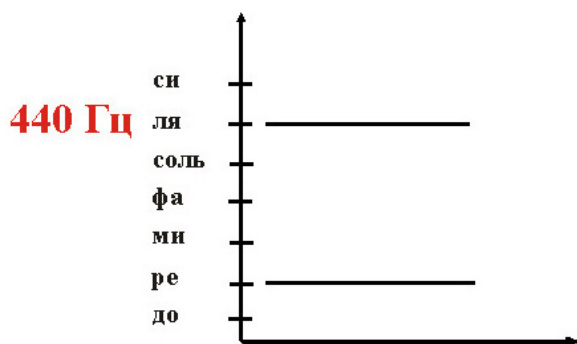
Одним из важнейших моментов при игре на музыкальных инструментах является момент *настройки*. Настройка² инструментов в оркестре, как известно, начинается с того, что концертмейстер оркестра дает камертонное *ля* (440 Гц) по которому начинают настраиваться артисты оркестра. Струнная группа сначала настраивает струну *ля*, затем подтягивают нижние и верхние струны относительно этой струны. При *сольном* исполнении на струнном инструменте концертмейстер также озвучивает *ля* на фортепиано, по которому солист проверяет настройку своего инструмента. Казалось бы, это прописные истины, о которых и не стоило бы упоминать. Но это описание приведено для того, чтобы обратить внимание на то, что у академических струнных инструментов сначала настраивается одна струна по эталонной высоте *ля*, затем уже относительно этой струны по очереди настраиваются другие струны.

В тувинской инструментальной традиции нет понятия *эталонной высоты настройки* [Сузукей 2006]. Две струны игла настраиваются только относительно друг друга до получения чистой (природной) квинты на уровне малой октавы. Эта квинта (иногда кварта или октава) (интервал, а не отдельная высота!) и выступает *константной* величиной, на которую ориентирован слух народных музыкантов. Причем местоположение этой квинты в звуковом пространстве может и совпасть с такими звуками высотной шкалы, как *до-соль* или *ре-ля*. Но совпадение это будет чистой случайностью. Во

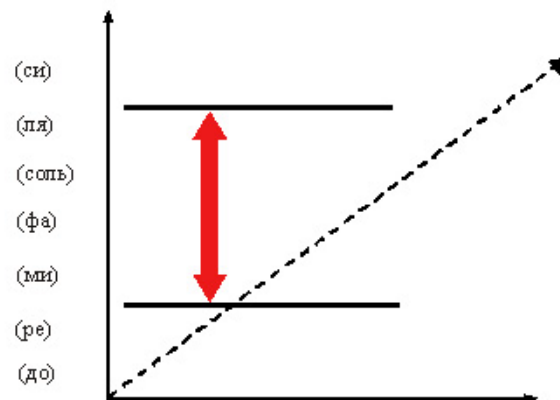
² Под термином «настройка» имеется в виду интервальное соотношение звуков, получаемых на открытых струнах музыкального инструмента. Под строем понимается музыкально-акустическая система, где соотношение звуков по высоте (частоте колебаний) выражено математически. Понятия строя и настройки, имеющие разный смысл, часто смешиваются.

многих случаях эта квинта будет чуть ниже или чуть выше упомянутых высотностей. Да и сама квинта будет отличаться от веркмейстерской *квинты* равномерно-темперированного строя, о чем уже говорилось выше.

Настраивание двух струн и гила безотносительно друг друга (т. е. сначала одной, а затем другой) не имеет смысла, поскольку нет одной, точно закрепленной высоты, к которой надо сначала подтягивать одну из струн. Примеры настраивания разных инструментов можно графически представить следующим образом:

настройка академических струнных инструментов

настройка тувинских струнных инструментов

Поэтому утверждение о том, что такой-то традиционный тувинский инструмент настроен, например, на *ре-ля* малой октавы, будет в принципе неверным. В целом высотный уровень настройки и гила соотносится обычно только с «зоной звуков» [Гарбузов 1948: 6] малой октавы или на границе малой и первой октав и зависит от того, какой тон исполнитель слышит внутренним слухом. Этот тон определяется общим тонусом организма исполнителя, его психологическим и физическим состоянием и соответствием этого состояния общей конкретной ситуации или соответствием настроению исполнителя. Поэтому для настройки *игила* характерны, по определению самих исполнителей, три уровня: *кошкак* (слабый, т. е. низкий), *ортумак* (средний) и *дынзыг* (напряженный, т. е. высокий). Народному исполнителю, когда он настраивает свой инструмент, важен только факт звучания совершенного консонанса чистой квинты (иногда кварты или октавы) в пограничной зоне малой и первой октав.

Кроме того, в условиях совершенного консонанса чистой (природной) квинты частичные тоны одной струны так сливаются с частичными тонами другой струны, что в слуховом опыте обе струны, видимо, воспринимаются не как две отдельные струны, а одна как продолжение другой (зримым эквивалентом может служить постепенно сужающийся к кончику язычок *хомуса*). И это единство выступает в качестве постоянно присутствующего бурдона.

Настройка инструмента для народного исполнителя — это единство звучания комплекса обертонов обеих волосяных струн. По этой же причине во время музицирования обе струны и могут быть взаимозаменяемы в качестве бурдонирующей струны.

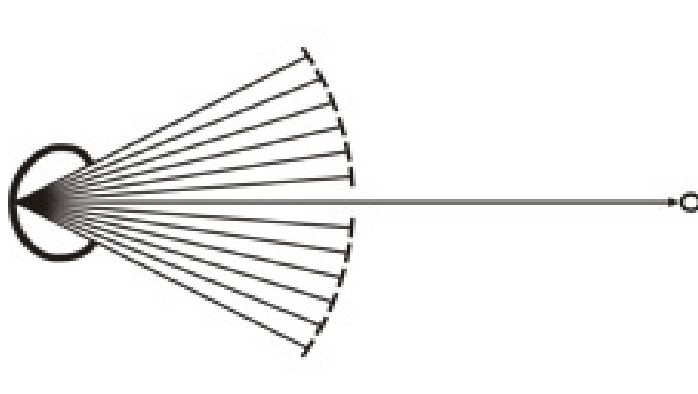
Однако необходимо отметить, что современные трансформации, происходящие в традиционной культуре, уже коснулись и этой стороны инструментальной традиции. Молодые музыканты настраивают свои инструменты согласно равномерно-темперированной шкале звуковысотностей, поскольку, во-первых, почти все они закончили Кызылское училище искусств и обучены настраивать свой инструмент под фортепиано. Во-вторых, ансамблевое и оркестровое исполнительство также требует, чтобы сначала все инструменты были настроены на одну высоту.

Еще одним из результатов некорректного внедрения академических терминов в период «профессионализации» традиционной культуры явилось то, что со временем и мастера, и исполнители стали говорить, например, так: «Тональность этого *хомуса* фа[#]». Поражает то, как при этом дипломированные (профессиональные) музыканты с самым серьезным видом одобрительно кивают головой (мол, наконец-то грамотные стали) и при этом сохраняют полнейшее спокойствие и никак не реагируют на то, что было сказано. На самом деле невозможно использовать такое сочетание, как «тональность инструмента», потому что термин *тональность* относится к характеристике музыкального произведения, а не инструмента.

Другим примером терминологической несоотнесенности является использование термина *диапазон*. Диапазоны академических инструментов определяются крайним низким и крайним высоким звуками, которые возможно извлечь на этих инструментах. Также существует и понятие общего диапазона и рабочего диапазона для одного конкретного инструмента. Согласно их регистровому положению существуют семейства инструментов, куда входят такие их разновидности, как прима, альт, тенор, бас и контрабас. Применительно к струнной группе симфонического оркестра это: скрипка, альт, виолончель и контрабас.

Каждый из этих инструментов охватывает последовательность звуков, доступных для исполнения на конкретном инструменте, в пределах определенных октав.

Применение понятия *диапазон* по отношению к традиционным тувинским инструментам представляется невозможным. Термин *диапазон* вбирает в себя понятие определенного (количества) объема «построенных в ряд» звуков конкретной высоты по шкале равномерной темперации. При бурдонно-обертоновой системе звуковых соотношений, когда музицирование разворачивается за счет внутренних ресурсов одного основного тона — бурдона раскрывается звуковое пространство, о д н о в р е м е н н о охватывающее огромный объем звучания:

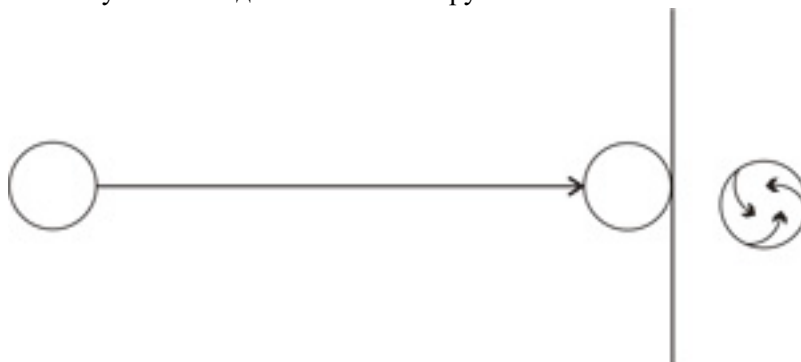

Одной из серьезных научных работ, относящейся к области функциональной анатомии и физиологической акустики, является работа Л. Б. Дмитриева, Б. П. Чернова и В. Т. Банина «Тайна тувинского “дуэта” или свойство гортани человека формировать механизм аэродинамического свиста». В процессе своих исследований тувинского х о о м е я они обнаружили, что голосовой аппарат человека способен генерировать высокочастотный звук с исходным тоном порядка 2000–4000 Гц, взятый через пять (и выше) о к т а в относительно одновременно звучащего основного звука [Дмитриев и др. 1992: 25].

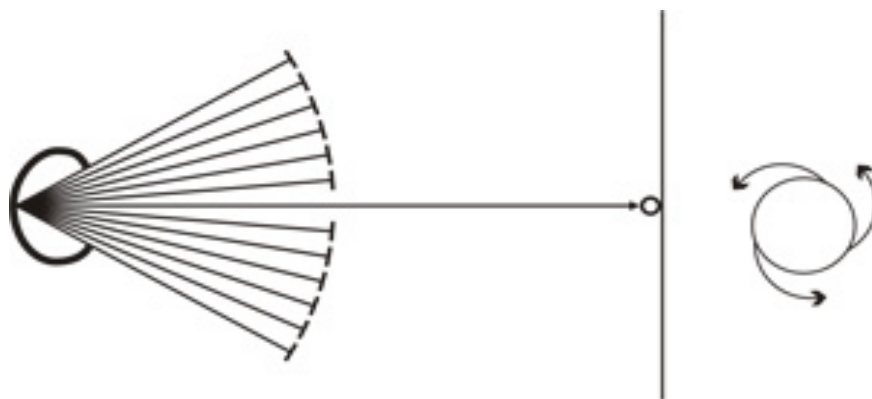
Авторы отмечают, что ими также осуществлен акустический анализ сложного акустического процесса в гортани — фонации через две преграды, при которых о д н о в р е м е н н о формируются как низкочастотные, так и высокочастотные звуки.

Данные о том, что инфранизкие составляющие содержатся даже в звуках человеческого голоса [Морозов и др. 1972: 144], позволяют предположить, что и в диапазоне частот, например, горлового пения также содержатся как ультравысокие (в стиле с ы г ы т), так и инфранизкие (в стиле к а р ы р а а) составляющие, которые придают ярко выраженную рельефность и стереофоническую пространственность звучанию всех его стилей. Соответственно, можно допустить, что и чисто инструментальная бурдонно-обертоновая музыка, функционирующая в такой же системе звуковых координат, задействует одновременно огромные пределы звукового пространства, включая в себя и ультравысокие, и инфранизкие частоты. Поэтому термин *диапазон* в том значении, в каком он используется по отношению к академическим инструментам, также не применим по отношению к тувинским инструментам. Таких примеров по разным аспектам практики и теории можно приводить множество, однако, к сожалению, объем данной работы не позволяет вдаваться в подробности.

Главным отличием фонической характеристики музыкальных инструментов, функционирующих в разных системах, является то, что на этих инструментах озвучиваются р а з н ы е по природе исходные звуковые единицы. Наименьшая структурная единица, извлекаемая на академических инструментах, «неделима». Необходимостью акцентирования чистоты и точности высотных характеристик диктуется извлечение звуков, в основе природной характеристики которых, видимо, лежит и н т р о в е р т н а я (центростремительная) динамика их формирования. Именно эта характеристика и определяет, на наш взгляд, силу и полетность звучания академических инструментов.

В основе системы бурдонно-обертоновой организации звукового материала, как мы полагаем, лежит экстремальная динамика, позволяющая максимально полное использование внутренних ресурсов одного и того же звука, представленного в виде бурдона. В эргологическом, морфологическом и фоническом комплексе народных инструментов эмпирически учтена и заложена эта динамика звукообразования, которая начинает функционировать при определенных условиях ее реализации. В турбулентном потоке «освобожденных» обертонов должна, видимо, преобладать тенденция центробежного действия, при игре обуславливающая легкость и быстроту извлечения мелодических обертонов.

А все попытки модернизации народных инструментов сводились лишь к попыткам перевода их из одной системы в другую, для чего пришлось их фактически заново переконструировать, чтобы приблизить их звучание к звучанию академических инструментов. К тому же существенно изменилась специфическая фоническая характеристика, которая обеспечивалась волосяными струнами и кожаной декой, при их замене на металлические струны и деревянную деку. А недооценка или непонимание роли и значения бурдона в инструментальной музыке тувинцев приводили к серьезной переориентации логики звукового мышления народных музыкантов.

Существующая практика анализа бурдонно-обертоновой музыки по нотным расшифровкам, когда во внимание принимается только обертоновая мелодия и на ее основе предпринимаются попытки вычленения мелодических ячеек для дальнейшего построения трихордов, тетрахордов, звукорядов и т. д., также является априорно привнесенным методом анализа музыки из опыта изучения необертоновых мелодических культур. Самым главным упущением при этом является игнорирование факта реально звучащего бурдона, хотя он и имеет обозначение в нотных расшифровках. К бурдону, как правило, обращаются лишь для теоретического вычисления натурального ряда обертонов, для установления их порядковой нумерации. На самом деле, если убрать бурдон, то тут же исчезнут и обертоны, которые не имеют собственного источника звука. Их можно воспроизвести только тогда, когда есть реально звучащий бурдон. Поэтому обертоновая мелодия — это в принципе лишь виртуальная реальность. Вообще технику бурдонно-обертонового музицирования можно было бы образно назвать «нанотехнологией» в звуке. Ведь мелодический уровень в данном случае создается за счет мельчайших частиц основного звука — бурдона. Нанотехнологии подразумевают не материальное свойство объектов, а характеристику их размера. Речь идет о частичных тонах, призвуках основного тона, которые можно рассматривать на уровне его мельчайшей (атомной) структуры.

Переключение внимания на новый, письменный тип культуры, начавшееся в Туве с середины 40-х гг. XX в., качественно изменило музыкально-языковые ориентиры во всех формах творческого самовыражения, включая и систему обучения музыканта. На смену устной системе воспитания носителя традиционной культуры, которая не была принята во внимание, пришла система европеизированного нотного обучения музыкантов-«народников» в государственных образовательных учреждениях культуры и искусств. «Письменный способ обучения и письменный способ существования музыкальной культуры явились не просто альтернативой традиционному устному. Они несли в себе совершенно новую концепцию музыкального искусства, основанного на принципиально иных эстетических критериях, утверждали другую творческую психологию и иную слуховую настройку. Обучение на письменной основе привело и к качественному изменению народных исполнителей как современных носителей традиционной культуры» [Мухамбетова 2002: 371].

Как следствие — в настоящее время молодое поколение музыкантов Тувы является «двуязычным». Наряду с традиционным профессионализмом тувинские музыканты осваивают профессионализм европейского типа. В настоящий момент для них нет проблемы перехода с одного музыкального языка на другой, точно так же как нет проблемы перехода с тувинского языка на русский или наоборот.

Несмотря на огромное различие, эти две музыкальные системы развиваются параллельно, взаимно влияя друг на друга. Традиционная музыкальная культура широко осваивает неизвестные ей ранее жанры и

формы ансамблевого и оркестрового исполнительства. Новое, (советское) тувинское композиторское искусство по сути представляет собой новый национальный вариант музыкального языка, который отвечает всем нормам европейской письменной музыки, но с внешними приметам национального в мелодике.

В настоящее время активно апробируется и реальность проникновения уникальных элементов культур малочисленных народов в пласты общечеловеческой, мировой цивилизации и возможности их отложения в качестве самостоятельных образцов в «копилке» культуры — банке мировых ценностей. Изучение национальных аспектов этнических культур обогащается новыми методологиями, современными аналитическими моделями, и с их помощью «местные» материалы дают миру нечто инновационное, имеющее фундаментальное значение.

Новые тенденции развития науки и практики являются следствием мировых цивилизационных процессов, ориентированных на свободное использование и дальнейшее развитие различных аспектов национальных культур в соответствии с потребностями их носителей, а также определяемые общей направленностью и достижениями общественной жизни в целом.

Тенденция глобализации и повсеместных культурных взаимодействий делает актуальным и значимым интерес к культурной от л и ч и т е л ь н о с т и особенно такой культуры, как тувинская, которая далека от того, чтобы уступить свое место унифицированной массовой культуре. В истории человечества много примеров исчезновения отдельных культур (как и «умирания» языков) в результате их «поглощения» более крупными культурами. В случае с тувинской музыкальной культурой можно наблюдать прямо противоположный эффект. Она привлекает к себе всеобщее внимание, завоевывая мировую известность, и в немалой степени сама начинает оказывать влияние на мировое музыкальное сообщество. Только будучи целостной системой, традиционная музыкальная культура Тувы могла вбирать в себя новые веяния XX в., гибко реагируя на все изменения и оставаясь при этом сама собой.

В контексте активного обсуждения общественностью таких проблем, как этничность, идентичность, аутентичность, становится актуальным и значимым интерес к специфичности культурных традиций. «Частные, этнодетерминированные моменты специфики движения социума в национальных регионах, зафиксированные наукой, могут на самом деле явиться маркерными точками реализации фундаментальных, базовых явлений и феноменов. Таким образом, глобализация, консолидация и интеграция в сфере гуманитарных наук для национальных регионов России в первую очередь должны означать, — как справедливо отмечает М. Улаков, — не трансформацию национально-специфического знания в направлении всеобщей стандартизации и нивелировки методов и моделей научного поиска, как было при советской власти. А скорее наоборот — продвижение и развитие в новой научно-информационной среде тех аналитических систем, которые основаны на необычности исследуемого материала» [Улаков 2004: 6–7].

Известно также, что ни одна из существующих в мире культур не находится в изоляции и не подлежит сомнению то, что столкновение и взаимодействие культур в контексте глобализационных процессов неизбежно. При этом изучение закономерностей формирования традиционных ценностных ориентиров и направления их модификаций является наиболее актуальным и расширяет возможности толкования структуры, положения и роли музыкальной культуры тувинцев в мировом социокультурном пространстве.

Перспектива дальнейшего развития конкретных этнических культур находится в тесной связи с аспектом культурной глобализации. Проблема сохранения и развития культуры — жизненно важная задача для малочисленных народов, входящих сегодня в состав Российской Федерации. Руководствуясь Конституцией (Основным Законом) РФ, Федеративным договором и нормами международного права, Верховный Совет РФ 9 октября 1992 г. принял Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», где подчеркивается, что основной целью государства является обеспечение сохранения в единой российской культуре многообразия всей накопленной предыдущими поколениями системы ценностей. На основе этой законодательной базы ведутся и региональные научные исследования в области этнических культур народов России.

Л и т е р а т у р а

- Гарбузов 1948 — Гарбузов Н. А. Зонная природа звуковысотного слуха. М.; Л., 1948 {Garbuzov 1948 — Garbuzov N. A. Zonnaja priroda zvukovysotnogo sluħa. M.; L., 1948}.
- Дмитриев и др. 1992 — Дмитриев Л. Б., Чернов Б. П., Банин В. Т. Тайна тувинского «дуэта» или свойство гортани человека формировать механизм аэродинамического свиста. Новосибирск, 1992 {Dmitrijev i dr. 1992 — Dmitrijev L. B., Ćernov B. P., Banin V. T. Taĭna tuvinskogo “duĕta” ili svoĭstvo gortani ĉeloveka formirovat' meħanizm aĕrodinamiĉeskogo svista. Novosibirsk, 1992}.
- Миронович 1971 — Миронович Р. Г. Воспоминания // Люди тувинского театра. Кызыл, 1971. {Mironoviĉ 1971 — Mironoviĉ R. G. Vospominanija // Ljudi tuvinskogo teatra. Kyzyl, 1971}.

- Морозов и др. 1972 — Морозов В. П., Пуолокайнен П. А., Хохлов А. Д. Инфразвуки, генерируемые голосовым аппаратом человека в процессе речи и пения // Акустический журнал. 1972. Т. 17. № 1 С. 37 – 41 {Morozov i dr. 1972 — Morozov V. P., Puolokainen P. A., Hořlov A. D. Infrazvuki, generirujemyje golosovym apparatom čeloveka v processe reči i penija // Akustičeskij žurnal. 1972. T. 17. № 1. S. 37 – 41}.
- Мухамбетова 2002 — Мухамбетова А. И. Традиционная музыкальная культура казахов в социальном контексте XX века // Аманов Б., Мухамбетова А. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы, 2002. С. 359 – 389 {Muřambetova 2002 — Muřambetova A. I. Tradicionnaja muzykal'naja kul'tura kazařov v social'nom kontekste XX veka // Amanov B., Muřambetova A. Kazařskaja tradicionnaja muzyka i XX vek. Almaty, 2002. S. 359 – 389} [Мухамбетова Әсия Ибадуллақызы {Muřambetova Āsija Ibadullaқызы}].
- Наделяев 1986 — Наделяев В. М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 55 – 57 {Nadeljajev 1986 — Nadeljajev V. M. U istokov tuvinskogo jazyka // Issledovanija po tuvinskoj filologii. Kyzyl, 1986. S. 55 – 57}.
- Сузукей 1993 — Сузукей В. Ю. Бурдонно-обертонная основа традиционного инструментального музицирования тувинцев. Кызыл, 1993 {Suzukej 1993 — Suzukej V. Ju. Burdonno-obertonovaja osnova tradicionnogo instrumental'nogo muzicirovanija tuvincev. Kyzyl, 1993}.
- Сузукей 2006 — Сузукей В. Ю. Четырехязычная (русский, английский, французский, немецкий) DVD-версия видеофильма «Музыка Тувы». 2006 {Suzukej 2006 — Suzukej V. Ju. Četyreh'jazyčnaja (russkij, anglijskij, francuzskij, nemckij) DVD-versija videofil'ma “Muzyka Tuvy”. 2006}.
- Сузукей 2007 — Сузукей В. Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М., 2007 {Suzukej 2007 — Suzukej V. Ju. Muzykal'naja kul'tura Tuvy v XX stoletii. M., 2007}.
- Улаков 2004 — Улаков М. Новые тенденции развития региональных тюркологических исследований // Тюркология. 2004, 2. С. 3 – 12 {Ulakov 2004 — Ulakov M. Novyje tendencii razvitija regional'nyř tjurkologičeskij issledovanij // Tjurkologija. 2004, 2. S. 3 – 12}.

РЕЗЮМЕ

В предлагаемой работе предпринимается попытка рассмотрения некоторых базовых параметров тувинской музыкальной культуры, которые, несмотря на все социальные и политические преобразования, которые происходили в XX веке, сохраняют своеобразную конфигурационную устойчивую, что само по себе является новым и актуальным, так как до настоящего времени никем не ставилась такая проблематика. Актуальность темы продиктована также и существующими концептуальными противоречиями между музыкальной практикой и теоретическим ее освоением. Причины этих расхождений были заложены культурной политикой советского государства, стремившегося к унификации культуры на всей территории супердержавы исключительно на основе европейской модели развития музыкального творчества.

SUMMARY

The present work is an attempt to study certain basic parameters in Tuva musical culture, which maintain unique configurational stability regardless of all social and political changes in the XX century. Up to the present time these topics weren't scientifically studied. It becomes the more interesting, since there is certain conceptual disagreement between musical practice and its theoretical learning. The reasons for such disagreement go back to the cultural politics of the Soviet State, which tried to unify the culture in the vast territories of the superpower solely on the basis of European model of development of musical creativity.

Многоугольное пространство (*сэрего-сэрего*) в удмуртском языке и культуре

Удмурты — один из финно-угорских народов, проживающих в лесной зоне Восточной Европы, в междуречье рек Камы и Вятки. Своеобразие удмуртского языка и культуры было обусловлено контактами местного населения с пришлыми этническими группами: индоиранцами, тюрками, славянами. Настоящая статья посвящена проблеме истоков удмуртских представлений о многоугольном пространстве (*сэрего-сэрего*).

В удмуртском языке слово *сэрег* имеет значение ‘угол, уголок; граница лесных и земельных участков’, *сэрего* — ‘угловатый, с углами, — угольный’ [УРС 2008: 625]. В фольклорных текстах фраза «*сэрего-сэрего*», буквальный перевод которой звучит как ‘углами-углами’ или ‘угловатый, угловатый’, выражает идею многоугольности [Владыкина 2003: 60—62]. Записи обрядовых песен, содержащих в тексте подобные понятия, выполнены в десятках деревень южных и срединных районов Удмуртии (Алнашский, Можгинский, Увинский, Вавожский районы УР). Как правило, они называются рекрутскими песнями (*лекрут гур, салдат гур, салдат келян*), их исполнение происходило в ситуации прощания новобранца с родными и односельчанами [Герд 1927: № 29; Кельмаков 1990: 316—317; Бойкова, Владыкина 1992: №№ 132, 138, 150, 153 и др.]. Лишь в отдельных случаях (д. Удмурт-Тукля, д. Жиги Увинского района, д. Куашур Селтинского района УР) такие выражения встречаются в свадебных песнях [Гиппиус, Эвальд 1989: 53].

В ряде случаев термин *сэрего но сэрего* ‘с углами да с углами’ употребляется при упоминании родительского дома *корка* — четырехугольного бревенчатого строения удмуртов, встречается также выражение *ныль сэрего* ‘с четырьмя углами’, и в этом нет ничего удивительного. Однако в других случаях, понятием «*сэрего-сэрего*» обозначаются и поле, и луг, и лес, и улица родной деревни и т. д. К примеру:

*«Сэрего, сэрего Вильгурт но(й) бусьед;
Огнал но(й) сэрегаз аран но удысэд кылэз.
Сэрего, сэрего Ува дор но(й) възьсьед;
Огнал но(й) сэрегаз турнан но удысэд кылэз.
Сэрего, сэрего Вильгурт но(й) урамед;
Огнал но(й) сэрегаз вордскем но коркаед кылэз».*

«С углами, с углами (с изгибами, с изгибами) вильгуртское, да, поле;
У одного угла (изгиба), да, недосжатая, да полоса останется.
С углами, с углами Увы, да, луга;
У одного, да, угла недоскошенная, да, полоса останется.
С углами, с углами вильгуртская, да, улица;
У одного, да, угла родимый, да, дом останется» [Гиппиус, Эвальд 1989: 53].

Как мы можем заметить из проанализированных фольклорных текстов, понятием *сэрего но сэрего* ‘с углами да с углами’ обозначаются разнообразные объекты освоенного/окультуренного пространства.

Рассмотрим в этой связи традиционные удмуртские жилища как символ освоенного пространства. В конце XIX — начале XX вв. функции жилища выполняли несколько срубных бревенчатых строений: изба (*корка*), клеть (*кенос*) и реликтовая сакральная постройка (*куа/куала*).

Зимним жилищем являлась *корка* — небольшая курная изба (изба, топившаяся по-черному), которую со второй половины XIX века повсеместно заменила белая изба. Бревенчатая изба имела прямоугольную или квадратную форму, печь в ней располагалась чаще на правой стороне устьем к фасадной стене дома. В противоположном от печи углу находилась божница, под нею — стол. Этот передний угол считался почетным, его называли *төр сэрег* ‘угол старейшины, председателя; почетный угол’. У северных удмуртов не сохранилось сведений о делении дома на женскую и мужскую половины, а у южных удмуртов пространство перед печью рассматривалось в качестве женской половины *кышно пал*. В северных районах Удмуртии вплоть до 1920-х годов сохранялись печи с топкой по-черному.

Бревенчатое строение (клеть) *кенос* прямоугольной или квадратной формы служило для хранения одежды и использовалось в качестве жилья в теплое время года, его хозяйкой являлась женщина. Каждая

брачная пара имела свой *кенос* или отдельный отгороженный угол в одном общем *кеносе* [Пинт 1931: 78; Шкляев 1993: 108—114].

В прошлом у удмуртов, несомненно, существовали сезонные или временные летние сооружения наподобие чума коми и обских угров с округлым или квадратным основанием. Такое жилище (наряду с войлочной юртой) бытовало у многих народов Сибири (ханты, манси, селькупы, алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы и др.). Очаг-костер в чуме располагался в центре [Соколова 1997: 314, 332—333; Дьяконова 1995: 35].

Зачастую в этнографических работах упускается из рассмотрения, что в отличие от традиционного удмуртского жилища срубные сакральные постройки *куала* и ограждения большинства других типов и разновидностей дохристианских культовых мест могли иметь не только прямоугольную (квадратную), но и округлую или овальную форму.

На некоторых священных объектах южных удмуртов (в южных районах Удмуртии и Пермского края, в северных районах Татарстана и Башкортостана) возводились шести- и десятиугольные ограждения. Планы семи традиционных удмуртских святилищ с оградками многоугольной формы воспроизведены финским исследователем Уно Хольмбергом (Харвой) в его книге, посвященной религиозным верованиям пермских народов. Вход в пределы огороженной площадки располагался чаще на западе, иногда — на юго-западе и севере [Holmberg 1914: 97, 98, 100, 101, 119, 131, 132; kupa 22, 23, 26, 27, 34, 35, 40].

В наши дни аналогичные оградки встречены в двух местностях. В окрестностях д. Кузубаево (Алнашский район, УР) святилище Булда имеет ограду в форме шестигранника, жертвенный костер здесь разжигали в центре ограды, калитка располагалась на западной стороне. В д. Варклет-Бодья (Агрызский район, РТ) ограждение сакральной части с очагом в центре в роще Луд имеет форму девятигранного многоугольника. Важным обстоятельством является то, что многоугольные ограждения использовались, как правило, при оформлении таких разновидностей культовых мест, как священная роща Луд, предназначенная для проведения мужских молений в честь мужского божества Луда — одного из хозяев дикой природы [Шутова 2001: 53—55, 96—98].

По данным археологии в эпоху железа и в Средневековье на рассматриваемой территории возводились жилища квадратной, прямоугольной, круглой и многоугольной (шестиугольной) формы. Наиболее распространены строения с прямоугольным основанием (113 объектов; 86,9%). Квадратная форма встречена у 14 построек (10,8%), круглая — у двух (1,5%), а шестиугольная — у одной (0,7%). Преобладающая ориентация жилищ — «юг—север», но встречается большое число построек с ориентацией на промежуточные румбы (северо-восток — юго-запад, северо-запад — юго-восток). Остатки жилища каркасно-столбовой конструкции и многоугольным (шестиугольным) основанием выявлены Ю. А. Поляковым при раскопках раннеломоватовского Коновалютского селища IV—VI вв. н. э., расположенного на левом берегу реки Малый Туй, правого притока Камы (Добрянский район Пермской области) [Черных 2008: 28, 60, рис. 32, 2].

Как проинтерпретировать появление культовых сооружений круглой, овальной или многоугольной формы? Являются ли они исконно удмуртскими или возникли под влиянием контактов с другими этносами?

Сохранились единичные сведения о существовании в прошлом многоугольных строений у ближайших к удмуртам тюркоязычных соседей (башкир, татар и чувашей). Традиционное жилище башкир варьировалось у разных территориальных и локальных групп. В XIX — начале XX вв. основными башкирскими жилищами являлись бревенчатые дома, плетневые мазанки, дома из камня-плитняка, землянки, избы из самана и пластов дерна. На летовках сооружались временные летние жилища: юрты, бревенчатые домики или конические шалаши.

Юрты, наследие средневековых кочевников, были разнообразны: тюркские войлочные решетчатые из 5—6 решеток (у состоятельных — до 7—8 или 10—12 звеньев) и монгольские, меньших размеров, редко состоявшие из более, чем 5 решеток. Центральный купол был предназначен для освещения и выхода дыма. Имелись круглые жилища со столбовым каркасом. В XIX — начале XX вв. у юго-восточных башкир можно было увидеть шести- и восьмигранные складные юртообразные постройки [Шутова 1984: 81—106, 129—146].

Большинство сельских татар в лесной и лесостепной природных зонах жили в простых одноэтажных бревенчатых срубных домах, в безлесных же районах строили саманные, глинолитые или каркасно-столбовые дома. В строительной культуре татар вплоть до конца XIX века сохранялись архаичные типы построек: землянки, временные жилища — шалаши [Халиков 2001: 225—249].

Археологические данные свидетельствуют, что старинными постройками тюркоязычных народов Среднего Поволжья являлись срубные и столбовые землянки прямоугольной или квадратной формы;

столбовые или срубные полуземлянки прямоугольной формы; наземные дома срубные, столбовые, турлучные или каркасно-глинобитные и юртообразные. Как можно заметить из приведенных планов распорных жилищ, среди них пока не выявлены строения с многоугольным основанием [Хузин 2001: 259, 267, 268; рис. 103—112].

Бликие аналоги многоугольным оградкам дохристианских удмуртских святилищ встречаются среди многотипных жилых построек коренных жителей Горного Алтая. Так, в 1981—1982 гг. С. Н. Тихоновым на территории Горно-Алтайской автономной области выявлено, обследовано и зафиксировано четырехгранных срубов юрт — 26 экз., пятигранных — 6 экз., шестигранных — более 400 экз., семигранных, восьмигранных и девятигранных — по одному экземпляру, конусообразных построек из жердей и коры — около 70 экз. Встречались цилиндрические войлочные юрты. Все жилища алтайцев относятся к наземным постройкам. В селах, большинство населения которых составляли алтайцы, четырех- и шестигранные или конические юрты можно было встретить почти в каждой усадьбе рядом с современной сельской постройкой [Тихонов 1984: 55—56].

По свидетельству другого исследователя, алтайцы предпочитали строить пяти- и семиугольные срубные жилища. У хакасов этнографы и путешественники отмечали наличие четырех-, шести-, восьми-, двенадцати-, четырнадцатиугольных жилищ, дверь располагалась на востоке. У западных бурят была распространена шести- и восьмиугольная бревенчатая юрта. С западной стороны жилища еще при кладке венцов изготовлялась полка, которая считалась главной, священной. На ней размещали предметы религиозного культа, обереги, ценные вещи [Дьяконова 1995: 41—43].

Анализ археологических материалов по древним жилым строениям Саяно-Алтайского нагорья, проведенный И. Л. Кызласовым, показал, что многоугольная форма жилища алтайцев и другого тюркоязычного населения Южной Сибири восходит к древнетюркским многоугольным строениям гунно-гяньгуньской эпохи. Они имели купольно-шатровое перекрытие и открытый очаг в центре [Кызласов 2005: 55—61].

Известным фактом является уподобление в фольклорных текстах Алтая многограннику как освоенному, защищенному пространству. Исследователи культуры тюрков Южной Сибири считают, что «многоугольный (многогранный) Алтай — это метафора пространства, имеющего границы, пределы, т. е. пространства ограниченного, замкнутого. Освоенное пространство, подобно шестигранному жилищу — *аилу*, в фольклоре выступает как многогранник» [Традиционное мировоззрение 1988: 34].

Приведенные материалы по удмуртскому языку и культовой практике свидетельствуют, что среди отдельных территориальных групп южноудмуртского населения сохранились представления о многоугольном пространстве. Эта идея оказалась материализованной в шести-десятиугольных изгородях, возводимых на отдельных дохристианских святилищах, и нашла свое выражение в рекрутских песнях, в которых освоенное пространство родной деревни/края (возможно, Вселенной) ассоциировалось с многогранником (*сэрего-сэрего*). Подобные мотивы обнаруживают явную сопряженность с мужской частью удмуртского сельского сообщества (рекрутские песни, мужские капища Луд и Булда). Важным обстоятельством является факт наличия многоугольного ограждения на священных местах в честь божеств *Луда/Керемета* и *Булды*, в культе которых чувствуется восточное влияние [Богаевский 1890, 4: 140, 154—155].

Представление о многоугольности освоенного пространства не является исконной чертой верований лесных оседлых обитателей Прикамья. С давних времен большинство жилых и культовых сооружений удмуртов имело прямоугольную/квадратную, реже — округлую/овальную форму. А возникновение самого понятия *сэрего-сэрего* 'углами-углами' в удмуртском языке изначально, очевидно, восходит к представлению о пространстве жилого сооружения каркасно-столбовой конструкции и четырехугольным (прямоугольным, квадратным) основанием.

Идея о многоугольном устройстве окружающего мира не является характерной чертой верований удмуртов. Бликие параллели этому явлению имеются у тюркских народов. В свою очередь, истоки многоугольных строений и связанных с ними представлений о многограннике как обжитом пространстве связаны с древними тюрками Саяно-Алтайского нагорья гуннской эпохи. Подобные идеи на каком-то этапе оказались заимствованы лесными обитателями Приуралья (возможно, от самих носителей, оказавшихся инкорпорированными в местную среду) и мозаично сохранились среди локальных групп южноудмуртского населения вплоть до наших дней.

Наши изыскания на фольклорных и этнографических материалах подтверждают и данные лингвистов.

В статье [Rédei, Róna-Tas 1983] выявляется слой болгарских заимствований в пермские языки. Их рефлексы представлены как в коми, так и в удмуртском языках, следовательно, рассмотренные слова были заимствованы в прапермский период. В этой группе лексики, сравнительно небольшой по составу (22 слова), представлено одно заимствование, связанное с верованиями и мифами: коми *кузе*, удм. *кызе* 'черт, лесной' < чув. *хуҫе / хоҫе* 'хозяин', [Rédei, Róna-Tas 1983: 11; Федотов 1996, 2: 371].

В монографии [Wichmann 1903] собран полный корпус предполагаемых заимствований из волжско-булгарского языка в удмуртский. Большинство из этих гипотез принято и в этимологическом словаре чувашского языка [Федотов 1996]. В ряде случаев все же нельзя исключить заимствование в удмуртский язык из татарского языка некоторых слов, которые Ю. Вихманн [Wichmann 1903] считал волжскими булгаризмами.

Рассмотрим, какие удмуртские слова, связанные с обрядами и верованиями, считаются в [Wichmann 1903] заимствованными из языка волжских булгар.

I группа — слова, которые в чувашском имеют, по [Федотов 1996], надежную тюркскую этимологию и не могли быть заимствованы в удмуртский из татарского языка:

— удм. *аман* ‘злой дух, пожирающий животных и людей’ < чув. *аман* ‘надломиться, израниться, исколечиться’ [Федотов 1996, 1: 40; Wichmann 1903: 38];

— удм. *яшка* (*акашка*, *акашка*) ‘первая борозда (праздник перед весенним севом)’ < чув. *яшка* ‘варево: суп, щи, уха’ [Wichmann 1903: 61; Федотов 1996, 2: 506];

— удм. *ју́сі* ‘траур, печаль’ < чув. *йү́се* ‘горький’ [Wichmann 1903: 66; Федотов 1996, 1: 206];

— удм. *сьӧлык* ‘грех’ < чув. *сылах* ‘грех’ [Федотов 1996: 152].

II группа — слова, которые, по [Федотов 1996], в чувашском языке являются заимствованиями, но отсутствуют в татарском:

— удм. *юм* ‘лекарство, исцеляющее средство’ < чув. *юм / йом* ‘особая форма колдовства’ [Wichmann 1903: 64; Федотов 1996, 2: 485];

— удм. *обыда* ‘обезьяна, злой дух, леший’ < чув. *опӑте / унӑте* ‘обезьяна’ [Wichmann 1903: 89; Федотов 1996, 2: 282].

III группа — слова, которые в чувашском имеют, по [Федотов 1996], надежную тюркскую этимологию, но могли быть заимствованы в удмуртский из татарского или башкирского языка:

— удм. *туи* ‘шаманский праздник, праздник привидений’ < чув. *туй / той* ‘свадьба’ [Wichmann 1903: 108; Федотов 1996: 241].

IV группа — арабские заимствования в чувашском, татарском, башкирском и других тюркских языках, которые могли быть заимствованы в удмуртский из татарского или башкирского языка:

— удм. *керемет* ‘кереметь, дух зла и священное место’ < чув. *керемет / киремет* [Wichmann 1903: 72; Федотов 1996, 1: 297];

— удм. *калым* ‘деньги за невесту, калым’ < чув. *холӑм / хулӑм / хулӑн* ‘калым’ [Wichmann 1903: 79; Федотов 1996, 2: 354];

— удм. *курбан* ‘жертва, жертвоприношение’ < чув. *хурбан* ‘жертва’ [Wichmann 1903: 83].

Слова из групп I—II, вероятно, были заимствованы в удмуртский язык из волжско-булгарского в XI—XIII вв. н. э. Ю. Вихманн обращает внимание на то, что подавляющее большинство этих заимствований представлено только в удмуртском языке, но отсутствует в коми. По мнению Ю. Вихманна, это связано с тем, что волжские булгары жили территориально ближе к древним удмуртам, чем к коми.

Приведенные материалы показывают, что обрядовая лексика в удмуртском языке также испытала значительное влияние со стороны тюркских языков. Выявлены заимствования из языка волжских булгар, которые имеют надежную тюркскую этимологию. Очевидно, через татарский или башкирский языки проникают арабские заимствования. Отмеченные параллели в культовой практике, языке удмуртов и тюрков и наличие многоугольного жилища, используемого для сакральных целей, — яркое свидетельство непосредственных контактов оседлых пермских народов с кочевыми тюркскими племенами гуннской эпохи.

Сокращения

УР — Удмуртская Республика

РТ — Республика Татарстан

удм. — удмуртский язык

чув. — чувашский язык

Литература

Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980 {Aleksejev 1980 — Aleksejev N. A. Rannije formy religii tjurkojazyčnyñ narodov Sibiri. Novosibirsk, 1980}.

- Богаевский 1890 — *Богаевский П. М.* Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. М., 1890 {*Bogajevskii 1890 — Bogajevskii P. M.* Očerki religioznych predstavlenii votjakov // Ėtnografičeskoje obozrenije. M., 1890}.
- Бойкова, Владыкина 1992 — *Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: Песни южных удмуртов // Удмуртский фольклор. Вып. 1. Ижевск, 1992 {*Bojkova, Vladykina 1992 — Bojkova Je. B., Vladykina T. G.* Udmurtskii fol'klor: Pesni južnyh udmurtov // Udmurtskii fol'klor. Vyp. 1. Iževsk, 1992}.
- Владыкина 2003 — *Владыкина Т. Г.* Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. С. 55—57 {*Vladykina 2003 — Vladykina T. G.* Fol'klornyi tekst v mifologičeskom kontekste // Udmurtskaja mifologija. Iževsk, 2003. S. 55—57}.
- Герд 1927 — *Герд К.* Удмурт кырзанъес. Ижевск, 1927 {*Gerd 1927 — Gerd K.* Udmurt kyrzan"jes. Iževsk, 1927}.
- Гиппиус, Эвальд 1989 — *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни / Сост. и научн. ред. *Гиппиус Е. В.* Ижевск, 1989 {*Gippius, Ėval'd 1989 — Gippius Je. V., Ėval'd Z. V.* Udmurtskije narodnyje pesni / Sost. i naučn. red. *Gippius Je. V.* Iževsk, 1989}.
- Дьяконова 1995 — *Дьяконова В. П.* Жилище народов Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995. С. 24—61 {*D'jakonova 1995 — D'jakonova V. P.* Žiliše narodov Sibiri // Ėkologija etničeskiih kul'tur Sibiri nakanune XXI veka. SPb., 1995. S. 24—61}.
- Дугаров 1991 — *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991 {*Dugarov 1991 — Dugarov D. S.* Istoričeskije korni belogo šamanstva (na materiale obrjadovogo fol'klora burjat). M., 1991}.
- Кельмаков 1990 — *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990 {*Kel'makov 1990 — Kel'makov V. K.* Obrazcy udmurtskoj reči 2: Sredinnyje govory. Iževsk, 1990}.
- Кызласов 2005 — *Кызласов И. Л.* Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара, 2005 {*Kyzlasov 2005 — Kyzlasov I. L.* Praturkskije žiliša. Obsledovanije sajano-altaiskiih drevnostei. M.; Samara, 2005}.
- Мифы народов мира 1980 — Мифы народов мира. М., 1980. Т.1 {*Mify narodov mira 1980 — Mify narodov mira. M., 1980. T.1*}.
- Нуриева 1999 — *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999 {*Nurijeva 1999 — Nurijeva I. M.* Muzyka v obrjadovoi kul'ture zavjatskiih udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myšlenija. Iževsk, 1999}.
- Пинт 1931 — *Пинт А. И.* К истории удмуртского жилища // На удмуртские темы. Записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. 1931. С. 76—98 {*Pint 1931 — Pint A. I.* K istorii udmurtskogo žiliša // Na udmurtskije temy. Zapiski NII narodov Sovetskogo Vostoka. Vyp. 2. 1931. S. 76—98}.
- Соколова 1997 — *Соколова З. П.* Жилище народов Сибири // Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX вв. М., 1997. С. 305—352 {*Sokolova 1997 — Sokolova Z. P.* Žiliše narodov Sibiri // Tradicionnoje žiliše narodov Rossii: XIX — načalo XX vv. M., 1997. S. 305—352}.
- Тихонов 1984 — *Тихонов С. Н.* Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 55—64 {*Tiĥonov 1984 — Tiĥonov S. N.* Tradicionnyje žiliša altaicev // Ėtnografija narodov Sibiri. Novosibirsk, 1984. S. 55—64}.
- Традиционное мировоззрение 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири. Вып. I: Пространство и время. Вещный мир / Отв. ред. *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Новосибирск, 1988 {*Tradicionnoje mirovozzrenije 1988 — Tradicionnoje mirovozzrenije tjurkov južnoi Sibiri. Vyp. I: Prostranstvo i vremja. Vešnyĭ mir / Otv. red. L'vova Je. L., Oktjabr'skaja I. V., Sagalajev A. M., Usmanova M. S.* Novosibirsk, 1988}.
- УРС 2008 — Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. *Кириллова Л. Е.* Ижевск, 2008 {*URS 2008 — Udmurtsko-russkii slovar' / Otv. red. Kirillova L. E.* Iževsk, 2008}.
- Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т.1, 2. Чебоксары, 1996 {*Fedotov 1996 — Fedotov M. R.* Ėtimologičeskii slovar' čuvaškogo jazyka. T.1, 2. Čeboksary, 1996}.
- Халиков 2001 — *Халиков Н. А.* Поселения и жилища // Татары. М., 2001. С. 214—266 {*Ĥalikov 2001 — Ĥalikov N. A.* Poselenija i žiliša // Tatory. M., 2001. S. 214—266}.
- Хузин 2001 — *Хузин Х. Ф.* Булгарский город в X — начале XIII вв. Казань, 2001 {*Ĥuzin 2001 — Ĥuzin Ĥ. F.* Bulgarskii gorod v X — načale XIII vv. Kazan', 2001}.
- Черных 2008 — *Черных Е. М.* Жилища Прикамья (эпоха железа) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 16. Ижевск, 2008 {*Černyĭ 2008 — Černyĭ Je. M.* Žiliša Prikam'ja (epoĥa železa) // Materialy i issledovanija Kamsko-Vjatskoj arĥeologičeskoj ėkspedicii. T. 16. Iževsk, 2008}.
- Шитова 1984 — *Шитова С. Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984 {*Šitova 1984 — Šitova S. N.* Tradicionnyje poselenija i žiliša baškir. M., 1984}.
- Шкляев 1993 — *Шкляев Г. К.* Поселения и жилища // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 108—124 {*Škljajev 1993 — Škljajev G. K.* Poselenija i žiliša // Udmurty: istoriko-ėtnografičeskije očerki. Iževsk, 1993. S. 108—124}.

- Шутова 2001 — *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001 {*Šutova 2001 — Šutova N. I.* Doñristianskije kul'tovyje pamjatniki v udmurtskoj religioznoj tradicii: Opyt kompleksnogo issledovanija. Iževsk, 2001}.
- Holmberg 1914 — *Holmberg U.* Permalainen uskonto // Suomen Suvun Uskonnot. KT. 4. Borga, 1914.
- Rédei, Róna-Tas 1983 — *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian Loanwords in the Permian Languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXVII (1-3). Budapest, 1983.
- Wichmann 1903 — *Wichmann Y.* Die tschuwassische Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

РЕЗЮМЕ

У всех тюркских народов, которые были в контакте с предками современных удмуртов (волжских булгар, татар, башкир), ритуальные сооружения представляли собой многоугольники. Есть надежные лингвистические и фольклорные данные о влиянии тюркских народов, в первую очередь, волжских булгар и татар на верования и обряды удмуртов. На основании этих материалов мы делаем вывод, что многоугольные ритуальные сооружения, которые, начиная со Средневековья, появляются на территории Удмуртии, возникли под влиянием тюркских народов.

SUMMARY

All Turkic peoples who contacted with the ancestors of modern Udmurts (Volga Bulgars, Tatars, Bashkirs) built cultic structures in the form of polygons. We have reliable linguistic and folkloristic evidence that those Turkic peoples, especially Volga Bulgars, influenced Udmurt religious faiths and rites. Based on this evidence, we conclude that polygonal cultic structures, which appear on Udmurt territory beginning in the Middle Ages, have emerged under Turkic influence.

Из лексики волго-камского языкового союза

В выходящем сейчас большом «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина [РЭС, II: 272—273] содержится словарная статья: «**батма́р** ‘прилавок, рундук’ сарат.<овское> (Д<аль> 1: 54), *батмар*, *батма́рка* ‘пространство под русской печью, куда складывают домашнюю утварь’ Морд.<овия> (Сл<оварь русских говоров на территории> Морд.<овской АССР, Саранск, 1978, в.>, I: 32) // Вероятно, тюркизм. Можно предполагать исходное тюрк.<ское> (тат.<арское>?) **batmar/*patmar*, произв.<одное> от *bat-* ‘погружаться, входить’», — но тюркская этимология здесь вызывает сомнения по несовпадению семантических компонентов: никакой явной идеи погружения, опускания загадочный русский диалектизм не содержит.

На отличный от предполагаемого в словаре реальный тюркский материал, который мог бы послужить объяснением для загадочного русского областного слова *батма́р*, уже обращалось внимание, но и этот тюркский материал подавался некритически без учета русского. Это два разных по значению слова из мишарского диалекта татарского языка, поданные, однако, как одно слово: «*путемар* 1) перевязь через плечо; амулет; 2) ящик для хранения драгоценностей», — а также чувашское слово с сомнительной этимологией: «чуваш. *путемар* id., из *пү тумар*, т. е. амулет, надеваемый на тело» [Ахметьянов 1978: 118].

Особо замечено, что несуществующие чувашские слова *путемар* ‘перевязь через плечо; амулет; ящик <!?> для хранения драгоценностей’, *тумар* ‘медальон’ почему-то носят «на себе явные признаки чувашской фонетики» [Там же].

В дальнейшем этот материал увеличился при возрастании сумбура с добавлением лишь частично относящегося сюда материала из волжско-финских языков: «ПУТЕМАР “перевязь с сумочкой для хранения амулета” — диал. *бутмар*, *бутумар*, *муйтымар*, чуваш. *путмар*, удм. *бу́тьмар*, морд. *потмар* “сандык, шкаф” — татарча (борынгы болгарча) *буй томар* “гәүдәгә, буйга киле торган томар” сүзенән. К. мишәрдә *буй бөтү* “путемар”; чыгт., тк. *тумар* “бөти савыты”. *Путемар* (п!) янгырашы чуваш теленән» (От татарского (древнебулгарского) слова *буй томар* “нательный, надетый на тело, туловище томар (футляр для молитв и оберегов)”. Ср. в мишарском *буй бөтү* “путемар”; чагатайское, турецкое *тумар* “футляр для амулетов, молитв, оберегов”. В современном чувашском языке — *путемар* (п!) — *татар.*) [Әхмәтъянов 2001: 164—165].

Этимология татарского *путемар* ‘перевязь с сумочкой для хранения амулета’, восходящего, по-видимому, к южноудмуртскому *бу́тьмар* ‘лента с нашитыми на ней серебряными монетами, надеваемая как украшение через плечо’ [Там же], не имеет никакого отношения к чувашскому *путмар*, мордовскому *потмар* и к мишарскому *пут’ымар* ‘нары’ и т. п., обозначающим детали мебелировки крестьянского дома.

К русскому областному *батмар* (в акающем облике) имеет отношение следующий материал из языков Среднего Поволжья:

мокш. *потмар* ‘1) место под лавкой рядом с русской печью, где обычно хранилась посуда; 2) диал. место под печью’; куд *потмар* ‘чердак’ (куд ‘дом’); *потмар ланга* ‘кухонная лавка’ (*ланга* ‘поверхность’); эрзян. *потмар* ‘шкаф для посуды’; *кудо потмар* ‘чердак’ (*кудо* ‘дом’);

чуваш. *путмар* ‘нары’; *путмар сакки* ‘досчатый, широкий помост для спанья, но не вдоль стен, а поперёк’ (*сак*, *сакӑ* ‘скамья, нары, кутник’);

мишар.-татар. *пут’ымар*, *потмар* (кузн.), *пут’мар* (сергач.), *путмар* (лямбир., кузн.), *пупмар*, *пукмар* (мордва-каратайск.) *покмар*, *пот’мар* (темн.) ‘небольшие нары, устроенные напротив или наискосок от шестка печи, служащие одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды’ [ТТДС: 342, 343, 345, 346, 347].

Саратовское областное слово *батмар*, на которое обратил внимание А. Е. Аникин, впервые зафиксировано в академическом «Опыте областного великорусского словаря» [Опыт... 1852: 8]: «**батма́рь**, а, с. м. Родъ лавки наподобіе длиннаго ящика съ крышкою; коникъ. *Състь на батма́рь*. С а р а т.<о в>».

В. И. Даль заменил развернутую дефиницию слова набором синонимов, но к самому слову добавил многозначительный вопросительный знак: «**БАТМА́РЬ?** м. *сар.<атовское>* прилавокъ, рундукъ, лавка ларемъ, ко́никъ» [Даль 1863 I: 47].

Оправданные подозрения В. И. Даля о сомнительности слова единичной фиксации *батма́рь* остались в сводно-академическом «Словаре русских народных говоров», где дефиниция зачем-то подверглась едва ли нужному сбивчивому редактированию:

«**БАТМА́Р**, а. м. Приспособление для сидения, скамья, представляющая собою длинный ящик с крышкою. *Сеть на батмар*. Саратов.<овская губерния>, 1852. Саратов.<овская губерния>, Даль [с вопросом к форме слова]» [СРНГ II: 144].

А. Е. Аникин обнаружил независимое от «Опыта областного великорусского словаря» и от В. И. Даля фиксирование слова *батмар* в «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР» [СРГМ I: 32] и с полным правом снял вопрос «?» к этому слову, поставленный В. И. Далем и сохранённый в сводно-академическом «Словаре русских народных говоров» (правда, в иной словесной формулировке семантики).

Сейчас уже трудно сказать, что вызвало настороженность В. И. Даля к саратовскому слову *батма́р* ‘род лавки наподобие длинного ящика с крышкою, коник’ из «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г., но можно думать, что на это повлияли материалы «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» [Опыт... 1858: 189], где находятся весьма похожие слова с идентичным значением:

«**ПОДМА́РЬ**, а, с. м. Ларь, дѣлаемый въ покояхъ у порога. Казан.<ская губерния>. Казан.<ская губерния> *Мамадыш.* <ский уезд>».

«**ПОДМА́РТЬ**, а, с. м. Залавокъ. Моск.<овская губерния> Ярослав.<авская губерния>».

Правда, последнее слово, попавшее далее в словари В. И. Даля, Е. Якушкина и Г. Г. Мельниченко из «Дополнения к Опыту...», не было подтверждено позднее самостоятельными собирателями областных слов. Семантика этого слова отличается расплывчатостью, поскольку поясняющее слово *залавок* может обозначать разные предметы обстановки крестьянского жилища (избы).

В «Кратком ярославском областном словаре» Г. Г. Мельниченко [Мельниченко 1961: 150] даётся со ссылкой лишь на «Дополнение к Опыту...» и «Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. И. Якушкина ([Якушкин 1896: 27]: «*подма́ртъ*, Залавокъ») краткий повтор из материалов предшественников: «**подма́рт**. Залавок». Но это все продолжение одного источника.

Восьмой выпуск «Ярославского областного словаря» [ЯОС VIII] не подтверждает существования слова *подмартъ* в современных ярославских говорах, как и «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой [Иванова 1969] в современных говорах Подмосковья.

Обработка сходного материала у В. И. Даля намечает путь для этимологизации загадочного *батмар* и объясняет причину недоверия В. И. Даля к этому слову:

«**ПОДМА́РЬ** м. каз.<анское> вѣрнѣе *подна́ръ* коникъ, койникъ (койка), кутникъ, прилавокъ въ избѣ у дверей, *подмартъ* мск.<московское> ярс.<ярославское>».

«**ПОДНА́РНЫЙ**, подъ нарами находящийся. *Подна́рье* ср. весь просторъ подъ нарами» [Даль 1955, III: 185, 188].

Сводно-академический «Словарь русских народных говоров» дал дополнительный материал для словообразовательного и фонетического варьирования слова *подмар/поднар* (и их производных), которое и вызвало в свое время недоверие В. И. Даля к саратовскому *батма́р*:

«**ПОДМА́Р**, м 1. То же, что подмарье. Мамад.<ышский уезд> Казан.<ской губернии>, 1858. Казан.<ская губерния>, Даль. [с примеч.: “вернее поднар”]. Вят.<ская губерния>».

«**ПОДМА́РТ**, м. То же, что подмарье. Моск.<овская>, Яросл.<авская губернии>, 1858».

«**ПОДМА́РЫ**, мн. Нары (для спанья). Сакмар.<ский район> Чкал.<овской области>, 1939—1946».

«**ПОДМА́РЬЕ**, ср. Лавка в виде длинного ящика с подъёмной крышкою в избе у дверей. Аксюшка сидела на подмарье. Засунь в подмарье. Пенз.<енская область>, 1960».

«**ПОДНА́Р**, м. Лавка в виде ящика с подъёмной крышкою в избе у дверей. Казан.<ская губерния>, [?], Даль. — Ср. подма́р».

«**ПОДНА́РЫ**, мн. Место под нарами. Соль-Илецк.<ий район>. Чкал.<овской области>, 1955».

«**ПОДНА́РЬЕ**, ср. Место под нарами. Положить что в поднарье. Слов. Акад. 1822. Ядрин.<ский>, Космодем.<ьянский уезды> Казан.<ской губернии>, 1849» [СРНГ 28: 6, 77, 93].

Среди этих слов оказалось и зафиксированное в конце XVIII в. «Словарем Академии российской» [Словарь... 1789—1794, IV: 472] как вполне литературное:

«*Подна́рье*, рья. с. ср. Мѣсто пустое подъ нарами находящееся. Положить что въ поднарьѣ», — которое при сокращенной дефиниции попало и во второе издание:

«**ПОДНА́РЬЕ**, рья, с. ср. 2 скл. Мѣсто подъ нарами. Положить, спрятать что в поднарьѣ» [Словарь... 1806—1822: IV, стб. 1301].

В «Французско-русский словарь» Ф. И. Рейфа [Рейф 1835 I: 617] попала неточная дефиниция первого издания: *place vide sous le lit* (пустое место под кроватью — франц.). В «Полном русско-французском словаре» Н. П. Макарова [Макаров 1867, II: 122]: *le dessous d'un lit de camp* (место под походной кроватью — франц.).

Последняя фиксация этого слова в нормативном словаре относится к 1847 г.:

«**ПОДНА́РЬЕ**, я, с. ср. Мѣсто под нарами. Спрягать что либо въ поднарьи» [Словарь... 1847, III: 265].

Как слово русского литературного языка XVIII—XIX вв. *поднарье*, так и диалектные слова *поднар/поднары* в соответствии с соображениями В. И. Даля являются отадъективными образованиями от прилагательного *поднарный*, образованного суффиксально-префиксальным способом от существительного *нары*. Уже от суффиксально-префиксального прилагательного *поднарный* были образованы фактически лишь суффиксальное *поднарье* и редериват *поднар/поднары* (обратное образование).

Дело осложняется тем, что в русском языке почти совпали слова не очень ясного происхождения *нары* и *мары*:

«**НАРЫ** ж. мн. въ казармахъ и подобныхъ жильяхъ, что у крестьянъ кутникъ; досчатый широкий помостъ для спанья, не вдоль стѣнъ, какъ на лавкѣ, а поперекъ; *ряз.* <анское> задняя широкая лавка, кутникъ, коникъ; || кладка черезъ рѣчку; || *костр.* <омское> *влд.* <вологодское> полати; || полавочникъ, полка вокругъ стѣнъ. *Кур.* <ское> *нары* вм. *раны*; то же слово искаж. <енное> *мары*, носилки на покойниковъ» [Даль 1955 III: 464].

«**МА́РЫ**, ъ, мн. ж. Обл. Носилки, на которыхъ носятъ хоронить мертвыхъ. *Уже мары понесли; на мары постлали сукно, а потомъ поставили гробъ.* Рыльск.<ий уезд>, Суджан.<ский уезд> (Дмитрюковъ). || Нары. Холмог.<орский уезд> (Грандильевск.). Тихв.<инский уезд> (Оп. обл. слов.). || Потолокъ изъ жердей въ гумнахъ и повѣтяхъ, на которомъ складываютъ солому и сѣно. Арханг.<ельская> г.<уберния> (Подвыс.). Жерди въ курятникѣ для куръ. Псковск.<ая> г.<уберния> (Арх. сл. К.). Укрѣпляемая въ стѣнахъ концами жерди у потолка въ избѣ, на которыхъ сушатъ рыболовные сѣти, измокшую одежду, лѣсъ для мелкихъ подѣлокъ и т. п. (Тамъ же). — Въ един. ч.: *ма́ра*, ы, ж. Осташ.<ковский уезд>, Псковск.<ой> г.<убернии> (Доп. къ Оп.)» [Словарь... 1891—1930, VI, вып. 2: стб. 279].

Для нас неважно, возникла ли эта близость слов *нары* и *мары* как результат распада одного слова на базе загадочного чередования *н ~ м* (ср.: *Мефодий* — *Нефед*, *Никита* — *Микита*, *Никола* — *Микола* и т. п.) или же как результат случайного сближения совсем разных слов¹.

В производных *поднарье* — *подмарье* совпадение семантики при близости фонетики особенно разительно².

В «Мордовском словаре» Х. Паасонена, где подробно описаны разновидности предметов, называемых словом *potnar*, также приведены редкие эрзянские формы *potnar* в двух смешанных говорах Теньгушевского района Мордовии и дано сопоставление с русскими формами (по Далю) *подмар*, *батмар*, а также *подмарт*, *поднар* [Paasonen 1990—1996 III: 1762—1763].

Что касается звонкости начального *б-* в русской саратовской форме *батмар*, то она может быть проинтерпретирована как результат чувашского влияния. Дело заключается в том, что глухой согласный в начале чувашского слова в потоке речи может оказаться после конечного гласного или сонорного согласного предыдущего слова, а в таком случае в положении между гласными или между сонорным согласным и гласным глухой одиночный согласный в чувашском языке озвончается [Ашмарин 2000: 134—136].

В русском *батмар* первый слог зафиксировал акающее произношение.

Русское диалектное слово *подна́р/подма́р* ярко демонстрирует вклад русских говоров в становление общего лексического фонда языков Поволжья и формирование волго-камского языкового союза [Серебрянников 1972].

Вызвавшее подозрения В. И. Даля саратовское слово *батмар* было повторно зафиксировано на территории Мордовии в словаре 1978 г. и оправдало необычную звуковую форму «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г. Необычная форма саратовского диалектизма объясняется воздействием поволжских языков на русские говоры этого района.

Если показавшееся В. И. Далю подозрительным слово *батмар* в результате повторной записи и этимологических соображений было подтверждено и может быть исключено из списка сомнительных слов,

¹ Возможно, другое объяснение можно найти, обратившись к мордовскому диалектному материалу. В мордовских языках широко представлено слов *mar* 'могильный холм, курган, куча' [Paasonen 1992: 1175], для которого можно предложить уральскую этимологию ПУ **marV* 'могила' > ПС **märV* 'намогильный чумик, кладбище' (ненец. *мяро* '(н)' 'маленький чум, пост. на том месте, где умер человек'; энец. *meru* 'намогильный чумик'; сельк. *маргэ* (ел.) 'кладбище'). (В [UEW: 290] мордовское слово ошибочно сближается с названиями равнин и кустов возводится к ФУ **mOrV*. Неадекватность этимологии UEW подробно проанализирована Е. А. Хелимским в [Helimski 2007]). В кратких комментариях к уральской этимологической базе данных Е. А. Хелимский указывает, что мордовское слово *mar* 'могильный холм, курган, куча' заимствовано в русский язык. Но здесь затруднительна семантика.

² Чередования *н ~ м* в других условиях см.: [Буслаев 1959: 73].

то применительно к близкому к нему семантически и фонетически оренбургскому *датмар* 'подпечек, подпечье' подозрение В. И. Даля снято быть не может.

«Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного», составленный членом импер. Вольного экономического общества Владимиром Петровичем Бурнашевым [Бурнашев 1843—1844, I: 168], содержит слово: «Дàтмаръ. Подпечекъ въ Оренбургской губерніи», которое вызвало недоверие со стороны В. И. Даля. Лексикограф дал это слово без ударения и поставил вопрос:

«ДАТМАРЪ? м. орнб. <оренбургское> подпечье, подпечекъ» [Даль 1955 I: 417].

В составленном С. И. Ожеговым (при участии членов Словарного Отдела Института языка и мышления им. Н. Я. Марра) первом выпуске пятого тома неоконченного академического «Словаря русского языка» [Словарь русского языка 1937] в стб. 237 конкретная привязка к Оренбуржью была заменена общим туманным указанием на диалектность, а вопрос отнесен к ударению:

«Датмар (удар.<ение>?), а, м. Обл. Подпечье, подпечек (Д.)».

В сводно-академическом «Словаре русских народных говоров» [СРНГ VI: 279] было восстановлено ударение как у В. П. Бурнашева: «Дáтмар, а, м. Подпечек. Оренб.<ургская губерния> Бурнашев. Оренб.<ургская губерния> Даль (с вопросом к слову). В Оренбургской губернии называется подпечек, подпечье. Савельев».

Этимологизации подозрительное слово *датмар* на основе русского языка и языков Оренбургской губернии не поддается.

Можно однако предположить ошибочность записи и/или прочтения этого слова в его начальной части, где могли быть перепутаны буквы *б* и *д* в небрежном написании их обеих с верхними хвостами.

Современная русская лексикография даёт примеры путаницы букв *б* и *д* в жаргонных словах. В сводном «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенки и Т. Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2000: 69, 161] при многократно зафиксированном уголовном слове *бокá* 'часы' фигурирует единичная запись *докá* 'часы' из не очень надежного источника [Потапов 1923]. В том же словаре наряду с уголовным *дуван* 'деlež добычи' (с. 170) присутствует тоже уголовное, но весьма подозрительное *бувáн* 'место сходки' (с. 79), которое кочует по жаргонным словарям из словарей Д. С. Балдаева [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 35].

Явно ошибочное слово *датмар* (вместо *батмар*) всё-таки бесполезно для установления географии его употребления и в дореволюционной Оренбургской губернии.

Сокращения

диал. — диалектное

ж. — женский род

м. — мужской род

мишар.-татар. — мишарско-татарское

кузн. — кузнецкий говор (Пензенская область)

лямбир. — лямбирский говор (Пензенская область)

мордва-каратайск. — говор мордвы-каратаев (Республика Татарстан)

сергач. — сергачский говор (Горьковская область)

темн. — темниковский говор (Республика Мордовия)

мн. — множественное число

мокш. — мокшанское

обл. — областное

с. — существительное

скл. — склонение

ср. — средний род

татар. — татарское

чуваш. — чувашское

эрзян. — эрзянское

Литература

- Ашмарин 2000 — Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. Чебоксары, 2000 {Ašmarin 2000 — Ašmarin N. I. Bolgary i čuvaši. Čeboksary, 2000}.
- Ахметьянов 1978 — Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языка. М., 1978 {Aħmet'janov 1978 — Aħmet'janov R. G. Sravnitel'noje issledovanije tatarskogo i čuvaškogo jazyka. M., 1978}.
- Әхмәтъянов 2001 — Әхмәтъянов Р. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001 {Ähmät'janov 2001 — Ähmät'janov R. Tatar teleneñ kyskaça tarihi-ętimologik süzlege. Kazan, 2001}.
- Балдаев, Белко, Исупов 1992 — Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992 {Baldajev, Belko, Isupov 1992 — Baldajev D. S., Belko V. K., Isupov I. M. Slovar' tjuremno-lagerno-blatnogo žargona. M., 1992}.

- ЯОС VIII — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Мельниченко Г. Г. Вып. 8. (Питок-Ряшка). Ярославль, 1989
 {JaOS VIII — Jaroslavskij oblasťnoĭ slovar' / Otv. red. Mel'ničenko G. G. Вып. 8. (Pitok-Rjaška). Jaroslavl', 1989}.
- Helimski 2007 — Marginalia ad UEW // www.helimski.com.
- Paasonen 1990—1996 — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch / zusammengestellt von Heikilä K. Bd. I—V. Helsinki, 1990—1996.
- UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1988.

РЕЗЮМЕ

В выходящем сейчас большом «Русском этимологическом словаре» [Аникин 2008: 272—273] содержится словарная статья: «**батма́р** ‘прилавок, рундук’ сарат. [Даль 1: 54], *батмар*, *батма́рка* ‘пространство под русской печью, куда складывают домашнюю утварь’ Морд.<овия> (Сл<оварь русских говоров на территории> Морд.<овской АССР, Саранск, 1978, в.>, I: 32)// Вероятно, тюркизм. Можно предполагать исходное тюрк. (тат.?) **batmar/patmar*, произв. от *bat-* ‘погружаться, входить’», — но тюркская этимология здесь вызывает сомнения по несовпадению семантических компонентов: никакой явной идеи погружения, опускания загадочный русский диалектизм не содержит. В дальнейшем этот материал увеличился при возрастании сумбура с добавлением лишь частично относящегося сюда материала из волжско-финских языков.

В статье предлагается альтернативная этимология слова *батма́р* ‘прилавок, рундук’.

SUMMARY

In the “Russian etymological dictionary” [Anikin 2008: 272—273] there is an entry “**батма́р** ‘counter, locker’ Sarat. [Dal’ 1:54], *batmar*, *batmárka* ‘space under the Russian stove where homeware is kept’ Mord.<ovian> (Dict<ionary of Russian dialects on the territory of> Mord.<ovian ASSR, Saransk, 1978, v.>, I:32// Possibly Turcism. Original Turk. (Tat.?) **batmar/patmar*, derived from *bat-* ‘submerge, enter’ can be supposed”. But Turkic etymology here is doubtful due to semantic discrepancy: Russian word does not carry an idea of sinking, submerging. Later, the matter increased as the material grew by addition of only partly relative forms from Volga-Finnic languages. In the article is supposed the alternative etymology of the word **батма́р** ‘counter, locker’.

К этимологии рус. диал. *хиус*¹

Как известно, финно-угорское наследие в русском языке особенно важно по той причине, что оно представляет собой результат не только маргинальных этнических и языковых контактов, но в очень большой степени и ассимилятивных процессов. В свете последних исследований оно оказалось намного значительнее, чем представлялось раньше. Прежде всего, это касается лексики и топонимии. Как выясняется, многие факты настолько глубоко освоены русскими, что не только с большим трудом поддаются лингвистической интерпретации, но даже не всегда сразу опознаются как заимствования. И это понятно, если учесть все многообразие сторон тысячелетних языковых контактов: разные языки-источники, территории контактирования, время и характер контактов, способы усвоения заимствований с учетом всех языковых ярусов и т. д. Вместе с тем ясно, что расширение и углубление «финно-угорской» проблематики при изучении русского языка имеет большое значение не только для русского языкознания, но и для финно-угристики, поскольку вскрывает факты, которые невозможно обнаружить при исследовании живых финно-угорских языков.

В этом отношении в сфере лексики продуктивным видится анализ не просто отдельных слов, а лексических комплексов, направленный на выявление и учет разного рода закономерностей: фонетических, семантических, словообразовательных, лингвогеографических и т. п. В настоящей работе содержится попытка анализа одного из таких комплексов, условно обозначенного как *хиус*.

I. Представление материала. Лексема *хиус* (*фиюс*, *хивуз*, *хивус*, *хиуз*, *хиюс*) зафиксирована в Карелии и на Русском Севере и обозначает резкий холодный ветер (с теми или иными модификациями). Ареал лексемы уходит далее на восток: слово отмечено в Сибири и на Камчатке [Даль IV: 535, 547; Опыт: 247].

В свое время А. Л. Погодин предложил в качестве источника этого русского слова коми *jiös* 'ледяной' (образование от коми *ji* 'лед'). Эта версия была отклонена в [Фасмер IV: 240]. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что такая трактовка связана с фонетическими и географическими затруднениями. Позднее А. Е. Аникин, вероятно, учитывая начальное *х* в русском слове, высказал мысль, что слово может иметь прибалтийско-финские истоки [Аникин: 643—644], что вполне согласуется с географическими данными.

Рассмотрим подробнее «географию» русской лексемы. При обращении к источникам, в которых информация о распределении вариантов лексем дана более детально [ЛК СГРС²; СРГК; Куликовский]³, просматривается любопытная закономерность. На территории Европейского севера России выделяются две зоны бытования лексемы — условно назовем их «западная» и «восточная».

В «западной» зоне, включающей русские говоры Карелии и западные говоры Архангельской и Вологодской областей, представлены следующие варианты лексемы: *фи́уз*, *фио́з* 'сильный ветер, вьюга' (Карел: Белом, Кем, Медв, Пуд; Подп, Тер) [СРГК VI: 684]; *фи́уз*, *фи́юс* 'резкий зимний ветер, несущий снег; небольшая метель' (олон.: карг., выт.) [Куликовский: 126]; *фио́з*, *фи́юс* 'холодный ветер; порывистый ветер со снегом при сильном морозе' (Выт, Плес), *фи́юско* 'ветерок со снегом' (Выт) [ЛК СГРС]; также представлены следующие производные: *фио́зный* 'холодный (о ветре)' (Карел: Кем) [СРГК VI: 684], *фи́юсный* 'порывистый (о ветре со снегом при сильном морозе)' (Выт) [ЛК СГРС]. Вариант такого типа зафиксирован и на Кольском полуострове: *фио́сить* 'становиться холоднее, ветренее' [Меркурьев: 171].

«Восточная» зона включает восточные и соседствующие с ними центральные районы Архангельской области, север Архангельской области — побережье Белого моря, а также крайний северо-восток Вологодской области. Здесь представлены следующие варианты: *хи́вос*, *хи́вуз*, *хиву́за*, *хиву́зина*, *хи́вус* 'резкий, пронизывающий холодный ветер', 'метель, сильный ветер со снегом', 'сильный мороз', 'сквозняк'

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

² ЛК СГРС — Лексическая картотека «Словаря говоров Русского Севера» — хранится в Уральском государственном университете (УрГУ) в г. Екатеринбурге. Картотека содержит обширный диалектный лексический материал по территории Архангельской и Вологодской областей, собиравшийся сотрудниками Топонимической экспедиции УрГУ во время регулярных полевых выездов в течение более, чем сорока лет.

³ К таким источникам относится также [Подвысоцкий], но о нем см. ниже.

(Вель, Вил, В-Т, К-Б, Лен, Леш, Мез, Пин, Прим, Уст, Шенк), *х'ивус* 'сильный холодный ветер' (Пин), *хиуз*, *хиус* 'то же' (Вил, Вин, В-Т, К-Б, Котл, Лен, Леш, Мез, Пин, Прим, Уст) [ЛК СГРС], *хиус* 'холодный ветер' (Он) [СРГК VI: 712], *хивусник*, *хивустик* 'сильный ветер' (Уст), *хивусь* 'ветер со снегом' (Прим), а также *хивузить* 'сильно дуть (о ветре со снегом)' (В-Т, В-Уст), *хивузный* 'холодный, студеный (о ветре)' (Уст) [ЛК СГРС; СРГК VI: 712]. Здесь же встречаются локальные единицы с несколько иной семантикой: *хиус* 'снег с дождем' (В-Т), *хивус*, *хиуз*, *хиус* 'мелкий морозящий дождь' (Вин, В-Т), *хиузить* 'моросить (о дожде)' (В-Т) [ЛК СГРС].

Нельзя не заметить специфику вариантов каждой из двух зон. «Западные» и «восточные» варианты имеют следующие отличия.

А) Начальные согласные.

В соответствии с оговоренными источниками, для «западных» вариантов в анлауте характерен согласный *ф*. Как показано выше, только такие варианты для территории Карелии отмечает [СРГК] (материал из шести районов), только такие варианты для Олонецкой губернии отмечает Куликовский (материал из двух уездов), только такие варианты для выделившейся «западной» зоны зафиксированы в [ЛК СГРС] (16 фиксаций из двух районов). В «восточной» зоне, наоборот, в анлауте представлен только согласный *х*. При всем многообразии вариантов, фиксаций и обследованных районов (слово зафиксировано в 14 районах — см. выше) [ЛК СГРС] отмечает здесь только начальный *х* (около ста фиксаций).

Б) Согласные в интервокальной позиции.

Если в рассматриваемых словах имеется интервокальный согласный (ситуация весьма частотная), то, согласно оговоренным источникам, в «западных» вариантах это согласный *ј*, а в «восточных» — *в*.

Обратимся к остальным источникам, тем, которые в данном случае подошли к вопросу разведения вариантов не столь детально. В словаре В. И. Даля и в «Опыте областного великорусского словаря» зафиксированы варианты как с начальным *ф*, так и с начальным *х*: *фиюз* 'резкий зимний ветерок', *фиюз*, *хиюз* 'холодный резкий ветерок зимою', *хиуз*, *фиуз* 'не сильный, но резкий зимний ветер, северяк' [Даль IV: 535, 547; Опыт: 243]. Варианты на *ф* и *х* в обоих источниках подаются вместе в одной словарной статье с общей географической пометой: «арх., олон.». Конечно, за этими фактами может скрываться информация о наличии обоих типов вариантов на обеих территориях; вместе с тем, такой способ подачи материала часто, наоборот, бывает связан с отсутствием по тем или иным причинам информации о фонетическом распределении лексем. Иначе говоря, данные словаря Даля и «Опыта...» не дают ответа на вопрос о дистрибуции вариантов.

Помимо этого, имеются некоторые факты, которые, без сомнений, нарушают общую стройность картины. Прежде всего, это данные словаря Подвысоцкого. Согласно словарю Подвысоцкого, в бывшем Мезенском уезде Архангельской губернии зафиксированы разнообразные фонетические варианты лексем (как с начальным *ф*, так и с начальным *х*, как с интервокальным *ј*, так и с интервокальным *в*): *хивус*, *хиус*, *хиюс*, *фиюс*, *хиюзно*, *фиюзно* 'сильный мороз, холод; также метель при резком ветре' [Подвысоцкий: 183]. Однако в отношении бассейна р. Мезень вполне можно предполагать наличие там вариантов, перенесенных русским населением в ходе миграций с более западных территорий, в частности, с запада Русского Севера.

Возможно также, что интересующее нас слово было отмечено В. И. Далем в новгородских говорах — в варианте *хиус*, однако по тексту словарной статьи трудно сказать однозначно, относится ли помета «новг.» именно к интересующему нас слову [Даль IV: 547]⁴. В НОСе слово не зафиксировано. Вместе с тем, новгородские говоры — это совершенно особая зона языковых контактов, отличная от территории Русского Севера или Карелии, поэтому даже реальное — не говоря уже о «потенциальном» — наличие там варианта *хиуз* «не отменяет» дистрибуции на Севере.

Итак, несмотря на наличие лексикографических источников, не поддерживающих определившиеся ранее фонетические закономерности, сами эти закономерности все-таки нельзя не учитывать, поскольку а) имеется достаточно большой и надежный корпус материала, указывающего на фонетическое распределение лексем; б) нет фактов, вступающих в серьезные противоречия с выявившейся на базе этого корпуса дифференциацией материала. Таким образом, можно констатировать, что в севернорусских говорах имеются разные фонетические варианты рассматриваемого слова. Варианты с начальным *ф* тяготеют к западу очерченной территории, точно также, как и варианты с интервокальным *ј*. Варианты с начальным *х* тяготеют к востоку очерченной территории, точно также, как и варианты с интервокальным *в*⁵.

⁴ Безусловно, помета «новг.» относится к варианту *хиз*, который будет рассмотрен ниже.

⁵ Следует отметить, что нельзя ставить в прямое соответствие наличие начального *ф* и наличие интервокального *ј*, как нет и прямого соответствия между начальным *х* и интервокальным *в*, поскольку имеются примеры типа сиб. *хиюз* или мез. *хиюс* [Даль IV: 535; Подвысоцкий: 183], в которых анлаутное *х* сочетается с инлаутным *ј*. Вме-

II. Прибалтийско-финское соответствие. Прежде чем рассмотреть каждый из двух типов вариантов отдельно, обратимся к прибалтийско-финским данным. В качестве соответствия русским лексемам, на наш взгляд, можно предложить следующее прибалтийско-финское гнездо с базовой семантикой льда, замерзшего вещества⁶: фин. *хуу* ‘лед’, ‘талый снег, снежное месиво, шуга, ледяная или снежная каша, иней’, *хуинен* ‘ледяной, леденящий’, *хуутää* ‘замораживать, леденить, пронизывать холодом’, *хуутуä* ‘застывать, затвердевать; запекаться, свертываться (о крови)’, карел. *хуу* ‘талый снег, снежное месиво, иней, шуга, ледяная каша, лед’, *хуутеä* ‘покрывать льдом, замораживать’, *хуине* ‘холодный, покрытый льдом’, люд. *хүүдуну* ‘свернувшийся, запекшийся (напр., кровь)’, вепс. *хүүдäдä* ‘покрываться льдом, подергиваться инеем’, *хүүдуда* ‘застывать, остывать, охлаждаться’, ижор. *хүүтүүä*, *хүүтöжä* ‘застывать, студенеть; свертываться’, вод. *й̄*, *һ̄* ‘шуга, иней, тонкий лед’, *й̄түүä*, *һ̄т̄сүүä* ‘застывать’, эст. *хүүбида*, *хүүдүдä* ‘застывать, запекаться, свертываться’ [SSA I: 201; SKES: 94; ФРС: 133]. Сюда же: карел. *хуукäs* ‘ледяной, леденящий; слякотный’, *хуутеä* ‘замораживать, леденить, пронизывать холодом’ [KKS I: 373, 374].

III. Семантический анализ. Остановимся подробнее на семантическом сопоставлении русских и прибалтийско-финских фактов. Большинство русских лексем — как «западной», так и «восточной» зоны — обозначает холодный, резкий, часто зимний, ветер, при этом семантика русских слов демонстрирует осмысление такого ветра именно по его воздействию на человека: очень холодный, пронизывающий, обжигающий.

Отметим, что не все лексикографические источники должным образом акцентируют этот аспект, однако на актуальность для семантики лексемы именно ощущений человека, связанных с сильным холодом, указывает основная масса контекстов, ср.: «Мороз с сильным ветром фиюз называют, когда мороз и ветер, тогда еще больше берёт», «Какой фиюз, а ты в одном платье», «Фиюз — ветер проносливый такой, холодный», «Фиюз пал, нельзя никак пойти, холодно», «Ветер такой фиюзный пал, холодный», «Вострый хивос — так плечо и воротит», «Хивуз-от какой тянет — всю рожу выдрало», «Хивуза не сильный, но злой», «На дерево залез — пробирает хивузина», «Ветер хивус шибко вострый, продувчивый», «Вострый хивуз лицо жжет», «Хиус — резкий ветер, в миг продует», «Хиус — самый холодный ветер дует», «Хиус с севера — прогнозной такой, резкой», «Холодный хиус — сухой, без снега — продуват всё наскрозь», «Хиус экий — дух спират», «Хиус аж обжигает — такой ветерок» и т. п. [СРГК VI: 684—685; ЛК СГРС].

Рассматриваемое прибалтийско-финское гнездо также имеет потенции к развитию такой семантики. В этом плане наиболее показательны факты финского языка. Ср. фин. *хуу* ‘лед’, ‘леденящий (или пронизывающий) холод’ [ФРС: 137], ср. также его производное фин. *хуинен* ‘ледяной, леденящий’ [SSA I: 201], для которого характерно употребление в таких сочетаниях, как *хуинен виима* ‘ледяной ветер’ (при фин. *виима* ‘ветер (холодный или пронизывающий)’) и *куолеман хуинен хенкäүс* ‘леденящее дыхание смерти’ [ФРС: 133, 738]. Отметим, что последнее сочетание также предполагает воздействие холода на субъекта, которое при этом осмысливается как идущее извне, в виде дуновения, дыхания.

Ср. также разработанность и закреплённость в рассматриваемом прибалтийско-финском гнезде представлений о холоде, замерзании вообще, т. е. представлений, оторванных от конкретной семантики льда. В этом отношении показательны приведенные выше фин. *хуутää* ‘замораживать, леденить, пронизывать холодом’ (и образованное от него *хуутävä усва* ‘морозный туман’) [ФРС: 138], карел. *хуутеä* ‘то же’, *хуине* ‘холодный’, вепс. *хүүдуда* ‘застывать, остывать, охлаждаться’. По-видимому, сюда же следует отнести карел. твер. *хүүд’й̄ө* ‘замерзнуть, заоченеть (об ощущениях человека)’ [СКЯТ: 63].⁷

Обращает на себя внимание и представленность в семантическом пространстве гнезда такой денотативной сферы как ‘застывшее, загустевшее под воздействием холода вещество, напр., студень, холодец’. Ср.: фин. *хуутуä* ‘застывать, студенеть’ (с контекстом «жир застыл»); *хуудыке* ‘желатин’ при *хуудыттää* ‘дать застыть; охлаждать, охладить’, *хуутелö* ‘студень, заливное’ [ФРС: 137—138], карел. ливв. *хүүдүү* ‘застывать, густеть’ (с контекстом «студень не успел застыть») [СКЯЛ: 83], карел. твер. *хүүд’й̄ө* ‘застывать, становиться густым (о веществе)’ [СКЯТ: 63], а также уже приводившееся выше ижор. *хүүтүүä*, *хүүтöжä* ‘застывать, студенеть’. Конкретная семантика льда, шуги, ледяной или снежной массы для этих образований, безусловно, остается значимой⁸, однако идея замерзания, охлаждения, воздействия холода,

сте с тем, в источниках, которые дают детальную информацию о распределении, таких примеров не встречается (см. выше представление материала).

⁶ Отметим, что, согласно Я. Калиме, это прибалтийско-финское гнездо явилось источником рус. олон. *юдать* ‘покрываться льдом’ [SSA I: 201; Kalima 1919: 249], не связанного непосредственно с рус. *хиус*.

⁷ Еще одно значение этого карельского слова связано с семантикой загустения под воздействием холода (см. след. абзац), что подтверждает предположение об отнесенности слова к этому гнезду.

⁸ Ср. внешнее сходство загустевшего вещества и шуги, ледяной или снежной массы.

низких температур здесь, по-видимому, тоже актуальна, т. к. является необходимой составляющей технологического процесса, целенаправленно осуществляемого человеком.

В плане семантических потенций гнезда ср. также фин. *huutaa* ‘охлаждать, остужать, дышать, веять холодом или теплом’ (данная глагольная форма представлена в статье фин. *huude*), являющееся, согласно [SSA], одним из родственных образований с задним вокализмом [SSA I: 194, 201], в семантике которого реализуется как идея холода, так и идея ветра.

Итак, возможность появления среди лексем рассматриваемого прибалтийско-финского гнезда (фин. *хиву* и пр.) дериватов с семантикой холодного, пронизывающего ветра кажется вполне закономерной и обусловлена, по всей видимости, соотношением представлений о льде с представлениями о холоде (в т. ч. сильном, обжигающем), о замерзании⁹.

Особо отметим, что взаимосвязь представлений о льде и холоде, в частности холодном, пронизывающем ветре, обнаруживается и при анализе другого обозначения льда и его дериватов в финно-угорских языках.

Ср. фин. *jää* ‘лед’, *jäättää* ‘замораживать, леденить; пронизывать холодом’, *jäättävän kylmä* ‘ледяной, леденящий; пронизывающий’ (букв. ‘леденящий / пронизывающий холодный’), а также выражение *jäättävän kylmä tuuli* ‘холодный пронизывающий ветер; пронизывающий ветер’ (букв. ‘леденящий / пронизывающий холодный ветер’) [ФРС: 181].

Ср. также коми иж. *йир*, удор. *йирьд* ‘пронизывающий, резкий, холодный (о ветре)’ [ССКЗД: 140], которые можно рассматривать как производные уже упоминавшегося коми *йи* ‘лед’¹⁰ [ССКЗД: 139]. По-видимому, обе формы образованы с помощью древнего именного суффикса с консонантом *-р* — вероятно, *-ир* (~ *-ыр*), сейчас непродуктивного в коми языке (о суффиксе см. [Федюнева 1985: 41—42])¹¹, а удорская форма еще и осложнена адъективным суффиксом *-ьд* [о суффиксе см. Федюнева 1985: 25—26]¹².

Рассматриваемое русское слово имеет не только значение ‘холодный, пронизывающий ветер’, оно достаточно широко распространено и в значении ‘метель, сильный ветер со снегом’. Наличие этого — последнего — значения еще в языке-источнике, на наш взгляд, очень вероятно в силу актуальности в данном случае семантики снежной, ледяной субстанции, снежного «месива». По-видимому, при наличии в языке-источнике этимона с этой семантикой, номинативным импульсом здесь послужил не только (а, возможно, и не столько) холод как таковой, но и наличие в воздухе частиц снега или льда. Таким образом, значение ‘метель’ хорошо соотносится с семантикой льда, шуги, снежной каши и пр., играющей важную роль в семантической организации гнезда.

В подтверждение такой возможности ср. контексты, актуализирующие либо признак наличия ледяных частиц, крупинки в воздухе, либо признак смешанной субстанции, «месива»: «*Хивус — снег или что метёт. Это уж зимой хивус, крупу в лицо как бросает*», «*Иду, а хивус все снег в лицо кидает*», «*Хивус*

⁹ Соотнесенность этих представлений не является чем-то необычным. Она известна и другим языкам, в частности русскому. Строго говоря, такая соотнесенность предполагает как минимум две когнитивных возможности: осмысление льда как вещества обжигающе холодного (ср. рус. *ледяной ветер*) и как вещества, получающегося в результате воздействия холода (рус. *ледяные руки, леденящий ветер*). Следует предполагать и возможность синкретичного осмысления (ср. рус. *леденящее дыхание смерти; леденящая история, леденящая кровь*; такая интерпретация возможна и для выражения *леденящий ветер*). Для восстанавливаемого прибалтийско-финского этимона, в общем-то, не исключен никакой из вариантов развития событий, вместе с тем, кажется, что представления об обжигающе холодном действии льда сыграли в данном случае значительную роль (ср. по контекстам восприятие реалии *хивус* носителями русского языка).

¹⁰ Коми *йи* ‘лед’ и приведенное выше фин. *jää* ‘лед’ — родственные лексемы [SSA I: 260; КЭСК: 111].

¹¹ С помощью этого суффикса образованы, например: коми *гудыр* ‘мутный’, *чизыр* ‘пронизывающий’ и т. п. [Федюнева 1985: 42].

¹² В отношении предложенной этимологии коми *йир* (*йирьд*) ср. приведенное в той же словарной статье коми выражение *кын йир* ‘замерзший слой почвы, поверхность земли’ [ССКЗД: 140] при *кын* ‘мерзлый, промерзший, промерзлый’ [ССКЗД: 187]. Семантически очень вероятно, что в этом выражении *йир* как раз и означает ‘ледяной’, хотя авторы [ССКЗД], по-видимому, исходили из другой точки зрения и связывали слово с помещенными в той же статье коми *йир*, *йирин*, *ир* ‘глубокое место в воде, глубь, омут’; коми удор. *йир* ‘глубокий, глубоко’ [ССКЗД: 140]. Последние могут быть омонимичными образованиями, вместе с тем, можно предполагать и их связь с коми *йи* ‘лед’, что семантически вполне вероятно: как известно, вода на глубине, особенно в омутах, очень холодная. В плане словообразования выделяется тот же суффикс *-ир*, что и для обозначений холодного ветра, а для варианта *йирин* еще и самостоятельный элемент *-ин* со значением ‘место’ (т. е. ‘ледяное место’) [об элементе *-ин* см. Федюнева 1985: 93—95], либо именного суффикса *-ин* (~ *-ын*) [о суффиксе см. Федюнева 1985: 37—38]. Другие версии для *йир* ‘омут’ см. в [КЭСК: 111].

очень секёт», «Есть зимой хиус — ветер несёт снег, даже с полу подымает, будто метла метёт», «Хивус и ветер, и снег — как консерва, всё смешано» [ЖК СГРС].

Не очень частотная для русских слов семантика ‘мороз’ также может быть связана еще с языком-источником. В любом случае ее наличие подтверждает выявленное для рассматриваемого гнезда соотношение представлений о льде с представлениями о холоде.

Таким образом, все основные значения русских лексем: ‘холодный пронизывающий ветер’, ‘метель’ и ‘мороз’ — хорошо вписываются в семантическую организацию рассматриваемого прибалтийско-финского гнезда, что, во-первых, подтверждает предложенную этимологическую версию и, во-вторых, позволяет связывать их происхождение еще с языками-источниками.

Что касается локальных вариантов с семантикой ‘снег с дождем’, ‘морозящий дождь’ [Вин, В-Т], то она вполне объяснима как с учетом представлений о холоде, так и с учетом представлений о снежной, ледяной массе, «каше». Летнее или осеннее похолодание часто связано с морозящим дождем или — осенью — с мокрым снегом. Вместе с тем, такая, слякотная, погода воспринимается и как наличие снежного месива, «каши» (в случае мокрого снега или морозящего дождя зимой). Эту семантику также предпочтительно связывать с языками-источниками как в силу локального характера этих русских фактов, так и в силу нетипичности для русского языка взаимосвязи представлений о холодном, резком ветре или метели с представлениями о морозящем дожде. Вместе с тем, ср. карел. *hyukäs* ‘ледяной, леденящий; слякотный’ [KKS I: 373].

IV. Формальная организация лексем. Предположения об источниках заимствования. Рассмотрим семантическую сторону проблемы, перейдем к решению вопросов о структурной организации русских лексем и об источниках заимствования. Для этого остановимся по отдельности на каждой из двух зон бытования лексем.

Варианты «западной» зоны. Для «западной» зоны в силу географического критерия наиболее вероятен собственно прибалтийско-финский источник.

Учитывая это, обратимся к формальной структуре «западных» вариантов (*фиус, фиюз* и пр.). Финаль *-ус* может интерпретироваться как осложняющий основу аффикс. Такой аффикс характерен для финно-угорских, в частности для прибалтийско-финских заимствований. В самих же современных прибалтийско-финских языках, как известно, существуют аффиксы *-(u)us*, *-(ü)üis*, используемые при образовании имен в отыменном словообразовании, а также аффиксы *-us*, *-üis*, тоже образующие имена, но от глаголов [ОФУЯ 1975: 67, 69]. Считается, что для первых соответствия вне прибалтийско-финских языков неизвестны; вторые же связаны по своему происхождению с древними, в частности финско-пермскими элементами [ОФУЯ 1975: там же].

Отметим, что многочисленные русские варианты на *-уз* вполне могут объясняться на базе языков-источников с учетом возможного ослабления согласного в ряде фонетических позиций. В частности, оба рассмотренных суффикса в некоторых прибалтийско-финских языках (вепский, водский, ижорский) представлены вариантами на полузвонкий: *-uZ*, *-üZ* [ОФУЯ 1975: там же].

При такой интерпретации словообразовательной структуры интервокальный *j* в русских лексемах представляет собой эпентезу, возникшую на русской почве перед суффиксом для устранения зияния.

При фонетическом сопоставлении предполагаемого прибалтийско-финского этимона и русских лексем наблюдается следующее соответствие гласного первого слога: прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *и*. Известно, что существует возможность передачи прибалт.-фин. *ii* в виде рус. *’у* [Kalima 1919: 32], и это наиболее близкая передача чужой артикуляции. Вместе с тем известны и примеры соответствия прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *и*: ср. отмеченные З. М. Дубровиной случаи такой передачи прибалт.-фин. *ii* в топонимии Ленинградской области [Дубровина 1969: 85], причем не только после заднеязычных (*Сагомилъе* — фин. *Sahamyly*, при *mylly* ‘мельница’; *Илики* — фин. *Ylikylä* ‘Верхняя деревня’). Это указывает на возможность непосредственной субституции прибалт.-фин. *ii* русским *и*¹³.

В нашем случае совершенно ясно, что предполагаемое прибалтийско-финское слово с суффиксальной финалью *-ус* не могло фонетически не переоформиться на русской почве, в силу нетипичного для русского языка сочетания звуков: в первом слоге лабиализованный переднего ряда после заднеязычного, который при этом еще и перекликается со сходным по артикуляции лабиализованным гласным суффикса. В этом случае сохранение гласного *’у* в первом слоге заимствованного слова кажется маловероят-

¹³ Отметим, что позиция после заднеязычных осложняет интерпретацию субституции, т. к. известно соответствие прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *ы* [см. об этом Матвеев 2001: 138—140], а также произошедший в истории русского языка переход *гы, кы, хы* > *ги, ки, хи*, однако, по всей видимости, к «западным» вариантам эта проблема не имеет отношения (см. далее).

ным, а изменение его, наоборот, является ожидаемым. По-видимому, при заимствовании произошла потеря лабиализации при сохранении общей артикуляции.

Предположением о наличии в этимоне лабиализованного гласного объясняется, на наш взгляд, и «массовое» начальное *ф* «западных» вариантов. Отметим, что случаи появления рус. *ф* на месте прибалтийско-фин. *h* известны [Мызников 2004: 354, 356—358], однако такая замена не является частотной и регулярной. Отметим также, что хорошо известная русским говорам мена *ф* ↔ *х*, связанная с собственно русскими фонетическими процессами, в севернорусских говорах носит непоследовательный характер [см., напр.: Рус. диалектология 1965: 75—79; Рус. диалектология 1973: 82—84; ДАРЯ: карты 54, 55; непоследовательность этой мены демонстрируют и данные ЛК СГРС].

В этом контексте столь четкая дистрибуция *ф*- и *х*-вариантов, которую демонстрирует севернорус. *хиуз*, кажется довольно странным фактом, требующим объяснения. По-видимому, абсолютное преобладание *ф*-вариантов в «западной» зоне можно связать с фонетической «составляющей» самого процесса заимствования, а точнее, с характером этимона и его восприятием русскими. Двойной лабиализованный гласный (возможно, еще и с сохранением долготы у первого¹⁴) в прибалтийско-финском этимоне предполагает серьезную аккомодацию первого согласного по такому признаку как лабиализация. Лабиализованный же прибалтийско-фин. *h* с чуждой для русского уха гортанной артикуляцией вполне может быть воспринят русскими как *ф*, особенно с учетом переднерядной артикуляции лабиализованного гласного первого слога¹⁵. Таким образом, появление *ф* в анлауте у «западных» вариантов, на наш взгляд, хорошо связывается с лабиализованным качеством первого гласного этимона. Эта точка зрения согласуется и с имеющимися в науке свидетельствами достаточно раннего усвоения звука *ф* в говорах Северо-Запада [Касаткин 1999: 121—122]: в частности, памятники письменности позволяют предполагать, что, по крайней мере, к концу XVI — первой половине XVII вв. здесь имело место практически полное усвоение этого согласного [Галинская 2002: 63—64, 220].

В подтверждение предложенной этимологической версии ср. также рус. *фу́знить* ‘дуть’ (Карел) с контекстом «во как фузанит, надо законопатить чем» [СРГК VI: 691], а также влг., кемер. *фу́зить* ‘тянуть холодом, сквозить (о ветре)’ [СВГ XI: 171; СОС II: 185], которое А. Е. Аникин предположительно соотносит с рус. *хиус* [Аникин: 622]. По-видимому, здесь представлен другой вариант передачи гласного обсуждаемого прибалтийско-финского этимона. Нельзя исключить также, что приведенные русские глаголы отражают какой-то вариант с вокализмом заднего ряда, что возможно для рассматриваемого прибалтийско-финского этимологического гнезда [см. ниже; см. также SSA I: 194]. В любом случае избранный этимон объясняет различие в вокализме разных русских вариантов¹⁶.

Варианты «восточной» зоны. Специфика суффикса в разных зонах. Проблема вокализма первого слога вариантов «восточной» зоны. Обратимся к заимствованиям «восточной» зоны. Как уже было замечено, «восточные» варианты несколько отличаются от «западных». На месте интервокального *j* «западных» вариантов в «восточных» обычно выступает *в*, либо ноль звука.

Появление *в* может объясняться двояко. Согласный *в*, подобно «западному» *j*, может иметь эпентическое происхождение и, в этом случае, он связан с устранением зияния на русской почве. Вместе с тем, этот же рус. *в* может быть связан с иным структурным оформлением этимона и, таким образом, восходить еще к языку-источнику. Ср. следующие образования, родственные фин. *huu*: фин. *hyude* ‘снежное месиво’, *hyutelö, hytelö, hytelä* ‘полузастывшая масса; тонкая корка льда; застывшая еда’, ижор. *hüe, hüve* ‘тонкая ледяная корка, тонкий лед у берега’, карел. *huuveh* ‘ледяная корочка’, вепс. *hüüde, hüde, hüdegi* ‘иней, изморозь’, эст. *hüüve* ‘желе, студень, заливное; застывшее вещество; свернувшаяся кровь’, *hüüe, hüüde* ‘ледяная корочка’ [SSA I: 201]. Сюда же, вероятно, следует отнести фин. *hyudyttää* ‘дать застыть; охлаждать, охладить; свертывать’ [ФРС: 137]. Ср. также родственные образования, но с вокализмом заднего ряда: фин. *huude* ‘иней, изморозь, снег на дереве’, *huutaa* ‘охлаждать, остужать, дышать, везть холодом или теплом; покрываться инеем’, карел. *huuveh* ‘иней, изморозь’, *huutehine* ‘покрытый инеем’, люд. *hüdeh, üdeh*, вепс. *hude* ‘то же’ [SSA I: 194]. Наличие в прибалтийско-финском

¹⁴ При присоединении суффикса вполне вероятно и исчезновение долготы.

¹⁵ Ср. в этом плане характер рус. *ф*, в котором как раз и соединены лабиодентальная и заднеязычная (веляризованная) артикуляции, что находит отражение в известной в русских говорах субституции *ф* сочетанием *хв*.

¹⁶ Вероятно, подтверждением этой этимологической версии является также энецк. *puase* ‘хиус’. Можно предполагать, что это энецкое слово представляет собой заимствование, появившееся в ходе контактов энцев с поморами, имевших место при поморской миграции. Благодарим Ю. В. Норманскую, обратившую наше внимание на эти факты. Такая интерпретация энецкого слова значима в нашем случае в связи с губной артикуляцией начального согласного и лабиализованным качеством гласного первого слога, что в той или иной степени отражает фонетические особенности изначального — прибалтийско-финского — этимона.

гнезде образований с согласным *v* позволяет предполагать присутствие этого согласного непосредственно в этимоне.

Вероятно, в русских говорах имеются варианты с *в* как исконным, так и вставной природы. На это указывает распределение вариантов с *в* и без *в* в «восточном» ареале. По данным ЛК СГРС, на большей части ареала встречаются как варианты с *в*, так и без него. Вместе с тем, имеются территории, где представлены только формы с *в* (Вель, Шенк) или только формы с зиянием (Вин, Котл). Таким образом, получается, что формы с зиянием в качестве этимонов безусловно существовали, а значит существовал и эпентетический *в*, т.к. невозможно себе представить абсолютное отсутствие переработки зияния на русской почве. Однако такой вариант, что были случаи изначального присутствия в этимоне этого согласного, также нельзя исключать: ср. хотя бы наличие территорий, где встречаются только формы с *в*.

Итак, в качестве средства устранения зияния на русской почве мы предполагаем эпентетический *j* на западе и эпентетический *в* на востоке. Чем объясняется разница в эпентезах? По-видимому, характер эпентезы может в той или иной мере определяться характером предшествующего и последующего гласного. Проанализируем восточные и западные варианты с этой точки зрения.

Как уже отмечалось, по данным ЛК СГРС, среди «восточных» вариантов нет ни одного варианта с интервокальным (эпентетическим) *j*, также среди «восточных» вариантов не обнаружено ни одного с мягким *в'* в этой позиции. Как было сказано, в восточной зоне встречаются только варианты с твердым *в* или зиянием. Такая закономерность указывает на тот факт, что суффикс «восточных» этимонов, скорее всего, был с гласным заднего ряда, то есть имел вид типа **-us*.

Действительно, если предположить, что в восточной зоне суффикс имел вид **-iis*, то среди русских «восточных» вариантов частотным был бы вариант с эпентетическим *j*. Причина в том, что хоть *j* и *в* являются типичными для русского языка эпентетическими согласными, но сами механизмы их появления в слове различны. Как известно, в произношении русских гласных переднего ряда: *ä, ö, ü, e* — в той или иной мере присутствует начальный компонент *и*. Это характерно как для литературного языка, так и для говоров, в частности, севернорусских [Аванесов 1956: 100—101; Матусевич 1976: 71—72, 78—80; Касаткин 1999: 261]. При наличии зияния, где вторым компонентом является передний гласный, появление эпентетического *j*, по-видимому, объясняется именно этими причинами, а значит, *j* в качестве эпентезы в этом случае очень вероятен.

Конечно, можно предположить и другой вариант решения проблемы такого зияния с передним гласным¹⁷ — смену гласным артикуляции с передней на заднюю. Однако невероятно, что все случаи устранения соответствующей фонетической проблемы («гласный + передний гласный») пойдут именно таким путем, поскольку а) при таком характере зияния для русского уха *j* оказывается уже как бы заложенным в слове; б) *j* в функции эпентезы очень характерен для русского языка; в) интервокальная позиция для согласного *j* в русском языке типична и частотна. То есть фактически появление эпентетического *j* в таком случае — это, пожалуй, самый простой способ решения проблемы.

Итак, в силу отсутствия в «восточной» зоне эпентетического *j*, а также в силу отсутствия мягкого *в'* мы можем сделать предположение о заднем вокализме суффикса «восточной» зоны. Такой тип вокализма объясняет частотность вариантов с финалью *-вус* на этой территории.

Что же касается закономерностей, наблюдаемых в «западной» зоне: наличия эпентетического *j* и отсутствия вариантов с эпентетическим *в*, — то они лучше всего объясняются передним вокализмом суффикса предполагаемого этимона.

Строго говоря, само по себе наличие эпентетического *j* не является еще показателем того, что в суффиксе был именно передний вокализм¹⁸. Конечно, появление эпентетического *j* типично именно перед гласным переднего ряда, однако импульсом к появлению *j* может быть и передний гласный, стоящий перед эпентезой: ср. в этом отношении просторечные формы типа *штиён, фиалка*. Прежде всего, это характерно для случаев, когда гласным, стоящим перед эпентезой, является гласный *и* (в силу артикуляционного сходства звуков), однако, по всей видимости, нельзя абсолютно исключать и другие варианты, хотя бы потому, что русские передние *ä, ö, ü*, как уже упоминалось, содержат в своем составе компонент *и*. А поскольку, как выяснилось, в основе западных форм имел место передний вокализм (*ī*), да еще и — очень вероятно — напрямую освоенный русскими в виде гласного *и*, эпентетический *j* «западных» вариантов сам по себе не позволяет дифференцировать вариант суффикса.

¹⁷ Ясно, что зияние типа «гласный + передний гласный» представляет для русского языка особую проблему, в силу того что передние *ä, ü, ö* имеют в русском языке лишь статус аллофонов и возможны только в позиции после мягкого согласного. Это значит, что такое зияние, в отличие от «зияния гласный + задний гласный», не может не подвергнуться фонетической адаптации.

¹⁸ То есть при том, что вариант суффикса *-iis* позволяет предполагать эпентетический *j*, обратное утверждение неверно: при эпентетическом *j* необязателен передний вокализм второго гласного в зиянии.

Однако отсутствие в западной зоне каких-либо иных вариантов эпентезы (кроме *j*), прежде всего согласного *v* — типичного вставного (наряду с *j*), в русском языке все-таки позволяет предполагать передний вокализм в суффиксе этимона. Действительно, если бы для суффикса был характерен вариант с задним вокализмом, среди русских форм ожидалось бы, среди прочего, и варианты с финалью *-вус* (особенно с учетом лабиализованного характера гласного в финали). Однако, согласно всем имеющимся источникам, в западной зоне такие формы не обнаружены вообще.

На передний вокализм суффикса указывает и соотношение форм с согласным *j* и форм с сохраненным зиянием среди «западных» вариантов. По данным ЛК СГРС, формы с зиянием среди «западных» вариантов вообще не выявлены: из шестнадцати имеющихся в ЛК СГРС фиксаций по «западной» территории все шестнадцать с эпентетическим *j*. Мы не можем провести статистический анализ вариантов на основе данных СРГК, однако показательным кажется тот факт, что в статье на *фиуз*, *фиюз*¹⁹ из приведенных пяти контекстов четыре относятся к варианту с эпентезой; основу с эпентезой демонстрирует и зафиксированное в словаре прилагательное *фиюзный* [СРГК VI: 684, 685].

Таким образом, источники, которые хоть в какой-то мере позволяют изучить статистику вариантов, демонстрируют явное преобладание вариантов с интервокальным *j* на западе. Думается, что если бы этимон имел суффикс с гласным заднего ряда, вариантов с сохранением зияния было бы существенно больше, поскольку зияние вида «гласный + задний гласный» вполне может сохраниться в русском языке без какой-либо «переработки» (что прекрасно демонстрируют «восточные» варианты, где количество форм без эпентезы очень велико), в то время как зияние вида «гласный + передний гласный» обязательно должно «переработаться» (см. сноску 17), что и произошло в нашем случае с помощью эпентетического *j*.

Итак, материал указывает на большую вероятность передней огласовки суффикса «западного» этимона (в отличие от предполагаемой задней огласовки «восточного»). Отметим, что тем самым западный этимон оказывается выстроенным в соответствии с законом сингармонизма, до сих пор характерным для ряда прибалтийско-финских языков.

Проанализировав суффиксальный вокализм, обратимся к фонетическому оформлению первого слога. В отношении вокализма первого слога «восточные» варианты демонстрируют аналогичное «западному» соответствие прибалт.-фин. *ü/ǖ* ~ рус. *и*. В области же консонантизма, как было показано выше, имеются отличия: «западному» *ф* в анлауте соответствует «восточное» *х* (при прибалт.-фин. *h*), причем появление *ф* на «западе» связывается с лабиализованным характером первого гласного этимона. Возникает вопрос, почему «восточные» варианты не демонстрируют результатов, аналогичных «западным», также и в отношении начального согласного. По-видимому, возможны следующие причины.

1. Различие в самих этимонах, точнее в вокализме первого слога. Отсутствие *ф* в «восточных» вариантах может указывать на нелабиализованный характер гласного первого слога, т. к. именно лабиализацией объясняется появление *ф* в анлауте. Русские данные «восточной» зоны говорят о том, что это мог быть звук типа **и* или **ы* (с учетом перехода *ы* > *и* в русском языке после заднеязычных).

2. Различие в механизмах адаптации, что может объясняться как разным временем языковых контактов, при которых были заимствованы «западные» и «восточные» варианты лексемы, так и фонетическими особенностями «западных» и «восточных» русских говоров.

3. Первое и второе одновременно.

Рассмотрим подробнее высказанные версии.

1. Предположение об этимоне с нелабиализованным гласным отчасти согласуется с одной из интерпретаций известного соответствия прибалт.-фин. *ü* ~ рус. *ы*.

Это соответствие (прибалт.-фин. *ü* ~ рус. *ы*) выявлено на основании данных субстратной топонимии Русского Севера и, согласно исследованиям А. К. Матвеева, проявляется здесь достаточно регулярно, ср. основы: *кыльм-* / *кюльм-* ~ фин. *kylmä* ‘холодный’; *сыв-* ~ фин. *syvä* ‘глубокий’ и др. [Матвеев 2001: 138—140]. Показательно, что топонимические факты с этим соответствием (т. е. этимологизируемые А. К. Матвеевым с опорой на прибалтийско-финские языки, но при этом демонстрирующие иную огласовку) встречаются восточнее крайних западных регионов Русского Севера, т. е. тех регионов, отличительной чертой которых является массовое скопление прибалтийско-финской топонимии [Матвеев 2001: 136—138, 197—199]. Нельзя не заметить, что варианты рус. *хиуз* — «западные» и «восточные» — демонстрируют в какой-то степени сходное распределение²⁰.

¹⁹ Оба варианта подаются авторами [СРГК] в одной словарной статье; ареалы вариантов по отдельности не приводятся [СРГК VI: 684].

²⁰ То есть противопоставляют запад Русского Севера (как территорию поздних прибалтийско-финских контактов) и все остальное, что расположено восточнее. Однако о более детальном совпадении ареалов обсуждаемой топонимии и «восточных» вариантов рус. *хиуз* говорить нельзя.

Природа соответствия прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *ы* неясна, но одна из объяснительных версий базируется на тезисе о принадлежности топонимии с рассматриваемым соответствием неким субстратным языкам саамского типа. Это предположение основывается на следующем прибалтийско-финско-саамском фонетическом соответствии: прибалт.-фин. *ii* ~ саам. *e, i* [Korhonen: 81—82] (с учетом, что гласные типа саам. *e, i* способны при заимствовании в русский передаваться как *ы*), — а также на наличии в пределах рассматриваемой территории разного рода топонимических показателей, которые объясняются из саамских диалектов [Матвеев 2001: 139—140]. Ср. в этом отношении следующие факты субстратной топонимии Русского Севера: основа *пыш-* / *пыж-* ~ прасаам. **pesē* [Lehtiranta: 96] ~ фин. *pyhä* ‘святой’; основа *кырч-* ~ прасаам. **kersee* ‘ремень, лоскуток’ [Lehtiranta: 42—43; Матвеев 2004: 234—235, 145].

Нельзя исключать, что фактом подобного же типа, т. е. отражающим соответствие прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *ы*, может считаться и этноним *зырь, зыряне* (согласно этимологии А. М. Шёгрена, поддержанной А. К. Матвеевым), соотносимый с фин. *surjä*, карел. *sürjä* и пр. ‘край, сторона’ [Матвеев 2001: там же; СФУСЗ I: 120; Аникин: 223] и имеющий отношение к восточной территории Русского Севера [Матвеев 1984: 84]²¹. Данная основа представлена в топонимии Русского Севера в двух вариантах огласовки: *Сюрга / Сюрья* ‘холм’ (Он, Выт), *Сюрьяги* ‘участок леса’ (Баб), *Сурьи* ‘холм’; *Сырья* ‘луг’, *Сырья* ‘посёлок’ (Он), — а также, по-видимому, в севернорусском апеллятивном заимствовании *сырья* ‘луговая низина’ (Он) [Teush 2007: 120], что также иллюстрирует указанную выше корреляцию.

Отметим, что помимо саамских данных, имеются еще примеры соответствия лабиализованного прибалтийско-финского *ii* нелабиализованным гласным других языков, в частности коми *i* [КЭС: 26; ОФУЯ 1974: 164; ОФУЯ 1976: 133—134]²², а также мар. *ы, ё, и* [Грузов 1969: 122, 113, 88—89]. Последнее обращает на себя особое внимание еще и в свете данных рус. *хиус* (см. ниже).

Целый ряд фактов (особенно в области топонимии) указывает, что некогда на Русском Севере были распространены какие-то «промежуточные» субстратные языки, компоненты которых имеют соответствия в прибалтийско-финских и саамских языках, вместе с тем демонстрируя определенную близость с волжско-финскими и пермскими языками, а также обнаруживая собственную специфику. Такая ситуация особо характерна для центра, востока и юго-востока региона, т. е. большей части тех территорий, где зафиксированы «восточные» варианты рус. *хиус*. Подробному анализу языковых фактов такого типа посвящена, в частности, работа А. К. Матвеева [Матвеев 2007].

Идею о существовании на Русском Севере таких «промежуточных» субстратных языков в целом поддерживал и Е. А. Хелимский, соглашаясь, среди прочего, с фактом языковой специфики восточного региона [Хелимский 2005: 71—74; Хелимский 2006: 38—41]. Можно сказать, что за имеющимися в настоящее время представлениями о субстратных языках Русского Севера стоит довольно пестрый языковой континуум, лингвистическое упорядочивание которого — это дело будущего.

В частности, в качестве специфики вокализма субстратных языков Русского Севера, по сравнению с живыми финно-угорскими, можно привести факты расширения одних гласных, а также сужения и делабиализации других. Хорошо известны следующие севернорусские лексические этимологии: севернорус. *вагмас* ‘заболоченный лес с буреломом и кустарником’ ~ фин. *vehmasto* [Матвеев 1973: 338—339]; севернорус. *вахта* ‘вахта трилистная’ ~ фин. *vehka* [Меркулова 1967: 37—38; Аникин: 157]; *шалга* ‘возвышенность, покрытая лесом’ (и в других значениях) ~ карел. *šelgä* [Матвеев 1973: 336; Аникин: 715] и др. Факты сужения и делабиализации гласного на сегодняшний день представлены прежде всего топонимическим материалом, в частности приведенным выше при иллюстрации соответствия прибалт.-фин. *ii* ~ рус. *ы*. К отмеченным же выше собственно лексическим этимологиям можно добавить севернорус. *вынь* ‘пояс’ (Чаг) ~ фин. *vuõ* ‘талиа, пояс’, карел.-ливв. *vüõ* ‘пояс’, которое, по одной из версий, связывается с какими-то субстратными языками Русского Севера [СФУСЗ I: 99].²³

Все это позволяет предполагать, что в отношении рус. «восточного» *хиус* речь может идти о каких-то субстратных языках Заволочья, имеющих как общие черты с современными прибалтийско-финскими языками, так и свою собственную специфику, в частности в области вокализма.

В заключение версии о нелабиализованном гласном осталось заметить, что, если в русских формах *и < ы* (ср. в этом плане зафиксированную на Пинеге форму *хьуз*), процесс заимствования должен быть весьма ранним, что, в принципе, возможно, особенно с учетом данных о рус. *хиус* (см. ниже). Между тем, нельзя абсолютно исключать и тот факт, что этимон мог быть изначально с передним гласным.

²¹ Альтернативные версии происхождения этнонима *зыряне* см. [Аникин: 223].

²² Это соответствие характерно для ряда диалектов коми языка.

²³ Существует альтернативная этимология Я. Калимы: < коми *вõнь* ‘пояс’ [Kalima 1927: 21], которая, однако, также оставляет вопросы в отношении интерпретации рус. *ы* ~ коми *õ*, т. к. такая адаптация коми *õ* в русском нетипична. Смушает и география русского слова: крайний юго-запад Вологодской области.

2. Если допустить, что этимона с нелабиализованным гласным все же не существовало и вокализм первого слога «восточного» этимона совпадает с «западным», т. е. представлен гласным *ī* или *ī̄* (а разница «восточных» и «западных» вариантов определяется различиями в механизмах адаптации), то следует констатировать, что предполагаемый «восточный» этимон (в отличие от «западного») демонстрирует нарушение закона межслового сингармонизма, поскольку для восточного этимона предполагается вариант суффикса с задним вокализмом. Таким образом, и в этом случае этимон может указывать на специфику «восточных» источников по сравнению с «западными».

Кроме того, встает вопрос, как интерпретировать субституцию приоб.-фин. *ī* русским *и* с учетом данных о начальном *х* «восточных» вариантов.

2.1. Прежде всего, предположим, что субституция имеет ту же природу, которая была выявлена для «западной» зоны, т. е. приоб.-фин. *ī* > рус. *и* напрямую в результате фонетической адаптации на русской почве в связи со сложностью восприятия русским слухом (и сложностью произнесения) такой комбинации звуков как **hīi-ī-* (или даже **hī̄-ī̄-*). В этом случае начальный *х*, присутствующий в «восточных» вариантах на месте «западного» начального *ф*, может объясняться тем, что обсуждаемые языковые контакты относились еще ко времени слабой освоенности фонемы *ф* фонетической системой говоров «восточной» зоны.

«Восточный» *х* (~ «западный» *ф*) в принципе может объясняться еще и меньшей сложностью восточного этимона для русского восприятия (по сравнению с западным) в силу суффикса с задним вокализмом, а также наличия форм с интервокальным *в* еще в языке-источнике. Звукокомплексы же типа **hīi-u-* или **hīi-v-u-* более просты для русского уха, нежели их «западный» аналог²⁴, и в этом случае лабиализация могла не повлиять на восприятие русскими начального *h* так сильно, как в «западной» зоне.

При всей справедливости этих утверждений смущает однако тот факт, что «восточные» формы не сохранили вообще никаких следов лабиализованной артикуляции первого слога этимона: ни на уровне начального согласного, ни на уровне каких-либо форм (пусть единичных) с иной огласовкой (типа «западного» *фузанить*), и это при таком обилии фиксаций. По нашему предположению, утрата лабиализации на западе связана именно со сложностью восприятия звукокомплекса этимона, но даже там обнаружена единичная форма с лабиализованным гласным (*фузанить*). Для предложенной интерпретации, фактически базирующейся на специфике восприятия чужой фонетической последовательности, кажется странным, что на востоке, при более простой фонетике этимона, потеря лабиализации оказалась абсолютной, т. е. затронула все имеющиеся варианты и отразилась во всех собранных единицах.

Еще одно сомнение в реальности рассматриваемой версии связано с формой *сиус*. Эта форма, зафиксированная в Кемеровской области, рассматривается А. Е. Аникиным в качестве возможного варианта слова *хиус* [Аникин: 643—644]. Помимо указанного источника слова *сiвус* (*сiуs*) с семантикой ‘холодный ветер’, ‘резкий шквалистый ветер’, ‘мелкий дождь’ и *сiвузить* ‘мести, завивать (о метели, вьюге)’ зафиксированы еще в материалах [ЛК СГРС] в пределах рассматриваемой «восточной» зоны рус. *хиус*. География лексем достаточно широка (В-Т, Лен, Уст), но в материалах по каждому из названных районов начальное *си(в)*- представлено очень бедно — 1-2 фиксациями. Таким образом, вариант *сiвус* можно рассматривать как единичные вкрапления на широком фоне вариантов с начальным *х*. При этом видно, что вариант с начальным *с* отражает некую слабо проявляющуюся фонетическую закономерность, результаты которой хоть и единичны, но не случайны. По-видимому, такие варианты отражают процесс аккомодации заднеязычного *х* гласному переднего ряда *и*, произошедший собственно на русской почве в рамках упрощения сочетания *хи-*, т. е. процесс, аналогичный тому, который имел место при второй палатализации. Эту версию подтверждает зафиксированное здесь же единичное *сiжса* ‘первый снег’, являющееся вариантом широко распространенной на востоке Русского Севера лексемы *хiжса*, по всей видимости, исконного происхождения.²⁵

Получается, что форма *сиус* возникла на русской почве в рамках упрощения артикуляции формы *хиус*, которая, в свою очередь (при обсуждаемом варианте причин субституции приоб.-фин. *ī* русским *и*), представляет собой результат фонетической адаптации этимона типа **hīius* (или что-то в этом роде)²⁶. Другими словами, имеются факты, указывающие на то, что полученная в результате адаптации форма

²⁴ Как говорилось, особая фонетическая «проблемность» западных вариантов связана с зиянием типа «гласный + передний гласный» (см. сноску 17).

²⁵ Особо отметим, что, помня об известной закономерности приоб.-фин. *h* ~ саам. *s*, мы все-таки не считаем лексему *сiвус* саамской параллелью к *хиус* по следующим причинам: 1) формы на *хи-* и на *си-* не находятся в отношении дополнительной дистрибуции; 2) формы на *си-* единичны (пять фиксаций на три района) и не образуют сколь-нибудь компактного ареала; 3) в саамском языке ничего подобного не обнаружено.

²⁶ Выводить форму *сиус* из **hīius* напрямую вряд ли возможно по фонетическим причинам.

(*хиус*) не была «фонетически идеальной», абсолютно «фонетически беспроблемной» для системы севернорусских говоров того времени, к которому относится процесс заимствования, но при этом не сохранилось никаких фактов, указывающих на иные возможности, иные пути адаптации чужого слова, кроме как выбора этой — еще не совсем «беспроблемной» — формы с начальным *хи*.²⁷

Таким образом, сам факт замены приоб.-фин. *ii* русским *и* не кажется странным, удивляет лишь то, что не сохранилось никаких других вариантов «работы» принимающего языка с формой этимона при наличии для этого подходящих (или даже необходимых) обстоятельств.

2.2. В качестве еще одного варианта появления рус. *и* на месте приоб.-фин. *ii* можно предложить субституцию приоб.-фин. *ii* русским *ы* с последующим переходом *хы* > *хи*. Возможность замены приоб.-фин. *ii* русским *ы* в ходе фонетической адаптации слова при заимствовании является еще одной объяснительной версией уже упоминавшегося «загадочного» соответствия приоб.-фин. *ii* ~ рус. *ы*. Такая замена, предположительно, обусловлена каким-то особым качеством старого русского *ы* (возможно, его лабиализованным характером) и связывается с ранними прибалтийско-финско-русскими контактами (до XVII века) [Матвеев 2001: 139]. Оценивая эту версию, скажем, что причины замены приоб.-фин. *ii* > рус. *ы* все-таки остаются загадкой; и так же, как и в предыдущем случае, несколько смущает, что не сохранилось никаких следов других возможных вариантов адаптации.

Итак, проанализировав материал, связанный с восточной зоной, можно сделать следующие выводы. По-видимому, «восточный» этимон отличался от «западного». Возможно, в «восточном» этимоне имел место другой (нелабиализованный) вокализм первого слога и тогда он мог быть связан с какими-то особыми субстратными языками Заволочья, имеющими некоторую специфику по сравнению с прибалтийско-финскими. Эта версия кажется нам наиболее предпочтительной.

Вместе с тем, существует и принципиальная возможность того, что гласные первого слога западного и восточного этимонов совпадали, в этом случае в восточном этимоне наблюдается нарушение закона межслогового сингармонизма, что позволяет делать предположение об отнесенности «восточного» этимона к языку, который, по меньшей мере, допускает нарушение закона межслогового сингармонизма.

V. Русские формы на *хиз*-. В севернорусских говорах имеется еще одно гнездо слов, формально и семантически очень сходных с рассмотренными лексемами. Оно представлено словами *хиз*, *хизкий*, *хизить* (*хизеть*). Эти лексемы зафиксированы преимущественно южнее территории Русского Севера и образуют два ареала.

Первый ареал связан с бывшими Новгородской, Тверской и Ярославской губерниями. На этих территориях были зафиксированы следующие единицы: *хиз* 'несильный, но резкий зимний ветер, северяк' (новг.), 'бусенец, ситничек, туманный дождь' (яр.), *хизкий* 'холодный (о ветре)' (тверск.), *захизить*: *захизило* 'стало морозить' (яр.) [Даль IV: 547; Опыт: 247; СРНГ, 11: 147]. С этим же ареалом связаны фиксации слова на западе Русского Севера: *хиз* 'сильный, порывистый морозный ветер со снегом' (Арх: Он; Влг: Череп) [СРГК VI: 711].

Второй ареал сформировался восточнее и имеет отношение к территории вятских и пермских говоров. Со ссылкой на эти говоры подаются следующие единицы: *хизеть* 'о холоде: нести, продувать, дуть в щели' (вят.), *хизить* 'мести метели, вьюжить; идти мокрому снегу' (вят., перм.), 'вьюжить, нести холодом, морозить' (перм.) [Даль IV: 547; Опыт: 247].

Как видим, оба ареала демонстрируют одинаковый вид основы. Встает закономерный вопрос о родстве лексем *хиз* и *хиуз*. Такую возможность предполагает А. Е. Аникин, указывая однако на сложность отношений между словами [Аникин: 643].

Для начала необходимо рассмотреть следующую проблему: насколько вероятно появление вариантов типа *хиз*, *хизить* (т. е. без лабиализованного гласного) на русской почве? Думается, что появление формы *хиз* как стяжения от *хиуз* вряд ли возможно в силу известной устойчивости русского лабиализованного *у*. Вместе с тем, пожалуй, такую последовательность переходов как *хиуз* → *хиузить* → *хизить* → *хиз* все-таки можно допустить (даже с учетом устойчивости рус. *у*), поскольку форма *хиузить* как более сложная, чем *хиуз*, имеет и большую вероятность подвергнуться соответствующим комбинаторным изменениям²⁸.

Однако распределение вариантов в русских говорах не согласуется с такой трактовкой. Фактически варианты с основой *хиз*- и варианты, основа которых имеет лабиализованный, на территории Европей-

²⁷ При этом, одно дело, когда этимон не предоставляет таких возможностей, и совсем другое дело, когда эти возможности, как в нашем случае, в общем-то существуют.

²⁸ Ср. удлинение слова до трех слогов и появление в нем двух *и* при наличии зияния и безударной позиции лабиализованного гласного.

ской России находятся в отношении дополнительной дистрибуции: как уже отмечалось, основа с лабиализованным представлена на севере, основа без лабиализованного — южнее. Отмеченное выше «выклинивание» ареала *хиз*- на запад Русского Севера (Он, Череп) не нарушает отношения дополнительного распределения. Прежде всего, форма *хиз* представлена там очень локально; кроме того, она соседствует там с вариантами типа *фиуз* (с начальным *ф*), которые, как выяснилось, следует отличать от вариантов типа *хиус* (с начальным *х*) в силу большой вероятности разных источников и, возможно, разного времени заимствования.

Единственным исключением из этой стройной картины могут оказаться новгородские говоры, где, как отмечалось в начале статьи, помимо варианта *хиз*, возможно, имел место также и вариант *хиус*.²⁹ Однако точно это неизвестно.

Дополнительная дистрибуция фонетических вариантов *хиз* и *хиуз* делает маловероятным предположение о вторичном характере какого-либо из них. Скорее, такой характер распределения указывает на их появление независимо друг от друга.

Строго говоря, слова *хиз* и *хиуз* могут быть вообще не связаны. Однако начальный *х* вариантов типа *хиз* указывает на то, что поиски должны быть ориентированы прежде всего на прибалтийско-финские источники. Отметим, что рус. *хиз* вообще не очень продуктивно для этимологических построений, поскольку звукокомплексы типа *CVС* плохо поддаются этимологической дифференциации в силу их краткости и «тривиальности». Так, при отсутствии прямого прибалтийско-финского соответствия находится целый ряд слов из других языков (вожско-финских или коми) — семантически очень привлекательных, — прибалтийско-финское соответствие каждого из которых при желании может быть смоделировано как **his*. Такой подход кажется нам бесперспективным в силу практически полного отсутствия доказательств.

Возможность же родства *хиз* и *хиуз* стоит рассмотреть, т. к. а) вероятность этого несколько более высока, поскольку имеется слово *хиуз* — реально существующее, а не смоделированное; б) это может пролить какой-то свет и на происхождение рус. *хиуз*; во всяком случае, возможность родства *хиз* и *хиуз* необходимо иметь в виду при этимологии последнего, что, в свою очередь, может быть показательно также и для рус. *хиз*.

Рус. *хиз* также может быть соотнесено с прибалтийско-фин. *һуу* ‘лед’, если, например, предположить оформление слова с помощью другого суффикса — суффикса *-s*, известного в прибалтийско-финских языках (также и в варианте *-Z*) и восходящего к суффиксу **-ks* финско-пермского происхождения [ОФУЯ 1975: 66].

Еще одна версия фонетического оформления русской лексемы может быть связана с появлением звонкого спиранта (*δ*) на месте взрывного *t* (*d*) в ряде финно-угорских языков [ОФУЯ 1974: 135—136]. Ср., в частности, спирантизацию в марийском языке, а также возможное слабоступенное *δ* в финских диалектах [ОФУЯ 1974: там же]. При такой — фонетической — интерпретации в качестве этимона русских слов на *хиз*- следует предполагать формы типа рассмотренных выше фин. *һууде* (*һууде*) и пр. Эта версия кажется более предпочтительной в свете морфологического распределения русских вариантов с начальным *хиз*-. Западнее (в новгородских, тверских, ярославских говорах) преобладающими оказываются именные образования с начальным *хиз*-, восточнее (в вятских и пермских) — глагольные. Такое распределение заставляет задуматься о возможностях самостоятельного заимствования именных и глагольных форм непосредственно из языка-источника. Обращение к гнезду прибалтийско-фин. *һууде* (*һууде*) (см. выше) позволяет решить эту проблему с опорой на реально зафиксированные лексические факты. (Появлением спиранта на месте *t* (*d*), на наш взгляд, могут объясняться и приведенные ранее рус. *фузить*, *фузанить*.)

При трактовке рус. *хиз* в связи с прибалтийско-фин. *һуу*, как и в случае с «восточными» вариантами рус. *хиуз*, встает вопрос о вокализме при наличии начального *х*. При решении этого вопроса в отношении рус. *хиз* могут быть высказаны те же самые предположения, что и в отношении рус. *хиуз*.

1. Наиболее вероятной кажется версия о наличии этимона с другим, нелабиализованным, гласным, близким к русскому *и* или *ы*. Значимыми здесь оказываются все те же самые фонетические соответствия (саамские, вожско-финские и коми), как и в случае с рус. *хиуз* (см. выше). Пожалуй, стоит еще отметить, что более южная география лексемы может указывать на особую актуальность для варианта *хиз* именно марийских данных³⁰. Ср. и отмеченную выше возможность спирантизации для вариантов на *хиз*- по ти-

²⁹ См. в начале статьи замечания о пометах в словаре Даля.

³⁰ Ср. закрепившуюся в науке точку зрения о распространении мерянских племен южнее территории Русского Севера (в Волго-Окском междуречье, в частности в Ярославской и Тверской областях) и выводы А. К. Матвеева о наличии в предполагаемых мерянских диалектах ряда черт, сближающих их с марийским языком [Матвеев 2006а: 133—162].

пу марийской. Таким образом, предполагается, что источником рус. *хиуз* стали какие-то субстратные языки, может быть, те же, что явились источником рус. *хиуз*, а может быть, другие, но сходные с ними.

Обращают на себя внимание не только фонетические, но и семантические «переклички» вариантов *хиуз* и «восточного» *хиуз*, обнаруживающих в обоих случаях семантику моросящего дождя (помимо семантики ветра), а она, как обсуждалось выше, вероятно, связана еще с языками-источниками. Таким образом, семантическая специфика (наряду с фонетической) объединяет варианты *хиуз* и *хиуз* и противопоставляет их вариантам типа *фиюз*, что «работает» на версию о разных языках-источниках, а значит, и на возможность различного фонетического оформления этимонов.

2. Еще один вариант объяснения вокализма первого слога — предположение о субституции в процессе заимствования приб.-фин. *ii* русским *и* или *ы* (> *и*). В этом случае речь может идти о собственно прибалтийско-финском источнике русской лексики. «Южная» география рус. *хиуз* не препятствует этой версии, т. к. имеется целый ряд фактов (прежде всего топонимических) указывающих на проникновение прибалто-финнов на юго-восток, вплоть до интересующих нас территорий (Тверская, Ярославская, Кировская области)³¹. Следует учесть также, что в случае приб.-фин. *ii* > рус. *ы* (> *и*) процесс заимствования связан с достаточно ранними контактами русских с финно-угорскими племенами (до XIV века, т. к. именно этим временем в севернорусских говорах датируется процесс *гы, кы, хы* > *ги, ки, хи* [Шахматов 1886: 169]). «Южная» география рус. *хиуз* вполне согласуется с предположением о ранних языковых контактах, явившихся причиной заимствования.

Строго говоря, возможно и еще одно предположение: та же самая субституция (приб.-фин. *ii* > рус. *и* или *ы* (> *и*)) могла явиться причиной появления рус. *хиуз* и при рассмотренном ранее суффиксе *-us* при условии стяжения гласных еще в языке-источнике (*ii* основы + *ii* суффикса > *ii*), либо при восприятии русскими на месте двух одинаковых гласных одного долгого гласного звука.³²

Что же касается сомнений в отношении версии о субституции приб.-фин. *ii*, то они все те же и связаны с отсутствием каких-либо указаний на другие возможности адаптации предполагаемого прибалтийско-финского источника, хотя, вероятно, для рус. *хиуз* этот аргумент менее силен, чем для рус. *хиуз*, поскольку формы на *хиуз* могут быть очень древними. В силу этой древности все единичные и нечастотные вариативные формы, указывающие на иные способы адаптации, могли просто не сохраниться, либо оказаться не зафиксированными лексикографическими источниками XIX века. Однако налицо и обратная зависимость: вариант *хиуз* — односложный, а значит, гласный этимона не мог остаться без внимания со стороны носителей принимающего языка, т. к. он не просто ударный, а единственный. И в этом случае субституция приб.-фин. *ii* > рус. *и* вряд ли может быть единственным вариантом решения возникшей у принимающего языка фонетической проблемы.

Есть и еще один, на наш взгляд, серьезный «смущающий» фактор — характер ареала лексики. Он явно не в пользу тезиса, что слово «двигалось» с прибалтийско-финскими племенами с севера на юг, скорее наоборот: ср. локальные факты на Севере и широкий ареал за его пределами.

VI. Выводы. Подведем итоги. Предполагается, что севернорус. *хиуз* было заимствовано в разное время на разных территориях и, вероятно, имело разные источники. В Карелии и на западе Русского Севера основным вариантом выступает форма *фиюз*. По-видимому, это заимствование является собственно прибалтийско-финским. В центральных и восточных районах Русского Севера преобладают варианты *хиуз*, *хивуз*. Вероятно, они являются следствием языковых контактов русских с носителями каких-то субстратных наречий с прибалтийско-финскими чертами. Не исключено, что эти контакты были достаточно ранними (возможно, до XIV века). Тот и другой тип вариантов могли впоследствии распространяться по территории Русского Севера в ходе миграций, чем, предположительно, и объясняется появление вариантов того или другого типа за пределами очерченных ареалов, в частности вариантов типа *фиюз* в бассейне Мезени или *хиуз* на побережье Белого моря.

Вполне возможно также, что в основе зафиксированных несколько южнее севернорус. *хиуз* и *хизить* лежат образования, родственные этимонам рус. *хиуз*, *фиюз*. Заимствования с основой *хиуз*-, по всей видимости, относятся к достаточно ранним языковым контактам. Не исключено, что они также имеют отношение к каким-то субстратным наречиям прибалтийско-финского типа, но со своей спецификой. Эти наречия близки тем, которые явились источниками русских вариантов типа *хиуз*, *хивуз*, о чем говорят как фонетические, так и семантические «переклички».

В заключение осталось отметить, что наша этимологическая версия повторяет семантическую «сторону» версии А.Л. Погодина.

³¹ См.: [Востриков 1979: 70—72; Матвеев 2006б: 223—233].

³² Вместе с тем, маловероятно, чтобы русская адаптация пошла только по этому пути в силу передней артикуляции адаптирующихся гласных, а значит, присутствия «потенциального» *j*.

Сокращения

I. Источники и исследования

- Аванесов 1956 — *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956 {*Avanesov 1956 — Avanesov R. I.* Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. M., 1956}.
- Аникин — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997 {*Anikin — Anikin A. Je.* Ėtimologiĉeskij slovar' russkijh dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skiĉ, altajskiĉ i paleoaziatskiĉ jazykov. Novosibirsk, 1997}.
- Востриков 1979 — *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979 {*Vostrikov 1979 — Vostrikov O. V.* Finno-ugorskije leksiĉeskije ĉelementy v russkijh govoraĉ Volgo-Dvinskogo meĉdureĉ'ja. Diss. ... kand. filol. nauk. Sverdlovsk, 1979}.
- Галинская 2002 — *Галинская Е. А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002 {*Galinskaja 2002 — Galinskaja Je. A.* Istoričeskaja fonetika russkijh dialektov v lingvogeografiĉeskom aspekte. M., 2002}.
- Грузов 1969 — *Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969 {*Gruzov 1969 — Gruzov L. P.* Istoričeskaja grammatika marijskogo jazyka. Vvedenije i fonetika. Joškar-Ola, 1969}.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. СПб.; М., 1880—1882 (1955). Т. I—IV {*Dal' — Dal' V. I.* Tolkovyĉ slovar' živogo velikoruskogo jazyka. 2 izd. SPb.; M., 1880—1882 (1955). T. I—IV}.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР). Карты. Вып. 1. Фонетика. М., 1986 {*DARJa — Dialektologiĉeskij atlas russkogo jazyka (centr Jevropejskoĉ časti SSSR).* Karty. Vyp. 1. Fonetika. M., 1986}.
- Дубровина 1969 — *Дубровина З. М.* Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 2. Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 335. Серия филол. наук, вып. 71. Л., 1969 {*Dubrovina 1969 — Dubrovina Z. M.* Pribaltiĉsko-finskije ĉelementy v toponimike Leningradskoĉ oblasti // Voprosy finno-ugorskoĉ filologii. Vyp. 2. Uĉ. zap. Leningr. un-ta, № 335. Serija filol. nauk, vyp. 71. L., 1969}.
- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999 {*Kasatkin 1999 — Kasatkin L. L.* Sovremennaja russkaja dialektnaja i literaturnaja fonetika kak istoĉnik dlja istorii russkogo jazyka. M., 1999}.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонцаго наречія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. СПб., 1898 {*Kulikovskij — Kulikovskij G. I.* Slovar' oblastnago oloneckago nareĉija v" ego bytovom" i ĉetnografiĉeskom" primĉnenii. SPb., 1898}.
- КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 {*KĖSK — Lytkin V. I., Guljajev Je. S.* Kratkij ĉtimologiĉeskij slovar' komi jazyka. Syktyvkar, 1999}.
- ЛК СГРС — Лексическая картотека «Словаря говоров Русского Севера» (Екатеринбург, Уральский государственный университет) {*LK SGRS — Leksiĉeskaja kartoteka «Slovarja govorov Russkogo Severa»* (Jekaterinburg, Ural'skiĉ gosudarstvennyĉ universitet)}.
- Матвеев 1973 — *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллативные заимствования // Этимология. 1971. М., 1973. С. 332—355 {*Matvejev 1973 — Matvejev A. K.* Ėtimologizacija substratnyĉ toponimov i apelljativnyje zaimstvovanija // Ėtimologija. 1971. M., 1973. S. 332—355}.
- Матвеев 1984 — *Матвеев А. К.* Еще об этимологии этнонима зырянин // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 79—90 {*Matvejev 1984 — Matvejev A. K.* Jeŉe ob ĉtimologii ĉtonima zyrjanin // Ėtimologiĉeskije issledovanija. Vyp. 3. Sverdlovsk, 1984. S. 79—90}.
- Матвеев 2001 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001 {*Matvejev 2001 — Matvejev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. ĉ. I. Jekaterinburg, 2001}.
- Матвеев 2004 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург, 2004 {*Matvejev 2004 — Matvejev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. ĉ. II. Jekaterinburg, 2004}.
- Матвеев 2006 а — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006. С. 133—162 {*Matvejev 2006 a — Matvejev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa i meĉjanskaja problema // *Matvejev A. K.* Onomatologija. M., 2006. S. 133—162}.
- Матвеев 2006 б — *Матвеев А. К.* Прибалтийско-финская топонимия на территории исторических мерянских земель // *Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006. С. 223—233 {*Matvejev 2006 b — Matvejev A. K.* Pribaltiĉsko-finskaja toponimija na territorii istoričeskijh meĉjanskiĉ zemel' // *Matvejev A. K.* Onomatologija. M., 2006. S. 223—233}.
- Матвеев 2007 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург, 2007 {*Matvejev 2007 — Matvejev A. K.* Substratnaja toponimija Russkogo Severa. ĉ. III. Jekaterinburg, 2007}.
- Матусевич 1976 — *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976 {*Matuseviĉ 1976 — Matuseviĉ M. I.* Sovremennyĉ russkij jazyk. Fonetika. M., 1976}.

- Меркулова 1967 — *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967 {Merkulova 1967 — *Merkulova V. A.* Očerki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij. M., 1967}.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979 {Merkur'jev — *Merkur'jev I. S.* Živaja reč' kol'skiĭ pomorov. Murmansk, 1979}.
- Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвгеографический анализ. СПб., 2004 {Myznikov 2004 — *Myznikov S. A.* Leksika finno-ugorskogo proišhoždenija v russkiĭ govoraĭ Severo-Zapada: Ėtimologičeskii i lingvogeografičeskii analiz. SPb., 2004}.
- НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12 {NOS — Novgorodskii oblastnoĭ slovar'. Novgorod, 1992—1995. Vyp. 1—12}.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1852 {Опыт — Опыт" oblastnago velikorusskago slovarja, izdannyĭ Vtorym" otdělenijem" Imperatorskoĭ Akademii Nauk". SPb., 1852}.
- ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974 {OFUJa 1974 — Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proišhoždenija i razvitija finno-ugorskiĭ jazykov. M., 1974}.
- ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975 {OFUJa 1975 — Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Pribaltiĭsko-finskije, saamskii i mordovskije jazyki. M., 1975}.
- ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания: Марийские, пермские и угорские языки. М., 1976 {OFUJa 1976 — Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Mariĭskije, permskije i ugarskije jazyki. M., 1976}.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885 {Podvysockii — *Podvysockii A. O.* Slovar' oblastnago arĭangel'skago narečija v" ego bytovom" i ėtnografičeskom" priměnenii. SPb., 1885}.
- Рус. диалектология 1965 — Русская диалектология / Отв. ред. *Аванесов Р. И., Орлова В. Г.* М., 1965 {Рус. dialektologija 1965 — Russkaja dialektologija / Otv. red. *Avanesov R. I., Orlova V. G.* M., 1965}.
- Рус. диалектология 1973 — Русская диалектология / Отв. ред. *Кузнецов П. С.* М., 1973 {Рус. dialektologija 1973 — Russkaja dialektologija / Otv. red. *Kuznecov P. S.* M., 1973}.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 11. Вологда, 2005 {SVG — Slovar' vologodskiĭ govorov. Vyp. 11. Vologda, 2005}.
- СКЯЛ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. *Макаров Г. Н.* Петрозаводск, 1990 {SKJaL — Slovar' karel'skogo jazyka (livvikovskii dialekt) / Sost. *Makarov G. N.* Petrozavodsk, 1990}.
- СКЯТ — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. *Пунжина А. В.* Петрозаводск, 1994 {SKJaT — Slovar' karel'skogo jazyka (tverskije govory) / Sost. *Punžina A. V.* Petrozavodsk, 1994}.
- СОС — Среднеобский словарь: Дополнение. Ч. 2. Томск, 1986 {SOS — Sredneobskii slovar': Dopolnenije. Č. 2. Tomsk, 1986}.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. *Герд А. С.* СПб., 1994—2005. Вып. I—VI {SRGK — Slovar' russkiĭ govorov Karelii i sopredel'nyĭ oblastej / Gl. red. *Gerd A. S.* SPb., 1994—2005. Vyp. I—VI}.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Сост. *Филин Ф. П.* (гл. ред. *Сороколетов Ф. П.*). М., Ленинград (СПб.), 1965—2007. Вып. 1—41 {SRNG — Slovar' russkiĭ narodnyĭ govorov / Sost. *Filin F. P.* (gl. red. *Sorokoletoev F. P.*). M., Leningrad (SPb.), 1965—2007. Vyp. 1—41}.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961 {SSKZD — Sravnitel'nyĭ slovar' komi-zyrjanskiĭ dialektov. Syktyvkar, 1961}.
- СФУЗС I — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Отв. ред. *Матвеев А. К.* Вып. 1. А—И. Екатеринбург, 2004 {SFUZS I — Materialy dlja slovarja finno-ugro-samodiĭskiĭ zaĭmstvovaniĭ v govoraĭ Russkogo Severa / Otv. red. *Matvejev A. K.* Vyp. 1. A—I. Jekaterinburg, 2004}.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. *Трубачева О. Н.* М., 1964—1973. Т. I—IV {Fasmer — *Fasmer M.* Ėtimologičeskii slovar' russkogo jazyka / Per. s nem. i dop. *Trubačeva O. N.* M., 1964—1973. T. I—IV}.
- Федюнева 1985 — *Федюнева Г. В.* Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М., 1985 {Fedjuneva 1985 — *Fedjuneva G. V.* Slovoobrazovatel'nyje suffiksy sušestvitel'nyĭ v komi jazyke. M., 1985}.
- ФРС — Финско-русский словарь / Сост. *Вахрос И., Щербakov А.* Таллинн, 1998 {FRS — Finsko-russkii slovar' / Sost. *Vahros I., Šerbakov A.* Tallinn, 1998}.
- Хелимский 2005 — *Хелимский Е. А.* Наследие северо-западной группы финно-угорских языков в субстратной топонимии и лексике: реконструкции, историческая фонетика, этимология // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 71—74 {Helimskii 2005 — *Helimskii Je. A.* Nasledije severo-zapadnoj grupy finno-ugorskiĭ jazykov v substratnoj toponimii i

- leksike: rekonstrukcii, istoričeskaja fonetika, etimologija // Onomastika v krugu gumanitarnyĥ nauk: Materialy meždunar. nauč. konf., Jekaterinburg, 20—23 sentjabrja 2005 g. Jekaterinburg, 2005. S. 71—74}.
- Хелимский 2006 — *Хелимский Е. А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики, № 3. Екатеринбург, 2006. С. 38—51 {*Helimskii 2006 — Helimskii Je. A.* Severo-zapadnaja grupa finno-ugorskiĥ jazykov i jeje substratnoje nasledije // Voprosy onomastiki, № 3. Jekaterinburg, 2006. S. 38—51}.
- Шахматов 1886 — *Шахматовъ А. А.* Изслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII—XIV вв. СПб., 1886 {*Šaĥmatov 1886 — Šaĥmatov" A. A.* Izslėdovanije o jazykė Novgorodskiĥ" gramot" XIII—XIV vv. SPb., 1886}.
- Kalima 1919 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima 1927 — *Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen. FUF. XVIII. Helsinki, 1927. S. 1—56.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. I—V. LSFU. XVI. Helsinki, 1968—1997.
- Korhonen — *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lehtiranta — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu. 200. Helsinki, 1989.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. I—VII. LSFU. XII. Helsinki, 1958—1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1—3. Helsinki, 1992—2000.
- Teush 2007 — *Teush O. A.* Finnic Geographical Terminology in the Toponymy of Northern Russia // *Onomastica Uralica. Borrowing of Place Names in the Uralian Languages*. Debrecen — Helsinki, 2007. P. 111—127.

II. Языки и диалекты

арх.	— архангельские говоры русского языка	новг.	— новгородские говоры русского языка
вепс.	— вепсский язык	олон.	— олонечские говоры русского языка
влг.	— вологодские говоры русского языка	перм.	— пермские говоры русского языка
вод.	— водский язык	приб.-фин.	— прибалтийско-финские языки
выт.	— вытегорские говоры русского языка	рус.	— русский язык
вят.	— вятские говоры русского языка	саам.	— саамский язык
иж.	— ижемский диалект коми языка	севернорус.	— севернорусские говоры
ижор.	— ижорский язык	сиб.	— сибирские говоры русского языка
карг.	— каргопольские говоры русского языка	твер.	— тверские говоры карельского языка
карел.	— карельский язык	тверск.	— тверские говоры русского языка
кемер.	— кемеровские говоры русского языка	удор.	— удорский диалект коми языка
ливв.	— ливвиковские говоры карельского языка	фин.	— финский язык
люд.	— людиковские говоры карельского языка	эст.	— эстонский язык
мар.	— марийский язык	яр.	— ярославские говоры русского языка
мез.	— мезенские говоры русского языка		

III. Географические сведения

Арх	— Архангельская область	Леш	— Лешуконский район Архангельской области
Баб	— Бабаевский район Вологодской области	Медв	— Медвежьегорский район Карелии
Белом	— Беломорский район Карелии	Мез	— Мезенский район Архангельской области
Вель	— Вельский район Архангельской области	Он	— Онежский район Архангельской области
Вил	— Вилегодский район Архангельской области	Пин	— Пинежский район Архангельской области
Вин	— Виноградовский район Архангельской области	Плес	— Плесецкий район Архангельской области
Влг	— Вологодская область	Подп	— Подпорожский район Ленинградской области
В-Т	— Верхнетоемский район Архангельской области	Прим	— Приморский район Архангельской области
В-Уст	— Великоустюгский район Архангельской области	Пуд	— Пудожский район Карелии
Выт	— Вытегорский район Вологодской области	Тер	— Терский район Мурманской области
Карел	— Республика Карелия	Уст	— Устьянский район Архангельской области
К-Б	— Красноборский район Архангельской области	Чаг	— Чагодощенский район Вологодской области
Кем	— Кемский район Карелии	Череп	— Череповецкий район Вологодской области
Котл	— Котласский район Архангельской области	Шенк	— Шенкурский район Архангельской области
Лен	— Ленский район Архангельской области		

РЕЗЮМЕ

Предполагается, что севернорус. *хиуз* было заимствовано в разное время на разных территориях и, очень вероятно, имело разные источники.

SUMMARY

We suppose that North Russian *хиуз* was borrowed several times, in different areas and, most probably, had different sources.

**A note on the paper “Saami loanwords in Finnish language”
by Lucie Hofirková**

For long it has been recognized that there are Saami loanwords in Finnish, especially in the northern dialects of the language [Åimä 1908]. Curiously, though, these well-known Saami loanword strata have received relatively little attention in Finnish etymological studies. During recent decades the situation has slowly changed, as indicated by the appearance of a few notable studies on the topic, such as [Korhonen 1979; Itkonen 1993; Koponen 1996; Häkkinen 2007]. I have recently examined the Saami loanwords in Finnish in my PhD dissertation [Aikio 2009], the only monograph-length treatment on the topic so far. Since then, the subject has been taken up by L. Hofirková in her paper “Saami loanwords in Finnish language” in [Hofirková 2010]. In this note I will discuss Hofirková’s contribution on the topic.

I must begin with a personal impression. Hofirková’s paper is, no doubt, one of the strangest reading experiences I have ever had. The reason for this is that it contains numerous sentences and even paragraphs that have actually been written by me, not Hofirková herself. These sentences and paragraphs are taken from my PhD dissertation [Aikio 2009], and have been copied and pasted by Hofirková into her own paper — sometimes with minimal modifications, other times without any changes. The longest passage taken from my work, the description of sound substitutions in Finnic loanwords in Saami on p. 40 [Hofirková 2010: 40], is over half a page long [Aikio 2009: 15—16]. Right before this passage there is another paragraph, which includes comments on the place of etymology as a subfield of diachronic linguistics that has also been copied word for word from [Aikio 2009: 11]. Numerous other examples could be cited, and a reader comparing [Hofirková 2010] with [Aikio 2009] will quickly notice that there is quite a lot of text in the former paper that has been copied from the latter. Even so, the copied passages are never marked as quotations and sometimes they even lack a reference.

Such a method of writing is, of course, called plagiarism. However, I would not go as far as to accuse Hofirková of intellectual theft, because her plagiarism rather seems to stem from lack of competence in scholarly writing. After all, Hofirková does refer to my PhD dissertation over a hundred times — in a paper of only 28 pages! Thus, I can only assume that Hofirková is in complete ignorance of the fact that it is not appropriate to author to combine a paper by scrambling together bits and pieces of texts written by others. However, it is a mystery to me why I have to be the person to point this out — this, naturally, would have been the duty of the referees of her paper and the editors of this journal.

Another annoying feature of Hofirková’s paper is frequent occurrence of unclear and misleading references. A large part of the paper [Hofirková 2010: 43—60] consists of lists of Saami loanwords in Finnish, and much of the content of these lists has been copied from a similar list in [Aikio 2009]. It is, of course, not a problem that Hofirková has chosen to analyze the material compiled by me — on the contrary, I am only happy that she has found this material worthy of further analysis. Still, it is not appropriate that she has copied entire etymological analyses word for word from [Aikio 2009], never indicating them as quotations, and sometimes even providing references to other, irrelevant sources. Consider the following example:

“*kuuja* ‘fresh-water salmon, female trout’ < Saa N *guvžá*, Sk *kuv’žž* ‘trout’ < PS *kuvčā / *kuvčē*. In SSA *kuuja* is considered possibly cognate with Saa N *gudjor* ‘sea trout which has wintered in a river’, but the idea of cognation is impossible both due to the sound correspondences and to the northern distribution of the Finnish item. As the ending *-r* in Saa N *gudjor* has no match in Finn *kuuja*, it is more probable that Finn *kuuja* is a borrowing from Saa N *guvžá* instead. On the other hand, as Saa N *gudjor* has a very narrow distribution, it might be a borrowing from Finn *kujeri*, *kuveri* ‘trout’, which in turn could be a loan from a different Saami word: PS *kuovčōrē, cf. Saa N *guovžur*, Saa I *kuávžur* ‘trout’ [SSA, 1: 456; Aikio 2009: 259]” [Hofirková 2010: 55—56].

Hofirková has copied this entire passage from [Aikio 2009: 259], save for the references she provides. The reference to [SSA, 1: 456] is both irrelevant and misleading because this dictionary presents an altogether different explanation of the words in question. Hofirková’s reference, thus, creates an impression that this analysis is her own synthesis of the information in the two sources given, while it is in fact a direct quote from my work. This example is not isolated; a similar misreferencing occurs in many cases, such as the words *jorva* ‘thigh (of a reindeer)’, *kupinas*, *kupina* ‘swim bladder of a fish’, and *luusua* ~ *luspa* ‘river head’.

Leaving the unfortunate plagiarism aside, as well as confusing and inappropriate references, it is worth the while to look at the actual analysis and results that Hofirková's paper has to offer. As over 95% of her research material consists of data I have already analyzed in my PhD dissertation, I will naturally contrast her contribution with my own methods and results.

On p. 41 Hofirková [Hofirková 2010: 41] states that her intention is to classify Saami loanwords into different categories according to the types of sound correspondences they display. This approach is, of course, in line with the established methods of comparative linguistics. However, on the same page she goes on to say:

"In this article we don't discuss the reasons upon which the authors of [SSA; SKES; Aikio 2009] have decided that these words [i.e., words which display regular sound correspondence but are nevertheless considered loans] are loanwords from Saami into Finnish. These hypotheses are based on the analysis of the semantic reflexes, occurrence of the words in southern dialects, and other characteristics" [Hofirková 2010: 41].

Thus, Hofirková admits that her etymological analysis is based on **one criterion only** (sound correspondence), whereas the analysis in [Aikio 2009], as well as in many other earlier references cited by her, is based on **several criteria** (sound correspondence, semantics, morphology, dialect distribution, etc.). Her methods are, thus, obviously inferior to the ones applied in previous research. It makes little sense to choose to look at sound correspondences only and to ignore other types of data, especially as previous research has already established results through more complicated analyses that involve several variables.

How, then, does Hofirková apply sound correspondences in her analysis of Saami loanwords? Her main task is to divide the Saami loanwords in Finnish into three distinct categories: 1) loans which from a purely phonological perspective could also be classified as cognate words between Saami and Finnish; 2) loans whose loan origin in Saami, in its turn, was borrowed from Germanic or some other Indo-European language; 3) loans which could not be analyzed as cognates from phonological point of view. This classification warrants three comments.

First, we must note that Hofirková commits several gross errors in her analysis of Finnic-Saami sound correspondences. Most important, her list of Saami loans which supposedly could be cognate with their Finnish counterparts contains many words which display entirely irregular sound correspondences and thus could not, in fact, be cognate. Just to mention a few examples, consider Finnish *aaje* 'spring, boghole' (~ Saa N *ája* 'id.'), *alkkia* 'easy; open, wide' (~ Saa N *álki* 'easy'), *anastaa* 'to seize, rob' (~ Saa I *änistid* 'id.'), *askel* 'arctic skua' (~ Saa N *háskil* 'id.'), *kenes* 'young rascal' (~ Saa N *ganeš* 'gnome'), *mainas* 'story, tale' (~ Saa N *máinnas* 'id.'), *mursu* 'walrus' (~ Saa N *morša* 'id.'), *naali* 'arctic fox' (~ Saa N *njälla* 'id.'), *pounu* 'hump in a bog' (~ Saa N *bovdna* 'id.'), and *saamelainen* 'Saami person' (~ Saa N *sápmelaš* 'id.'). In each of these cases the sound correspondence between the Saami and Finnish words is entirely irregular. As the regular correspondences between the Finnish and Saami languages are already documented in basic handbooks such as [Korhonen 1981] and [Sammallahti 1998], there is no need to go into the details here; suffice it to say that I have already presented the relevant phonological arguments for many of these words (such as *aaje*, *alkkia*, *anastaa*, and *kenes*) in [Aikio 2009]. Thus, Hofirková reveals that she has understood neither this argumentation nor the generally accepted theories of Saami historical phonology.

Second, it is difficult to see what Hofirková is trying to demonstrate by classifying the Saami loanwords in Finnish into these three categories.¹ She appears to maintain that her classification proves that there have been two distinct periods of borrowing from Saami into Finnish; on p. 64 she states that "on the basis of the analysis of the consonants we can divide the loanwords into two stages of borrowing according to two different reflexes of consonants in Finnish" [Hofirková 2010: 64]. However, early scholars such as [Äimä 1908] already suggested that Saami loanwords have been adopted in different areas at different times. As for my own results, I have already demonstrated that Saami influences both in the Finnish lexicon as well as in other language subsystems have been adopted in many different regions at different periods [Aikio 2009: 215-223]. Thus, Hofirková's conclusion that there would have been **two** periods of borrowing from Saami to Finnish seems to be a mere artefact of the primitive methods of etymological analysis she applies to her material.

Third, Hofirková rejects the concept of "etymological nativization" which is central to the understanding of sound correspondences in Saami loanwords in Finnish. In [Aikio 2007a] I have demonstrated that loanwords transferred between Saami and Finnish show widespread application of "etymological nativization", a process whereby bilingual speakers perceive regular sound correspondences between genetically related languages and then tend to adapt loanwords in a form that phonologically conforms to the correspondences observed in cognate vocabulary. Hofirková denies the existence of "etymological nativization":

¹ It should be noted that from this point on I am partly resorting to guesswork; Hofirková's paper is written in such a confusing and haphazard manner that it is often difficult to understand what assertions she actually makes and what results she claims to have achieved.

“(...) we do not agree with Aikio’s method of interpretation of sound correspondences of Saami loanwords in Finnish as etymological and phonetic nativization. We follow the traditional method of describing such different correspondences as different levels of loan” [Hofirková 2010: 40].

Hofirková, however, gives no clue as to why she has rejected my interpretations of sound correspondences in Saami loanwords. As she presents no arguments, it is impossible to present any counterarguments; I can only encourage her to read [Aikio 2007a] and [Aikio 2009: 14—17] again and to explain what faults she has found in my evidence or argumentation. To add some substance to the discussion, I will show below that “etymological nativization” is undeniably a real phenomenon, and that it is altogether impossible to make sense of the sound correspondences in Saami loanwords in Finnish without grasping this concept.

“Etymological nativization” refers to a situation where speakers bilingual in two genetically related languages (such as Saami and Finnish) identify regular sound correspondences between these languages, and then apply these correspondences productively by nativizing loanwords in forms that conform to the identified correspondences. To give a straightforward example (which has already been presented in [Aikio 2007b: 164—167], Finnish *-i-* regularly corresponds to Inari Saami *-a(a)-*, as seen in cognate items such as Finnish *silmä* ~ Saa I *čalme* ‘eye’. In the Inari area there are numerous Inari Saami place-names that have been borrowed into Finnish so that Inari Saami *-a(a)-* has been rendered with Finnish *-i-*: e.g., Finnish *Ivalo* < Saa I *Avveel*, Finnish *Inari* < Saa I *Aanaar*, Finnish *Kirakkajoki* < Saa I *Kaareehjuuhâ*. It is clear that these place-names were quite recently borrowed, as it is a known historical fact that the first Finnish settlement in the Inari area only dates back to the latter half of the 18th century [Nahkiaisojä 2003: 167—168]. Thus, we know for a fact that the 18th century Finnish speakers who settled in Inari recognized that Inari Saami *-a(a)-* corresponds to Finnish *-i-*, and adapted the place-names they borrowed to this sound correspondence.

The example above is not isolated; in [Aikio 2007a] I have demonstrated that similar phonological adaptation patterns have been quite systematically applied in many periods of borrowing between Saami and Finnish. If one, however, follows the “traditional method of describing such different correspondences as different levels of loan” — the method adhered to by Hofirková — it becomes altogether impossible to understand the sound correspondences that are attested, e.g., in the place-names mentioned above. While Inari Saami *-a(a)-* does go back to Pre-Proto-Saami **-i-*, these names evidently cannot have been borrowed from Pre-Proto-Saami which, after all, must have been spoken some 2000 years ago! I can only wonder how Hofirková could explain this example without resorting to “etymological nativization”, not to even mention all the other evidence and examples I have already presented in [Aikio 2007a] and [Aikio 2007b: 164—167].

It would not serve a purpose to go on enumerating the mistakes and weak points in Hofirková’s paper, as the general picture is clear already. As seen above, the methods she applies are inadequate, she has not understood the argumentation and analyses presented in her main references, and on top of that, her method of writing is plagiaristic and her referencing inexact. All this may be the result of ignorance of the principles of scholarly writing and scientific argumentation, and as such should be excused. The real blame must instead be put on the people responsible for the failure of both proper peer review and the editorial process; had they performed their duty, I would not have been forced to take up the disagreeable task of writing an altogether negative review of Hofirková’s paper.

To balance things a bit, a positive aspect should be mentioned. It is, of course, excellent that Hofirková has chosen Saami loanwords in Finnish as a subject of her study, as this field has long been neglected by scholars of Finno-Ugric studies. My own PhD dissertation [Aikio 2009] is only the first attempt at an extensive analysis of this loanword stratum, and, as such, certainly incomplete; many new results on this topic will, no doubt, be reached by further research. Thus, in spite of the failure of this first attempt, I sincerely hope that Hofirková will continue to pursue her studies in this direction in the future, with more rigorous methods and a more solid analysis of the material.

Abbreviations

Finn — Finnish	Saa I — Inari Saami	Sk — Skolt Saami
PS — Proto-Saami	Saa N — North Saami	

References

- Aikio 2007a — Aikio A. Etymological Nativization of Loanwords: a Case Study of Saami and Finnish // Saami linguistics / Ed. Toivonen I., Nelson D. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 17—52.

- Aikio 2007b — *Aikio A.* The Study of Saami Substrate Toponyms in Finland // The borrowing of place names in the Finno-Ugric languages. *Onomastica Uralica*. 2007, 4. P. 159—197.
- Aikio 2009 — *Aikio A.* The Saami loanwords in Finnish and Karelian: Academic Dissertation // <http://cc.oulu.fi/~anaikio/slw.pdf>, 2009.
- Äimä 1908 — *Äimä F.* Lappalaisia lainasanoja suomen murteissa // JSFOu. 1908, 25.
- Häkkinen 2007 — *Häkkinen K.* Suomen kirjakielen saamelaiset lainat // Sámit, sánit, sátnehámit: Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu. 2007, 21. P. 161—182. (MSFOu, 253).
- Hofirková 2010 — *Hofirková L.* Saami loanwords in Finnish language // *Ural-Altaiic Studies*. 2010, 1 (2). P. 39—66.
- Itkonen 1993 — *Itkonen T.* Lapin perua Sisä-Suomen sanastossa ja paikannimissä // MSFOu. 1993, 215. P. 159—168.
- Koponen 1996 — *Koponen E.* Lappische Lehnwörter im Finnischen und Karelischen // *Laponica et Uralica*. *Studia Uralica Uppsaliensia*. 1996, 26. P. 83—98.
- Korhonen 1981 — *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Korhonen 1979 — *Korhonen O.* Lappische Lehnwörter im ältesten Einödgebiet Finnlands // FUF. 1979, 43. P. 175—206.
- Nahkiaisaja 2003 — *Nahkiaisaja T.* Uudisasuttajien aika 1750—1876 // Inari — Aanaar. Inarin historia jääkaudesta nykypäivään / Ed. *Lehtola V.-P.* Oulu: Inarin kunta, 2003. P. 164—215.
- Sammallahti 1998 — *Sammallahti P.* The Saami Languages. An Introduction. Kárášjohka, 1998.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja / Ed. *Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Helsinki, 1955—1978 (I—VII).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Ed. *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Helsinki, 1992—2000.

Discussion note from the editorial board on the article by A. Aikio

“A note on the paper ‘Saami loanwords in Finnish language’ by Lucie Hofirková”

In the present note we would like to reply on behalf of the editorial board to A. Aikio’s publication. The publication is a critical review of the work by L. Hofirková, which was published in the second issue of the journal “Ural-Altaiic Studies”. We would like to point out that Hofirková’s article was published not as a result of negligence of the editorial board, but because of the scientific point of view, proposed in this article. The main differences between Aikio’s and Hofirková’s approaches are outlined below, and some comments given to Aikio’s criticisms.

The first and most calling for reply claim by A. Aikio’s is his charge of plagiarism of his dissertation [Aikio 2009]. Still, this accusation seems unfounded to us. Both the reviewers of Hofirková’s article and the editorial board were familiar with the dissertation and, certainly, we noticed that many passages are taken from Aikio’s work, practically unchanged. But, in all cases the citations are supplied with appropriate references and page numbers from Aikio’s work. Aikio admits this and points out that there are more than 100 references to his work in Hofirková’s article. Next to the longest cited passage, on page 40, Hofirková explicitly says that it reflects Aikio’s point of view: «A. Aikio analyzed some of these correspondences and suggested a hypothesis of etymological nativization in borrowings between Saami and Finnish [Aikio 2009: 15]. He suggested...».

In all other cases cited passages contain brief summaries of etymological hypotheses about Saami origin of Finnish words, so that Aikio’s work is used as an etymological dictionary. If an etymology for a word is found in other sources as well, those sources are also mentioned. In the case when different sources propose contradicting etymological hypotheses, Hofirková chooses the most convincing in her opinion. Since Aikio’s dissertation is the latest work, and the etymologies in it are fuller, Hofirková cites it more often than other sources.

However, we should note that more than one third of all words (220 lexemes!) studied in Hofirková’s article are not analyzed in Aikio’s dissertation, and other etymological dictionaries are cited for these lexemes. Here are relevant examples from the first ten words examined in Hofirková’s article:

Finn *ajo* ‘glade’ < Saa N *aggjo āj-* ‘forestless plateau’ [SKES: 13];

Finn *eno* ‘major river, main canal’ < Saa N *ædno*, Sk *jäänn* < PS **ēnō* < PU **enä* [SKES: 39; YSS: 32, 233];

Finn *iltti*, *jiltti*, *kiltti*, *tiltti* ‘part of shoe, flap’ < Saa N *âl’dâs*, I *ooldas* < PS **eltes* [SKES: 106; YSS: 10, 15].

Generally speaking, it is common practice in linguistics to cite etymological dictionaries with references to pages, but without quotation marks. Of course, in most cases an etymological entry is cited with minor (if the author is not suggesting a new etymology) changes; or it could be translated into a different language if the languages of article and dictionary do not coincide.

Hofirková’s article is not aimed at etymologizing Finnish lexemes, and, since Hofirková is not a native speaker of English, she might think it safer to cite Aikio’s works almost without changes. We agree that Aikio’s claim here is reasonable, and it would be better to use quotation marks for all citations, but it has to do with formatting rather than the contents of the article.

Other claims by Aikio concern the contents of Hofirková’s article. Of course, analyzing them becomes a part of scientific discussion, and the members of the editorial board will not go into details, as they aren’t authors of the article in question. Each of these questions could start a full-scale scientific discussion. Still, we would like to give our short comments to certain points in Hofirková’s article, they seem meaningful to us and they played the key role in our decision to publish the article.

A. Aikio points out that L. Hofirková’s analysis of loans based only on phonetic characteristics is less comprehensive than the analysis conducted in Aikio’s dissertation and his previous research, where he relied on several criteria (phonetic, semantic, morphologic, representation in the dialects etc.) We find that all these criteria except the phonetics are important constituents of a thorough analysis of a loan corpus, but none of them can serve as a reliable marker of borrowed vs. original vocabulary. Let’s take a look at the criterion of representation in different Finnish dialects, which has received much attention in Aikio’s dissertation. In fact, representation of Saami loans in certain Finnish dialects is important for correct etymological analysis, but absence of a word in most dialects can not serve as a proof of borrowing, the word could be lost in several dialects in the process of language evolution.

It seems that the only reliable criterion in distinguishing original and borrowed lexica is the criterion of regular phonetic correspondences of a certain type between Finnish and Saami words.

Though it seems paradoxical, but in the more than 100 year history of research in the field of Saami loans in Finnish a full list of different phonetic correspondences present in the corpus wasn’t compiled. Aikio’s disserta-

tion doesn't give it as well. For the first time it was done in Hofirková's research, and this constitutes an undoubted value of the article. L. Hofirková doesn't claim that there were only three (two) periods of loan, but she shows that there were not less than two and gives full lists of words for both periods. Of course, Hofirková's article does not close the question of classifying Saami borrowings. It would be very interesting to trace morphological, semantic and dialectal characteristics for each loan stratum. We think that Hofirková's work could start a new cycle of research of Saami borrowings in Finnish, research in which not only individual words would be studied, but also grouping of words by different periods of loan would be attempted.

Aikio points out that phonetic analysis of borrowings, regardless of whether a phonetic correspondence exists for original Finnish vocabulary, is inconsequent.

As the first example of such inconsequence he cites Finn *Aaje* 'spring, boghole, hole with water in it' < Saa N *ājā* < PS **ājek* 'spring' [SSA, 1: 45; Aikio 2009: 53]. It demonstrates vowel correspondence Finn *aa* vs. Saami N *ā*, which, according to Aikio is not attested for original lexica. But this correspondence can be found among words, which are considered original by both [UEW] and [Sammallahti 1988]:

Finn *kaarne*, *karne* (gen. *kaarneen*, *karneen*) 'raven' vs. Saa N *gārânâs* -*ss-*, -*s-* 'raven, crow' [UEW: 228];

Finn *vaara* vs. Saami N *vārre* 'mountain' [Sammallahti 1988];

Finn *lama* 'Schwäche des Viehes vom Hunger; schwach in den Füßen, niedersinkend', *lamaa-* 'durch Hunger schwächen, entkräften, niederwerfen', *lamakka* 'geneigt, abschüssig' vs. Saami PS **lāmē* [YSS: 565] N *labme -ām-* 'weakness of birds in the moulting season' [UEW: 684].

The number of examples could be easily increased. Hofirková consistently presumes: regular are those correspondences which are attested in other etymologies from [UEW; Sammallahti 1988]. We know from Aikio's work that he doesn't always agree with the authors of [UEW], and argues that certain Finnish words which are considered original by [UEW] are in fact borrowings, in particular all words with combinations of liquids and with geminates. But we believe that Aikio hasn't yet presented a conclusive proof of his position. The more cautious looks Hofirková's position: in her classification based exclusively on phonetics she relies on explicitly stated position of Uralic Etymological Dictionary [UEW].

The last and, seemingly, most substantial argument of A. Aikio is his thesis about "etymological nativization". He thinks that regular phonetic correspondences between the words, which could be borrowings by other criteria, arise as a result of "etymological nativization", and cannot be used in establishing the origin of words.

It is clear that a convincing proof of this hypothesis would mean theoretical impossibility to classify borrowings on the basis of phonetics. But the only proof found in Aikio's works is substitution of certain sounds in toponyms, and it doesn't look too convincing. Since we don't know absolute chronology for the transition **i > ā* in Saami languages, there is a possibility that the borrowing of the toponyms in question took place before the transition.

In conclusion, we would like to thank A. Aikio for his interest in our publications. We hope that this note has underlined the importance of the new approach proposed by L. Hofirková and to outline the prospects of future research in the field of Saami borrowings in Finnish.

Abbreviations

Finn — Finnish	PU — Proto-Uralic	Saa N — North Saami
PS — Proto-Saami	Saa I — Inari Saami	Sk — Skolt Saami

Bibliography

- Aikio 2009 — Aikio A. The Saami Loanwords in Finnish and Karelian: Academic Dissertation // <http://cc.oulu.fi/~anaikio/slw.pdf>, 2009.
- YSS — Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 2001 (Suomalais-Ugrilainen Seura).
- Sammallahti 1988 — Sammallahti P. Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988. P. 478-554.
- SKES — Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1955—1978 (Suomalais-Ugrilainen Seura).
- SSA — Itkonen E., Kulonen U.-M. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1—3. Helsinki, 1992—1995 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus ja Suomalaisen Kirjallisuuden Seura).
- UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь в 2 томах. Улан-Удэ, 2006—2008. Двухязычный бурятско-русский словарь-двухтомник объемом в 60 тысяч слов

Новый словарь продолжает традиции, выработанные на основе предыдущих словарей монгольских языков, начиная с общеизвестных словарей [Голстунский 1893—95], [Kowalewski 1843—49], [Лувсандэндэв 1957], [Лувсандэндэв 1967—69], [Дамдинсурэн 1942], [Цэвэл 1966], [Дамба-Ринчинэ, Мупкин 1960], словарей калмыцкого языка [Муниев 1977], [Илишкин 1964], [Lessing 1960], [Ramstedt 1935] и др. Используются новый 4-томный «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС], словарь заимствованных слов монгольского языка О. Сухбатова [Сүхбаатар 1997], словарь «Буддизм» [Буддизм 1992], труды ИМБиТ СО РАН по буддологии, шаманизму, этнографии.

Особо следует сказать, что рецензируемый словарь — прежде всего дань светлой памяти К. М. Черемисова — ученого-интернационалиста, выпускника Восточного факультета Ленинградского университета, который больше десяти лет своей жизни посвятил написанию «Бурят-монгольско-русского словаря» [Черемисов 1951, 1973], оказавшего помощь не одному поколению филологов-монголоведов и продолжающего свою добрую службу и в наши дни.

В 1999 г. общественность Республики отметила столетие со дня рождения К. М. Черемисова (1899—1982). На расширенном заседании Ученого совета Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, посвященном его памяти, было принято решение о составлении нового «Бурятско-русского словаря» на основе словаря К. М. Черемисова. Работа над его созданием была поручена коллективу ученых под руководством проф. Л. Д. Шагдарова. Такова краткая предыстория рассматриваемого словаря (далее — Словарь).

От словаря [Черемисов 1973] (44 тыс. слов) новый «Бурятско-русский словарь» отличается тем, что в нем отражены изменения, произошедшие в бурятском языке в последние десятилетия. Так, например, автор чутко реагирует на активизацию употребления в речи ранее заимствованных слов и терминов, многие из которых «вернулись из небытия» в связи с возрождением интереса к традиционной культуре. К ним относятся религиозная терминология — шаманистская и ламаистская в виде тибетизмов, появившихся в период распространения буддизма в Монголии и затем в Забайкалье (*аграмба* ‘ученая степень ламы, присваиваемая после 17 лет пребывания в дацане’; *бинвад* ‘подаяние для духовных лиц’; *жиндагууд* ‘прихожане’; *ерэн юһэн тэнгэри* ‘девяносто девять тэнгриев — небожителей’; *жэлэй хаялга* ‘обряд жертвоприношения водкой, обязательный, по шаманским требованиям, раз в год’); названия, связанные со старыми обрядами, обычаями, увеселениями (*үбсүүнэй дүхэриг* ‘свадебный обряд угощения бараньей грудинкой’; *үмэдхэл үмэдхүүлхэ* ‘свадебный обычай дарить сватам нарядную одежду’); названия старых видов одежды, обуви, их частей и принадлежностей (*хурбэдхэ дэгэл* ‘пальто с подкладом из овчины с 1—2-сантиметровой шерстью’, *оодон дэгэл* ‘полушубок’); названия различных кушаний, напитков, предметов домашней утвари, украшений и т. д. (*түрүү мяхан* ‘мясо для почетных гостей’, *дамбар* ‘блюдо из тушки тарбагана’, *харбаалжа* ‘бусы из янтаря, лазурита, малахита, яшмы на женском головном украшении’); названия старых видов жилья, построек и их частей (*худагай гэр* ‘водокачка’, *гэрэй ханадал сонхо* ‘решетчатое окно’).

С другой стороны, в Словарь включены слова, связанные с достижениями научно-технического прогресса, представленные в [Черемисов 1973] в очень незначительном количестве. Это такие, например, термины, как *баллистика* ‘баллистика’, *бальзамировани* ‘бальзамирование’, *батискаф* ‘батискаф’, *Интернет*, *информационно-бэдэрэлгын системэ* ‘информационно-поисковая система’, *файл*, *модем*, *дискетэ* ‘дискета’, *сайт* и др. Новый Словарь отражает возросший интерес к политике, обусловивший широкое употребление ранее существовавшей, но специальной заимствованной лексики: *парламент*, *дүүмэ* ‘дума’ (это слово в [Черемисов 1973] дано с пометой «историзм»); *субсиди* ‘субсидия’, *инвестици* ‘инвестиция’, *ипотекэ* ‘ипотека’, *кредит*, *проект*, *грант*. Эти заимствования снабжены толковательными переводами, и это представляется очень нужным и важным новшеством: заимствованная лексика, связанная с Интернетом, новыми информационными технологиями, представляет собой такой словесный шквал, что требует немалого периода освоения (впрочем, как и многие их денотаты), прежде чем их «переварит» взаимодействие узуса и системы языка.

В Словаре можно найти как заимствования без оформления (*дирижабль, дисбаланс*), так и калькированные (частично или полностью) заимствования (*бүхэроссиин* ‘всероссийский’, *бүхэарадай эдлэл* ‘общенародное достояние’, *банкын* ‘банковский’, *баримта мэдээнүүдэй банк* ‘банк данных’).

Автор обновленного Словаря стремится учитывать реалии своего, отличного от 50—70-х годов прошлого столетия, времени. Он отмечает, что в разговорной речи бурят употребляются заимствованные слова даже в тех случаях, когда имеются адекватные соответствия в бурятском языке: «В разговорном языке скорее скажут *ехэ терпенигүй* (а не *тэсэбэригүй*) ‘очень нетерпеливый’..., *залог үгэхэ* вместо *барянда үгэхэ* ‘заложить что-л.’... Редколлегия словаря сознательно пошла на то, чтобы в затруднительных случаях заглавными сделать заимствованные слова и тут же привести их литературные эквиваленты на бурятском языке. Например: *залог 1. (баряан, барисаан* ‘залог’)...». Такое лексикографическое решение автора представляется оправданным. Практика показывает, что многие носители языка действительно часто не знают, как то или иное понятие выражается на бурятском языке.

Структура словаря Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова включает в себя, помимо корпуса, предваряющий текст в виде предисловия, правила пользования и список сокращений. Порядок расположения лемм в словаре — алфавитный (прямой).

Обобщенная схема словарной статьи выглядит следующим образом: заглавное слово, помета (стилистическая, грамматическая и/или иная, если имеется), перевод на русский язык, иллюстративный материал, фразеологизмы с заглавным словом. В отличие от предыдущего словаря К. М. Черемисова, после заглавного слова чаще всего стоит пояснение. Оно касается либо семантики рассматриваемого слова, либо носит грамматический характер, указывая на возможность образования сложносоставных слов с участием этого заглавного слова. Пояснение заключено в круглые скобки. Например: «**МОХОО** (*энэ үгын хабаадалгатайгаар бүридэмэл тэмдэгэй нэрэ ба глаголнууд биш болодог, жэшээн: мохоо болохо, мохоо шанар, мохоо молхи*) — тупой (*с участием этого слова могут быть образованы составные (парные) существительные и глаголы, например: становиться тупым; тупость; тупой, непонятливый*)».

Заглавное слово, набранное полужирным шрифтом, дается «внеконтекстной» формой слова: именительным падежом ед. ч. (за исключением слов *pluralia tantum*, заимствованных слов типа *инкэнүүд* ‘инки’ — им. п. мн. ч.); глаголом в форме причастия будущего времени. Отдельными словарными статьями даны супплетивные формы личных местоимений, компоненты заимствованных сложных слов (см., например, *вibro...*), грамматикализованные слова-морфемы, ареально ограниченные слова, снабженные ссылкой на литературное слово.

В некоторых случаях нерегулярного образования словоизменительных форм (например, множественного числа у существительных), они выписываются в словарной статье, например: «*бурха(н), мн. бурхад, бурхадууд, бурхангууд* ‘божество’». В этом новый словарь идет вслед за монголистической традицией. Однако эта традиция не предусматривает того факта, что в монгольских языках для абсолютного большинства существительных способ образования множественного числа является словарной по существу информацией; на практике же в словари попадают только наиболее экзотические случаи отхода от правил, указываемых в грамматиках. Рецензируемый словарь не является исключением, так что решение этой проблемы у бурятской лексикографии впереди.

Словоизменительные формы заглавного слова сосредоточены в пределах одной вокабулы, тогда как словообразовательные пишутся с новой строки и представляют собой отдельную статью. Исключение составляют залоговые формы с пометами *страд.*, *взаимн.*, *побуд.*, *возвр.* и формы с пометами *множ.*, *учащат.*, *интенс.* и др. (их в монголоведной грамматической литературе обычно называют видовыми формами), которые традиционно считаются в грамматиках бурятского языка словоизменительными, но в рецензируемом словаре помещены в отдельные словарные статьи. Продолжая традицию предшествующего словаря К. М. Черемисова, эти формы своим особым положением в Словаре выражают смешанный, лексико-грамматический характер категорий залога и способов действия, которые ими представлены.

Послелого даются с указанием их служебной части речи, к каждому послелогу подобраны соответствия из русского языка и иллюстративный материал. Например: «*дэргэдэ послелог*; при, возле, около, у, к; *гэрэй дэргэдэ байха* находится около своего дома». Известно, что послелого в своем большинстве закреплены за определенными падежами, но тем не менее не исключается возможность и допустимость употребления их с нулевой и ненулевой формой имени. К сожалению, Словарь не указывает на такие случаи и не отражает их.

Частицы всех разрядов даны с грамматическими и семантическими характеристиками и проиллюстрированы случаями употребления. Например:

аа частица 1) *усилит.*, употребляется с именами и повел. накл. при обращении; **нүхэд аа!** хүүхэн аа! дочка! 2) *после предложений, требующих ответа, подтверждения и т. д. для выражения побуждения к*

ответу или к действиям ну скажи! говори! отвечай! **Ойн харуулшан болгоходомни яхахбши, аа?** Что, если я тебя поставлю лесным сторожем, а? **Хаана ошоно гээшэбши, аа?** Эдэгээшье хэхэгүй! Где ты пропадешь? Даже пищу себе не готовишь!

Надо заметить, что в новом Словаре, так же, как и в словаре К. М. Черемисова, практически полностью отсутствует синтаксическая словарная информация, ее можно получить только из примеров. Особенно это касается глаголов и послелогов. В Словаре отсутствует информация о моделях управления глагола; между тем, для бурятского языка, так же как для многих других, она совершенно неоднозначно вычитывается из семантической информации о ситуации и ее участниках. Возьмем, например, глагол *худалдаха* (т. 2, с. 462). Тот, кто продал, конечно, выражен именительным падежом. А остальные участники ситуации? В каком падеже то, что продали, тот, кому продали, и то, почему продали? Можно только догадываться, что ‘мясо’ в вин., точнее, «в нулевом», а покупатель в дательном. А вот почём — это уж и не представить. Еще хуже обстоит с глаголом *абаха*. Кто взял, что взял — понятно, а как сказать, у кого взял, так и не узнаешь. Пока же ни в каких монгольских и тюркских словарях не дают модель управления; это также одна из будущих задач тюркской и монгольской лексикографии.

Переносные значения заглавных слов представлены в одной вокабуле с прямыми значениями, приводятся после прямых значений с пометой *перен.* В связи с переносными значениями хотелось бы заметить, что в словарях (в переводных — особенно) желательно полнее отражать сегодняшнюю активизацию употребления переносного значения. Например, как говорится, ‘на глазах’ существительное *нюур* ‘лицо’ получило расширение своего лексического значения за счет образования нового понятия (путем сочетания с заимствованными прилагательными): *физическа нюур* ‘физическое лицо’, *юридическа нюур* ‘юридическое лицо’.

В ряде случаев автор Словаря вынужден был принимать решения по сложным проблемам теоретической грамматики монгольских языков, что привело к соответствию грамматической части Словаря новым монголоведческим разработкам последних десятилетий.

Так, слова типа *модон* ‘дерево’, *түмэр* ‘железо’, *шулун* ‘камень’, которые, не изменяя своей формы, могут выступать и как существительные, и как прилагательные, хотя и представлены, по сложившейся ранее традиции, в одной словарной статье, но при этом существительные и прилагательные отделены друг от друга выделенными черным шрифтом арабскими цифрами. Например:

модо(н) 1 1) дерево; лес...; **ой модон** лес; **уляһа модон** осины...; 2) лес (материал) древесина; **бү-хэлхэ модон** крепезный лес...; 3) бревно, палка, деревяшка; **модо тулаха** опираться на палку...; **2** 1) деревянный, дощатый, палочный; **модон гохо** деревянный крючок...; **᠘ модон хонхо** пустозвон... (с. 553—554)

Как видим, в том случае, если омонимичная форма *модон* ‘дерево’ отвечает на вопрос *ямар?* ‘какой?’, автор справедливо трактует ее как относительное прилагательное (в противоположность остальным случаям, когда следует задавать вопрос *юунэй?* ‘чего?’)

Относительные прилагательные, омонимичные формам существительных родительного падежа (*модонной сабуун* ‘столярный клей’, *шэлэй завод* ‘стекольный завод’), выделены в отдельную статью и снабжены пометой *прил.* В конце словарной статьи для сравнения может быть приведена омонимичная форма существительного с пояснением *род. п. суц.*, которое сигнализирует о необходимости различения *относительных прилагательных* и *существительных* путем постановки вопроса *ямар?* ‘какой?’ в первом случае и *юунэй?* ‘чего?’ — во втором. Например:

модонной прил. древесный, лесной; **модонной холтоһон** древесная кора, **модонной дабирхай** древесный деготь...; **модонной род. п. суц. долон** 1) заболонь, луб древесины; 2) сок дерева (с. 554).

Обращает внимание, что в толковании примера *модонной долон* автор Словаря допускает явную неопределенность: здесь, как и в предыдущих примерах, *модонной* является относительным прилагательным, а не существительным в род. п. Такая трактовка объясняется чисто переводческим подходом.

Так же обстоит дело с суффиксом прилагательного *-тай*, омонимичным окончанию формы совместного падежа имен существительных. Формы прилагательного на *-тай* (*сухалтай хүн* ‘сердитый человек’, *аргагүй зүрхэтэй хүн* ‘очень смелый человек’) представлены отдельной вокабулой (вероятно, в силу того, что эти продуктивные образования в основной своей массе фразеологизировались и оторвались от исходного значения): «**мяхатай** 1) мясной; 2) полный, тучный, дородный; 3) выносливый...» (в данном случае необходимость отдельной вокабулы диктуется еще и наличием фразеологизированного значения ‘выносливый’).

Отдельно друг от друга, каждый на своем месте, представлены и все остальные омонимы; лексические омонимы нумеруются римскими цифрами.

Заслуженой автором является и то, что он вносит ясность в решение вопроса о сложносоставных образованиях типа *шулуун нүүрхэн* 'каменный уголь', *түмэр зам* 'железная дорога'. Когда эти сочетания представляют собой семантическое и синтаксическое единство, обозначают одно понятие, они трактуются как сложносоставные существительные, снабжаются пометой *сост.*, и эта точка зрения представляется аргументированной. Подобные сочетания образуются от свободных словосочетаний, лексикализовавшихся в результате длительного употребления в качестве обозначения одного денотата. Во многих словосочетаниях наблюдается грамматикализация: последний компонент словосочетания теряет свое вещественное значение и выступает в роли аффикса. На русский язык переводится лишь предыдущая часть — носитель лексического значения: словосочетания *албан хойрог ябадал* адекватно переведено автором как 'бюрократизм' (*ябадал* отдельно обозначает 'ход, походка'), *гэмтэ ябадал* — 'преступление', *дайшалхы шанар* — 'воинственность'.

В Словаре приведены убедительные случаи типа *модо бэлэдхэл* 'лесозаготовка', *нохойн хоншоор* 'шиповник', *морин сэрэг* 'кавалерия' и др.

Конечно, логично было бы перечисленные и др. подобные им сложносоставные слова репрезентировать в виде самостоятельных реестровых слов. В словаре [Черемисов 1973] *шулуун нүүрхэн* 'каменный уголь' дается дважды: к слову *шулуун* 'камень' и к слову *нүүрхэн* 'уголь'. В случае выделения данного сложносоставного слова в самостоятельное словарное гнездо такое повторение удалось бы устранить. Но в новом Словаре старый порядок сохранен во избежание существенного нарушения апробированной структуры словаря: составные слова не представлены отдельной вокабулой, а даются в гнезде родового слова иногда со специальным пояснением, а иногда, если статья перегружена, за двумя параллельными черточками, но всегда с пометой *сост.*

При многозначном заглавном слове разные значения леммы отмечены полужирной арабской цифрой с точкой. Семантизация дана сразу за цифрой, отграничивающей значение, набрана курсивом и заключена в скобки (исключение составляют отраслевые пометы: они обычно пишутся без скобок).

Как любой серьезный двуязычный словарь, Словарь включает в себя большое количество свободных словосочетаний, которые введены и как примеры употребления слова (оттенков слова), и как единицы, не переводимые поэлементно. В грамматической зоне Словаря также основной упор сделан на синтагматическую характеристику заглавного слова. В глагольных словосочетаниях зачастую даются отдельные варианты управления глагола, что крайне важно, особенно для пользователей, обучающихся бурятскому языку, и с этой точки зрения, как нам представляется, в переводных словарях очень желательно, памятуя об организующей роли глагола в предложении, а, значит, о принципиальном характере этого вопроса, давать модель управления глагола: «**абарха** избавлять, спасать, выручать, вызволять, выгораживать; покровительствовать; **аминь абарха** спасти чью-л. жизнь; и далее: юунһаа абарха? 'от чего спасти?' юугаар абарха? 'чем спасти?'" и т. д.

Лексические значения заглавного слова располагаются «в порядке убывающей употребительности, последними даются служебно-синтаксические функции слова» (с. 7). Иллюстрацией к данному положению может служить, например, статья к глаголу *абаха* 'брать', содержащая 23 значения данного глагола.

Словарь дает пояснения к словам, описывающим культурные реалии, что, как известно, очень важно для двуязычной лексикографии. Составитель стремится сообщить читателю знания о культуре бурятского народа, собственно страноведческие знания по истории, географии, этнографии, искусстве, литературе, фольклору, религии своего языкового коллектива, отраженную в культурно-коннотированной лексике: *гахай саг* 'час свиный' (10—12 часов ночи), *зүүн хаанууд* 'духи восточных гор', *жэнсэ зүүхэ устар.* 'носить шарик на шапке' (знак чиновничьего звания) и др. Особенно, как видим, это касается безэквивалентной лексики, когда толкование — единственный способ перевода в виду отсутствия соответствий в русском языке. Поэтому рецензируемый Словарь вполне можно назвать переводно-толковым.

В Словаре получили отражение (по традиции за значком-ромбиком в конце статьи) фразеологические единицы бурятского языка (их немного, но и в «больших» языках широкоупотребительных фразеологизмов насчитывается всего несколько сотен); имена собственные: названия наиболее известных божеств, имена выдающихся монгольских и бурятских деятелей вместе с кратким описанием. Все это делает Словарь интересным и полезным не только для специалистов, но и для широкого круга пользователей.

Таким образом, новый Словарь, плод кропотливой работы двух ученых-монголоведов, создан. Вместо того, чтобы «почивать на лаврах» Л. Д. Шагдаров пишет: «Многие слова и обороты... не удалось охватить и на этот раз» (с. 7). И в этом высказывании — творческое кредо Л. Д. Шагдарова, человека удивительной скромности, взявшего на себя, с одной стороны, огромную ответственность за написание Словаря и с честью эту задачу выполнившего, и — человека, недовольного собой, — с другой стороны.

Нельзя объять необъятное. Подготовка рукописи к изданию, редактирование, набор, чтение корректуры существенно задерживают издание, а жизнь в наше нестабильное время практически ежедневно порождает новые лексемы. Неизбежно запаздывают даже словари новых слов.

Воздадим должное Автору, личным качествам талантливого бурятского ученого, лексикографа, прекрасно владеющего обоими языками своего словаря, отличающегося высокой научной эрудицией, требовательностью к себе, самокритичностью и добросовестностью.

Сокращения

высок. — высокий стиль	многокр. от... — многократная форма от...
гл. сост. — глагол составной	побудит. от... — побудительная форма от...
им. п. — именительный падеж	прил. сост. — прилагательное составное
интенс. от... — интенсивная форма от...	разг. — разговорный стиль
книжн. — книжный стиль	сущ. сост. — существительное составное
ласкат. — ласкательная форма	уменьш. — уменьшительная форма
мн. ч. — множественное число	

Литература

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах. / Ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндэмба Ц. М. 2001—2002. {BAMRS — Bol'soi akademičeskii mongol'sko-russkii slovar'. V 4 tomaĥ. / Red. Luvsandendev A., Pjurbejev G. C., Čedendamba C. M. 2001—2002.}
- Буддизм 1992 — Буддизм: Словарь / Ред. Жуковская Н. Л., Игнатович А. Н., Корнев В. И. М., 1992. {Buddizm 1992 — Buddizm: Slovar' / Red. Žukovskaja N. L., Ignatovič A. N., Kornev V. I. M., 1992.}
- Голстунский 1893—95 — Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1—3. СПб., 1893—95: литогр. переизд. Л., 1938. {Golstunskii 1893—95 — Golstunskii K. F. Mongol'sko-russkii slovar'. T. 1—3. SPb., 1893—95: litogr. pereizd. L., 1938.}
- Дамба-Ринчинэ, Мупкин 1960 — Русско-монгольский словарь / Сост. Дамба-Ринчинэ А. Р., Мупкин Г. С. М., 1960. {Damba-Rinčinę, Mupkin 1960 — Russko-mongol'skii slovar' / Sost. Damba-Rinčinę A. R., Mupkin G. S. M., 1960.}
- Дамдинсүрэн 1942 — Русско-монгольский словарь. / Ред. Дамдинсүрэн Ц., Лувсанвандан Ш. Улан-Батор, 1942. {Damdinsuren 1942 — Russko-mongol'skii slovar'. / Red. Damdinsuren C., Luvsanvandan Š. Ulan-Bator, 1942.}
- Илишкин 1964 — Русско-калмыцкий словарь. / Ред. Илишкин И. К. М., 1964. {Iliškin 1964 — Russko-kalmyckii slovar'. / Red. Iliškin I. K. M., 1964.}
- Лувсандэндэв 1957 — Монгольско-русский словарь / Ред. Лувсандэндэв А. М., 1957. {Luvsandendev 1957 — Mongol'sko-russkii slovar' / Red. Luvsandendev A. M., 1957.}
- Лувсандэндэв 1967—69 — Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. Т. 1—3. Улаанбаатар, 1967—1969. {Luvsandendev 1967—69 — Luvsandendev A. Oros-mongol tol'. T. 1—3. Ulaanbaatar, 1967—1969.}
- Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь / Ред. Муниев Б. М., 1977. {Munijev 1977 — Kalmycko-russkii slovar' / Red. Munijev B. M., 1977.}
- Сүхбаатар 1997 — Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. Улаанбаатар, 1997. {Sühbaatar 1997 — Sühbaatar O. Mongol hēlnii ĥar' ūgijn tol'. Ulaanbaatar, 1997.}
- Черемисов 1951 — Бурятско-монгольско-русский словарь / Сост. Черемисов К. М. М., 1951. {Čeremisov 1951 — Burjatsko-mongol'sko-russkii slovar' / Sost. Čeremisov K. M. M., 1951.}
- Черемисов 1973 — Бурятско-монгольско-русский словарь / Сост. Черемисов К. М. М., 1973. {Čeremisov 1973 — Burjatsko-mongol'sko-russkii slovar' / Sost. Čeremisov K. M. M., 1973.}
- Цэвэл 1966 — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. {Čevēl 1966 — Čevēl Ja. Mongol hēlnii tovč tajlbar tol'. Ulaanbaatar, 1966.}

Вечно живущие пословицы и поговорки

Рецензия на книгу: *М. Х. Ахтямов. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. Өфө, 2008. 776 б. (М. Х. Ахтямов. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа, 2008. 776 с.)*

Пословицы и поговорки, как известно, являются не только языковым, но и бесценным духовным наследием народа. Передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, они формировались столетиями. Основным источником появления пословиц и поговорок является сам народ, устное проявление его ума и творчества.

Отличаясь точностью, лаконичностью, выразительностью, а часто и рифмованной ритмичностью, пословицы и поговорки занимают особое место среди других жанров устного народного творчества. Они проникают во все сферы человеческой жизни, отражая образ жизни и духовные ценности народа, знакомят с различными историческими фактами, традициями и обычаями, особенностями культуры и вероисповедания, с их помощью человек находит ответы на самые различные вопросы своего бытия. Их формирование, генезис, историческое развитие складывались веками, именно поэтому идейно-эстетическое значение пословиц и поговорок столь велико.

Этот жанр народного творчества и сегодня находится в непрерывном развитии, именно поэтому столь важным является вопрос собирания, фиксации, систематизации и сохранения этих «бриллиантов народной мудрости». Для башкирского языка данную задачу, на наш взгляд, полностью и исчерпывающе выполнил «Словарь башкирских народных пословиц и поговорок», составленный доктором филологических наук, профессором Башкирского государственного университета Мухтаром Хуснулхаковичем Ахтямовым. Это первый в мировой лексикографической практике словарь такого рода. Этот фундаментальный труд включает в себя около тринадцати тысяч башкирских пословиц и поговорок, содержит 776 страниц энциклопедического формата и значительно отличается от традиционных сборников пословиц и поговорок. Безусловно, в башкирской лексикографии и раньше были предприняты попытки собрать и систематизировать пословицы и поговорки [БХИ 1980; Гарипов 1994; Ахтямов 2002; Сабитов 2006 и др.], однако в основу большинства традиционных сборников положена логико-тематическая система классификации. При прочих безусловных достоинствах этих работ, использованную в них систему, строго говоря, нельзя считать идеальной: она не устойчива, рубрики перекрывают друг друга, в связи с чем возникают трудности как в подаче материала для автора, так и в поиске нужной пословицы или поговорки для читателя.

Основным достоинством рецензируемой работы, на наш взгляд, является то, что словарь М. Х. Ахтямова базируется на принципиально иной системе классификации пословиц и поговорок: здесь использован гнездовой принцип построения. В его книге все слова, встречающиеся в пословицах и поговорках, расположены в алфавитном порядке и выделены жирным шрифтом. Каждое из этих слов образует гнездо, в котором содержатся все пословицы и поговорки, имеющиеся в башкирском языке с данным словом. Далее, пословицы и поговорки каждого гнезда, в свою очередь, распределены в алфавитном порядке по начальному слову. Гнездообразующее слово, независимо от своего месторасположения, в каждой пословице и поговорке выделено курсивом. В конце каждой пословицы и поговорки (цифрой в скобках) указан ее источник. Для наглядности приведем пример одной словарной статьи.

БЕСӘЙ ‘кошка’ (здесь и далее перевод с башкирского наш — З. Э.)

Бесәй юкта сыскан баш (80). ‘В отсутствии кошки хозяйка — мышь’

Бесәйзең өмөтө — сыскан (400). ‘Надежда кошки — мышь’

Йоко *бесәйгә* генә моң (62). ‘Сон для кошки только пригож’

Сысканға *бесәй* зә зур дошман (122). ‘Для мышки и кошка большой враг’

Сысканға үлем, *бесәйгә* (мәсегә) көлкө (308). ‘Мышке — смерть, а кошке — смех’

Сыскандың әжәле етһә, *бесәйзең* койроғон тешләр (122). ‘Перед смертью мышь кусает кошкин хвост’

Уның *бесәйе* лә куян тотта (288). ‘У него и кошка зайцев ловит’

Хужа кунағын яратмаһа, *бесәйен* әрләй (243). ‘Если хозяину не нравится гость, он ругает кошку’

Эт менән *бесәй* дуҫ булмаҫ (123). ‘Собака с кошкой друзьями не бывают’

Эт менэн эт булгансы, *бесэй* менэн козағый бул (314). ‘Чем воевать с собакой, лучше быть в дружбе с кошкой’

Эттең тынынан, *бесэйзең* йөнөнән һаклан (396). ‘Остерегайся собачьего дыхания и кошачьей шерсти’ [Ахтямов 2008; 126]

Такой принцип построения словаря позволяет пользователю быстро найти нужную пословицу или поговорку с данным словом, узнать ее источник, а также получить информацию обо всех остальных пословицах и поговорках, в которых это слово используется. Следует отметить, что гнездовой принцип построения словаря пословиц и поговорок применен в мировой лексикографической практике впервые, что является безусловным достоинством этого капитального труда и личной заслугой его автора.

В словаре представлены 5926 словарных статей и около 60 тысяч употреблений слов, причем гнездообразующие слова-омонимы выделены отдельными словарными статьями, что также значительно упрощает поиск необходимого материала, например:

БАҢЫУ 1 ‘поле’

Баҗуға бармай, базарзан калмай (227). ‘В поле не выходит, а базар не пропускает’

Баҗуза балык булмаҗ (377). ‘Не ищи в поле рыбу’

Урыр инем урақты, *баҗуығыззың* көйө юк (77). ‘Вышел бы с серпом, да поле непригодно’

Ярлының баҗуын *бакра* баҗыр (110). ‘Поле бедняка одолевает куколь’

БАҢЫУ 2 ‘затоплять, заливать; наступать, завоевывать’

Бөтә донъяны һыу *баҗузан* өйрәккә ни кайғы (Д., 56). ‘Какое утке горе от того, что весь мир водой затопило’

Ил һаклау — зурлык, ил *баҗу* — хурлык (119). ‘Защищать страну — гордость, нападать — позор’

БАҢЫУ 3 ‘походка’

Дәртле кешенең аяк *баҗуы* башка (130). ‘У пылкого человека и походка другая’ [Ахтямов 2008; 99]

К словарю прилагаются статистические таблицы, из которых можно узнать о том, сколько пословиц и поговорок с каждым словом имеется в башкирском языке, частотность употребления каждого конкретного слова, причем слова в таблицах приведены как в алфавитном порядке, так и в порядке убывания по частоте их употребления. Кроме того, все используемые в башкирских пословицах и поговорках слова сгруппированы в приложениях по частям речи, что так же значительно упрощает поиск нужного слова. Статистическая информация, приведенная в словаре, может послужить богатой основой для очень интересных языковедческих и культурологических исследований в дальнейшем. Так, например, со словом *абышка* ‘муж по отношению к жене во втором браке’ в словаре зафиксирована всего одна пословица, из чего вполне можно сделать вывод о том, что, по всей видимости, повторные браки не были распространенным явлением у башкир. В то же время слово *ат* ‘лошадь’ встречается в башкирских пословицах и поговорках 615 раз, что, безусловно, является подтверждением того, какое огромное значение имело разведение этого животного для жизни и быта башкирского этноса. Оказывается, что самым употребляемым в башкирских пословицах и поговорках словом является *булыу* ‘бывать, находиться, быть’ — оно встречается 2059 раз.

Профессор М. Х. Ахтямов большую часть своей профессиональной деятельности посвятил исследованию лексического богатства башкирского языка и достиг в этой области грандиозных высот: он является автором более ста научных трудов по лексикологии, около тридцати из них — это монографии. Среди своих коллег и учеников Мухтар Хуснулхакович носит негласное и в полной мере заслуженное имя «мастер словарей»: его перу принадлежат «Башкирско-русский словарь омонимов» [Ахтямов 1966], «Словарь антонимов башкирского языка» [Ахтямов 1973; 1987], «Словарь морфем башкирского языка» [Ахтямов 1982], «Словарь математических терминов» [Ахтямов 1982], «Толковый словарь омонимов башкирского языка» [Ахтямов 1986], «Грамматический словарь башкирского языка» [Ахтямов 1994], «Обратный словарь башкирского языка» [Ахтямов, 1999], «Народные приметы: Словарь» [Ахтямов 2002]. В данное время ученый работает над созданием подобных словарей для татарского языка, один из которых уже вышел в свет — «Обратный словарь татарского языка» [Ахтямов 1999]. Кроме того, М. Х. Ахтямов является одним из соавторов двухтомного толкового «Словаря башкирского языка» [БТһ 1993].

Столь богатый лексикографический опыт, умноженный на глубочайшее знание родного языка, любовь к традициям и творчеству башкирского народа, а также многолетний, кропотливый труд позволили Мухтару Хуснулхаковичу Ахтямову воплотить в жизнь свой великолепный «Словарь пословиц и поговорок башкирского народа». Он представляет безусловный научный интерес не только для филологов и фольклористов, но и для очень широкого круга специалистов и читателей, интересующихся духовным

наследием башкирского народа. По совершенно справедливому выражению самого автора, «пословицы и поговорки — это энциклопедия недостатков и хороших качеств человека».

Резюмируя сказанное, можно отметить, что собранный в данном словаре материал является хорошо продуманной, логически обоснованной и строго выдержанной системой, а лингвистический подход в подаче материала и гнездовой принцип построения словаря позволяют отнести его к числу фундаментальных лексикографических трудов.

Литература и сокращения

- Ахтямов 1966 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт теленең омонимдар һүҙлеге. Өфө, 1966. {Аһтјамов 1966 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт теленең омонимдар һүдлеге. Өфө, 1966.}
- Ахтямов 1973 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт теленең антонимдар һүҙлеге. Өфө, 1973. {Аһтјамов 1973 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт теленең антонимдар һүдлеге. Өфө, 1973.}
- Ахтямов 1982 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт теленең морфемалар һүҙлеге. Өфө, 1982. {Аһтјамов 1982 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт теленең морфемалар һүдлеге. Өфө, 1982.}
- Ахтямов 1982 — *Әхтәмов М. Х.* Математика терминдары һүҙлеге. Өфө, 1982. {Аһтјамов 1982 — *Äһтәмов М. Н.* Matematika terminдары һүдлеге. Өфө, 1982.}
- Ахтямов 1986 — *Әхтәмов М. Х.* Омонимдар һүҙлеге. Өфө, 1986. {Аһтјамов 1986 — *Äһтәмов М. Н.* Oмонимдар һүдлеге. Өфө, 1986.}
- Ахтямов 1987 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт теленең антонимдар һүҙлеге. Өфө, 1987. {Аһтјамов 1987 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт теленең антонимдар һүдлеге. Өфө, 1987.}
- Ахтямов 1994 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт теленең грамматика һүҙлеге. Өфө, 1994. {Аһтјамов 1994 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт теленең грамматика һүдлеге. Өфө, 1994.}
- Ахтямов 1999 — *Ахтямов М. Х.* Обратный словарь башкирского языка. Уфа, 1999. {Аһтјамов 1999 — *Аһтјамов М. Н.* Obratnyı slovar' baškirskogo jazyka. Ufa, 1999.}
- Ахтямов 1999 — *Ахтямов М. Х.* Обратный словарь татарского языка. Уфа, 1999. {Аһтјамов 1999 — *Аһтјамов М. Н.* Obratnyı slovar' tatarskogo jazyka. Ufa, 1999.}
- Ахтямов 2002 — *Әхтәмов М. Х.* Әсә. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр: Һүҙлек. Өфө, 2002. {Аһтјамов 2002 — *Äһтәмов М. Н.* Äsä. Mäqäldär һәм әјtemdär: Һүдlek. Өфө, 2002.}
- Ахтямов 2002 — *Әхтәмов М. Х.* Һанамыштар: Һүҙлек. Өфө, 2002. {Аһтјамов 2002 — *Äһтәмов М. Н.* Һанамыштар: Һүдlek. Өфө, 2002.}
- Ахтямов 2008 — *Әхтәмов М. Х.* Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге. Өфө, 2008. {Аһтјамов 2008 — *Äһтәмов М. Н.* Ваҫқорт һалық мәқәлдәре һәм әјtemдәре һүдлеге. Өфө, 2008.}
- БТҢ 1993 — Башкорт теленең һүҙлеге. М., 1993. {ВТН 1993 — Ваҫқорт теленең һүдлеге. М., 1993.}
- БХИ 1980 — Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө, 1980. {БҢИ 1980 — Ваҫқорт һалық ижady. Мәқәлдәр һәм әјtemdär. Өфө, 1980.}
- Гарипов 1994 — *Ғарипов И.* Башкортса-русса мәкәлдәр һәм әйтемдәр һүҙлеге. М., 1994. {Garipov 1994 — *Garipov I.* Ваҫқортса-русса мәқәлдәр һәм әјtemdär һүдлеге. М., 1994.}
- Сабитов 2006 — *Сабитов Ф. Ф.* Ғәүһәр тиҫбе: Һанамыштар, әйтемдәр, афоризмдар. Өфө, 2006. {Sabitov 2006 — *Sabitov F. F.* Ғәүһәр тиҫбе: Һанамыштар, әјtemdär, aforizmdar. Өфө, 2006.}

К юбилею А. А. Дарбеевой

Доктору филологических наук, профессору, ведущему научному сотруднику отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН Дарбеевой Анне Ангадыковне исполнилось 90 лет.

К столь знаменательной юбилейной дате Анна Ангадыковна отнеслась, к огорчению многих друзей и родных, слишком спокойно, попросив их обойтись без суеты, которая представляется ей «совершенно излишней».

Так получилось, что, успешно и плодотворно проработав всю жизнь, Анна Ангадыковна привыкла сторониться публичного признания, избегать внешних эффектов и малейшего пафоса. И это не кокетство, а характер, в котором поздно что-либо менять.

Вот такой — с ясным умом, твёрдая и невозмутимая, предстала перед нами Анна Ангадыковна в свои 90 лет.

За её плечами — долгая, интересная и трудная жизнь.

Анна Ангадыковна Дарбеева родилась 15 февраля 1917 года в деревне Куйта Балаганского уезда Иркутской губернии (ныне Аларский район Иркутской области) в семье крестьянина.

В 1934 г. поступила в Агропединститут в г. Улан-Удэ на филологическое отделение. Годы студенчества, несмотря на тяготы своего времени, она вспоминает с большой теплотой. «Ректором агропединститута в то время были Татьяна Ефимовна Карпова и позже — Морхоз Петрович Хабаев, — вспоминает Анна Ангадыковна, — красивые, очень интеллигентные люди. В Бурятии была сложная кадровая ситуация. Национальных кадров не хватало, и многие дисциплины вели преподаватели из Москвы. На всю жизнь запомнились яркие, эмоциональные лекции Абрамова на подготовительном курсе, Чагина по теории литературы».

В студенческие годы формировался круг научных интересов Анны Ангадыковны, её художественные пристрастия, среди которых приоритетное место занимала поэзия Серебряного века. Студентке Ане Маркизовой, нестандартно мыслящему энтузиасту и спорщику, были близки мучительные этические искания Д. Мережковского, В. Брюсова, З. Гиппиус.

Тёплые отношения связывали Анну Ангадыковну с семьёй единственного на тот момент профессора филологического отделения В. Д. Кудрявцева. Анна Ангадыковна вспоминает, как не раз посещала эту гостеприимную семью. Профессор живо интересовался успехами Анны Ангадыковны, консультировал, давал советы, а хозяйка дома Зинаида Васильевна угощала пирогами. В пытливой и умной девушке они видели в перспективе крупного специалиста — будущую смену.

Независимый характер, оригинальный склад ума, юный задор Анны Ангадыковны привлекали к ней внимание преподавателей. В публичных выступлениях, творческих работах студентки угадывалось молодое дарование.

В 30-е годы на базе агропединститута образовались педагогический и сельскохозяйственный институты.

«Время было сложное, — вспоминает Анна Ангадыковна. — Старший брат Ардан Ангадыкович Маркизов был арестован как враг народа. Я сразу попала в список неблагонадёжных, а вслед за этим случилось то, чего я втайне очень боялась: был поставлен вопрос о целесообразности моего обучения в институте». Но на защиту способной студентки встала семья Кудрявцевых. Василий Дмитриевич горячо вступился за свою ученицу, заявив, что не допустит её исключения. «Почему влияние одного человека — брата — должно быть сильнее влияния целого коллектива института?» — говорил Кудрявцев на заседании учёного совета. Анну Ангадыковну оставили в институте.

В 1940 году Анна Ангадыковна окончила вуз с красным дипломом. По случаю его получения выпускнице вручили памятный подарок — наручные часы (которые оказались мужскими и тут же великодушно были передарены кому-то из сокурсников).

Ярлык врага народа всплывал не раз и впоследствии. Анна Ангадыковна вспоминает, как в военные годы непродолжительное время работала в Улан-Удэ, в Наркомпросе, и как нашлись люди, припомнившие, чья она сестра... «В отчаянии я пошла к секретарю обкома партии Семёну Денисовичу Игнатьеву, — рассказывает Анна Ангадыковна, — и напрямую поставила вопрос: Где я могу работать, где — нет, чтоб меня не травмировали формулировкой “враг народа”?» И услышала в ответ: “Вы можете работать везде”» (Позже Семён Денисович Игнатьев перейдёт работать в ЦК; руководя уже пятью республи-

ками, он предложит Анне Ангадыковне должность на государственной службе в Улан-Удэ: «Такие люди нужны Бурятии». Но, памятуя звание «врага народа», Анна Ангадыковна ответит отказом).

Слова Семёна Денисовича подбодрили девушку. Она с присущей ей самоотдачей вновь принялась за работу. Скоро добросовестность и организаторские способности Анны Ангадыковны были замечены: сестре репрессированного было предложено вступить в ряды Коммунистической партии.

Тем временем в январе 1942 года вернулся с фронта муж Анны Ангадыковны Сергей Ильич Дарбеев. Очень занятый на работе, Сергей Ильич отправил одного из своих подчинённых с поручением помочь Анне Ангадыковне прибыть в Москву. И снова выручил Игнатъев: «Раз за Маркизовой приехали, значит, она того стоит. Её надо отпустить».

В Москве Анну Ангадыковну ожидала новая жизнь и, конечно, новые испытания. Она устроилась работать учителем русского языка и литературы в 540-й средней школе (1939—1941). Пришедшей в середине года учительнице передали трудный 10 класс, который она, благодаря упорному труду, достойно выпустила. Но вскоре директор школы крайне удивил молодую учительницу, сказав, что вместо «было» она говорит «було», а это значит, что у неё «есть акцент». Привыкшая принимать вызов, Анна Ангадыковна заявила, что это вымысел: такого чередования нет ни в одном диалекте русского языка — и отправилась в райОНО искать правды. Так состоялось её знакомство с заведующей райОНО Т. А. Корявкиной, которая впоследствии, став заместителем председателя Москворецкого РИКа и помня «бойцовский» характер Анны Ангадыковны, пригласила её на работу старшим инспектором гособеспечения семей военнослужащих. Анна Ангадыковна назначала пенсии, «выбивала» материальную помощь семьям военнослужащих.

Но стремление профессионально заниматься любимым делом — филологией — не оставляло её, и в 1947 году Анна Ангадыковна поступает в аспирантуру Института языкознания. В то время он назывался Институтом языка и мышления им. академика Марра АН СССР, и конечно, его не миновали драматические обстоятельства того времени. После образования Института языкознания директором стал В. В. Виноградов, сильно пострадавший ранее по сфабрикованному, как теперь известно, «делу славистов». Было трудно работать в атмосфере идеологической зашоренности, когда единственно правильным считалось «новое учение о языке», а сравнительно-историческое языкознание не поощрялось. Анне Ангадыковне посчастливилось работать в Институте языкознания с учёными, которые в трудные годы сохраняли верность своим моральным и научным убеждениям, являя собой пример глубокой человеческой и научной порядочности. Её коллегами были Э. Р. Тенишев, А. А. Уфимцева, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, Ю. С. Степанов, Б. А. Швейцер, венгерский академик Л. Лигети и др.

С момента поступления в аспирантуру жизнь Анны Ангадыковны навсегда была связана с Институтом языкознания.

Диссертация на тему «Определение в бурят-монгольском языке» [Дарбеева 1953] была подготовлена под руководством проф. Г. Д. Санжеева и успешно защищена 4 мая 1953 года. Перед Анной Ангадыковной встал вопрос о трудоустройстве. Г. Д. Санжеев и Ц. Б. Цыдендамбаев обратились в ЦК партии с ходатайством об открытии в Институте языкознания группы монгольских языков. Кроме Анны Ангадыковны в группу вошёл Т. А. Бертагаев, который работал в то время в МГПИ им. Н. К. Крупской. Многолетняя дружба связывала Анну Ангадыковну с семьёй Ц. Б. Цыдендамбаева. Когда семье друга негде было жить, Сергей Ильич и Анна Ангадыковна предоставили Цыдендамбаевым комнату в своей квартире. Анна Ангадыковна очень уважительно относилась к коллеге и земляку как к талантливому филологу, прошедшему Великую Отечественную войну, пережившему гангрену ноги и оставшемуся незлобивым, хорошим человеком. «Не понимаю, — не раз говорила Анна Ангадыковна, — почему не воздают должное Цыдендамбаеву, когда говорят о бурятско-русском словаре Черемисова. В течение двух лет я ежедневно видела, как много работал он в качестве редактора словаря».

В 1985 г. Анна Ангадыковна успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Проблема контактов монгольских языков с иноструктурными языками в социологическом освещении» [Дарбеева 1985]. Этот труд является результатом огромной творческой, собирательской, организаторской работы и свидетельством научной добросовестности учёного. Был собран большой материал в школах, университетах Калмыкии, Бурятии, МНР, тщательно изучена языковая ситуация; велись наблюдения над живой речью школьников, студентов, представителей разных слоёв населения в возрасте от семи до восьмидесяти лет. Полевые исследования велись в Усть-Ордынском и Агинском автономных округах (ныне вошедших в состав Иркутской и Читинской областей соответственно), в Улан-Удэ, в пяти сельских районах Бурятии (Улан-Удэнском, Иволгинском, Заиграевском, Селенгинском, Мухоршибирском), в Элисте, а также в Яшкульском и Троицком районах Республики Калмыкия.

Привыкшая трепетно относиться к своей профессии, Анна Ангадыковна считает, что слово, средства выражения мысли несут на себе мощный поток национальной культуры, и потому к языку следует относиться крайне бережно. Как-то в Эстонии, — рассказывала Анна Ангадыковна, — мне довелось увидеть

лингвистический труд... доярки. Она составила подробнейший список слов, которыми пользуются люди её профессии. Названия деталей предметов были сопровождаемы нехитрыми рисунками и чертежами.

Более пятидесяти лет посвятила Анна Ангадыковна углублённому разноаспектному исследованию монгольских языков. Научные интересы Анны Ангадыковны отличаются широтой и разнообразием: они сосредоточены в области морфологии (части речи; прилагательное, местоимение), фонетики и лексики (парные слова и удвоения, фонетические процессы в письменных и бесписьменных монгольских языках), сравнительно-исторических исследований, изучения памятников письменности, диалектологии и лингвогеографии; теории и практики взаимодействия монгольских языков с иноструктурными языками, лексикографии (Анна Ангадыковна является одним из составителей 4-томного Большого академического монгольско-русского словаря — 2001—2003 гг. [БАМРС])

Внимание исследователя обращено на две группы монгольских языков: литературно-письменный (бурятский, калмыцкий, монгольский) и бесписьменные островные (монгорский, дагурский, дунсянский, баоаньский, шира-югурский и могольский). В основных разделах своей работы Анна Ангадыковна исследует вопросы взаимодействия бурятского, калмыцкого, монгольского языков с русским в процессе языковой практики монголыязычных билингов.

В числе научных трудов Анны Ангадыковны несколько монографий, внушительный корпус статей; немало коллективных работ, в создании которых она участвовала не только как автор, но и как составитель и редактор.

В монографиях, посвящённых языковым контактам [Дарбеева 1978, 1984], рассматриваются контакты монгольских языков с генетически родственными и неродственными иноструктурными языками. На материале говоров и диалектов бурятского языка (цонгольского, сартульского, нижнеудинского говоров, диалектов хамниган тунгусского происхождения) Анна Ангадыковна убедительно демонстрирует ассимиляцию небольших групп носителей разных монгольских языков в этнически родственной монолитной среде. На примере существования могольского языка в ираноязычной среде, трансформации структуры монгорского, дунсянского, баоаньского, дагурского языков в условиях иноязычного окружения показаны ассимиляция и сильнейшие черты их отчуждения от системы родственных языков вследствие изоляции от основного монголыязычного массива.

Факты бурятского, калмыцкого, монгольского языков приводят автора к иным выводам: эти языки, имеющие свои письменные и литературные традиции, не утратившие свои социальные функции, не подверглись замене и вытеснению исконных структурных элементов, хотя влияние русского языка наблюдается на разных уровнях бурятского и калмыцкого языков. Если литературно-письменные монгольские языки развивались в соответствии с их языковым строем, заимствуя из письменного языка лишь отдельные элементы, то островные письменные языки в процессе длительного массового двуязычия (в процессе контактов с китайским, тибетским, иранскими языками) существенно трансформировали структуру родного языка в соответствии с системой языка окружения, которым владели с детства.

Как видим, не менее ценен социолингвистический аспект названных работ. В них впервые в монголоведении прослеживается характер взаимодействия контактирующих языков в условиях билингвизма, впервые рассматривается вопрос о влиянии монгольских языков на контактирующие с ними языки, изучается степень влияния родного языка двуязычных бурят, калмыков и монголов на их русскую речь.

В монографии [Дарбеева 1984] представлена типология явлений интерференции. Установленные Анной Ангадыковной факты интерференции и их причинной обусловленности представляют собой убедительную концепцию, послужившую в своё время лингвистической основой методики и практики преподавания русского языка в монголыязычной аудитории. Идеи, высказанные в рассматриваемых работах, оказали помощь преподавателям бурятского, калмыцкого, монгольского языков при подготовке пособий по родному языку для учителей и студентов; при чтении спецкурсов по социолингвистике, проблемам языковых контактов, сопоставительной фонетике и грамматике.

Итогом многолетних занятий стала, конечно, публикация книги [Дарбеева 1996]. В книге рассматриваются фонетические рефлексии древних гласных и согласных в письменных и бесписьменных монгольских языках, определяются сходство и различие между ними в реализации звуков.

Включение материалов островных бесписьменных монгольских языков очень важно для сравнительно-исторической монголистики, так как именно они демонстрируют сохранение отдельных фонетических черт среднемонгольского периода. При этом автор показывает утрату этими языками исконно монгольских свойств под влиянием китайского, тибетского и иранских языков.

А. А. Дарбеева входит в состав авторов ряда фундаментальных коллективных трудов. Так, она является автором разделов «Бурят-монгольский язык» в книге [Младописьменные языки народов СССР], раздела «Бурятский язык» в сборнике [Языки мира]. В [Грамматике бурятского языка], т. 1, не утратив-

шей своей актуальности и в наши дни, Анной Ангадыковной написан раздел, посвящённый имени прилагательному.

В многочисленных статьях Анны Ангадыковны отразилась широта её научных интересов: они посвящены проблемам ономастики, языка фольклора монгольязычных народов, интерференции и билингвизма как явлений контрастивной грамматики, лексики, фонетики и морфологии в её связи с синтаксисом, социолингвистикой, орфоэпией и орфографией заимствованных согласных в монгольских языках.

В работах Анны Ангадыковны обсуждается круг проблем, объединённых общим методологическим подходом, предполагающим исследование монгольских языков в диахронии и синхронии.

Исследовательский подход Анны Ангадыковны отличает анализ явлений от его истоков на основе текстов и, что не менее важно, критики. Научные взгляды Анны Ангадыковны выдержали проверку временем и продолжают российские гуманитарные традиции. Они стали частью классического фонда отечественного монголоведения, заложенного академиком Б. Я. Владимирцовым.

В лице Анны Ангадыковны мы видим учёного, обладающего универсализмом, высокой эрудицией не только в области филологии, но и других сферах гуманитарного знания.

Анна Ангадыковна и сейчас, на 93-м году жизни, находится в состоянии активной умственной деятельности, с интересом читает авторефераты и диссертации, пишет статьи, она всегда в курсе событий общественной и научной жизни. Как человек деятельный и ответственный, Анна Ангадыковна участвовала в организации и проведении многих научных конференций, была секретарём парторганизации, ездила в научные командировки в Улан-Удэ, Таллинн, Ашхабад, Элисту, Нальчик, на международные конгрессы и симпозиумы в Венгрии, Болгарии, Монголии, Германии и др.; состояла членом специализированных советов.

Научная, педагогическая, общественная деятельность Анны Ангадыковны отмечена руководством Института языкознания, а также правительственными наградами. А. А. Дарбеева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями в ознаменование 30-летия и 40-летия победы в Великой Отечественной войне, 850-летия Москвы (1147—1997), медалью «Ветеран труда». В связи с 250-летием АН СССР награждена Почётной грамотой Президиума АН СССР (08.02.1974) за подписью президента М. Келдыша. За заслуги перед отечественной наукой А. А. Дарбеева включена в энциклопедию [Ведущие языковеды мира (2000)].

Ко всему сказанному следует добавить, что Анна Ангадыковна обладает незаурядными человеческими качествами, в числе которых — широта души, доброжелательное отношение к людям, желание поддержать молодых исследователей. Требовательная к себе, Анна Ангадыковна мягка и внимательна к близким, друзьям, коллегам, никогда не позволяет себе строго судить и тем более — осуждать их. Она обладает редким умением сочувствовать окружающим её людям и радоваться их успехам. Но в том, что она считает принципиальным, Анна Ангадыковна непреклонна, проявляя удивительную при её деликатности внутреннюю твёрдость. Избегая менторского тона, она часто предпочитает преувеличивать достоинства собеседника, и лишь тот, кто хорошо знает Анну Ангадыковну, понимает: её мягкие рекомендации призывают к трезвой и взвешенной самооценке.

У Анны Ангадыковны прекрасная семья. Муж, Сергей Ильич, был долгожителем, прожил не многим меньше ста лет. Дочь, Ольга Сергеевна, кандидат медицинских наук. Она успешно практикующий врач, известный пропагандой лечения бифидо- и споробактериями не только у нас в стране, но и за рубежом.

...Вот и опять я в гостях у Анны Ангадыковны. Мне нравится особый порядок этого дома, в котором цветы в вазе стоят долго, а чистота ненавязчиво ощущается в хрустальном блеске люстр, в прозрачной капле домашнего вина, в безукоризненных линиях и тонах, за лёгкой гранью переходящих друг в друга... Уют вокруг Анны Ангадыковны — это то, как мягко струится свет, нежно обволакивая тепло. Это слово, прозвучавшее задушевно и негромко. Взгляд, излучающий добро. Добро беспричинное и потому непобедимое. И в этом — вся Анна Ангадыковна. Учёный, исследователь и — женщина, умеющая создавать вокруг себя спокойствие, красоту и гармонию. Человек, не склонивший голову перед трудностями. Одна из последних представителей поколения Победы.

Л и т е р а т у р а

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах. / Ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндэмба Ц. М. М., 2001—2003. {BAMRS — Bol'shoi akademičeskii mongol'sko-russkii slovar'. V 4 tomah. / Red. Luvsandendev A., Pjurbejev G. C., Ceđendamba C. M. M., 2001—2003.}
- Ведущие языковеды мира 2000 — Юдакин А. П. Ведущие языковеды мира. М., 2000. {Veduščije jazykovedy mira 2000 — Judakin A. P. Veduščije jazykovedy mira. M., 2000.}

- Грамматика бурятского языка 1962 — Грамматика бурятского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. Улан-Удэ, 1962. {Grammatika burjatskogo jazyka 1962 — Grammatika burjatskogo jazyka. T. 1. Fonetika i morfologija. Ulan-Ude, 1962.}
- Дарбеева 1953 — Дарбеева А. А. Определение в бурят-монгольском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. {Darbejeva 1953 — Darbejeva A. A. Opredelenije v burjat-mongol'skom jazyke. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1953.}
- Дарбеева 1978 — Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта на материале монгольских языков. М., 1978. {Darbejeva 1978 — Darbejeva A. A. Vlijanije dvujazyčija na razvitije izolirovannogo dialekta na materiale mongol'skiĥ jazykov. M., 1978.}
- Дарбеева 1984 — Дарбеева А. А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М., 1984. {Darbejeva 1984 — Darbejeva A. A. Russko-mongol'skije jazykovyje kontakty v uslovijah dvujazyčija. M., 1984.}
- Дарбеева 1985 — Дарбеева А. А. Проблема контактов монгольских языков с иноструктурными языками в социологическом освещении. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. {Darbejeva 1985 — Darbejeva A. A. Problema kontaktov mongol'skiĥ jazykov s inostruktturnymi jazykami v sociologičeskom osveŝenii. Dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1985.}
- Дарбеева 1996 — Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1996. {Darbejeva 1996 — Darbejeva A. A. Istoriko-sopostavitel'nyje issledovanija po grammatike mongol'skiĥ jazykov. Fonetika. M., 1996.}
- Младописьменные языки народов СССР — Младописьменные языки народов СССР. М., 1958. {Mladopis'mennyje jazyki narodov SSSR — Mladopis'mennyje jazyki narodov SSSR. M., 1958.}
- Языки мира — Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. {Jazyki mira — Jazyki mira. Mongol'skije jazyki. Tunguso-man'čžurskije jazyki. Japonskiĥ jazyk. Koreiskiĥ jazyk. M., 1997.}

Анастасия Григорьевна Митрошкина

12 декабря исполнилось 90 лет Анастасии Григорьевне Митрошкиной, известному исследователю бурятского языка и его диалектов. За свою долгую жизнь она прошла славный путь от молодёжного организатора до вузовского преподавателя, доктора филологических наук, профессора.

Анастасия Григорьевна родилась в 1920 году в улусе Бурлай Качугского района Иркутской области в крестьянской семье. В 1937 г. она приехала в Улан-Удэ, где училась в вечерней школе и работала. Весной 1941 года она поступила в Иркутский горно-металлургический институт на Геолого-разведывательный факультет. Но война смешала все планы и надежды. Осенью 1941 года всех студентов отправили на уборку урожая, поскольку мужское население уходило на фронт и работать в колхозах было некому. Анастасия Григорьевна вернулась в свой улус, где её назначили руководителем женской бригады, успешно справившейся с уборкой урожая.

Вернувшись в Улан-Удэ, Анастасия Григорьевна попыталась продолжить учение, но её взяли на комсомольскую работу, которую в условиях военного времени она сочла более важной. В 1944 г. на деньги, заработанные комсомольцами на воскресниках, был построен боевой самолёт «Селенгинский комсомолец», в создании которого была и частица труда Анастасии Григорьевны.

После окончания войны Анастасия Григорьевна поступила в Иркутский государственный университет на филологический факультет. С 1950 по 1962 гг. она преподавала русский язык и литературу в средних школах города Ангарска и училась в заочной аспирантуре. Так в результате встреч и бесед со многими людьми и раздумий по поводу увиденного и услышанного она из геолога превратилась в филолога. В 1961 г. она защитила кандидатскую диссертацию [Митрошкина 1961].

В 1962—1967 гг. Анастасия Григорьевна работает в тюркоязычных регионах (Абакан, Павлодар, Кызыл), где изучает языковую ситуацию, читает лекции по общему языкознанию, исторической грамматике, русской и бурятской диалектологии. В 1967—2003 гг. Анастасия Григорьевна — и. о. профессора Иркутского государственного университета. К её лекционным курсам добавилась ономастика.

Со студенческих лет и до настоящего времени Анастасия Григорьевна много думает о развитии культуры бурятского народа и сохранении в условиях двуязычия бурятского языка. Она стремилась установить контакты со всеми частями этнической Бурятии. Как следствие этого, её дети и внуки от науки пишут серьёзные работы, посвящённые языку, именам собственным, культурным традициям бурят, живущим на разных территориях. Её стараниями в конце 50-х годов в Иркутском государственном университете был создан ансамбль бурятской песни и танца под руководством сестёр Абрамовых. Ансамбль сразу привлёк к себе внимание жителей всех частей этнической Бурятии, а его роль как средоточия бурятской культуры вышла далеко за пределы Университета. Шли годы; менялся состав участников ансамбля, менялись руководители, но ансамбль продолжает жить и радовать зрителей своими красочными постановками. Он получил название «Гэсэр» — по имени героя бурятского эпоса.

В течение десяти лет пришлось хлопотать Анастасии Григорьевне об открытии кафедры бурятской филологии на филологическом факультете Иркутского государственного университета. По её инициативе и при её непосредственном участии сложилась Бурятская научная ономастическая школа, базирующая свою работу на полевом сборе материала по родовым подразделениям бурятского этноса. В рамках этой школы созданы десятки важных научных работ. Анастасия Григорьевна последние десятилетия занимается преимущественно антропонимией, выпустила ряд монографий и словарей бурятских имен [Митрошкина 1987, 1995]. Антропонимии посвящена и её докторская диссертация.

Серьёзный, вдумчивый подход к изучаемому материалу, ответственное отношение к начатому делу, внимательное отношение к людям, упорство в достижении цели, — всё это позволило Анастасии Григорьевне Митрошкиной преодолеть многие трудности и с честью пройти свой жизненный путь.

Пожелаем Анастасии Григорьевне Митрошкиной в день её славного юбилея крепкого здоровья, семейных радостей, новых научных успехов, заботы и внимания учеников и тёплого отношения к ней всех, кто её знает.

Л и т е р а т у р а

- Митрошкина 1961 — *Митрошкина А. И.* Говор качугских (верхоленских) бурят. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1961. {*Mitroškina 1961 — Mitroškina A. I. Govor kačugskiĥ (verholenckiĥ) burjat. Avtoref. diss. ...kand. filol. nauk. Ulan-Udę, 1961.*}
- Митрошкина 1987 — *Митрошкина А. И.* Бурятская антропонимия. Монография. Новосибирск, 1987. {*Mitroškina 1987 — Mitroškina A. I. Burjatskaja antroponimija. Monografija. Novosibirsk, 1987.*}
- Митрошкина 1995 — *Митрошкина А. И.* Личные имена бурят. Монография. Иркутск, 1995. {*Mitroškina 1995 — Mitroškina A. I. Ličnyje imena burjat. Monografija. Irkutsk, 1995.*}

Лубсану Доржиевичу Шагдарову 80 лет

Одному из крупнейших российских монголистов, главному научному сотруднику Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктору филологических наук, профессору Лубсану Доржиевичу Шагдарову исполнилось 80 лет. Он родился 29 октября 1930 г. в улусе Чиндалей Дульдургинского района Агинского Бурятского Автономного округа Читинской области.

Окончив в 1953 г. с отличием историко-филологический факультет Бурятского педагогического института им. Доржи Банзарова, по рекомендации Учёного совета института Лубсан Доржиевич поступил в очную аспирантуру при кафедре монгольской филологии восточного факультета Ленинградского университета. После окончания аспирантуры он работал переводчиком в газете «Буряад үнэн (Правда Бурятии)».

В 1958 г. на Ученом совете восточного факультета ЛГУ защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В том же году был принят на работу в Бурятский комплексный НИИ, который ныне носит название Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН. Более полувека Л. Д. Шагдаров ведет свою научную деятельность в этом научном учреждении. За это время им опубликовано свыше 150 научных работ.

Основными направлениями научных исследований Л. Д. Шагдарова являются грамматика, стилистика, лексикология, лексикография, графика и орфография бурятского языка, переводоведение, социолингвистика и язык памятников старомонгольской письменности. Первая крупная работа ученого была посвящена изобразительным словам в современном бурятском языке [Шагдаров 1962]. В ней особенно ярко проявился талант лингвиста. Исследования Л. Д. Шагдарова всегда были связаны с разработкой неизученных или малоизученных проблем бурятского языкознания. В частности он первым взялся за решение проблем становления норм современного литературного бурятского языка. Результаты своих изысканий в этой области Лубсан Доржиевич изложил в отдельной монографии [Шагдаров 1967].

В своих работах по вопросам литературного бурятского языка ученый исследует закономерности внутривидового развития, роль диалектов в данном процессе, ситуацию русско-бурятского двуязычия и другие проблемы функционирования родного языка [Шагдаров 1969, 1972]. Работы Лубсана Доржиевича Шагдарова отличаются глубоким научным подходом при решении таких важных и актуальных проблем как расширение общественных функций бурятского языка в связи с формированием бурятской нации, совершенствование графики, орфографии и орфоэпии современного литературного языка, развитие словарного состава и грамматического строя бурятского языка [Шагдаров 1984, 1995].

Большим вкладом в отечественное монголоведение явилась монография Л. Д. Шагдарова о функциональных стилях бурятского литературного языка [Шагдаров 1974], которая была оценена специалистами как исследование новаторского характера. Автор показал особенности каждого функционального стиля бурятского языка на уровне лексики, фразеологии, синтаксиса, морфологии и словообразования. В 1975 г. монография была представлена в качестве докторской диссертации и успешно защищена автором.

Следующую область его научных интересов составляют язык и стиль художественных произведений, сравнительно-сопоставительное изучение бурятского и русского языков, вопросы перевода, диалектология, язык памятников старомонгольской письменности. Л. Д. Шагдарова всегда отличала тесная связь с языковой практикой: им был составлен свод правил бурятского правописания [Шагдаров 1962, 1963].

Наряду с крупными теоретическими исследованиями им созданы фундаментальные лексикографические труды. Так, в 2006—2008 гг. вышли в свет «Бурятско-русский словарь» в 2-х томах [Шагдаров, Черемисов 2006, 2008] и большой «Русско-бурятский словарь» [Шагдаров, Очиров 2008]. Кроме того, Лубсан Доржиевич является соавтором и редактором готовящегося «Толкового словаря бурятского языка». Он один из основных авторов, участвующих в написании новой научной грамматики бурятского языка.

Свою исследовательскую деятельность Лубсан Доржиевич успешно сочетает с научно-методической. В содружестве с другими учеными он подготовил и выпустил в свет ряд великолепных учебников: Бурятский язык. Ч.1. Лексика. Фонетика. Морфология [Шагдаров, Дугар-Жабон 1978], Бурятский язык. Ч. 2. Синтаксис [Шагдаров 1986], Учебник бурятского языка для педучилищ [Шагдаров, Доржиев 1989]. Эти учебные пособия находят широкое применение в работе преподавателей средних специальных учебных заведений, активно используются при разработке спецкурсов по современному бурятскому языку.

Еще одна область научной и творческой деятельности Л. Д. Шагдарова — перевод и переводоведение. Лубсан Доржиевич известен в республике как один из лучших переводчиков научной и общественно-политической литературы с русского языка на современный бурятский язык и с бурятского языка на

русский. Азы этой сложной и кропотливой работы он усвоил еще в далекие 1950-е годы, когда был студентом и сотрудничал в качестве переводчика в газете «Буряад-Монголой комсомолец (Комсомолец Бурят-Монголии)». Работая в 1956—1958 гг. переводчиком в газете «Буряад-Монголой үнэн (Правда Бурят-Монголии)», переводил огромный массив общественно-политической литературы: правительственные документы (указы, постановления), различные статьи на общественно-политические, экономические и научно-технические темы.

Лубсан Доржиевич в совершенстве владеет искусством перевода. Более 40 лет отдал он любимому делу. Его статьи «Точность и красота слова» [Шагдаров 1967], «Способы передачи на бурятский язык безэквивалентной русской лексики» [Шагдаров 1972], «Нэрэ томьёонуудай оршуулгын асуудалда (К вопросу о переводе терминов православной религии на бурятский язык)» [Шагдаров 2002], и др. легли в основу спецкурса по теории перевода (монгольские языки).

Лубсан Доржиевич Шагдаров является языковедом широкого профиля. О разносторонности его научных интересов свидетельствуют такие известные работы, как: «О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам» [Шагдаров 1971], «О языке моголов Афганистана» [Шагдаров, Казанцева 1968], «Опыт сопоставительного анализа английских и бурятских адекватных образований» [Шагдаров, Биренбаум 1968] и др. Изыскания автора по языку и стилю древних письменных памятников монгольских народов — «Сокровенного сказания монголов» (XIII в.) и «Халхаджирум» (XVIII в.) в свое время получили одобрение со стороны лидеров мировой монголистики — академиков Л. Лигети, Ц. Дамдинсурэна и профессора Игоря Рахевильца.

В течение многих лет Л. Д. Шагдаров является членом терминологической и орфографической комиссий при Правительстве Республики Бурятия. Он принимает активное участие в подготовке научных кадров. Под его научным руководством защищено 10 кандидатских диссертаций.

По инициативе Лубсана Доржиевича Шагдарова в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ 14—18 июля 2010 г.) организована и проведена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН международная научная конференция «Языки и письменные источники монгольских народов».

Достижения Л. Д. Шагдарова на научном поприще по достоинству отмечены высокими наградами. Он носит почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (1979). За большие успехи в научной и общественной деятельности Лубсан Доржиевич Шагдаров награжден медалями «Ветеран Сибирского отделения АН СССР», «Ветеран труда» и др. В 2008 г. за создание фундаментального двухтомного Бурятско-русского словаря Л. Д. Шагдарову была присуждена Государственная премия Республики Бурятия.

Коллеги и ученики Лубсана Доржиевича, редакция журнала «Урало-алтайские исследования» поздравляют юбиляра с знаменательной датой, желают ему доброго здоровья, благополучия и новых трудов.

Литература

- Шагдаров 1962a — *Шагдаров Л. Д.* Буряад бэшэгэй дүрим (Свод бурятского правописания). Улан-Удэ, 1962. {Šagdarov 1962a — *Šagdarov L. D.* Burjaad bešegei dürim (Svod burjatskogo pravopisanija). Ulan-Ude, 1962.}
- Шагдаров 1962b — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в бурятском языке. Улан-Удэ, 1962. {Šagdarov 1962b — *Šagdarov L. D.* Izobrazitel'nyje slova v burjatskom jazyke. Ulan-Ude, 1962.}
- Шагдаров 1967a — *Шагдаров Л. Д.* Точность и красота слова (Обсуждаем проблемы перевода) // Байкал № 4. Улан-Удэ, 1967. {Šagdarov 1967a — *Šagdarov L. D.* Točnosť i krasota slova (Obsuždamem problemy perevoda) // Bajkal № 4. Ulan-Ude, 1967.}
- Шагдаров 1967b — *Шагдаров Л. Д.* Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967. {Šagdarov 1967b — *Šagdarov L. D.* Stanovlenije jedinyh norm burjatskogo literaturnogo jazyka v sovetSKUju epochu. Ulan-Ude, 1967.}
- Шагдаров, Казанцева 1968 — *Шагдаров Л. Д., Казанцева А. М.* О языке моголов Афганистана // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968. {Šagdarov, Kazanceva 1968 — *Šagdarov L. D., Kazanceva A. M.* O jazyke mogolov Afganistana // O zarubežnyh mongolovednyh issledovanijah po jazyku. Ulan-Ude, 1968.}
- Шагдаров, Биренбаум 1968 — *Шагдаров Л. Д., Биренбаум Я. Г.* Опыт сопоставительного анализа английских и бурятских адъективных образований // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968. {Šagdarov, Birenbaum 1968 — *Šagdarov L. D., Birenbaum Ja. G.* Opyt sopostavitel'nogo analiza anglijskiš i burjatskiš ad'ektivnyh obrazovanij // O zarubežnyh mongolovednyh issledovanijah po jazyku. Ulan-Ude, 1968.}
- Шагдаров 1969a — *Шагдаров Л. Д.* Бурятский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и мон-

- гольских языков. М., 1969. {Šagdarov 1969a — Šagdarov L. D. Burjatskii jazyk // Zakonomernosti razvitija literaturnyĭ jazykov narodov SSSR v sovetskuju epohu: Osnovnyje processy vnutristrukturnogo razvitija tjurkskiĭ, finno-ugorskiĭ i mongol'skiĭ jazykov. М., 1969.}
- Шагдаров 1969б — Шагдаров Л. Д. Разработка вопросов фонетики, диалектологии, лексики и орфографии бурятского языка за советский период // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. {Šagdarov 1969b — Šagdarov L. D. Razrabotka voprosov fonetiki, dialektologii, leksiki i orfografii burjatskogo jazyka za sovetskiĭ period // K izučeniju burjatskogo jazyka. Ulan-Ude, 1969.}
- Шагдаров 1971 — Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. {Šagdarov 1971 — Šagdarov L. D. O razvitii perenosnyĭ značenii v slovaĭ, obŝiĭ nekotorym tjurkskim i mongol'skim jazykam // Problema obŝnosti altaiskiiĭ jazykov. L., 1971.}
- Шагдаров 1972а — Шагдаров Л. Д. Состояние и задачи исследования стилей бурятского языка // Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972. {Šagdarov 1972a — Šagdarov L. D. Sostojanije i zadači issledovanija stilei burjatskogo jazyka // Stilistika i leksikologija burjatskogo jazyka. Ulan-Ude, 1972.}
- Шагдаров 1972б — Шагдаров Л. Д. Способы передачи на бурятский язык безэквивалентной русской лексики // Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ, 1972. {Šagdarov 1972b — Šagdarov L. D. Sposoby pere-dači na burjatskiĭ jazyk bezekvivalentnoĭ ruskoĭ leksiki // Stilistika i leksikologija burjatskogo jazyka. Ulan-Ude, 1972.}
- Шагдаров 1973 — Шагдаров Л. Д. Из наблюдений над речью автора-повествователя «Сокровенного сказания монголов» // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1973. {Šagdarov 1973 — Šagdarov L. D. Iz nabljudenii nad reč'ju avtora-povestvovatelja "Sokrovennogo skazanija mongolov" // Olon ulsyn mongolč erdemtnii II ih ĥural. II bot'. Ulaanbaatar, 1973.}
- Шагдаров 1974 — Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974. {Šagdarov 1974 — Šagdarov L. D. Funkcional'no-stilističeskaja differenciacija burjatskogo literaturnogo jazyka. Ulan-Ude, 1974.}
- Шагдаров 1977 — Шагдаров Л. Д. «Халха-Джирум» как образец документально-делового стиля старописьменного монгольского языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1977. {Šagdarov 1977 — Šagdarov L. D. "Ĥalĥa-džirum" kak obrazec dokumental'no-delovogo stilja staropis'mennogo mongol'skogo jazyka // Olon ulsyn mongolč erdemtnii III ih ĥural. II bot'. Ulaanbaatar, 1977.}
- Шагдаров 1984 — Шагдаров Л. Д. Развитие бурятского литературного языка в условиях двуязычия // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. {Šagdarov 1984 — Šagdarov L. D. Razvitije burjatskogo literaturnogo jazyka v uslovijah dvujazyčija // Metodologičeskije i filosofskije prob-lemu jazykoznanija i literaturovedenija. Novosibirsk, 1984.}
- Шагдаров, Дугар-Жабон 1978 — Шагдаров Л. Д., Дугар-Жабон Д. Д. Бурятский язык: Учебное пособие. Ч. 1: Лексика. Фонетика. Морфология. Улан-Удэ, 1978. {Šagdarov, Dugar-Žabon 1978 — Šagdarov L. D., Dugar-Žabon D. D. Burjatskii jazyk: Učebnoje posobije. Č. 1: Leksika. Fonetika. Morfologija. Ulan-Ude, 1978.}
- Шагдаров 1986 — Шагдаров Л. Д. Бурятский язык. Ч. 2: Синтаксис. Улан-Удэ, 1986. {Šagdarov 1986 — Šagdarov L. D. Burjatskii jazyk. Č. 2: Sintaksis. Ulan-Ude, 1986.}
- Шагдаров 2002 — Шагдаров Л. Д. Нэрэ томъёонуудай оршуулгын асуудалда (К вопросу о переводе терминов православной религии на бурятский язык) // Буряад үнэн. Улан-Удэ, 2002. {Šagdarov 2002 — Šagdarov L. D. Neṛe tom'jèonuudaĭ oršuulgyn asuudalda (K voprosu o perevode terminov pravoslavnoĭ religii na burjatskiĭ jazyk) // Burjaad ūnen. Ulan-Ude, 2002.}
- Шагдаров, Бураев 1995 — Шагдаров Л. Д., Бураев И. Д. Бурятский язык // Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. {Šagdarov, Burajev 1995 — Šagdarov L. D., Burajev I. D. Burjatskii jazyk // Gosudarstvennyje jazyki v Rossijskoĭ Federacii. М., 1995.}
- Шагдаров, Доржиев 1989 — Шагдаров Л. Д., Доржиев Д.-Н. Учебник бурятского языка для педучилищ. Улан-Удэ, 1989. {Šagdarov, Doržijev 1989 — Šagdarov L. D., Doržijev D.-N. Učebnik burjatskogo jazyka dlja pedučiliš. Ulan-Ude, 1989.}
- Шагдаров, Черемисов 2006, 2008 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 1—2, Улан-Удэ, 2006, 2008. {Šagdarov, Čeremisov 2006, 2008 — Šagdarov L. D., Čeremisov K. M. Burjatsko-russkiĭ slovar'. Т. 1—2, Ulan-Ude, 2006, 2008.}
- Шагдаров, Очиров 2008 — Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ, 2008. {Šagdarov, Očirov 2008 — Šagdarov L. D., Očirov N. A. Russko-burjatskiĭ slovar'. Ulan-Ude, 2008.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf либо распечатку!

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указывается фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (напр. [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Приводимый на с. 122—123 список сокращений относится **ко всему журналу** (соответственно, эти сокращения не нужно расшифровывать в отдельных статьях).

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text!

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

The list of abbreviations on p. 122—123 is valid **for the entire volume** (so they have not to be itemised in the reference lists of the individual articles).

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gesamplemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала

по СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 900 руб
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 580 руб
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 390 руб
- Агентствам предоставляется скидка 20%

Для частных лиц

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 700 руб.
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 400 руб.
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 450 руб.
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 300 руб.

не в странах СНГ:

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €
  - годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €
  - стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €
  - стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €
- Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Journal Price:**for CIS countries:**

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 900 RUB.
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB.
  - price for a single printed issue without subscription is 580 RUB.
  - price for a single electronic issue without subscription is 390 RUB.
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 700 RUB.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 400 RUB.
- price for a single printed issue without subscription is 450 RUB.
- price for a single electronic issue without subscription is 300 RUB.

outside CIS countries:

For organizations

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €
  - annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €
  - price for a single printed issue without subscription is 49 €
  - Price for a single electronic issue without subscription is 29 €
- Discount for agencies is 20%.

For individuals

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €.
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €.
- price for a single printed issue without subscription is 39 €.
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

КвитанцияИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в _____ ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____**Квитанция**

Кассир

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год\№	1	2
2010		